

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

№ 4 (55) 2017

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: РИНЦ, Google scholar,
список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Priklad'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 24,14 усл. п.л. Заказ № 1009.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений

- 7 Кудрявцева Е.П. Внешнеполитические успехи и поражения Николая I (по воспоминаниям современников)
- 25 Бавыкин Ю.В. Интересы и роль России в образовании Королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней политики Александра I
- 47 Опарина Т.О. Светская иммиграция из Греции в Россию в конце XVI – первой половине XVII вв.
- 65 Цветкова Ю. Д. Роль общественного мнения Великобритании второй половины XIX века в развитии социального законодательства в 70-90-х гг.
- 154 Марьясис Д.А. Стратегия выхода России на инновационные рынки Ближнего Востока
- 165 Бдоян Д.Г. Периоды трансформации российско-турецких отношений
- 183 Дюрре М. Э. И. Самоопределение курдов в Сирии: истоки, формы и международные перспективы
- 194 Аль-Тамими Халед Мохамед Али. Сотрудничество между Россией и Бахрейном в области обеспечения региональной безопасности

Европейское измерение мировой политики

Ближний Восток в мировой политике

- 83 Колобов О.А. современная российская политика на Ближнем Востоке: стратегические цели и тактические действия
- 99 Крылов А.В., Морозов В.М. Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы
- 113 Носенко Т.В., Исаев В.А., Мелкумян Е.С. Палестинская проблема в ближневосточной политике СССР/России
- 127 Косач Г.Г., Филоник А.О., Мелкумян Е.С. Российско-саудовское политическое взаимодействие
- 139 Мелкумян Е.С., Косач Г.Г., Носенко Т.В. Россия во внешнеполитических приоритетах Совета сотрудничества арабских государств Залива после событий «арабской весны»
- 210 Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года
- 227 Дымова Л.А. Проблемы и перспективы европейского регионального порядка
- 242 Тюкаева Т.И. Мирополитическое влияние глобальных СМИ в современном мире: конструктивистский подход
- 272 Мургаш Р. Реверс газа на Украину: суть проблемы и её влияние на международные отношения в сфере энергетики

ДИАЛОГИ

- 289 Бирстекер Т. Приватизация глобального управления

Table of Contents 4 • 2017

RESEARCH ARTICLES

History of international relations

- 7 Kudryavtseva E.P. Successes and Failures of Foreign Policy of Nicholas I (According to the Memories of Contemporaries)
- 25 Bavykin Y.V. Russia's Interests and Role in The Establishment of The Kingdom of The Netherlands: The Dynastic Union with The House of Orange as An Instrument of Foreign Policy Under Alexander I
- 47 Oparina T.A. Secular Greek Migration to Russia Of the End of XVI – First Half XVII Centuries
- 65 Tsvetkova J.D. The Role of Public Opinion of Great Britain of the Second Half of the 19th Century in The Development of The Social Legislation in Years 1870-1890
- 154 Maryasis D.A. Russian Strategy of entering the innovation markets of the Middle East
- 165 Bdoyan D.G. The Transformation Periods in The Russian-Turkish Relations (1991-2016)
- 183 Dyurre M. E. I. I. Self-Determination of The Kurds In Syria: Origins, Forms and International Prospects
- 194 Al-Tamimi Khaled Mohamed Ali. Cooperation Between Russia And Bahrain In the Field of Regional Security

The Middle East in World Politics

- 83 Kolobov O.A. Contemporary Russian Policy in The Middle East: Strategic Goals and Tactic Actions
- 99 Krylov A.V., Morozov V.M. The Palestino-Israelian Track: The Failure of Obama Administration's Middle East Policy
- 113 Nosenko T.V., Isaev V.A., Melkumyan E.S. The Palestinian Problem in the Middle East Policy of the USSR / Russia
- 127 Kosach GG, Filonik AO, Melkumyan E.S. Russian-Saudi Political Interaction
- 139 Melkumyan E.C., Kosach GG, Nosenko T.V. Russia in the Foreign Policy Priorities of the Cooperation Council of the Arab States of the Gulf after the Events of the "Arab Spring"
- 210 Kravchenko S.A., Podberezkin A.I. "Rediscovery" Of Knowledge About the Future: Perspectives of Russia's Security Up To 2050
- 227 Dymova L.A. Problems and Prospects of The European Regional Order
- 242 Tyukaeva T.I. Global Media Influence on Modern World Political Processes: A Constructivist Approach
- 272 Murgas R. Reverse Gas to Ukraine: The Essence of The Problem and Its Impact on International Relations in The Energy Sector

DIALOGS

- 289 Biersteker Th. Privatization of Global Governance

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ И ПОРАЖЕНИЯ НИКОЛАЯ I (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ)

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена внешней политике Николая I, тем успехам и поражениям, которые сопровождали российского императора на протяжении его царствования. Основное внимание обращено на освещение внешнеполитической деятельности монарха иностранными свидетелями, присутствовавшими в российской столице в 30–40-х гг. XIX в. – дипломатами, иностранными путешественниками, представителями царствующих дворов Европы, а также ближним окружением российского императора – придворными, представителями русских аристократических родов.

Как правило, все внешнеполитические инициативы Николая I оценивались иностранными политиками на основании мнений, которые были выражены непосредственными свидетелями или участниками внешнеполитических акций российского императора. Окружение императора не только отслеживало все внешнеполитические инициативы Николая I, но и давало им самостоятельную оценку – иногда явно предвзятую, а зачастую и профессионально верную. В центре внимания как дипломатических представителей европейских держав в Петербурге, так и ближайших сподвижников российского императора оказались такие значительные события истории России как русско-турецкая война 1828-1829 гг., прорыв России в Восточном вопросе в ходе Босфорской экспедиции русского флота в 1833 г., русско-французские разногласия 1830 и 1848 гг., союзнические отношения «северных дворов» и рост антагонизма внутри этого союза.

Николай I имел притязания выступать арбитром в оценке событий внешней и внутренней политики европейских стран. Своё мнение он считал непогрешимым, его было сложно переубедить. Такая жёсткая позиция, основанная на верности принципам монархизма и консерватизма, снискала российскому императору печальную славу «жандарма Европы»; она же послужила основанием считать его оплотом верности принципам, принятым на Венском конгрессе 1815 г. и позже – Священным союзом. Воспоминания и записки иностранцев, посетивших Россию в николаевское время, служат ценным источником, позволяющим составить общую картину царствования российского императора, считавшего решение внешнеполитических проблем не только России, но и Европы в целом своей собственной прерогативой.

Ключевые слова: внешняя политика России, Николай I, международные отношения, воспоминания иностранцев, европейские революции, Восточный вопрос.

УДК 94, 327

Поступила в редакцию 20.06.2017 г.

Принята к публикации 1.08.2017 г.

В своих «Мемуарах» глава французского кабинета М. Гизо, давая весьма нелицеприятную характеристику российскому императору Николаю I, всё же был вынужден признать, что «его царствование отличалось энергиею во внутренних и блеском во внешних делах»¹. Правда, французский премьер тут же опускает заданную планку своей оценки, замечая, что Николаю I благоприятствовала судьба, ибо он всего лишь «воспользовался блистательными успехами своего брата», и, вступив на престол, «нашёл Россию возвеличенной, а Европу спокойной» [21, с. 97].

Подобная двойственность характеристики российского самодержца была продолжена в многочисленных исторических трудах и воспоминаниях современников: Николай I предстаёт и как «Николай Палкин», и как «самодержавный Дон Кихот», «рыцарь» на троне. Современная историография склонна делать акцент на особенностях классового подхода к изучению исторического процесса, в результате чего Николай I, как и другие российские самодержцы, стали жертвами «расколотого исторического сознания» общества, на которое оказали влияние стереотипы, созданные в рамках непримиримых идеологических традиций [4, с. 127].

Образ императора складывался под впечатлением ряда знаковых событий, связанных со временем его царствования: разгром декабристов, «жандармская» миссия в революционной Европе, проигранная Крымская война – иначе, говоря словами А. Герцена, «с пятью виселицами, с каторжной работой, белым ремнём и голубым Бенкендорфом» [14, с. 128–129]. Однако из механического соединения отдельных характеристик, разбросанных по мемуарам соратников и историческим сочинениям, нельзя составить целостной картины ни личностных качеств, ни взглядов российского императора. Только прослеживая становление и развитие мировоззрения великого князя, а затем самодержца всероссийского, можно попытаться воссоздать портрет Николая I, неожиданно представляемого современными исследователями в качестве образца государственного лидера.

Николай I рассматривал свою императорскую миссию как высочайшее призвание и относился к этому с великой ответственностью. «Я взираю на целую жизнь человека, как на службу, ибо всякий из нас служит, – говорил Николай I. – Я буду отправлять свою службу до самой смерти» [15, с. 376]. Принципы протестантской этики, рассматривающие жизнь как служение, в данном случае не противоречили православным устоям, которых строго придерживался российский император, снискав характеристику самого «национального» изо всех российских монархов [15, с. XIII]. От самого себя и от своих подчинённых Николай I требовал безусловного исполнения долга. Можно сказать, что в какой-то степени на все вопросы государственной деятельности император невольно (или сознательно?) переносил порядок воинской службы, которой был привержен всю свою жизнь.

¹ Гизо об императоре Николае Павловиче и его отношениях к королю Людовику Филиппу // Русский архив. 1880. № 1. С. 482.

Сам принцип самодержавной власти предполагал замыкание всех функций государственной машины на одном человеке – венценосном самодержце, что вело, с одной стороны, к крайней перегрузке Николая I, вынужденного руководить страной «в ручном режиме», а с другой – к многочисленным просчётам и упущениям, связанным с невозможностью идеального исполнения такого руководства. Приходится лишь удивляться, насколько порой мелкими и частными делами одолевали Николая I его министры, приходя на еженедельный доклад: император был в курсе малейших происшествий в армии, к которой относился с особым вниманием, от него зависели даже самые незначительные продвижения по службе в министерствах и зарубежных представительствах России.

Современники отмечали необыкновенную работоспособность императора. Его рабочий день начинался очень рано. Уже в 7 часов он сидел за бумагами, а в 9 приходили министры, каждый из тринадцати членов кабинета в свой день. По воспоминаниям современников, Николай требовал, прежде всего, неуклонного исполнения собственных распоряжений; при этом жесточайший контроль полностью подавлял самостоятельность министерского корпуса. При таких условиях нечего было и ожидать каких-либо выдающихся деятелей на министерских постах [20, с. 471]. Личные качества наложили ощутимый отпечаток на всю деятельность Николая I. Приближённых удивляла простота и бесхитростность его характера, нетребовательность в быту, готовность переносить трудности походной жизни в многочисленных поездках по стране. Баронесса М.П. Фредерикс, фрейлина императрицы Александры Фёдоровны, вспоминала, что Николай был строг, прежде всего, к самому себе, вёл жизнь воздержанную, за столом ел мало и большей частью овощи, ничего не пил, кроме воды («разве иногда рюмку вина»), никогда не курил. Спал император на походной раскладной кровати, дома вместо халата носил старую шинель² и не любил нового платья³. «Я искренен, – говорил Николай I о себе, – говорю, что думаю, и держу данное слово» [15, с. 22]. В кругу семьи император – любящий и нежный отец, внимательный, добрый и простой в бытовом общении. Для всех остальных он – олицетворение «классической» императорской власти, грозный, строгий и справедливый. Княгиня Д.Х. Ливен – супруга российского посла в Лондоне А.Х. Ливена, «дипломатическая Сивилла» своего времени, чей острый ум и влияние были известны всей Европе – отмечала, что мало встречала людей, одарённых таким логическим и практическим умом, каким обладал Николай⁴. Однако, всё это характеристики друзей, приближённых, «домашних людей» императорской семьи, которые субъективно оценивают Николая I. Говоря о предвзятости подобных характеристик, уместно вспомнить мемуары Бетси Балькомб – дочери английского финансового агента на о. Св. Елены в бытность там в ссылке

² Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1. С.70–74.

³ Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. Извлечение из его воспоминаний // Русская старина. 1902. № 7. С. 221.

⁴ Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка с разными лицами. Подготовил В.В. Тимошук // Русская старина. 1903. № 9. С. 702.

Наполеона Бонапарта. Для девочки, игравшей с Наполеоном, он предстал целовеком «большой доброты, тёплых чувств и надёжной привязанности»⁵.

Во многом именно благодаря идеализации личности императора его приближёнными, этот образ императора-рыцаря стал расхожим клише для характеристики Николая I как недостижимого авторитета для всех последующих членов романовской династии. Подобная характеристика связана, на наш взгляд, как с личными качествами характера императора, так и с той блестящей эпохой развития русской литературы, изобразительного искусства и общественной жизни, на которую выпали годы его царствования.

Светская жизнь николаевского Петербурга ничем не отличалась от светской жизни самых блестящих европейских столиц, а порой и превосходила её по роскоши и размаху празднеств. Время от русско-турецкой войны 1828–1829 гг. до начала Крымской войны «было едва ли не самой блестящей эпохой светской петербургской жизни», по свидетельству графа В.А. Сологуба⁶. В 30-х гг. петербургский свет был «настоящим большим светом». Русская знать «держалась сановито», чуждалась «проходимцев и торгашей», сохраняла некоторую независимость от двора. Ещё недавно, при Александре I, сановники с ностальгией вспоминали двор Екатерины II «времён Очакова и покоренья Крыма». И вот при Николае I блеск придворной жизни и петербургского общества возобновляется с новой силой. Этому, безусловно, способствовало то место в европейской иерархии и то значение, которое заняла Россия после воцарения Николая I в кругу европейских держав.

«При жизни Николая Павловича Россия высоко стояла. Он умел сохранить обаяние, которое она имела до него, и своим рыцарским, твёрдым, неустрашимым характером прибавил ей ещё большую славу», – этот лейтмотив прослеживается во многих оценках николаевской эпохи⁷. Во внутренней политике николаевская эпоха – это время широкомасштабных преобразований, во внешней – время утверждения России в качестве одной из ведущих держав Европы.

Решение вопросов внешней политики было безусловной прерогативой императора. Заслуживают внимания слова Ф.Ф. Мартенса о том, что Николай I «был единственным руководителем русской политики, не поддававшимся никаким посторонним влияниям» [15, с. XII]. Император сам выстроил подобную схему принятия внешнеполитических решений. Его ближайшие советники могли высказать своё мнение, он обсуждал вопросы внешней политики с вице-канцлером К.В. Нессельроде, с немногими друзьями – А.Ф. Орловым, А.Х. Бенкендорфом, И.Ф. Паскевичем, но решение принимал всегда сам. По мнению современников, Николай I занял в Европе место Наполеона, и его прерогативой стало право диктовать законы европейским союзникам. Супруг английской королевы Виктории принц Альберт писал: «В настоящее время император

⁵ Napoleon à Saint-Hélène. Souvenirs de Betsy Balcombe avec une introduction par L. Grasilier. Paris. 1898. P. 34.

⁶ Воспоминания графа В.А. Сологуба // Исторический вестник. 1886. № 6. С. 552; № 4. С. 79.

⁷ Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс.

Николай полновластный властелин Европы»⁸. «Он суров и строг, верен точным началам долга, – писала о своих впечатлениях королева Виктория королю Леопольду 23 мая (4 июня) 1844г., – изменить которым не заставит его ничего на свете. Я не считаю его очень умным, ум его не обработан... Политика и военное дело – единственные предметы, внушающие ему большой интерес» [16, с. 610]. В данной характеристике интересно упоминание о качествах характера императора – упорстве и чувстве ответственности, о которых говорят все мемуаристы. Эти качества были настолько развиты у Николая I, что дали повод упрекать его в доктринёрстве и отсутствии гибкости. Стремление следовать во всём принятым принципам, по мнению некоторых исследователей, вело к попытке «гнуть жизнь под свои формулы» и не способствовало достижению безусловного успеха [2, с. 6]. От наблюдательности королевы Виктории не укрылся также интерес Николая к внешнеполитическим делам – в глазах европейских монархов и глав правительств русский император оставался, прежде всего, ведущим европейским политиком, «вершителем судеб».

Черты характера «домашнего» Николая I его приближённые были склонны переносить и на его государственную деятельность. Военный министр граф А.И. Чернышёв писал Нейгарту в Берлин о благородстве, честности и прямоте, которые присутствуют в «политических сношениях» императора с иностранными дворами⁹. Можно согласиться с тем, что дипломатической хитрости, разного рода уловкам и сложной игре на политической сцене Николай I был чужд. Он пытался прямо заявить о своих намерениях, что не всегда выглядело уместно и часто превратно истолковывалось его политическими партнёрами, заставляя видеть в его действиях «второе дно», и как результат, «никто не вызывал таких симпатий, такой злобы и ненависти, как император Николай I»¹⁰.

С каким же багажом внешнеполитических принципов пришёл Николай I к власти и что он мог предложить в качестве инструментов для урегулирования международных отношений и европейских конфликтов своего времени? Каким образом он добивался успеха и где его поджидали неудачи и поражения?

Николай I занял российский престол в разгар Восточного кризиса и должен был, прежде всего, заняться греческой проблемой. Восточный вопрос был тем делом, которое, по словам самого императора, ему завещал его брат. О смене монархов в России австрийский канцлер К. Меттерних выразился образно и иносказательно: «Роман окончен – начинается история»¹¹. Эти слова передала своему брату княгиня Ливен из Лондона. Истолковать их можно как признание окончанием того времени, когда международные отношения в Европе строились на принципах «романтической» политики Александра I, прописан-

⁸ Россия и Германия в XIX веке // Русская старина. 1898. № 8. С. 258.

⁹ А. Чернышёв Нейгарту, 14(25) мая 1832 г. Цит. по: Император Николай Павлович и его время // Русская старина. 1884. №1. С. 148.

¹⁰ Граф Рейзет в России. С. 220.

¹¹ Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу, 19 ноября (1 декабря) 1828 г. Цит. по: Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка с разными лицами. 1903. № 5.

ных в статьях Священного союза. Меттерних называл этот документ «пустым звуком», предполагая начать новую эру европейской политики, основанной на принципах «баланса сил» и «европейского равновесия». А «уравновешивать» европейские весы австрийский канцлер умел как никто другой.

Восточный кризис 20-х гг. XIX в. ясно обнажил противоречия европейских держав на Ближнем Востоке и в европейской Турции. В конечном счёте, как считали в Берлине, задача состояла в том, чтобы предотвратить нарушение политического равновесия в Европе, которое может произойти не столько в результате падения Османской империи, сколько в результате усиления могущества России [17, с. 24]. Именно это и было квинтэссенцией пресловутого Восточного вопроса. Безусловно, разрешение затянувшегося кризиса военным путём весьма встревожило западные державы. Победа объединённого флота Англии, Франции и России при Наварине не только не обрадовала, но обескуражила западные правительства. По словам Д.Х. Ливен, английский кабинет был «напуган», французский – «недоволен», а Австрия – «взбешена и взволнована»¹². Англичане откровенно боялись, что Россия в одиночку извлечёт выгоды из победы над Турцией, поэтому открыто провозгласили Османскую империю своей союзницей, с которой никогда не стали бы воевать «из-за чувств» к грекам. Глава Сент-Джеймского кабинета лорд Абердин в частной беседе с Д.Х. Ливен признавался, что англичане почитают себя обманутыми Россией после заключения Адрианопольского мирного договора: «нас оскорбили, над нами подшутили, нас унизили»¹³. России не могли простить не просто победу, а победу без участия западных держав, лишённых возможности диктовать султану свои условия мирного договора. Кабинет герцога Веллингтона занял открыто враждебную позицию по отношению к российскому правительству, и лишь завершение русско-персидской войны в 1828 г. несколько успокоило Сент-Джеймский кабинет, в котором серьёзно опасались, что русские войска дойдут до Индии¹⁴.

Итак, Адрианопольский мир, заключённый в результате побед русской армии на Балканах и на Кавказе, принёс российскому правительству очевидные преимущества. Престиж России на Балканах – в получивших автономию Дунайских княжествах, Сербии и Греции (с 1830 г. независимой) – многократно вырос. Кроме того, Россия прочно утвердилась на всём побережье Чёрного моря: на береговой линии от Анапы до Поти строились и размещались русские гарнизоны. Турция полностью зависела от воли победительницы, её ресурсы были истощены, и вскоре в Петербург отправилось турецкое посольство во главе с Галил-пашой, целью которого было склонить российское правительство к сокращению суммы наложенной на Порту контрибуции. Победа в русско-турецкой войне упрочила влияние России в Османской империи и среди православного населения Балкан, но и обострила подозрения европейских держав

¹² Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу. 4 (16) ноября 1827 г. // Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка... 1903. №5. С. 428.

¹³ Д.Х. Ливен лорду Грею. 4(16) октября 1829 г. // Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка... 1903. № 6.

¹⁴ Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу. 16 (28) марта 1828 г. // Д.Х. Ливен и её переписка... 1903. № 5.

в её стремлении укрепиться на балканских территориях в случае возможного распада европейской Турции. Каким образом произойдёт этот распад – не уточнялось, на западе подозревали, что Россия сумеет воспользоваться плодами своей победы и ускорит смерть «больного человека». Нельзя отрицать того, что в Петербурге действительно рассматривали подобный сценарий развития событий, но пришли к заключению о его невыгодности для российской политики. Другое дело, если бы Османская империя распалась «вследствие внутренних причин», а не в результате внешнего вмешательства – вот тогда перед Россией простиралось поле невиданных ранее возможностей. Так или иначе, Адрианопольский мир помог Николаю I утвердиться в европейском мнении в качестве могущественного покровителя многомиллионного православного населения Балкан и опасного соперника в стратегически важном регионе Ближнего Востока.

Туркманчайский (1828) и Адрианопольский (1829) мирные договоры, а затем и заключение Ункяр-Искелесийского соглашения 1833 г. – всё это были шаги постепенного укрепления позиций России на Балканах, в Закавказье, на Чёрном море и в районе Проливов. Именно эти внешнеполитические успехи позволили России занять ведущее положение в составе «европейского концерта», но они же составили предмет зависти со стороны союзников, заставив европейскую дипломатию направить свои усилия на скорейшую дезавуацию русско-турецких соглашений. По мнению русского историка М. Полиевктова, именно эти международные акты стали объектом дипломатической борьбы между Россией и европейскими державами, которая обострилась в 30-х и 40-х гг. XIX в. и в начале 50-х гг. привела к военному противостоянию держав [12, с. 96].

Начало 30-х гг. ознаменовалось целым рядом европейских революций, своего негативного отношения к которым российский монарх никогда не скрывал. «В одном я никогда не состарюсь, в борьбе с революцией, которая всем теперь залезла в голову, – говорил Николай I в беседе со Л. Шнейдером. – Пока я жив, она меня не одолеет» [15, с. 313]. И июльский переворот во Франции, и польское восстание, и бельгийская революция 1830 г. вызвали крайне негативную оценку Николая I. Прежде всего, российский император всегда чувствовал себя защитником «принципов 1815 года», вся его внешняя политика была основана на системе Священного союза, о котором Николай I вспоминал каждый раз, когда «гидра революции» давала о себе знать. Безусловно, российскому императору была близка монархическая форма правления, защищать которую он был готов с оружием в руках. Однако нельзя утверждать, что император обладал настолько косным политическим сознанием, чтобы полностью отвергать что-либо иное. На встрече с маркизом де Кюстином, оставившим известные воспоминания о своём путешествии по России (которые были названы Тютчевым «умственным бесстыдством» и «духовным растлением»), Николай I говорил: «Мне понятна республика, это способ правления ясный и честный, но мне непонятна монар-

хия представительная. Это способ правления лживый, продажный» [1, с. 284]. В беседе с Д.Н. Блудовым император развил свою мысль, говоря, что конституционное правление предполагает «интригу, искательство у избирателей, лесть и заигрывания депутатов» [1, с. 285].

Начав царствование с подавления восстания декабристов, Николай I на всю жизнь сохранил крайне негативное отношение к радикализму в политике. Однако его ненависть к происходившим в Европе изменениям редко приводила к вмешательству во внутренние дела государств, охваченных революцией, хотя он и демонстрировал свою готовность двинуть войска во Францию и в Бельгию. Все гипотетические предположения о возможном вторжении русских войск в Европу не имели своего продолжения – и даже принятые в 30-х гг. договорённости в Мюнхенграце и Берлине не привели к русской экспансии. Иногда этому противостояла невозможность содействия со стороны союзников – Пруссии и Австрии, в других случаях – финансовая несостоятельность самой России. Фактом остаётся лишь то, что российский император ничего не предпринял против революций 30-х гг. Главной его заботой было предотвращение «пожара» в собственном доме. «Если нам позволительно присутствовать в качестве простых зрителей при изменениях, происходящих в Западной Европе, – писал Николай I А.О. Дюгамелю, – то мы не можем сохранять ту же чисто наблюдательную позицию по отношению к странам, где мы имеем права, которые должны защищать, и обязанности, которые должны выполнять» [1, с. 288].

Прежде всего, эти заявления касались Польши. Если военный поход во Франции Николай I считал нецелесообразным и писал Чернышёву: «Я не позволю ни одному русскому перейти границу и предоставлю Европу участи, которую она себе готовит» [6, с. 144], а от вмешательства в дела Бельгии императора в значительной степени удержал доклад министра финансов Е.Ф. Канкрин, сообщившего Николаю I о материальных «невозможностях» России, то польские дела означали «пожар» в собственном доме, который следовало спасать незамедлительно. В этом случае выступление против восставших считалось внутренним русским делом, вмешиваться в которое иностранные государства не имели права. Если при известии об июльской революции во Франции Николай I ограничился надеждой на то, что «монархическое начало будет спасено» [18, с. 286], то в случае с Польшей этот же лозунг подразумевал активные действия российского правительства и, прежде всего, отмену дарованной Александром I конституции.

Николай I узнал о начале польского восстания 25 ноября (7 декабря) 1830 г. Чтобы уничтожить «дух крамолы и брожения» российский император вспомнил о целях и задачах к тому времени почти забытого Священного союза. С целью «доказать якобинцам всех стран, что их нисколько не боятся» [18, с. 318], Николай I обратился к союзникам с «программным» выступлением. «Сохраним этот священный огонь неприкосновенным – восклицал император, – и не оскверним безмолвным одобрением незаконных и гнусных действий

держав»¹⁵. Признав Луи Филиппа и факт отделения Бельгии от Нидерландов, правительства Австрии и Пруссии, как казалось российскому императору, уже встали на путь измены высоким принципам легитимизма. Тем более что и в Англии лишь «немного поморщились в первый момент» после произошедших событий в Европе, но и там «пришлось помириться с неизбежностью». Таким образом, лишь один Николай I продемонстрировал верность принятым принципам и обещаниям, отказавшись идти на какой-либо компромисс. Однако единодушие держав было нарушено с началом польских событий – весьма лояльные к революциям в центральной Европе Австрия и Пруссия приветствовали ввод русских войск на польские территории, в то время как Англия и Франция, осудив Россию, встали на сторону восставших.

Известно, что Николай I поляков не любил и не скрывал этого. Конституцию Царства Польского он унаследовал от брата и кое-как мирился с ней, хотя само её существование противоречило монархическим убеждениям императора. Когда вспыхнуло восстание – а оно, по свидетельству современников, не могло не произойти – Николай I обратился к великому князю Константину Павловичу, сомневавшемуся в необходимости военных действий: «Кто из двух должен погибнуть – Россия или Польша? Решайте сами» [12, с. 136]. Ответ был очевиден для всех.

После подавления восстания декабристов, оказавшего фатальное влияние на политические пристрастия российского императора, революционные события 1830 г. лишь упрочили те принципы внешней и внутренней политики Николая I, от которых он не отступился на протяжении всей своей жизни. Он упорно демонстрировал противостояние как республиканско-демократическому, так и конституционно-монархическому принципам правления. Монархическое начало, которому был привержен император, и роль защитника соглашений 1815 г. позволяли ему твёрдо придерживаться выбранных раз и навсегда ориентиров. «Принцип легитимизма, вот что будет руководить мною во всех случаях», – как-то сказал Николай I французскому послу в Петербурге барону Бургоэну, поинтересовавшись новостями «от господина наместника королевства» – так он называл Луи-Филиппа [18, с. 190], упорно отказываясь признавать его легитимным королём и «братом». Со своей стороны, Франция демонстрировала поддержку восставшим полякам – её посол в Петербурге барон де Барант сообщал премьер-министру А. Тьеру о том, что в Царстве Польском идёт настоящая война: «не мятеж был подавлен, но покорена страна»¹⁷. Кремль полон трофеями этой войны, продолжал де Барант, и именно здесь теперь будет храниться «покойница конституция».

¹⁵ Николай I. Исповедь (Maconfession) // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М. 2002. Т. 1. С. 114.

¹⁶ Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу. 14 (26) августа 1830 г. // Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка. Русская старина. 1903. № 6. С. 683.

¹⁷ Барон де Барант А. Тьеру. 23 августа 1836 г. Из донесений барона Баранта // Русский архив. 1896. № 2. С. 250.

Непримиримость российского императора к революционным преобразованиям во Франции и Бельгии, а также крайне жёсткое подавление польского восстания послужили тому, что в глазах западных либералов Россия приобретала образ восточной деспотии, наиболее отчётливо обрисованный в книге де Кюстина «Россия в 1839 г.» [8]. Это сочинение получило большую известность как в России, так и за рубежом благодаря крайне негативной характеристике всего «русского» – от климата до государственного строя. Популярность книги ещё раз подчёркивает избирательность европейского общества в выборе литературных симпатий: ведь одновременно в Европе были изданы и другие сочинения о России, характеризовавшие страну вполне доброжелательно [9, с. 220].

Не смирившись с произошедшими в Европе изменениями и страшась дальнейшего расширения революционного движения, Николай I предпринял действия, направленные на возрождение Священного союза и превращение его в инструмент противодействия «хаосу». Такому противодействию была подчинена не только внешняя, но и внутренняя политика императора. В частности, своё увлечение армией, манёврами и военными учениями Николай I оправдывал всё той же угрозой «брожения умов». «Государь, желающий сохранить корону, – говорил император, – и уберечься от революционного духа, обязан уделять состоянию армии как можно больше внимания» [9, с. 173]. Но главной линией обороны, по мысли Николая I, должны быть международные гарантии. По инициативе российского императора в начале 30-х гг. был созван целый ряд конференций с участием Австрии и Пруссии: в Мюнхенграце и Берлине в 1833 г., в Теплице в 1835 г. По мнению некоторых историков [7], эти встречи заменили международные конгрессы 20-х гг. и сыграли столь же негативную роль в решении судебных европейских народов. И в Берлине, и в Теплице рассматривался вопрос о праве на вмешательство во внутренние дела других государств для борьбы с «гидрой революции», а также о подавлении мятежных действий в польских провинциях. Всё это отвечало чаяниям Николая I, хотя ему и пришлось поступиться коренными интересами государства. Так, статьи Мюнхенградской конвенции 1833 г. предполагали учреждение совместного контроля России и Австрии над целостностью Османской империи, что было существенным отступлением России от своих прописанных в ранее заключённых русско-турецких соглашениях прерогатив. Известны слова К.В. Нессельроде, зафиксированные в Отчёте МИД за 1833 г.: «Австрия будет с нами, а не против нас». Однако эти надежды были разбиты Меттернихом, имевшим свой взгляд на заключённые договоры: «Я иду с Россией, потому что она идёт со мной» [15, с. 75, 91].

Воссоздание «охранительного» блока давало лишь иллюзию согласия между тремя «северными» дворами. Политические партнёры России не могли избежать нараставших противоречий внутри Германского союза, где Пруссия претендовала на роль лидера. К тому же не все главы держав «охранительного» блока придавали возрождённому союзу роль столь же значимую, как

российский император. Ф. Генц, правая рука австрийского канцлера, называл Священный союз «политическим нулём»: «Он не имеет никакой существенной цели и никогда не приведёт к серьёзным результатам. Это театральная декорация» [15, с. 7].

Если в начале 30-х гг., предпринимая попытку объединения с целью создания политического союза, Николай I ещё видел некоторую перспективу совместного сотрудничества в дальнейшем, то восточный кризис 1839 г. развеял все иллюзии. Именно с того периода начинается ряд международных неудач и просчётов русской политики. Вопреки предположениям Петербурга, Порта не призвала на помощь свою союзницу по Ункяр-Искелессийскому договору, тем самым отстранив Россию от улаживания очередного турецко-египетского кризиса, после чего российский МИД пришёл к заключению о необходимости дезавуировать соглашение, вызвавшее столь негативную реакцию западных держав. С целью заключения нового договора, который учитывал бы интересы партнёров, в Лондон был отправлен барон Ф.И. Бруннов. С его именем связан целый ряд провалов русской внешней политики в Англии. Первым в этом ряду было заключение Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. Российский император во что бы то ни стало хотел исключить Францию из числа участников этих международных договорённостей. По воспоминаниям британского посланника в Париже К. Гревилля, сделать это было несложно, поскольку лорд Пальмерстон также был заинтересован в изоляции Франции в качестве «мести» за неудачу в испанских делах¹⁸. Правда, вскоре после этого «наказания» английский премьер счёл возможным привлечь Францию к заключению следующей конвенции, не посчитавшись с мнением России. То, что Николай I считал «невозможным», было, по словам графа Рейзета, помощника посла Франции в Петербурге маркиза де Кастельбажака, лишь «предрассудком»¹⁹.

Лондонские конвенции 3(15) июля 1840 и 1(13) июля 1841 гг. по существу упраздняли условия Ункяр-Искелессийского договора и подразумевали контроль над Турцией со стороны Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России, подтверждая запрет военным судам всех стран входить в Проливы. Нессельроде увидел в конвенциях крупную победу русской дипломатии; ликование вице-канцлера не совсем понятно, поскольку конвенции замещали прежний двусторонний русско-турецкий договор, позволявший России в одностороннем порядке вводить свои суда в Босфор. Великобритания ещё раз продемонстрировала свою всеильность: по мнению лорда Пальмерстона, она достигла нескольких целей: наказала Францию, которая не была приглашена к подписанию первой конвенции, добилась добровольного отречения России от преобладания в Турции и заставила Европу следовать «английской указке» [12, с. 177]. Англия, перехватив у России инициативу в восточных делах, заставила обратить на себя

¹⁸ Молчанов А.Н. Восточный вопрос в 1839-1841 гг. (по воспоминаниям К.Гревилля) // Исторический вестник. 1886. № 5. С. 433.

¹⁹ Граф Рейзет в 1852-1854 гг. С. 706.

внимание императора Николая I, задумавшего новую комбинацию для сохранения позиций России на Ближнем Востоке.

Сопротивляясь «английской указке», Николай I всё же отдавал себе отчёт в необходимости найти общий язык с перехватившей инициативу в турецких делах Великобританией. Визит российского императора в Лондон в 1844 г. был предпринят с тем, чтобы наметить общую программу «по сохранению Османской империи» и определить общую политику в случае её распада. Инициатива российского императора была с удивлением встречена в английской столице: сначала Россия добровольно отказалась от очевидных преимуществ русско-турецкого договора, а теперь хочет сотрудничать со своей главной соперницей во владениях султана. В результате переговоров, во время которых английская сторона ограничилась вежливыми фразами, никакого соглашения подписано не было. Это не помешало Николаю I по возвращении домой дать Нессельроде поручение подготовить «Меморандум» по восточному вопросу. Этот неофициальный документ российская сторона вручила правительству тори в качестве заявки о намерениях. Уходя со своего поста, лорд Абердин передал этот документ сменившему его лорду Пальмерстону – главе вигов [3, с. 215]. В результате «Меморандум» не оставил никаких следов среди официальных бумаг Сент-Джеймского кабинета, но передавался отдельно каждому новому премьер-министру, возглавившему очередной кабинет. Англичане отказывались признавать его официальный характер. Таким образом, неудачей закончилась попытка налаживания общей политики в турецких делах, ибо, по словам М.Н. Покровского, «Восток был только театром конфликта, главным же антагонистом николаевской России была Англия» [11, с. 5]. Результатом этой неудачной попытки сближения с Англией стал рост подозрений со стороны английского кабинета в планируемой экспансии России на Востоке.

В отечественной историографии уже отмечалось, что Николай I представлял «технику международных отношений» в форме личных контактов между государями [13, с. 310]. По словам немецкого исследователя Шимана, русский император жил в мире «династической мифологии», придавая огромное значение личным, семейным отношениям, зачастую заменяя ими формальные международные обязательства, прописанные в официальных соглашениях. Он придал повышенное значение императорскому «слову», иногда ничего не значившему в мире высокой политики. Именно к таким малозначимым документам относился и словесный договор с лордом Абердином, вылившийся в пустой, но напугавший англичан «Меморандум». Стремление действовать «сообща», пристегнув к собственным целям мнимых или настоящих единомышленников, вело к тому, что Николай I был склонен путать интересы России с общими интересами Европы. Российский император пытался навязать союзникам своё представление о «порядке по-русски», действуя при этом исключительно мирными методами «охранительной» политики [5, с. 295].

Очередное разочарование принесли русскому императору европейские события 1848 г. Известие об отречении Луи-Филиппа крайне встревожило Николая I, но он не мог скрыть своего удовлетворения бесславным концом «высочки»: «Людовик-Филипп теряет свой узурпированный трон тем же путём, каким он достиг его». Но и Луи-Наполеон не получил признания русского императора. Более того, отказ Николая I назвать Наполеона III «братом», по мнению современников, проложил прямой путь к началу Крымской войны [1, с. 295].

В советской историографии было принято называть последний период правления Николая I «мрачным семилетием». В то время, по мнению видных историков, «в полном великолепии и действенности проявилась его роль жандарма Европы» [10, с. 155]. Обвинения в «жандармстве» не сняты с императора до последних дней, в то время как документы свидетельствуют о том, что это был лишь расхожий термин эпохи, означавший желание следовать консервативной, охранительной политике. В частности, «жандармом Европы» называли также и Меттерниха, однако основную тяжесть подобных обвинений принял на себя русский император.

Консерватизм как уважение к традиции политических устоев и обычаев, соответствовавших национальным запросам, лежал в основе всех принципов правления Николая I. Он не принимал не взвешенных, спонтанных решений и считал, что любые перемены должны происходить не «вдруг», а постепенно. Подобные консервативные принципы находили широкую поддержку русского общества. Так, историк и писатель Н.М. Карамзин писал о французской революции: «Лёгкие умы думают, что всё легко; мудрые знают опасность всякой перемены».

В целом следует подчеркнуть, что Николай I пришёл к власти в период становления в Европе новых форм социальной жизни, повлекших за собой буржуазные революции, в период перелома «европейского мира от старого порядка к новым формам организации национальной жизни» [13, с. 276]. Европейские государства были охвачены кризисом абсолютизма, в то время как Россия пыталась сохранить и оградить самодержавие в самых крайних его проявлениях. Эпоха Николая I стала «расцветом самодержавия» в России, а в европейских странах «вопросы политические сменились вопросами социальными», что подразумевало глубинные сдвиги в жизни общества и «наступление новой эры» [5, с. 90]. Полностью противостоять «духу времени» Николай I не мог. Если после июльской революции во Франции русский император распорядился не принимать в Кронштадте кораблей под трёхцветным флагом, то после беседы с французским послом Бургоэном вынужден был снять свой запрет. «Мы уже не истощённая Франция 1814 г., – сказал Бургоэн, – а вы – уже не соединённая Европа 1815 г.» [18, с. 295]. Русский император упорно не хотел признавать очевидные изменения в социально-политической жизни соседних стран, опасаясь распространения «заразы» в собственном государстве.

После 1848 г. Николай I «исключительно занимает восстановление порядка в Европе», как свидетельствует французский посланник в Петербурге маркиз де Кастельбажак²⁰. Мировой порядок, по мнению Николая I, был нарушен, и Россия должна всеми силами способствовать его восстановлению. Однако не любой ценой: «за этих бездельников французов не будет пролито ни одной капли русской крови» – эти слова ясно дают понять, что «седлать коней» при известии о республике во Франции русский император не имел никакого намерения [18, с. 489]. Более того, он советовал французскому послу «сохранять республику» и «беречься империи». Провозглашение Луи-Наполеона императором Наполеоном III было воспринято, по словам французского дипломата Э.А. Тувенеля, как событие, в результате которого шляпа заняла место законной короны [1, с. 295]. Николай I не скрывал, что император французов навсегда останется для него случайным монархом²¹.

Враждебность русского императора к смене режима во Франции и его подозрительность к проявлениям «революции» в любом её виде характеризует следующий случай. Когда на утверждение Николаю I принесли план общественного здания, на котором для масштаба была изображена фигура человека в цилиндре, цветном фраке, жилете и панталонах, он с возмущением зачеркнул фигуру и гневно написал на плане: «Это что за республиканец!» [20, с.64].

Революции в Австрии, Пруссии, Берлине и во Франкфурте-на-Майне совершенно обескуражили российского монарха. «Там, где более не повелевают, а позволяют рассуждать вместо повиновения – там дисциплины более не существует. Отсюда происходит беспорядок», – эти слова написал Николай I в составленной им «Записке о прусских делах»²². Действительно, своим долгом он считал упразднение всякого «беспорядка» и наведение «порядка» так, как он его понимал. Однако, даже получив просьбу австрийского императора об оказании военной помощи против мятежных венгров, Николай I отнюдь не бросился наводить порядок в общем европейском доме. Советник баварского посла в Петербурге Оттон-де-Брэ сообщал о том, что кампания, предпринятая для спасения австрийской монархии, не встретила одобрения даже в тех кругах русского общества, на сочувствие которых император, безусловно, рассчитывал²³. Николай I заявил, что поход в Венгрию необходим для спасения «своей рубахи» – этот лейтмотив оставался постоянным со времени революционных событий 30-х гг. [1, с.289].

Итак, в результате революционных потрясений в Европе 1848 г. одна Россия «устояла на ногах среди повергнутых престолов», и «революционный поток разбился у её ног», – так образно описывалась в прессе роль российской монар-

²⁰ Маркиз Кастельбажак об императоре Николае Павловиче (донесения французского посланника при русском дворе) // Русский архив. 1893. № 7. С. 422.

²¹ Маркиз Кастельбажак... С. 424.

²² Записка императора Николая Павловича о прусских делах. 1848 // Русская старина. 1879. № 6. С. 559.

²³ Император Николай I и его сподвижники (воспоминания Оттона-де-Брэ. 1849–1852) // Русская старина. 1902. № 1. С. 121.

хии, уцелевшей среди «развалин, загрозивших Европу» [10, с. 94]. Николай I в очередной раз снискал славу сильнейшего среди европейских монархов и сравнение с Наполеоном Бонапартом. Барон Стокмар, характеризуя современное международное положение, писал, что новый «Наполеон мира», в отличие от своего знаменитого предшественника, добился диктатуры в Европе не военным, а дипломатическим путём, достигнув «беспримерных» результатов. Одновременно прусский посланник в Константинополе граф Пурталес писал в письме Бунзену 2(14) ноября 1850 г. о том, что «северное влияние» обеспечено не только в Вене, но и в Стокгольме, в Италии, в Греции [15, с. 117].

После революций 1848 г. с политической сцены Европы исчез Меттерних, а с ним и вся его «система». Франция была настроена по отношению к России весьма враждебно, а Великобритания, вопреки надеждам Николая I на союз с ней, возглавила политический «поход» на Россию, которая, оставшись без союзников, вновь обратила взор на православных христиан Османской империи. «Следует объявить, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, – записывает император в своей «записке» от ноября 1853 г. – Мы предлагаем всем присоединиться к нам для достижения этой священной цели» [19, с. 40]. За этой ширмой скрывалась подлинная цель «положить предел недоброжелательству англичан», по признанию самого Николая I. Находившийся в плену собственных политических иллюзий русский император не замечал, что любой успех русской политики на Балканах вызывал в Англии рост того «недоброжелательства», которого глава православного мира стремился избежать. Христианские народы снова становились разменной монетой во внешнеполитических планах России. В то же время надо отдать должное проницательности Николая Павловича, разгадавшего замысел Сент-Джеймского кабинета сыграть «на опережение» и возглавить национальные движения христиан, «освободив» их не только от турок, но и от влияния России. Когда в декабре 1853 г. российский посол в Вене барон П.К. Мейендорф сообщил о намерении четырёх держав требовать от Порты на освобождения её христианских подданных, у Николая I вырвался горестный вздох: «Вот оно, прав ли я?» [19, с. 44]. В этой ситуации император увидел повторение истории с освобождением Греции во время восточного кризиса 20-х гг., когда Англия буквально перехватила инициативу у России и выступила в качестве самостоятельного игрока на политическом поле, давно занятом российской стороной.

Таким образом, фактически променяв условия Ункяр-Искелессийского договора на призрачные выгоды Лондонских конвенций, потеряв лидирующие позиции в регионе Проливов и в Османской империи, продемонстрировав Европе свои ультраконсервативные взгляды на изменения социального и политического характера, произошедшие в европейских странах в 30-х и конце 40-х гг., утратив доверие союзников по договорам «северных дворов» и не приобретя нового в лице Великобритании, Россия осталась в одиночестве перед надвигавшейся угрозой утраты своих позиций на Среднем Востоке – среди православ-

ных подданных Турции, борьба за влияние на которых возобновилась с новой силой. Упрочению России на Востоке, т.е. в Проливах и на Чёрном море, охране державы от революционных веяний Запада, консолидации союзных сил на борьбу с разрушительными началами «духа времени» и сохранению самодержавия было посвящена внешняя политика императора Николая I. Достигалось это путём «замораживания» политической и общественной жизни России, ужесточением цензуры, в том числе и ввозимых книг «пагубного» влияния, неспешным продвижением реформ внутренней жизни, которые, тем не менее, в конечном итоге подготовили существенные перемены в социально-политической жизни общества.

Следует признать, что император Николай Павлович пытался противостоять не просто «беспорядкам», но самому историческому процессу развития общественно-политической жизни. В самом факте русской интервенции в Австрию К.Маркс видел борьбу феодализма с буржуазными преобразованиями. Этот процесс был трезво оценен современниками русского императора. Его ближайший союзник и одновременно «враг-супостат», князь Меттерних, писал Николаю I после своего вынужденного бегства из Вены: «Европа повержена в кризис... это кризис в самом социальном организме»²⁴. Ему вторил верный соратник императора, его «отец-командир» И.Ф. Паскевич: «Мы вступаем в новую эру, – писал он Николаю I в то же самое время, что и австрийский канцлер, – которая требует новой политики»²⁵. Осмысление этих социальных процессов, видимо, представляло определённую трудность для императора, видевшего в европейских переменах лишь попустительство «хаосу» и слабость западных дворов. Осознание того, что «человек не в силах остановить поток», отчётливо пришло к Николаю I лишь в последние, самые тяжёлые дни его жизни.

Список литературы

1. Вискочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб.:Издательство С.-Петербургского университета, 2001. 638 с.
2. Гершензон М.О. Николай I и его эпоха. М.: И.В. Захаров, 2001. 228 с.
3. Горяинов С.М. О тайном соглашении по делам Востока, состоявшемся в 1844 г. между Николаем I и великобританским правительством // Известия министерства иностранных дел. 1912. Кн. III. С. 201-233.
4. Дедков Н. Энциклопедий множество зеркал // Родина. 2013. № 3. С 122-127.
5. Жомини А. Роль и значение России в Европе перед Крымской войной // Наблюдатель. 1885. № 12. С 77-112.
6. Император Николай Павлович и его время // Русская старина. 1884. № 1. С 135-162.
7. Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2. С.192-210; 139-152.
8. Кюстин А. де. Россия в 1839 г. М.: Терра, 2000. 640 с.
9. Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты, литераторы, шпионы. СПб.:Гиперион СПб, 2006. 524 с.
10. Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. М.:Книга,1993. 400 с.
11. Покровский М.Н. Из истории русско-германских отношений // Голос минувшего. 1916. № 3. С. 5-47.

²⁴ Меттерних К. Николаю I. 2(14) марта 1848 г. Цит. по: Авербух Р. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938.Т. 4. С. 173.

²⁵ Паскевич И.Ф. Николаю I. 6 (18) марта 1848 г. С. 174.

12. Полиевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. М.:Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. 392 с.
13. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.:Книга, 1990. С. 101-127.
14. Ростовцев Е., Сосницкий Д. Уже не Палкин? // Родина. 2013. № 3. С. 128-130.
15. Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 1889. 459 с.
16. Татищев С.С. Император Николай в Лондоне // Исторический вестник. 1886.Т. XXIII. С. 531-613.
17. Феоктистов Е.М. Русская политика на Востоке перед Крымской войной // Русский вестник. 1868. № 1. С. 21-82.
18. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. Т. II. 820 с.
19. Шильдер Н.К. Император Николай и освобождение христианского Востока // Русская старина. 1892. № 10.Т. 76. С. 37-44.
20. Шиман В.М. Император Николай Павлович // Русский архив. 1902. № 3. С. 459-475.
21. Эдельман О. Грозный царь-отец // Родина. 2013. № 3. С. 97-101.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н., ведущий научный сотрудник центра внешней политики России Института российской истории Российской академии наук. Москва, 117036, ул. Дм.Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

SUCCESSES AND FAILURES OF FOREIGN POLICY OF NICHOLAS I (ACCORDING TO THE MEMORIES OF CONTEMPORARIES)

E.P. Kudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-7-24

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the successes and failures of Russian foreign policy during the reign of Nicholas I. The key sources of the research are memoirs of people who were in close attendance on the Emperor, foreign diplomats, travelers and members of European royal families. They noted some traits of his personality, political views, commitment to order and military service. They left valuable remembrance about all important foreign-policy cases the Russian Emperor was involved in: Russo-Turkish War (1828–1829), contacts with the Balkan states, Eastern Question within the framework of the Russian role in the course of events of the Egyptian–Ottoman War (1832–1833); hostility against French Revolutions and contacts with the allied Prussia and the Austrian Empire.

These reminiscences make it possible to discover the attitude of Nicolas I to the European revolutions in the first half of 19th and illegitimate monarchs in Europe. They let us track the way the foreign policy influenced the Russian inner policy. The sources are very informative to explain the different steps of Russian foreign policy in the most important areas – in the Middle East, in Europe and in Turkey.

Key words: Nicholas I, foreign policy, international relations, diplomacy, Russia, European revolutions, Eastern question.

References

1. Vyskochkov L.V. *Imperator Nikolai I: che-lovekgosudar'* [Emperor Nicholas I: a man and a sovereign]. Saint-Petersburg, St.Peterburg University Publ., 2001. 644 p. (In Russian).
2. Gershenzon M.O. *Nikolai I i ego epokha* [Nicholas I and his era]. Moscow, I.V. Zakharov Publ., 2001. 230 p. (In Russian).
3. Goriainov S.M. O tainomsoglashi-eniipodelamVostoka, sostoiavshemsia v 1844 g. mezhduNikolaem I i velikobritanskimpravitel'stvom [On the secret agreement on the affairs of the East, held in 1844 between Nicholas I and the British government]. *Izvestiia ministerstva inostrannykh del* [News of the Ministry of Foreign Affairs]. 1912. Book III. Pp. 201 – 233. (In Russian).
4. Dedkov N. Entsiklopediiimnozhestvozerkal [Encyclopedias set of mirrors]. *Rodina*, 2013, no. 3, pp. 122-127. (In Russian).
5. Zhomini A. Rol' iznachenieRossii v EvropeperedKrymskoivoinoi [The Role and Importance of Russia in Europe in the Crimean War]. *Nabliudatel'*, 1885, no. 12, pp. 77–112. (In Russian).
6. Imperator Nikolai Pavlovichi ego vremia [Emperor Nikolai Pavlovich and his time]. *Russkaia starina* [Russian antiquity]. 1884. Vol. 41. Pp. 135-162. (In Russian).
7. Kiniapina N.S. Vneshniaia politika Nikolaia I [Foreign policy of Nicholas I]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2001, no. 1–2. Pp. 192-210; 139-152. (In Russian).
8. Kiustin A. *de. Rossiia v 1839 g.* [Russia in 1839]. Moscow, Terra Publ., 2000. 640 p. (In Russian).
9. Mil'china V.A. *Rossiia i Frantsiia. Diplomaty, literatary, shpiony* [Russia and France. Diplomats, writers, spies]. Saint-Petersburg, GiperionSPb Publ., 2006. 528 p. (In Russian).
10. Mironenko S.V. Nikolai I [Nicholas I]. *Rossiiskie samoderzhitsy* [Russian autocrats]. Moscow, Kniga Publ., 1993. 400 p. (In Russian).
11. Pokrovskii M.N. Iz istorii rusko-german-skikh otnoshenii [From the history of Russian-German relations]. *Golos minuvshago* [Voice of the past], 1916, no. 5-6, pp. 5-47. (In Russian).
12. Polievktov M. *Nikolai I. Biografiia i obzor tsarstvovaniia* [Nicholas I. Biography and review of the reign]. Moscow, M. I S. Sabel'nikovskh Publ., 1918. 392 p. (In Russian).
13. Presniakov A.E. Nikolaevskaia Rossiia. Apogei samoderzhavii [Nicholas's Russia. Apogee of autocracy]. *Rossiiskie samoderzhitsy* [Russian autocrats]. Moscow, Kniga Publ., 1990. Pp. 101-127. (In Russian).
14. Rostovtsev E., Sosnitskii D. Uzhe ne Palkin? Nikolai I v zerkale rossiiskoi istoricheskoi pamiati [Is it not Palkin? Nicholas I in the mirror of Russian historical memory]. *Rodina*, 2013, no. 3, pp. 128-130. (In Russian).
15. Tatishchev S.S. Imperator Nikolai I i inostrannye dvory [Emperor Nicholas I and foreign courts]. Saint-Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodov, 1889. 485 p. (In Russian).
16. Tatishchev S.S. Imperator Nikolai v Londone [Emperor Nicholas in London]. *Istoricheskii vestnik*, 1885, Vol. 23. Pp. 531-613. (In Russian).
17. Feoktistov E.M. Russkaia politika na Vostokepered Krymskoi voinei [Russian policy in the East before the Crimean War]. *Russkii vestnik*, 1868, no. 1, pp. 21-82. (In Russian).
18. Shil'der N.K. *Imperator Nikolai I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. Saint-Petersburg, Tip. A.S. Suvorin, 1903. Vol. II. 820 p. (In Russian).
19. Shil'der N.K. Imperator Nikolai iosvobozhdenie khristianskogo Vostoka [Emperor Nicholas and the liberation of the Christian East]. *Russkaia starina*, 1892, no. 10, vol.76, pp. 37-44. (In Russian).
20. Shiman V.M. Imperator Nikolai Pavlovich [Emperor Nikolai Pavlovich]. *Russkii arkhiv*, 1902, no. 3. Pp. 459-475. (In Russian).
21. Edel'man O. Groznyi tsar'-otets [The Terrible Tsar the Father]. *Rodina*, 2013, no. 3, pp. 97-101. (In Russian).

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of History, senior research fellow of the Centre for the studies of Russian foreign policy of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 11703, Moscow, ul. Dm.Ulianova, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

ИНТЕРЕСЫ И РОЛЬ РОССИИ В ОБРАЗОВАНИИ КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ: ДИНАСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ С ОРАНСКИМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА I

Ю.В. Бавыкин

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Европа конца XVIII – начала XIX в. развивалась под сильным влиянием Французской революции, нанесшей большой удар по сложившейся после Вестфальского мира европейской политической системе. Первая французская республика стремилась утвердить свою политическую и экономическую гегемонию в Европе, завоевывать и подчинить себе всё новые и новые государства, распространяя в них революционные идеи. В числе таких государств были и Нидерланды, которые почти на 20 лет превратились в сателлит Франции. Захватническую политику продолжил Наполеон Бонапарт, возглавивший в 1804 г. Первую империю.

Российской империи во главе с Александром I – главному в то время противовесу французской агрессивной политике и победителю Наполеона – было суждено принять самое активное участие в послевоенном мироустройстве Европы. Тем не менее, ключевая роль России в освобождении европейских государств, в частности Нидерландов, от французского господства и в становлении их независимости в зарубежной историографии часто умалчивается или игнорируется.

В этой статье автор с помощью архивных источников и документов показывает, что во многом благодаря последовательной позиции российского императора по восстановлению независимости Нидерландского государства, его роли в избавлении страны от французского гнёта, а также персональному участию Александра I в выработке решений Венского конгресса 1814–1815 гг. на политической карте Европы появилось Объединённое королевство Нидерландов. Это полностью отвечало российским государственным интересам той эпохи.

Одним из важных инструментов реализации внешней политики Александра I стал династический брак в феврале 1816 г. его родной сестры великой княгини Анны Павловны и наследного принца Виллема Оранского (с 1840 г. король Нидерландов Виллем II), благодаря которому на долгие годы укрепились связи между двумя государствами и усилились позиции России в Европе.

Ключевые слова: Россия, Нидерланды, Франция, Александр I, Наполеон, Анна Павловна, Виллем Оранский, Венский конгресс.

УДК 94

Поступила в редакцию 4.07.2017 г.

Принята к публикации 1.08 2017 г.

В зарубежной историографии часто незаслуженно умалчивается или игнорируется ключевая роль России в освобождении Европы от французского господства в начале XIX в., в том числе в обретении Нидерландами независимости и государственности, а также реставрации в этой стране власти дома Оранских-Нассау – правящей династии Королевства Нидерландов. Так, например, в книге немецкого историка Ф. Мейнеке «Жизнь генерал-фельдмаршала Херманна фон Бойена»¹ однобоко говорится о заслуге прусского корпуса генерала Ф. фон Бюлова в освобождении Нидерландов, а роль императора Александра I и русских войск в лучшем случае остаётся в тени немецкого героизма. Бельгийский историк Ж. Пиренн² выдвинул тезис о том, что Александр I стремился к мировой гегемонии России, а победителем дипломатии Венского конгресса назвал министра иностранных дел (с 1821 по 1848 гг. государственного канцлера) Австрии К. Меттерниха. Историки Британии и Америки в своих трудах неустанно повторяли, что именно Англия спасла Европу от французской экспансии. К примеру, британский историк Ч. Петри в 1941 г. озаглавил свою книгу о наполеоновских войнах «Когда Британия спасла Европу»³, практически повторив название работы 1899 г. другого английского историка, У. Фитчетта – «Как Англия спасла Европу»⁴. Г. Киссинджер [6, 7] приписал заслугу создания системы легитимизма и европейского равновесия эпохи Венского конгресса К. Меттерниху и британскому министру иностранных дел Р. Каслри.

В работах нидерландских историков Й. Ритбергена «Краткая история Нидерландов» [28] и Н. ван Саса «Метаморфоза Нидерландов. От старого порядка к современности. 1750–1900»⁵ теме освобождения Нидерландов русскими войсками не уделено почти никакого внимания; ключевая роль в изгнании французов отведена временному правительству во главе с Г.К. ван Хогендорпом, а также национально-освободительному движению. Историки и политологи Й. ван ден Берг и Й. Вис в своей публикации «Первые 150 лет. Парламентская история Нидерландов 1796–1946»⁶ и вовсе называют события конца 1813 г. «государственным переворотом сторонников Виллема Оранского», даже не используя термин «освобождение Нидерландов». Французский историк голландского происхождения К. де Воогд, описывая события конца 1813 г. в книге «История Нидерландов», лишь кратко отмечает, что восстановление власти принца Оранского стало возможным вследствие «недовольства французской властью голландского населения и прибытия на помощь русских и прусских войск» [29], не вдаваясь в подробности освободительной миссии, реализованной во многом благодаря усилиям Александра I.

¹ Meinecke F. Das Leben des General-Feldmarschalls Hermann von Boyen, Stuttgart, 1896.

² Pirenne J.H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. V. 1–2. Neuchatel, 1946–1949.

³ Petrie Ch. When Britain Saved Europe: The Tale and the Moral. London, 1941.

⁴ Fitchett W.H. How England Saved Europe: The Story of the Great War 1793–1815. London, 1899.

⁵ Van Sas N.C. De metamorfose van Nederland. Van oude orde naar moderniteit. 1750–1900. Amsterdam, 2004.

⁶ Van den Berg J.Th.J., Vis J.J. De eerste honderdvijftig jaar. Parlementaire geschiedenis van Nederland 1796–1946. Amsterdam, 2013.

Задача автора настоящей статьи заключалась в том, чтобы, используя зарубежные, в том числе нидерландские, источники и архивные документы, раскрыть позицию и роль России в освобождении европейских государств от наполеоновского ига, в формировании созданной Венским конгрессом новой системы политического равновесия в Европе через призму реализации российских государственных интересов.

Исследование опирается на нидерландские архивные источники и сборники документов, до сих пор не использовавшиеся в отечественной и зарубежной историографии. Из них хотелось бы выделить сборник архивных документов, опубликованных нидерландским историком конца XIX – начала XX вв. Х.Т. Коленбрандером⁷, содержащий письма и корреспонденцию членов династии Оранских-Нассау и правительства Нидерландов в период с 1795 по 1840 гг., в том числе их переписку с членами императорской семьи и правительства Российской империи. Некоторые источники и архивные документы были почерпнуты автором из публикации голландских исследователей-историков Д. Херманс и Д. Хоогхимстры «Очевидцы правления королей Нидерландов с 1813 по 1890 гг.» [24].

Отдельно хотелось бы отметить предоставленную автору Службой Нидерландского Королевского дома Оранских-Нассау возможность ознакомиться в Гааге с бесценными документами Архива Королевского дома⁸, находящегося на территории Королевского дворца Нордейнде: перепиской членов Российского Императорского дома Романовых и Королевского дома Оранских-Нассау, в частности императоров Александра I и Николая I с королём Нидерландов Виллемом I и его сыном, наследным принцем Виллемом Оранским-Нассау, письмами великой княгини Анны Павловны своей матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, братьям – императорам Александру и Николаю, её перепиской с супругом Виллемом Оранским.

Большим подспорьем в работе стали материалы Архива внешней политики МИД России (АВПРИ, г. Москва), а также Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург).

Система международных отношений в Европе после Французской революции и место в ней Нидерландов

Европа конца XVIII – начала XIX вв. развивалась под сильным влиянием Французской революции, нанесшей удар сложившейся после Вестфальского мира европейской политической системе. Исходным субъектом в этой системе было государство, а отношения между странами выстраивались на принципе суверенитета государей в «Европе королей». Дипломатия Европы времён «старого

⁷ Colenbrander H.T. Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. Dl.1–10. 's Gravenhage, 1905–1922.

⁸ Название архива по-нидерландски Het Koninklijk Huisarchief, Den Haag (сокращённо КНА)

порядка» осуществлялась через взаимодействие монархов⁹, которые согласовывали друг с другом внешнеполитическую деятельность, стремясь поддерживать принцип баланса сил. Но это не слишком надёжное равновесие на континенте продержалось до очередного потрясения – Французской революции.

Как указывает Е.О. Обичкина, «...осторожная и умеренная политика эпохи “старого порядка”, направленная на поддержание европейского равновесия, постепенно расстраивалась... Это равновесие в “Европе королей” будет опрокинуто революционными событиями в самой Франции» [10, с. 16].

Свержение и казнь Людовика XVI окончательно поссорили революционную Францию с рядом зарубежных государств, воспринявших действия её правительства внутри страны и на международной арене «как вопиющее беззаконие и попрание норм международного права» [12, с. 106–107]. Большинство европейских монархов разорвали дипломатические отношения с Францией. Рассценивая эти действия как поддержку контрреволюции, Конвент Французской республики объявил войну Великобритании, Голландии, Сардинскому королевству, Испании и др. В ответ на действия Франции постепенно стала складываться антифранцузская коалиция (всего их будет семь). Так характеризует это время Г. Киссинджер: «После революции Франция вела войну со всеми соседними странами, чтобы сберечь завоевания революции и распространить республиканские идеалы по всей Европе. В очередной раз обладающая превосходящими силами Франция грозилась стать европейским гегемоном» [6, с. 62].

На смену социальным преобразованиям и потрясениям Французской революции в Европу очень быстро пришла эпоха наполеоновских войн, втянутыми в которые оказались почти все европейские государства. Основное влияние на расстановку сил в Европе в то время оказывали пять держав: Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и Россия. Как отмечает российский историк В.М. Безотосный, «остальные, в силу своей периферийности или малых размеров, не являлись полностью самостоятельными игроками, в той или иной степени не могли проводить независимую политику без оглядки на сильных соседей и находились в орбите воздействия пяти самых мощных стран» [1, с. 72].

К таким малым государствам относились и Нидерланды, представлявшие определённый внешнеполитический интерес для крупных европейских держав. Особое место в системе международных отношений этой небольшой страны искусных торговцев и мореплавателей определялось стратегически важным выходом в Северное море и наследием XVII в., когда, будучи лидером европейской экономики, основным коммерческим и финансовым центром Европы, Голландия стала одной из ведущих колониальных держав мира.

Нидерланды играли важную роль в системе европейского равновесия. Со времени Вестфальского 1648 г. и особенно Утрехтского 1713 г. мирных договоров Республика Соединённых провинций (далее по тексту – РСП) служила «буфе-

⁹ Примечательно, что в так называемую эпоху «Европы королей» Нидерланды не были монархией, а являлись Республикой Соединённых провинций (с 1581 по 1795 гг.)

ром между крупнейшими державами Запада, который в значительной степени гасил силу их взаимных столкновений. Любая перемена в статусе Соединённых провинций непосредственно затрагивала интересы их соседей» [12, с. 102–103]. В частности, Великобритания была недовольна свершившейся в 1785 г. в РСРП «революцией патриотов¹⁰» или, как её ещё называют историки, «голландской революцией», в результате которой статхаудер¹¹ Виллем V Оранский – близкий друг и партнёр Англии – был отстранён от власти и в сентябре 1785 г. изгнан из Гааги в восточную провинцию страны Гелдерланд. Эти события встревожили европейских государей не меньше, чем Французская революция. Противоречия между противниками и сторонниками Виллема Оранского поставили страну на грань гражданской войны. Как пишет К. де Воогд, «Революция патриотов», оригинальность которой до сего момента заключалась в отсутствии элементов насилия, летом 1787 г. легко могла перерасти в гражданскую войну» [29, р. 146].

Против Голландской революции выступил прусский король Фридрих Вильгельм II, на сестре которого, Вильгельмине, был женат статхаудер Виллем V. Под угрозой нарушения баланса сил на северо-западе Европы король Пруссии по просьбе статхаудера бросил на подавление «революции патриотов» 26-тысячную армию [29, р. 146]. Прусская интервенция, начавшаяся 13 сентября 1787 г., позволила Виллему V вернуться в резиденцию в Гааге и восстановить свою власть. Несмотря на поражение, «революция патриотов» оказала революционизирующее влияние на Европу, передав эстафету Южному Брабанту (где произошла Брабантская революция 1787–1790 гг. против власти императора Иосифа II) [9, с. 86–87], а затем и Франции. По словам историка Н.Б. Тер-Акопяна, несмотря на незавершённость этих революций, «события 1784–1787 гг. в Нидерландах стали своего рода прологом Французской буржуазной революции XVIII в.» [17, с. 323].

С началом революционных войн республиканской Франции «за освобождение европейских народов, стонущих под игом тиранов», в связи с наступлением армии французского генерала Ш. Пишегрю на юге Нидерландов летом 1794 г. великий пенсионарий¹² Голландии Л. ван де Спигел в переписке с супругой принца Оранского Вильгельминой Прусской отмечал «всю слабость и незначительность Республики перед натиском французов»¹³. В январе 1795 г., не встретив практически никакого серьёзного сопротивления со стороны голландцев, французы захватили всю территорию Нидерландов, а принц Оранский Виллем V

¹⁰ «Патриоты» – сформировавшаяся в 1780-е гг. в РСРП буржуазная партия, члены которой не были согласны с политикой статхаудера и выступали против Англии, ратуя за союз с Францией. Их антагонистами были «оранжисты», сторонники Оранского дома и правящего статхаудера.

¹¹ Статхаудер (*stadhouder*) или штатгальтер – с XV в. должность правителя на территории Нидерландов; вначале так обозначали наместника государя в провинции, после буржуазной революции XVI в. и до конца XVIII в. – главу исполнительной власти РСРП.

¹² Великий пенсионарий (нидерл. *Raadpensionaris*) или советник-пенсионарий – одно из высших должностных лиц в руководстве РСРП, главный юридический советник государства.

¹³ Colenbrander H.T. *Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. Deel 1. Hoofdstuk IV's Gravenhage, 1905. P.331*

с семьёй бежал на корабле в Англию, чтобы никогда больше не вернуться на родину... «Впервые с конца XVI века территория Соединённых провинций была полностью оккупирована» [29, р. 148].

26 января 1795 г. на территории Нидерландов была провозглашена Батавская¹⁴ республика по французскому образцу, ликвидированы все дворянские звания и привилегии, проведён ряд либеральных реформ. РСП прекратила своё существование.

Россия в борьбе против агрессивной политики Франции в Европе

В период наполеоновских войн Россия – великая европейская держава того времени – играла особую роль. «В системе европейских международных отношений российская дипломатия, опиравшаяся на общепризнанную мощь русской армии и на внутривнутриполитическую стабильность, которая резко контрастировала с потрясениями, происходившими в других странах континента, играла роль главного противовеса агрессивной наполеоновской политики» [8, с. 401]. По словам Г. Киссинджера, «...Россия играла уникальную роль в международных делах: будучи частью системы баланса сил в Европе и Азии, она вносила свой вклад в обеспечение равновесия и порядка» [7, с. 73]. Даже Киссинджер, изображающий Российскую империю агрессивным государством, вынужден признать, что Россия «сумела не допустить установления в Европе единоличного господства какой-то одной страны» [7, с. 73].

Ещё с конца XVIII в. Российская империя, следуя своим внешнеполитическим задачам, последовательно и настойчиво стремилась остановить французскую экспансию в Европе. Этот период характеризуется самым тесным взаимодействием России и Великобритании.

Имея целью освободить народы Европы от «ига Франции»¹⁵, в Санкт-Петербурге были подписаны российско-британские союзные конвенции – 18 (29) декабря 1798 г. и 11 (22) июня 1799 г. В соответствии с ними планировалась высадка объединённых англо-русских войск в Нидерландах, чтобы «окончательно отвоевать Голландию от французов», а император Павел I для предстоящей экспедиции обязался «выделить русский корпус численностью в 17,5 тыс. человек»¹⁶.

22 августа 1799 г. объединённая 30-тысячная англо-русская армия высадилась на нидерландском побережье у г. Ден-Хелдера. Поддержки голландского населения она не получила и, понеся большие потери в решающих сражениях при Бергене и Кастрикуме (около 9 тыс. человек убитыми), на кораблях покинула Нидерланды. Освободить Голландию от французов в тот раз не удалось.

¹⁴ Название происходит от восставшего против римского господства древнего племени батавов, живших в античности на территории современных Нидерландов.

¹⁵ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т.IX (X). Трактаты с Англией. СПб, 1892. С. 419.

¹⁶ Там же. С. 432.

Участвовавший в боевых действиях на стороне англо-русских войск сын изгнанного голландского статхаудера наследный принц Виллем писал об этом с большим сожалением: «Самое печальное в том, что... дорогой ценой одержав первоначально ряд побед, в этот самый момент мы отказываемся от продолжения борьбы»¹⁷.

В Архиве внешней политики Российской империи сохранилось его письмо от 10 октября 1799 г. императору Павлу I о поражении союзных войск с просьбой о дальнейшей поддержке¹⁸. Однако прошло ещё 14 лет, прежде чем русские, и на сей раз успешно, освободили Нидерланды от французов.

С восшествием на престол императора Александра Павловича задача освобождения народов Европы от французского ига осталась определяющей во внешнеполитическом курсе России, а после того, как 18 мая 1804 г. Наполеон объявил себя императором французов, стремясь впоследствии стать императором Запада и получить мировое господство, Александр принял решение придать борьбе объединённых монархов Европы против Франции глубокий освободительный смысл, что перекликалось с идеями, некогда высказанными его великой бабушкой Екатериной II [12, с. 148].

30 марта (11 апреля) 1805 г. Россия и Великобритания подписали в Санкт-Петербурге очередную союзную конвенцию, призванную стать хартией новой, третьей по счёту антифранцузской коалиции. В конвенции отдельным пунктом было обозначено стремление добиваться независимости республик Голландской и Швейцарской «с восстановлением наследственного штатгальтерства в пользу Оранского дома»¹⁹. Позднее к конвенции присоединилась Австрия.

Однако после поражения объединённых русско-австрийских войск при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. в Пресбурге (ныне – Братислава) с Наполеоном был подписан мир, и 3-я антифранцузская коалиция фактически прекратила своё существование. Александру пришлось на время отложить реализацию своих амбиций.

Нидерланды под властью Наполеона

С самого начала своего правления Наполеон уделял Нидерландам особое внимание, стремясь крепче «привязать Нидерланды к Франции», «получить контроль над дельтой Рейна, т.е. над торговыми связями между Северным морем и Центральной Европой» [28, р. 136]. Укрепляя могущество своей империи, он преобразовал Батавскую республику в Голландское королевство и 5 июня 1806 г. в Париже провозгласил королём Голландии своего младшего брата, принца Людовика Бонапарта. Это был первый в истории Нидерландов король, француз и католик [29, р. 153].

¹⁷ Colenbrander Н.Т. Op cit. Deel 3. Hoofdstuk VI. 's Gravenhage, 1907. P. 1088.

¹⁸ АВПРИ. Ф.Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1799 г. Д. 10. Л.1–2.

¹⁹ Мартенс Ф. Указ. соч. Т. II. Трактаты с Австрией. СПб, 1875. С. 435, 453.

Однако король Людовик (или Луи, или Лодевейк, как его называли в Нидерландах) не оправдал надежд брата, больше учитывая интересы своих подданных, нежели интересы Франции. Понимая, что запрет торговли с Великобританией будет губителен для экономики Голландии, он не спешил соблюдать введённую Наполеоном Континентальную блокаду и был также против навязывания голландцам обязательной воинской повинности [там же, р. 155]. В результате Людовик лишился доверия французского императора, под его давлением 1 июля 1810 г. отрёкся от трона и в ночь на 2 июля навсегда покинул Голландию, отправившись искать убежище в Богемии [21, р. 174].

После этого Наполеону уже ничто не мешало присоединить Голландию к своей империи и 9 июля 1810 г. по декрету, подписанному в замке Рамбуйе, королевство было упразднено. «Город Амстердам становился, после Парижа и Рима, третьим городом Империи. Голландские таможи, флот и армия были слиты с французскими»²⁰. Несмотря на имевшиеся положительные стороны французского господства в Нидерландах, как, например, введение прогрессивного французского законодательства и единой налоговой системы, в целом «Голландия жестоко страдала от этого подчинения наполеоновскому режиму... Серьёзное недовольство населения вызывали в том числе высокие налоги, введение карточной системы на продукты первой необходимости ... и особенно введение Наполеоном обязательной службы в армии» [29, р. 157].

Освобождение Нидерландов русскими войсками и восстановление власти Оранских-Нассау

Период французского господства закончился для нидерландцев с поражением Наполеона от России в Отечественной войне 1812 г. Начав свой фатальный поход на Москву в июне 1812 г., громадная «Великая армия» Наполеона численностью около 580 тыс. человек в декабре того же года оставшимися отдельными отрядами и группами в 100 тыс. человек с трудом выбиралась из пределов Российской империи. По словам французского историка международных отношений профессора Р. Жиро, «кампания в России стала началом конца наполеоновской державы» [22, р. 74–75].

Так об отношении к Российской империи и Александру I пишет нидерландский историк Й. Киккерт: «После провального похода Наполеона в Москву в 1812 году мнение европейского общества по отношению к России кардинально изменилось: Александр I рассматривался теперь не как царь полуварварской страны, а как основной победитель Бонапарта... и его престиж отныне не знал границ» [25, р. 57–58].

Наполеоновское иго не прошло для Голландии бесследно: экономика страны пришла в полное расстройство...; кроме того, несколько десятков

²⁰ Colenbrander H.T. Op cit. Deel 5. Hoofdstuk I. 's Gravenhage, 1910. P.176.

тысяч голландцев в составе «Великой армии» полегло на просторах России в 1812 г. [13, с. 46].

После разгрома Наполеона в России начались беспорядки в ряде голландских городов. По всей стране стали появляться плакаты с призывом к восстанию против «французской оккупации» [29, р. 157]. Символом антинаполеоновской борьбы Голландии стало имя сына скончавшегося в 1806 г. в Брауншвейге последнего голландского статхаудера Виллема V – принца Виллема Оранского, изгнанного с семьей с родины в 1795 г. и проживавшего до начала 1813 г. в Пруссии.

Имея целью восстановить свою династию в Нидерландах, в марте 1813 г. принц встретился в Бреславле (ныне – Вроцлав) с императором Александром I, от которого узнал о подготавливаемых совместно со шведским наследным принцем Карлом Юханом²¹ военных действиях русско-шведской армии в Северной Германии недалеко от нидерландских границ. Александр I поддержал Виллема Оранского в его стремлении восстановить независимость Нидерландов под эгидой Оранского дома²². Из Бреславля принц направился в Стокгольм, где в начале апреля 1813 г. встретился с Карлом Юханом²³, затем – в Лондон, где находился до ноября 1813 г., заручившись поддержкой министра иностранных дел Великобритании Р. Каслри²⁴.

Александр I, как и командование 6-й коалиции, придавал первостепенное значение освобождению Нидерландов от французов. Согласно разработанному после «Битвы народов» под Лейпцигом в ставке во Франкфурте-на-Майне плану действий союзных армий, Карл Юхан должен был с армией в 80 тыс. человек (в состав которой входил 20-тысячный русский корпус генерала Ф.Ф. Винцингероде, героя Отечественной войны 1812 г.) двинуться на Антверпен через Кассель и Дюссельдорф, форсируя Рейн и тем самым отрезая Нидерланды от Франции²⁵. Так в ноябре 1813 г. началась операция по освобождению страны.

Вступление в Нидерланды кавалерийских отрядов полковников Л.А. Нарышкина, А.В. Розена, П.П. Лопухина (по несколько сот человек в каждом отряде) и генерал-майора А.Х. Бенкендорфа (около 4 тыс. человек) в составе русского корпуса генерала Ф.Ф. Винцингероде вызвало панику среди французских властей. К 15 ноября 1813 г. назначенный Наполеоном генерал-губернатор Нидерландов Ш.-Ф. Лебрэн и командующий французскими войсками генерал Г. Молитор поспешили эвакуироваться из Амстердама [13, с. 51–52]²⁶.

²¹ До его избрания в риксдаге в августе 1810 г. кронпринцем Швеции он был известен как маршал Франции Жан-Батист Бернадот

²² Colenbrander H.T. Op cit. Deel 6. Hoofdstuk VIII. 's Gravenhage, 1912. P. 1864.

²³ Ibid. P. 1869–1870.

²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6829, л. 258–260 об.

²⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПР). Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I. Т. VII. М.: Наука, 1972. Записка Александра I от 27.10.1813 г. С. 431. Д. 174 от 29.10.1813. Александр I – Карлу Юхану. С. 435–436.

²⁶ На момент опубликования статьи В.В. Рогинского (1985 г.) материал находился в архиве ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 4158. Л. 107.

Быстрое продвижение небольших русских казачьих отрядов по городам Голландии, их поддержка населением страны показали, что, в отличие от 1799 г., теперь освобождение от французов вполне осуществимо [13, с. 52]. Основной их целью было оказать военную поддержку голландскому национально-освободительному движению и изгнать французов с территории Нидерландов. Так генерал Ф. Винцингероде объяснял задачу русских войск в предписании А. Бенкендорфу: «Поскольку неизвестно, идёт ли речь о восстановлении Оранского дома, или короля Людовика, или республики, никоим образом не нужно вмешиваться во внутренние дела. Нужно изгнать французов насколько можно и помочь жителям поддерживать порядок» [13, с.53]²⁷.

Из ставки во Франкфурте-на-Майне император Александр I в инструкциях послу России в Лондоне Х.А. Ливену (супруг сестры А.Х. Бенкендорфа) и генералу К.О. Поццо ди Борго от 24 ноября 1813 г. указывал, что «Вся Европа заинтересована в освобождении Голландии и в восстановлении её действительной независимости... Голландия сбрасывает с себя ярмо»²⁸.

26 ноября глава сформированного накануне временного правительства Нидерландов Гейсберт Карел ван Хогендорп обратился с письмом к А.Х. Бенкендорфу, находившемуся между городами Рейссеном и Зволле, с просьбой «прислать дополнительно русские войска» [2, с. 125]²⁹. Одновременно он направил в Лондон посланников, чтобы просить принца Оранского вернуться на родину после почти 20-летнего изгнания и возглавить нидерландское государство. Принц ответил согласием и, отплыв из Лондона на английском фрегате, 30 ноября 1813 г. высадился в Схевенингене около Гааги.

В ответ на просьбу ван Хогендорпа с утра 1 декабря 1813 г. основные силы отряда Бенкендорфа вошли в Амстердамский порт. Вместе с городской милицией они к полудню захватили охранявшуюся французским гарнизоном крепость Мейден, угрожавшую столице. Голландцы приветствовали своих освободителей. Как писал сам А. Бенкендорф, «Ничто не может выразить бурную радость, которая охватила жителей этого большого и богатого города. Это поистине было пробуждением нации» [4, с. 125]. Через час Бенкендорф был приглашён руководителями амстердамского магистрата присутствовать при зачитании с балкона ратуши обращения к жителям Амстердама о восстановлении независимости страны [13, с. 55].

Прибытие русских в Амстердам было высоко оценено Виллемом Оранским и главой временного правительства Г.К. ван Хогендорпом, который отправил Бенкендорфу новое письмо с благодарностями и заверением, что тот найдет в голландцах «полных рвения и преданности помощников... Пример героизма

²⁷ На момент опубликования статьи (1985 г.) материал находился в ЦГИА ЭССР, г. Тарту. Ф. 2249. Д. 102. Л.13–13 об.

²⁸ ВПР. Т. VII. С. 497–498.

²⁹ На момент опубликования сборника «Голландцы и русские» (1989 г.) цитируемое письмо находилось в ЦГИА ЭССР, г.Тарту. Ф. 2249. Д. 99. Л. 14–14 об.

русских...возбудил в них... самое решительное стремление нации остаться независимой и свободной» [13]³⁰.

2 декабря 1813 г. Виллем Оранский прибыл в столицу Нидерландов, где была проведена торжественная церемония окончательного провозглашения независимости страны и представления принца Оранского в качестве её главы – суверенного государя³¹. В составе почётного караула на улицах Амстердама вместе с голландской милицией были выстроены русские егеря и казаки³².

6 декабря 1813 г. российскому императору Александру I написал письмо суверенный государь Нидерландов Виллем Оранский, известив, что он встал во главе правительства «в соответствии с единой волей народа, вновь занявшего своё место среди независимых народов Европы благодаря мужеству и победоносному оружию Александра I» с обещанием поддерживать союзные войска³³. 15/27 декабря 1813 г. в ответном письме император Александр поздравлял Виллема и выражал надежду, что тот приложит все усилия «для обеспечения счастья и независимости страны, предназначенной занять важное и блестящее место в политическом порядке Европы»³⁴.

За голландскую кампанию А.Х. Бенкендорф получил от Александра I орден Св. Владимира, от принца-регента Великобритании Георга IV – золотую саблю с надписью «За подвиги 1813 г.», а от принца Оранского – шпагу с надписью «Амстердам и Бреда» [4, с. 238].

Таким образом, в ноябре – декабре 1813 г. русские войска способствовали восстановлению нидерландской государственности и национальной независимости, не вмешиваясь при этом во внутренние дела страны. Это стало важным рубежом в историческом развитии Нидерландов: далее им предстояло выбирать свой путь развития в новом европейском постнаполеоновском мироустройстве.

Расширение границ – центральный пункт нидерландского вопроса накануне Венского конгресса

Россия оказывала поддержку новому руководству освобождённых Нидерландов по важному для него вопросу расширения территории. Суверенный государь Виллем обосновывал эту необходимость в своих письмах министру иностранных дел Великобритании Р. Каслри от 9 ноября и представителю дома Оранских в Лондоне Х. Фагелу от 26 декабря 1813 г. стратегическими соображениями: «Только присоединение левого берега Рейна, вплоть до Мозеля включительно, так же как и объединение Нидерландов, включающее в себя Люксембург,

³⁰ На момент опубликования статьи В.В. Рогинского (1985 г.) цитируемое письмо находилось в ЦГИА ЭССР, г. Тарту. Ф. 2249. Д. 99. Л. 15.

³¹ В архивных документах на нидерландском языке *soevereine vorst*.

³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 1334. Л. 1–5 об. Бенкендорф – Нессельроде, 21 (3 декабря) 1813 г.

³³ Там же. Д. 6313. Л. 3–3 об. В. Оранский – Александру I, 6 декабря 1813 г.

³⁴ Там же. Д. 6314. Л. 1–1 об. Александр I – В. Оранскому, 15(27) декабря 1813 г.

может дать Соединённым Провинциям, рассматриваемым как преграда Европы против Франции, необходимую им прочность»³⁵. «Воссоединение с Бельгией – основная задача, в том числе в процессе борьбы с наполеоновским игом»³⁶.

Позднее этот вопрос обсуждался союзными державами на Шатийонском конгрессе в феврале 1814 г., а также в г. Шомоне, где 17 февраля (1 марта) 1814 г., Россия, Австрия, Великобритания и Пруссия подписали договор об оборонительном и наступательном союзе³⁷.

О присоединении к северным провинциям Южных Нидерландов, то есть Бельгии, конкретно говорилось в секретных статьях подписанного 30 мая 1814 г. Первого Парижского мирного договора. «Статья 3. ...Земли, находящиеся между морем, границами французскими, как они определены настоящим трактатом, и Маасом, присоединяются на вечные времена к Голландии. Границы на правом берегу Маса будут определены по соображению военных интересов Голландии и её соседей»³⁸. По договору Франция возвращалась к границам 1792 г., а союзные державы договорились «собратся на конгресс в Вене, чтобы закрепить и далее развить европейскую политическую систему, создававшуюся на развалинах империи Наполеона» [11, с. 264]. За два месяца до этого – 31 марта 1814 г. – Париж был взят союзными войсками; во Франции пала Первая империя, а 6 апреля 1814 г. Наполеон отрёкся от престола и был выслан на Эльбу.

Перед началом Венского конгресса Виллем Оранский получил заверения в поддержке расширения границ Нидерландов лично от императора Александра I. Об этом мы узнаём из письма прусского посланника в Гааге К.Х. Брокгаузена королю Пруссии Фридриху Вильгельму III от 14 июля 1814 г.: «Российский император дал положительные обещания суверенному государю, что он в любом случае будет заинтересован в поддержке стремления Голландии к увеличению своей территории... Он весьма убеждён в необходимости сделать эту страну достаточно сильной для отражения первого удара в случае, если он будет нанесён Францией»³⁹.

Венский конгресс: Россия в решении нидерландского вопроса

В ходе Венского конгресса, проходившего с сентября 1814 по июнь 1815 гг., основные вопросы решались представителями пяти крупнейших государств: России, Великобритании, Пруссии, Австрии, а позднее и Франции. У всех государств-участников конгресса были свои интересы, свои цели и планы. Александр I, войска которого находились в центре Европы, не собирался сдавать свои лидирующие позиции. Однако главной идеей конгресса стал передел

³⁵ Colenbrander H.T. Op cit. Deel 6. Hoofdstuk VIII. 's Gravenhage, 1912. P. 1955.

³⁶ Ibid. Deel 7, Hoofdstuk V. 's Gravenhage, 1914. P. 417.

³⁷ ВПР. Т. VII. С. 595; Мартенс Ф. Указ. соч. Т. III. Трактаты с Австрией. СПб, 1876. С. 148–165.

³⁸ Мартенс Ф. Указ. соч. Т. XIV. Трактаты с Францией. СПб, 1905. С. 258.

³⁹ Colenbrander H.T. Op cit. Deel 7. Hoofdstuk III. 's Gravenhage, 1914. P. 302.

Европы в интересах победивших держав и недопущение возобновления господства Франции на континенте.

Политическую линию Российской империи на Венском конгрессе разрабатывал и осуществлял непосредственно император Александр I. Как победителю Наполеона, ему предстояло сыграть ключевую роль в послевоенном переделе Европы. Российский император полагал, что он «был послан самим провидением спасти Европу от узурпатора и чудовища» (Наполеона – Ю.Б.) [18, с. 310]. Поэтому он считал оправданным усиление влияния России на европейские дела.

Помимо вопросов, имевших для России первостепенное значение в ходе Венского конгресса (польский и саксонский вопросы, установление нового баланса сил между европейскими державами), во взаимоотношениях с Нидерландами важнейшей оставалась проблема государственного долга России, образовавшегося из займов, предоставленных голландскими банкирами Хопе в период царствования императрицы Екатерины II [20, с. 163]. За поддержку объединения Северных и Южных Нидерландов Россия отказалась от своего первоначального плана возложить выплату долга на голландское государство и начала вести с Лондоном переговоры о его реструктуризации⁴⁰. 7 (19) мая 1815 г. была заключена Конвенция между Россией, Великобританией и Нидерландами о порядке уплаты русского долга, согласно которой Великобритания и Королевство Нидерландов обязались «уплатить по 25 млн гульденов русского долга и проценты по нему Амстердамскому банку»⁴¹. Часть долга, которую брали на себя Великобритания и Нидерланды, не должна была превышать 50 млн гульденов, что составляло половину общего долга (к началу 1816 г. общий долг России составлял 101 486 600 гульденов)⁴².

Позиция дома Оранских по вопросу увеличения территории Нидерландов была озвучена в ходе Венского конгресса представителем Оранских, немецким бароном К. фон Гагерном (сам суверенный государь Виллем в Вену не поехал): «Территория бывшей Республики Соединённых провинций, Южные Нидерланды (включая епископство Льеж), а также вся территория между Маасом, Рейном и Мозелем»⁴³. Виллем желал видеть в стратегически и экономическом важном месте в Европе «многонациональное государство (с тремя официальными языками: нидерландским, французским и немецким), граничащее с его родовыми землями Нассау, которые были отобраны французами» [25, р. 46]. Как отмечает нидерландский историк Й. Киккерт, «то, что желания Виллема осуществились, было не следствием смелости Оранских, а опасений союзных государств перед возможной агрессией Франции» [25].

Через две недели после неожиданного бегства Наполеона с острова Эльба и его высадки на юге Франции 16 марта 1815 г. суверенный государь Виллем Оран-

⁴⁰ ВПР. Т. VII. Док. 225. С. 572. Док. 228. С. 577–578. Прим. 305. С. 782–783.

⁴¹ Там же. Т. VIII. С. 322.

⁴² Там же. Док. 148. С. 328.

⁴³ Речь идёт о землях, часть которых ранее принадлежала германским князьям.

ский в Амстердаме был провозглашён королём Нидерландов Виллемом I; вскоре была принята новая конституция, усилившая власть монарха [19, с. 252].

9 июня 1815 г., за несколько дней до поражения Наполеона при Ватерлоо и его окончательного ухода с политической сцены, был принят Заключительный акт Венского конгресса. «Он был подписан уполномоченными восемью государствами: России, Австрии, Англии, Испании, Португалии, Пруссии, Франции и Швеции. В течение последующих пяти лет к Венскому трактату присоединились ещё 33 государства» [5, с. 133]. По этому документу Франция лишалась всех своих завоеваний, а «резко усиленные Нидерланды стали вместе с Пруссией и Австрией составной частью “анти-французского барьера”» [3, с. 291]. Территория Нидерландов была расширена за счёт присоединения к ним австрийских Нидерландов, т.е. современной Бельгии.

В значительной степени благодаря предпринимавшимся последовательно в течение многих лет, задолго до Венского конгресса, усилиям России и Александра I лично, образовалось новое государство, которое стало именоваться «Королевством Нидерландским, под державою Его Королевского Высочества Принца Нассау-Оранского»⁴⁴. Как определялось в Заключительном акте конгресса, «Престол сего Королевства будет наследственный... Титул и права, свойственные Королевскому достоинству, будут, по признанию всех держав, отныне принадлежать Дому Нассау-Оранскому... Часть прежнего Герцогства Люксембургского равномерно отдаётся на вечные времена Королю Нидерландскому»⁴⁵.

Позиция России и её союзников в отношении образования независимого Королевства Нидерландов и увеличения его территории чётко отражена в инструкции от 17 июня 1815 г. министра иностранных дел России К.Нессельроде посланнику России в Нидерландах К. Фулю: «Отныне Голландия призвана играть одну из главных ролей в общей европейской системе. Необходимость укрепления обороны Севера внушила союзным державам мысль создать на правом фланге Франции государство достаточно сильное, чтобы не только выдержать без посторонней помощи первый удар, но и эффективно действовать на французских коммуникациях, в случае если Франция нападёт на Германию. Это соображение и было причиной объединения Бельгии с Голландией»⁴⁶. Как отмечает Е.Собко, «Россию также беспокоило усиление Пруссии, а образованное новое Нидерландское государство могло бы служить противовесом возвышающейся Пруссии» [14, с. 145].

Династический союз между Романовыми и Оранскими как инструмент внешней политики Александра I

Одним из инструментов внешней политики Александра I в постнаполеоновский период был успешно реализованный замысел династического союза дома Романовых с домом Оранских-Нассау.

⁴⁴ Мартенс Ф. Указ. соч. Т.III. Трактаты с Австрией. СПб, 1876. С. 281.

⁴⁵ Там же. С. 283–284.

⁴⁶ ВПР. Т. VIII. С. 381.

При создании родственных связей между правящими династиями их главы обычно исходили из мотива обеспечения преемственности престола, а также из того соображения, что монаршие особы и династии, связанные семейными узами, должны действовать в политическом отношении солидарно. Династический брак великой княгини Анны Павловны – дочери российского императора Павла I, сестры двух императоров Александра I и Николая I – и наследного принца Виллема Оранского (с 1840 г. король Нидерландов Виллем II), безусловно, сыграл положительную роль в развитии связей между двумя государствами и в целом оказал влияние на европейскую политику, а также на расстановку сил между крупнейшими европейскими державами в XIX в.

Существенная роль в устройстве этого брака принадлежит сестре Анны Павловны и императора Александра I, великой княгине Ольденбургской Екатерине Павловне. Овдовевшая в 1812 г. 26-летняя Екатерина с марта 1814 г. пребывала в Лондоне, где и познакомилась с кронпринцем Оранским. Екатерина сочла, что в качестве супруга наследный принц был для неё слишком молод (ему был 21 год), а для младшей сестры Анны он мог бы стать подходящей партией (ранее несколько предложений руки Анне были отклонены, и самым громким из них был отказ императору Наполеону в 1809 г.). Но причиной поездки Екатерины в Великобританию был не только поиск личного счастья. В задачи России входило сделать освобождённую от французского ига Голландию своим верным союзником, максимально отдалив её от сферы влияния Англии. В то время планировалась помолвка наследного принца Оранского с принцессой Шарлоттой Уэльской, единственной дочерью принца-регента Великобритании Георга IV. Используя разногласия в британских верхах по поводу возможности этого союза и своё личное влияние на принцессу Шарлотту, Екатерина в значительной степени способствовала разрыву помолвки, что вскоре сыграло на руку российской императорской семье [23, p. 50].

Екатерина и сама нашла счастье в Лондоне. Вторым супругом стал её двоюродный брат Вильгельм, наследный принц, впоследствии ставший королём Вюртемберга. Их свадьба состоялась в январе 1816 г. В этом браке родились две дочери, одна из которых, София, в 1839 г. вышла замуж за сына Анны Павловны Виллема – будущего короля Нидерландов Виллема III⁴⁷ и в 1849 г. стала королевой Нидерландов. В январе 1819 г. 30-летняя Екатерина Павловна безвременно скончалась.

Спустя две недели после того, как в июне 1814 г. принцесса Шарлотта официально сообщила Виллему об окончательном разрыве их помолвки⁴⁸, император Александр I в ходе своей триумфальной поездки из Парижа через Лондон в Россию остановился в освобождённых ранее его войсками Нидерландах, где

⁴⁷ Виллем III (1817–1890) – старший сын Анны Павловны и Виллема Оранского, король Нидерландов с 1849 по 1890 гг., прапрадед нынешнего короля Нидерландов Виллема-Александра (род. в 1967 г., вступил на престол в 2013 г.).

⁴⁸ Colenbrander H.T. Op cit. Deel 7. Hoofdstuk I. 's Gravenhage, 1914. P. 149.

вместе с сёстрами Екатериной и Анной пробыл в течение шести дней [26, р. 58]. Именно там Анна впервые встретила с наследным принцем Виллемом Оранским. По свидетельству британского посла графа Кланкарти, 1–2 июля 1814 г. в Гааге на балу во дворце Оранских Хёйс Тен Босе «наследный принц Виллем бросился в объятия российского императора Александра и его сестры Екатерины Павловны. И Екатерина, и император Александр постоянно оказывали принцу знаки внимания» [24, р. 64–65, 81–82]. Как утверждает голландский историк Й. Киккерт, русская делегация была принята в Хёйс Тен Босе с «умилительным радушием, со слезами радости». В Гаагском театре русскому царю, «возвратившему покой и счастье истерзанной Европе», и его венценосным сёстрам «бурно рукоплескали» [25, р. 61–62].

После того как сын короля Нидерландов, наследный принц Виллем Оранский 18 июня 1815 г. на поле Катр-Бра, близ Ватерлоо, в составе армии Веллингтона в битве с Наполеоном героически сражался во главе нидерландского корпуса и был ранен на поле боя, у Александра не было сомнений насчёт кандидатуры будущего супруга для сестры. В письме королю Нидерландов Виллему I от 23 июля 1815 г. российский император официально обратился с предложением брака между сыном короля наследным принцем Виллемом и своей младшей сестрой Анной. С этим письмом автор настоящей статьи ознакомился в Архиве Королевского дома в Гааге. Император писал: «Подобный союз был бы весьма полезным для упрочения тесных дружеских связей между нашими государствами»⁴⁹.

Наследный принц Виллем принял предложение российского императора и 1 августа 1815 г. ответил из Парижа в письме отцу, королю Виллему, что «этот брачный союз будет для нас весьма благоприятным и с политической точки зрения, поскольку... только Россия сможет защитить нас в случае оскорблений со стороны нашего соседа, Пруссии»⁵⁰.

Обручение великой княжны Анны Павловны с наследным принцем Оранским Виллемом состоялось 28 января 1816 г. в Санкт-Петербурге, а 9 февраля того же года в церкви Зимнего дворца было совершено их бракосочетание. По свидетельству нидерландских историков Д. Херманс и Д. Хоогхимстры, на свадьбе присутствовали представители всех монархий Европы [24, р. 67]. Праздничный обед был накрыт на более чем 300 персон [16, с. 27]. В ходе празднеств «с Петропавловской крепости пушки давали залпы: 51 залп – за здоровье их Императорских Величеств, 31 залп – за здоровье Высокобракосочетающихся, 31 залп – за здоровье Всего Императорского Дома»⁵¹.

В июне 1816 г. новобрачные отправились в Нидерланды и 24 августа, ко дню рождения короля Виллема I, наследный принц Виллем с супругой Анной (к тому времени беременной своим первенцем Виллемом, будущим королём Нидерлан-

⁴⁹ Het Koninklijk Huisarchief (KHA), Den Haag. Willem II Archief. Alexander I – Willem I, 23.07.1815, A 40-II-5.

⁵⁰ Colenbrander H.T. Op cit. Deel 7. Hoofdstuk V. 's Gravenhage, 1914. P. 784.

⁵¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 55.

дов Виллемом III) торжественно прибыли в Гаагу. «Балами гремела и Гаага, и Брюссель, на воду был спущен корабль “Анна Павловна”, а весь цвет страны желал лично увидеть молодую супругу кронпринца» [16, с. 30]. Две недели в Гааге праздновали свадьбу наследного принца Виллема с невиданными для здешних мест роскошными балами и иллюминацией [25, р. 69].

В Голландии Анна Павловна старалась не терять духовных связей с Россией. По её инициативе в Гааге было начато устройство домового православного храма [23, р. 246], некоторые предметы убранства которого сохранились и до сегодняшнего дня⁵².

После смерти свёкра, короля Виллема I, и восшествия на нидерландский престол супруга Виллема II, ставшая 25 сентября (7 октября) 1840 г. королевой Анна Павловна, по словам современников, была украшением и опорой престола.

17 марта 1849 г. король Нидерландов Виллем II, супруг Анны Павловны, скончался, оставив после себя весьма значительную сумму долга в 4830 тыс. гульденов. 1 октября 1849 г. вдовствовавшая нидерландская королева Анна Павловна написала об этом своему брату императору Николаю I с просьбой выкупить часть живописной коллекции Виллема. Император ответил согласием, и в том числе благодаря ему известнейшие произведения Рембранта, Рубенса и Ван Дейка находятся в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга [25, р. 209].

Великая княгиня Анна Павловна скончалась 1 марта 1865 г. и была погребена в фамильном склепе Оранской династии в г. Делфте. В Нидерландах уважение к ней было безграничным в том числе потому, что в своём королевстве она основала не менее пятидесяти приютов для бедных детей и поддерживала их образцовое состояние из собственных средств [15, с. 154].

Как писала голландская газета в некрологе от 7 марта 1865 г., «Её Величество наша глубокоуважаемая Королева Мать Анна Павловна на протяжении всей жизни снискала в высшей степени нашу любовь и почтение... Для всей нидерландской нации её уход большая потеря, и память о ней будет всегда благословенна» [27].

Династический брак российского и нидерландского правящих домов на долгие годы укрепил отношения между двумя государствами.

Подводя итог деятельности Российской империи в рассматриваемый исторический период конца XVIII – начала XIX вв., мы можем констатировать, что Россия играла ключевую роль в освобождении Европы от наполеоновского ига, формировании европейской политики эпохи Венского конгресса, строительстве постнаполеоновской Европы, становлении новых независимых государств того времени, среди которых были и Нидерланды. Всё это на долгие годы закрепило её в ряду ведущих мировых держав. Дружественные отношения России и Нидерландов были скреплены заключением в феврале 1816 г. брака наследного

⁵² Предметы интерьера часовни Анны Павловны XIX в., которая не сохранилась до наших дней, находятся сегодня в Храме Святой Равноапостольной Марии Магдалины Московского Патриархата в Гааге.

принца Виллема Оранского и сестры императора Александра I – великой княгини Анны Павловны.

Безусловно, Российская империя осуществляла свою внешнюю политику в соответствии с национальными интересами. Она была частью продуманной, прагматической внешнеполитической линии России и её императора. Однако при этом не стоит забывать, что благодаря реализации Россией указанных выше внешнеполитических целей многие государства впервые после многолетнего гнёта обрели свою независимость, и в архивных документах мы видим, каким неизменным уважением в Европе пользовался российский император во время своего правления. Об этом, в частности, свидетельствует найденное автором статьи в нидерландских архивах описание торжественного празднования в Нидерландах дня рождения Александра I. Согласно письму английского посла в Нидерландах Кланкарти министру иностранных дел Каслри от 26.12.1817 г., на праздничном обеде, данном королём Виллемом I в честь 40-летнего юбилея Александра I, присутствовали в полном составе королевская фамилия Оранских, правительство и дипломатический корпус Гааги⁵³. Такой авторитет российского императора на европейском континенте был прямым следствием его роли в разгроме Наполеона и восстановлении суверенных прав европейских монархов, а также свидетельством успеха выбранного им курса внешней политики, приведшего к значительному росту политического веса России в XIX в., укреплению её позиции как крупнейшей и влиятельнейшей монархической державы.

Список литературы

1. Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 631 с.
2. Голландцы и русские 1600–1917: Из истории отношений между Россией и Голландией / под ред. Й. Дриссена. Маастрихт, 1989. 176 с.
3. Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М.: Международные отношения, 1966. 382 с.
4. Записки Бенкендорфа. 1812 г. Отечественная война. 1813 г. / сост. П.Н. Грюнберг. М.: Языки славянских культур, 2001. 394 с.
5. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / под ред. О.В. Орлик, В.Н. Пономарева, А.Н. Сытина. М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
6. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. В. Львова. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
7. Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. 512 с.
8. Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII–XIX веков. М.: Эксмо, 2006. 784 с.
9. Намазова А.С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII–XX веках. М.: Наука, 2008. 391 с.
10. Обичкина Е.О. Система международных отношений в канун наполеоновских войн. Наследие французской революции и контрреволюционные тенденции // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Гл. 1. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 10–42.
11. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3-х тт. Т. 1 / И.С. Иванов [и др.] М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 608 с.

⁵³ Colenbrander H.T. Op cit. Deel 8. Hoofdstuk I. 's Gravenhage, 1915. P. 81.

12. Ревякин А.В. Россия и союзники: цели войны и условия мира // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Гл. 4. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 100–162.
13. Рогинский В.В. Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С.45–61.
14. Собко Е.М. Россия и образование Нидерландского королевства // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 144–149.
15. Собко Е.М. Анна Павловна – Королева Нидерландов // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 153–155.
16. Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб.: Блиц, 2003. 271 с.
17. Тер-Акопян Н.Б. Нидерланды // Война за независимость и образование США / под ред. Г. Севастьянова. М.: Наука, 1976. 434 с.
18. Шильдер Н.Е. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб, 1897. В 4-х тт. Т. 3. 569 с.
19. Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М.: Дрофа, 2007. 515 с.
20. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Северные Нидерланды в эпоху наполеоновских войн: От Батавской Республики к Королевству Нидерландов // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С.146–164.
21. Connelly O. Napoleon's Satellite Kingdoms. New York: The Free Press, London: Collier-MacMillan Limited, 1965. 387 p.
22. Girault R. Peuples et Nations d'Europe au XIX siècle. Paris: Hachette, 1996. 271 p.
23. Didier M. De ridder en de grootvorstin: kunst en leven van Willem II en Anna Paulowna. Den Haag: Conserve, 2009. 254 p.
24. Hermans D, Hooghiemstra D. Ooggetuigen van de Koningen van Nederland 1813–1890. Amsterdam: Bert Bakker, 2008. 350 p.
25. Kikkert J.G. De misstappen van een koning. Willem II 1792–1849. Soesterberg, 2002. 240 p.
26. Krabben A. Bezoek van de Russische verlosser // Thema Tijdschrift. Nederland – Rusland 400 jaar. Amsterdam, 2013. № 1, P. 58–61.
27. Provinciale Noordbrabantsche 's Hertogenbossche Courant, 07.03.1865. № 19.
28. Rietbergen P.J. A Short History of the Netherlands. Amersfoort, 2006. 186 p.
29. Voogd Chr. de. Histoire des Pays-Bas. Paris: Hatier, 1992. 320 p.

Об авторе:

Юрий Викторович Бавыкин — старший советник Генерального секретариата МИД России. Адрес: 119200, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., д.32/34. E-mail: YVBavykin@yandex.ru.

RUSSIA'S INTERESTS AND ROLE IN THE ESTABLISHMENT OF THE KINGDOM OF THE NETHERLANDS: THE DYNASTIC UNION WITH THE HOUSE OF ORANGE AS AN INSTRUMENT OF FOREIGN POLICY UNDER ALEXANDER I

Y.V. Bavykin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-25-46

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

In the late 18th and early 19th centuries Europe was largely influenced by the French Revolution, which appeared as a major blow to the Westphalian political system. Motivated by its revolutionary ideas with the aim to spread them throughout Europe, to confirm its political and economic hegemony on the continent, the First French Republic and later the First Napoleonic Empire during its numerous wars conquered and controlled most of western countries, including the Netherlands, which later also became a satellite state of France.

As a major opponent of France's aggressive policy of that period and Napoleon's defeater, Russia and its Emperor Alexander I took a significant part in the postwar settlement of Europe. However, Russia's key role in liberating European countries, among which the Netherlands, from France's oppression and in establishing their independence is often omitted and ignored in western historiography. By using archival documents, including Dutch ones, the author's purpose is to show that due largely to consistent policy of Alexander I towards restoring independence of the Netherlands, in full accordance with Russia's national interests, to the Emperor Alexander's personal participation at the Congress of Vienna, a new state was formed in 1815 – the United Kingdom of the Netherlands.

An essential instrument of Emperor Alexander's foreign policy which strengthened the ties between the two countries was the dynastic marriage in February of 1816 of his younger sister Grand Duchess Anna Pavlovna with Dutch Hereditary Prince of Orange William who became in 1840 the King of the Netherlands William II.

Key words: Alexander I, the Russian Empire, the Netherlands, Napoleon, the dynastic marriage, Anna Pavlovna.

References

1. Bezotosnyi V.M. *Rossia v napoleonovskikh voynakh 1805-1815* [Russia in the Napoleonic wars 1805–1815]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediia Publ., 2014. 631 p. (In Russian).
2. *Gollandtsy i russkie 1600–1917: Iz istorii otnoshenii mezhdru Rossiei i Gollandiei* [Hollanders and Russians 1600–1917. From the history of relations between Russia and Holland]. Ed. by I. Drissen. Maastricht, 1989. 176 p. (In Russian).
3. Zak L.A. *Monarkhi protiv narodov. Diplomaticeskaya bor'ba na razvalinakh napoleonovskoi imperii* [Monarchs against the peoples. Diplomatic struggle on the ruins of the Napoleonic Empire]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1966. 382 p. (In Russian).
4. *Zapiski Benkendorfa. 1812 g. Otechestvennaya voina. 1813 g.* [Memoirs of Benkendorf. Year 1812. Patriotic war. Year 1813]. Collection by P.N. Grunberg. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2001. 394 p. (In Russian).
5. *Istoriia vneshnei politiki Rossii. Pervaia polovina XIX veka (Ot voyn Rossii protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.)* [The history of Russian foreign policy. The first half of the XIX century (From the wars of Russia against Napoleon to the Treaty of Paris of 1856)]. Ed. by O.V. Orlik, V.N. Ponomarev, A.N. Sytin. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999. 448 p. (In Russian).
6. Kissinger H. *Diplomacy*. New York, Simon & Shuster Publ., 1994. 912 p. (Russ. ed.: Kissindzher G. *Diplomatiia*. Transl. by V. L'vov. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 848 p.)
7. Kissinger H. *World Order*. New York, Penguin Books Ltd. Publ., 2014. 432 p. (Russ. ed.: Kissindzher G. *Mirovoi poriadok*. Transl. by V. Zhelninov, A. Miliukov. Moscow, AST Publ., 2016. 512 p.)
8. Milov L.V., Tsimbaev N.I. *Istoriia Rossii XVIII–XIX vekov* [The History of Russia in XVIII–XIX centuries]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 784 p. (In Russian).
9. Namazova A.S. *Bel'giia: evoliutsiia gosudarstvennosti v XVIII–XX vekakh* [Belgium: Evolution of nation-building in XVIII–XX centuries] Moscow, Nauka Publ., 2008. 391 p. (In Russian).

10. Obichkina E.O. Sistema mezhdunarodnykh otnoshenii v kanun napoleonovskikh voyn. Nasledie frantsuzskoi revoliutsii i kontrrevoliutsionnye tendentsii [The system of international relations on the eve of Napoleonic wars. Legacy of the French Revolution and counter-revolutionary tendencies]. *Evropeiskaia diplomatiia i mezhdunarodnye protsessy epokhi napoleonovskikh voyn* [The European diplomacy and international processes of the epoch of Napoleonic wars]. Ed.by A.V. Torkunov, M.M. Narinskiy. Ch. 1. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. Pp. 10–42 (In Russian).
11. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on the History of the Russian Ministry of Foreign Affairs] 1802–2002. Vol. 1. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 608 p. (In Russian)
12. Reviakin A.V. Rossiia i soiuzniki: tseli voyny i usloviia mira [Russia and the Allies: aims of the war and terms of peace]. *Evropeiskaia diplomatiia i mezhdunarodnye protsessy epokhi napoleonovskikh voyn* [European diplomacy and international processes of the epoch of Napoleonic wars]. Ed.by A.V. Torkunov, M.M. Narinskiy. Ch. 4. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. Pp. 100–162. (In Russian).
13. Roginskii V.V. Rossiia i osvobozhdenie Niderlandov ot napoleonovskogo gospodstva [Russia and liberation of the Netherlands from the domination of Napoleon]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1985, no. 5, pp. 45–61 (In Russian).
14. Sobko E.M. Rossiia i obrazovanie Niderlandskogo korolevstva [Russia and the establishment of the Kingdom of the Netherlands]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 2, pp. 144–149 (In Russian).
15. Sobko E.M. Anna Pavlovna – Koroleva Niderlandov [Anna Pavlovna – the Queen of the Netherlands]. *Voprosy istorii*, 2002, no. 9, pp. 153–155 (In Russian).
16. Strizhak N., Sokolov A., Raskin D. Anna Pavlovna. Russkaia printsessa na gollandskom trone [Anna Pavlovna. The Russian princess on the Dutch throne]. St. Petersburg, Blits Publ., 2003. 271 p. (In Russian)
17. Ter-Akopian N.B. Niderlandy [The Netherlands]. *Voina za nezavisimost' i obrazovanie SshA* [The Independence War and the establishment of the USA]. Ed. by G. Sevast'ianov. Moscow, Nauka Publ., 1976. 434 p. (In Russian)
18. Shilder N.E. *Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander I. His life and reign]. St. Petersburg, 1897. In 4 vol. Vol. 3. 569 p. (In Russian).
19. Shatokhina-Mordvintseva G.A. Istoriia Niderlandov [The history of the Netherlands]. Moscow, Drofa Publ., 2007. 515 p. (In Russian)
20. Shatokhina-Mordvintseva G.A. Severnye Niderlandy v epokhu napoleonovskikh voyn: ot Batavskoi Respubliki k Korolevstvu Niderlandov [Nothern Netherlands in the epoch of Napoleonic wars: From the Batavian Republic to the Kingdom of the Netherlands]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2013, no. 5, pp. 146–164. (In Russian)
21. Connelly O. Napoleon's Satellite Kingdoms. New York, The Free Press Publ., London, Collier-MacMillan Limited Publ., 1965. 387 p.
22. Girault R. Peuples et Nations d'Europe au XIX siècle [The people and Nations of Europe in 19th century]. Paris, Hachette Publ., 1996. 271 p.
23. Didier M. *De ridder en de grootvorstin: kunst en leven van Willem II en Anna Paulowna* [The knight and grandfather: art and life of Willem II and Anna Paulowna]. Den Haag, Conserve Publ., 2009. 254 p.
24. Hermans D, Hooghiemstra D. *Ooggetuigen van de Koningen van Nederland 1813–1890* [Eyewitnesses of the Kings of the Netherlands 1813–1890]. Amsterdam, Bert Bakker Publ., 2008. 350 p.
25. Kikkert J.G. *De misstappen van een koning. Willem II 1792–1849* [The mistakes of a king. Willem II 1792–1849]. Soesterberg, 2002. 240 p.
26. Krabben A. Bezoek van de Russische verlosser [Visit of the Russian savior]. *Thema Tijdschrift. Nederland-Rusland 400 jaar* [Theme Magazine. Netherlands-Russia 400 years], 2013, no. 1, pp. 58–61.
27. *Provinciale Noordbrabantsche 's Hertogenbossche Courant*, 07.03.1865, no. 19.
28. Rietbergen P.J. *A Short History of the Netherlands*. Amersfoort, 2006. 186 p.
29. Voogd Chr. de. *Histoire des Pays-Bas* [The History of the Netherlands]. Paris: Hatier, 1992. 320 p.

About the author:

Yury V. Bavykin – Senior Counsellor of the General Secretariat of the MFA of Russia, Russia.
119200, Moscow, Smolenskaya-Sennaya sq., 32/34. E-mail: YVBavykin@yandex.ru.

СВЕТСКАЯ ИММИГРАЦИЯ ИЗ ГРЕЦИИ В РОССИЮ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

Т.О. Опарина

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

Статья посвящена эмиграции в Россию православных подданных Османской империи и вассальных ей государств. Хронологические рамки исследования определены в границах с конца XVI до первой половины XVII вв. В работе представлены динамика миграции, анализ её причин, раскрыт социальный состав выходцев, изучено место, которое они занимали в русском обществе.

В источниках отмечается, что мотивы переселения греков в первую очередь были конфессиональными. Своё желание уехать в Россию они объясняли угрозой исламизации. В статье выяснено, что русское правительство было крайне заинтересовано в миграции. Греков в России всегда охотно принимали и предоставляли им русское подданство. Русское правительство при этом руководствовалось несколькими мотивами. В первую очередь власти исходили из доктрины Москвы как Третьего Рима, которая возлагала на русского царя функции византийского императора. После падения Византии миссией единственного последнего суверенного правителя – московского государя – становилась защита православия и спасение единоверцев. Через греческую миграцию реализовывался комплекс мессианских воззрений о Святой Руси. Кроме того, миграция позволяла расширить состав русского привилегированного сословия за счёт знати бывшей Византии, а также пополнить ряды специалистов в военном деле.

В результате за рассматриваемый период в Россию переселились более 200 человек. Наиболее интенсивный характер миграция приобретала во время тесных дипломатических отношений между русской и греческой сторонами: при утверждении царского титула, учреждении патриаршества, в период подготовки к Смоленской войне (1632–1634 гг.), при проведении церковно-обрядовой реформы патриарха Никона.

Социальный состав иммигрантов был неоднородным: пленённые татарами жители Дунайских княжеств, рядовые военные Османской армии, купцы, ремесленники, члены семей турецкой администрации, тимариоты, представители византийских аристократических династий, родственники высшего греческого духовенства. Наличие рекомендательного письма патриархов христианского Востока открывало перед иммигрантами возможность получения чина московского дворянина. Более двух десятков греческих иммигрантов вошли в Государев двор, семеро из них подтвердили княжеский титул. Около десяти иммигрантов стали переводчиками Посольского приказа. Остальные иммигранты были зачислены в Иноземский при-

каз, в котором с 1630 по 1654 гг. было особое военное подразделение – греческая рота. С 1641 по 1671 гг. в Москве существовала Греческая слобода. Греческие колонии появлялись даже в Сибири, например, в Томске. Таким образом, можно утверждать, что греческие иммигранты оказывали влияние на развитие русского общества.

Ключевые слова: миграция, греки в России, религиозные преследования, социальный статус, дипломатические отношения.

Греческая эмиграция в Россию в период раннего Нового времени носила постоянный характер и прекращалась лишь в периоды острых политических конфликтов. Начало активных переселений относится к середине XVI в., когда Иван Грозный восстановил контакты с христианским Востоком. Вскоре возник план протектората над Дунайскими княжествами и в Россию стали перебираться дети господарей Молдавии и Валахии [33, с. 79–81]. По мнению Б.Н. Флори, причиной миграции стало подавление на этих землях антиосманских восстаний. Жители Дунайских княжеств видели в России силу, способную освободить их от турецкой власти [33, с. 79–81].

Миграция знати стала особенно заметна в период усиления позиций России. В конце XVI в., во время учреждения патриаршества при царе Фёдоре Иоанновиче приезжали потомки родовитых фамилий [33, с. 79–81]. Эта тенденция распространилась и на правление Бориса Годунова, а затем по инерции продолжилась и при Лжедмитрии I [33, с. 55–90].

Регулярные *выезды* второй половины XVI в. остановила лишь гражданская война эпохи Смуты. Восстановление русской государственности и утверждение династии Романовых породило новый приток православных выходцев из Османской империи.

В первые годы правления царя Михаила Фёдоровича в Россию снова стали прибывать единоверцы, чему в немалой степени способствовало возобновление русско-турецких дипломатических контактов. Греки, рассчитывавшие перебраться под «высокую государеву руку», стремились воспользоваться присутствием в Стамбуле русских дипломатов. Первое посольство 1613 г. под руководством стрелецкого головы Соловова Протасьева и дьяка Михаила Данилова, призванное известить Порту о восшествии на русский престол царя Михаила Фёдоровича, по возвращении привезло в русскую столицу иммигрантов [22, с. 83–88]. В дальнейшем поездки московских представителей всегда сопровождались *выходами* на царскую службу [19, с. 88–89].

Турецкие посольства, особенно в случаях, когда во главе их стоял грек, также привозили многочисленных иммигрантов. Ярким примером служит деятельность Фомы Кантакузена, активно помогавшего православным соотечествен-

никам при переселении в Россию. Но и в свите турецких дипломатов приезжали в Москву греки, желавшие остаться в далёкой северной державе. Многие иммигранты перебирались в Московское государство в сопровождении греческих купцов-агентов русского правительства, таких как Иван Петров Тафрали (Иоанн Варда), или же греческих иерархов, направлявшихся в русскую столицу для сбора пожертвований. Эту ситуацию ёмко обобщили Алибеевы-Макидонские: «А они (греки – Т.О.) выехали на государево имя с турскими послы и з гречеми властями и черницами, а служили оне в те поры у послов и у властей. А иные выехали до Смоленске служить за долго и после смоленские службы вскоре» [48, л. 5].

В целом за рассматриваемый период в Россию переселились более 200 человек. Власти всячески поддерживали миграцию [4; 6; 7; 8; 9; 16; 32; 33; 34; 38]. В историографии ранее эту миграцию изучали, в первую очередь, в плане церковных и просветительских контактов [34, с. 459]. Но, безусловно, она включала более широкий спектр профессиональных страт [20]. В России выходцев разграничивали по принципу подданства, а затем – конфессии.

Мотивы выездов были самыми разнообразными. Миграция в Россию в большинстве своём была обусловлена внутренней ситуацией в Европе и Малой Азии, которая приводила к мощным миграционным процессам. Войны, религиозное давление вынуждали людей к самым непредсказуемым перемещениям. Миграция распространялась на лиц, потерявших социальный статус в своём государстве. Их гнало разорение и безземелье. На поиски счастья в ином государстве отправлялись люди, не сумевшие удержаться в социальной системе своего отечества. В пылу полемики Алибеевы-Макидонские характеризовали своих оппонентов: «А греченя – плохие люди, бродящие, убегают к государю от турских людей и от своеи бедности, что такие люди туркам (не хотят – Т.О.) подать платить» [48, л. 5].

Социальные мотивы тесно переплетались с конфессиональными. В числе внутренних причин миграции значительное место занимали религиозные преследования. В России нередко оказывались религиозные диссиденты и представители религиозных меньшинств. Иммигранты из Османской империи и подчинённых ей территорий рассчитывали найти в России возможность сохранения вероисповедания.

Почти все челобитные греков с просьбой о принятии русского подданства повторяют одну формулу: в документах доминирует конфессиональная линия. Греки выступают страдальцами за веру, гонимыми иноверными и инославными. Повторяющиеся рефреном просьбы отличались лишь стилистически: желая «пребывати в православной христианской вѣре», или «для береженья истинныя православные крестьянские вѣры», или «и не хотя служити басорманскому турецкому царю и хотя умерети за государя и за православную крестьянскую вѣру» [44, л. 20], или «и не хотя быть в величестве и в чести и в славе и в богатстве у нечестивых агарян паче благочествыя вѣры оскорблялся с великим воз-

дыханием» [46, л. 5], или «от державаец (итальянских, испанских, Веницианской республики и других – Т.О.) был в великой чести и земли ть все обильны. Только они не имеют исправления истинныя христианские вѣры ... и я честь и славу к себе ни во что не положил, что они не имеют истинныя христианские веры. И после пожил в нашей земле в Цареграде и был на воеводствах ... и тою честью и добротою в нашей земле чтен был. Токмо в нашей земле царствуют враги безверные агаряне турки и от сего душа моя тому не поревнова, что мнѣ жити промеж их злых агарян» [52, л. 1], или «покидая земли, находящиеся под тиранией неверных, чтобы жить среди христиан, причислив себя к рабам святой царственности» [53, л. 1], или желая «поклониться христианской царственности, чтобы остаться жить в благочестии, поскольку неверными угнетаем род христианский, и все подвергаются постоянной опасности, так что и смерть лучше, чем такая жизнь» [54, л. 1], или «и ... будучи в своей Греческой земли для веры ради православные от безбожных многие беды и убытки терпел великие» [43, л. 1].

Таким образом, мотив религиозного преследования со стороны мусульман (а иногда и западных христиан) преобладал в прошениях о принятии русского подданства. Как явствует из челобитных, жёсткое давление на родине и стало причиной переселения в Россию. Выезд в формулярах челобитных почти всегда рисовался как спасение православия, «веры греческой природной» [51, 49].

Многие челобитные о выезде на «государево имя» говорят о попытках насильственной исламизации или она выступает как свершившийся факт.

В 1632 г. выехал на государево имя стамбульский грек Дмитрий Николаев, за пять лет до того насильно обращённый в ислам турком, у которого он находился на службе [58, л. 133; 45, л. 12; 62, л. 1]. В 1641 г. грек Дмитрий Иванов сын Строцкий рассказал на расспросе в Разрядном приказе, что после смерти отца его «ненавистники вѣры христианской турчане бусурманили» [60, л. 327–328]. В 1644 г. грек Константин Иванов сообщил, что «иво нечестивыи турки бусурманили насильством» [50, л. 1–4; 55, л. 10–11]. Другим ярким примером служит история приехавшего в 1637 г. Дмитрия Палеолога. После смерти отца, который, по рассказу Дмитрия, был «воеводой» в Пелопоннесе, мальчик прошёл путь *капыкуллари* – «раба султанского двора». Его взяли по системе *девширме* – «налогу крови», принудительному призыву мальчиков, прежде всего из знатных православных фамилий. Распространённая в Османской империи практика предполагала обязательную смену веры. Дмитрия обратили в ислам: «турской царь велел его обусурманить» [47, л. 2]; «обусурманили его турецкие люди смала» [49, л. 22–23]. Показания иммигранта подтверждал иерусалимский патриарх Феофан: «прежде бывал он православной христианин и для многих причин насильством его бусурманили» [47, л. 19]. После принятия ислама Дмитрия Палеолога под другим именем направили (видимо, для обучения) в специальную школу при султанском дворе. По завершении обучения он вступил на службу в привилегированный корпус янычар (турецкую регулярную пехоту): «и он обусурма-

нен служил турецкому царю» [47, л. 2]. Судя по словам иммигранта, он достиг высокого положения в султанской армии: «в Царегороде служил он турецкому царю головою у янычар в бусурманской вере» [47, л. 3]. Под фразой «голова у янычар» [47, л.1] (другой вариант «голова стрельцов» [47, л. 2]), скорее всего, следует понимать агу янычар. Позже Дмитрий Палеолог суммировал информацию о своём положении в Османской империи одной фразой: «служил я турецкому царю в чести» [48, л. 102].

Вероятно, схожая история произошла с Юрием Лазоревым Великомировым, приехавшим в 1644 г. и назвавшимся сербским князем [56, л. 1–26]. В Посольском приказе говорил о насильственном изменении веры: «А в Турскои земле бусурманил меня визирь Мустафа-паша невольством». В России большинство иммигрантов называло себя жертвами гонений, а мотивом переселения обозначали стремление вернуться в православие.

Это полностью соотносилось с позицией русских властей по обязательному вхождению в Московскую церковь бывших подданных султана. Все иммигранты из Османской империи обязательно становились членами приходов русской церкви.

Православные иных стран бежали для спасения веры в единственную единоверную суверенную державу. Они находили в Москве защиту от религиозных преследований со стороны католиков, униатов и мусульман, но подвергались «очищению». Представителей немосковских православных церквей в России возвращали к истинному благочестию.

К грекам относились как к гонимым единоверцам, страдальцам за православие, а Россия выступала покровительницей и защитницей преследуемых. Московское государство мыслилось главой и последним оплотом православного мира, которое принимает всех единоверных и возвращает их к истинному благочестию. К грекам, как к насильно обращённым, применялся второй чин присоединения к православию – миропомазание. В русских документах он назывался *исправление веры* [18, с. 288–325]. Важно подчеркнуть, что конфессиональные «очищения» никак не влияли на положение иммигрантов в русском обществе и ни в коей мере не были «бесчестьем». Новообращённый мог войти в русскую среду с очень высоким статусом.

Помимо конфессионального в миграции прослеживается и сословный фактор. Присутствие дворян-чужестранцев повышало престиж принявшей их державы. Вокруг царского двора собирались потомки родовитых фамилий. Приток дворян из других государств в Московию происходил и ранее, но в рассматриваемый период он заметно вырос. В русское дворянское сословие вливались представители знати (или выдававшей себя за таковую) бывшей Византийской империи. Им отдавалось предпочтение по сравнению с русскими дворянами из уездного дворянства или непривилегированных сословий.

Миграция порождала появление новых дворянских родов [14; 15, с. 555–586]. Для этого необходимо было подробно выяснить происхождение иммигранта.

Порядок принятия русского подданства был строго расписан. При вступлении в границы Московского государства «греки» проходили допросы в приграничных городах (Путивле, Рыльске, Севске, Воронеже, Астрахани, Архангельске). Каждый «иноземец», изъявивший желание жить в России, писал челобитную о «выезде на имя государя». Получив из Москвы согласие, в сопровождении приставов он достигал русской столицы, где мог оказаться в двух инстанциях: Посольском или Разрядном приказах. Там *выезжий* иноземец давал показания о собственной биографии, положении своей семьи на родине, роду деятельности; желательными были рекомендательные письма (*свидетельствованные грамоты*) и подтверждения осевших в России соотечественников (*знатцов*).

Таким образом, при определении социального статуса и, соответственно, размера жалований, выяснялись происхождение и предшествующая деятельность иммигранта.

В Российском государстве рассматриваемого периода статус человека определяла родовитость. Иерархическая система Московского государства, основанная на сословных ценностях, открывала широкие возможности иммигрантам, сумевшим доказать принадлежность к привилегированному сословию. При наличии весомых аргументов своей родовитости иммигранты могли рассчитывать на вступление в Государев двор, вхождение в состав московского дворянства и даже утверждение княжеского титула.

Нобилитации в России того периода не существовало. Царь не награждал званиями своих подданных – как старых, так и новых. С титулом можно было родиться, но его нельзя было приобрести. Государь лишь подтверждал статус иммигранта. Если звание иностранца на родине как владельца определённого региона (или его потомка) считалось сопоставимым с русским титулом, то иммигранта приравнивали по знатности к древнейшим русским родам (что совсем не означало наделения богатствами).

Но главная проблема заключалась в том, что к XVII в. христианская знать в Османской империи, если не эмигрировала, то была практически полностью уничтожена, низведена до уровня всего христианского населения. Потомки родовой знати Византии – фанариоты, элита Валахии и Молдавии – скорее ассоциировали себя с древними родами, чем реально им наследовали (напр., Кантакузины и Кантакузены). Это признавали и сами иммигранты, заявляя, что после падения Византии представители императорских родов лишились привилегированного положения: «А как турки Царь-город взяли и Греческою землею овладели, и роды их (императоров – Т.О.) ... почели быти да и ныне в простых людех» [59, л. 503]. Древние роды измельчали и захирели.

Однако русские власти рассчитывали видеть в иммигрантах представителей знатных семей.

Ещё с XVI в. в состав Государева двора при царе Фёдоре Иоанновиче вошли потомки воеводы Фессалоник Дмитрий Аргиров Селунский и троих его сыновей [33, с. 79–81]. В то же царствование в 1591–1592 гг. в России оказался сын

воеводы Мануил Маскополов (Москополов, Мускополович), которого «Новый летописец» назвал «родичем греческих царей» [26, с. 32; 11, с. 15–17; 33, с. 79–81]. В свите Мануила Маскополова в Москву приехал Иван Константинов, чуть позже в русских документах именовавшийся Палеологом [41, л. 122]. Переселения «греческой» знати продолжались и при Лжедмитрии I. В 1605 г. в Россию перебрались Андрей Раль (Ралли), очевидно, родственник митрополита Дионисия Ралли [31, с. 55–90], а также Мануил Кантакузин-Палеолог [23; 33, с. 79–81]. Иммигранты стали равноправными членами русского привилегированного сословия. В боярских списках их имена никак не отделялись от русских дворян, но пережить Смуту и продолжить свой род удалось лишь наследникам Дмитрия Аргилова Селунского [2; 25, с. 377–382].

Несмотря на широкие масштабы исламизации в Османской империи и пресечение древних христианских родов, «греческие» выходцы преобладали среди других иммигрантов по числу лиц, достигших на новой родине высокого статуса и наделённых княжеским титулом. Если среди западноевропейцев и выходцев из Речи Посполитой за первую половину XVII в. княжеского достоинства удостоилось всего двое, то среди «греков» (значительно уступавших по общей численности) – семеро. Князьями в России стали Иван и Павел Альбертусы-Долмацкие, Михаил и Степан Милорадовы (не состоявшие друг с другом в родстве), Мануил Филадельфийский, Юрий Лазорев Великомиров, Алибеевы-Макидонские.

В Россию приезжали не только «архонты», «базилевсы» и их потомки. После падения Византии уничтожались не только императорские роды, но и в целом всё христианское сословие. В составе военно-служилого сословия Османской империи христиан не должно было быть. В XV в. на окраинах империи, на Балканском полуострове, в Северной Греции сохранялось ещё значительное число христиан-спахиев [37, с. 184–197]. Как единичные случаи дворяне-христиане владели на правах условного пользования именьями в XVI и даже XVII вв. Вероятно, именно поэтому категория сипахи не вызывала подозрений у чиновников Посольского приказа. Очень многие иммигранты определяли своё социальное положение как «спаги, а по-русски служилые дети боярские» [6]. Не исключено, что многочисленные «спаги» всё же что-то скрывали от русских властей: или завышали свой социальный статус, или были мусульманами. Об этом говорил, в частности, русский посол Пётр Мансуров (посольство 1620 г.), рекомендуя приехавших с ним «греков». Он был уверен, что они все «гречане православные хрестьянские въры ... а службы никакие хрестьяне с турскими людьми не служат, кроме тех, которые збусурманятся». Он рассказывал, что по законодательству Османской империи христиане не имели права состоять на государственной службе и даже очень родовитые могли сохранить веру лишь занимаясь торговлей [42, л. 7]. Это подтверждал в 1648 г. и Юрий Константинов сын Карапиперов, убеждая, что никто из знатных «греков» не мог сохранить своих наследственных владений: «а за которыми де гречены в прежние времена

и были поместья, и у них поимали за себя турки, а греченом поместьями владеть не дали» [52, л. 3]. Поскольку занятие торговлей, с точки зрения властей большинства стран, не относилось к деятельности благородного сословия, иммигранты предпочитали говорить о себе и своих родителях как о «служилых людях» или о «воеводах» и «городничих».

Такие иммигранты могли обладать греческими рекомендательными грамотами, которые в России высоко ценились.. Княжеского титула удостаивались единицы, остальные признанные родовитыми иностранцы получали звание дворян по московскому списку. Их зачисляли в Разрядный приказ и записывали в боярский список. В середине 20-х гг. XVII в. изменился состав Государева двора, в нём появилась особая группа московских дворян-иноземцев [1, с. 55–56]. За первую половину XVII столетия в неё вошли более десятка «греческих» иммигрантов.

Помимо древней родословной и титула (подлинного или мнимого), положение иммигрантов в России определяли профессиональные навыки. Иностранцы, обладавшие востребованными в России профессиями (врачи, рудознатоцы, ювелиры, артиллеристы, инженеры и др.), зачислялись в Аптекарский и Пушкарский приказы, Царские мастеровые палаты. Страна нуждалась в специалистах, и власти старались привлечь иностранцев на русскую службу. Правда, среди «греческих» светских иммигрантов подобных специалистов практически не было. К середине XVII в. в России находился лишь один «греческий» врач – Дмитрий Селунский, и один иконописец Оружейной палаты – Апостол Юрьев [5; 24; 27; 29; 30].

Чаще всего «греческие» иммигранты поступали на военную службу. Не попавшие в дворянское сословие выходцы из Османской империи и вассальных ей государств направлялись в Иноземский приказ. В это военное ведомство попадали не только наёмники или представители служилого сословия иных стран, но и все иммигранты, не имевшие рекомендательных и свидетельствованных грамот, и, как следствие, не записанные в боярские списки или узкопрофессиональные приказы. К примеру, в Иноземский приказ был зачислен далёкий от военной службы человек – православный еврей Аврам Селунский, в крещении Ивана [17, с. 132–150].

Количество иммигрантов резко увеличилось в преддверии Смоленской войны (1632–1634 гг.), когда в России активно шла военная реформа. «Полки нового строя», находившиеся в ведении Иноземского приказа, переформировывались и стремительно увеличивались. В 1630 г. было выделено специальное подразделение бывших подданных Османской империи и вассальных ей государств: «греческая рота» [28]. Её возглавил Николай Мустофин, чуть позже – Николай Шабанов, а затем – Фёдор Сулейманов (судя по патронимам «Мустафа», «Шабан» и «Судейман», они имели на родине мусульманские имена), которого сменил Юрий Трапезундский. «Греческая рота» просуществовала до середины XVII в.

Другим вариантом государственной службы для «греческих» иммигрантов стала переводческая деятельность. Устные и письменные переводчики с греческого языка в Посольском приказе могли быть сумевшими бежать на родину бывшими русскими пленниками, выучившими язык в период рабства в Османской империи, либо этническими греками или сербами. Большинство последних зачислялись в Посольский из Иноземского приказа. Распространённой практикой того времени был путь иностранцев из Иноземского в Посольский приказ [12; 13]. На военной службе, зачастую в полевых условиях, выходцы из Османской империи и вассальных ей государств получали навыки устной речи и, войдя в языковую среду новой родины, сменяли род деятельности. За отсутствием документов для получения дворянства наиболее заманчивой перспективой служилого военного иностранца был переход в дипломатическое ведомство. При любой возможности иммигранты стремились сменить армейскую службу на переводческую. Для этого требовалось пройти своеобразный экзамен на свободное владение русским языком. Существовала необходимость не только в устных, но и в письменных переводах. Где и как происходило обучение русской грамоте, кто был наставником иммигрантов, неизвестно. Сохранилось уникальное свидетельство об одном необычном способе обучения русской грамоте. Мануил Филадельфийский, при *выезде* сообщивший, что он *кирица* (князь), но записанный как «клирик», был направлен в Нижегородский Печерский Вознесенский монастырь. В обители он находился шесть лет то ли в качестве оглашенного, то ли послушника, то ли церковного служки. Выучив язык и покинув монастырские стены, «грек» добрался до Москвы и был зачислен в Посольский приказ. Позже с помощью греческих грамот он доказал принадлежность к княжескому роду и получил в России искомый титул [19, с. 88–89; 20].

Присутствие значительного числа иммигрантов из Османской империи и вассальных ей государств породило формирование землячества, которому оказывали поддержку греческие купцы [39, с. 354–357] (они не были иммигрантами, но в качестве агентов пользовались большим авторитетом у властей). В первой половине XVII в. признанными лидерами греческого землячества были келарь Новоспасского монастыря Иоанникий [36], а после его кончины в 1630 г. – князь Иван Альбертус Далмацкий [10]. «Греческую» общину нередко раздирали споры и противостояния, в ней вспыхивали судебные конфликты, отражавшие соперничество за лидерство внутри общины. Все *изветы* властям исходили из собственной среды. С родом князей Альбертусов за главенство в землячестве успешно боролись князья Алибеевы-Макидонские. Огромное влияние на бывших соотечественников имели ротмистры, например, Юрий Трапезундский.

Распределённые на службе по профессиональным группам, при расселении иммигранты объединялись властями по бывшему подданству. По мере расширения греческого землячества, выходцы из Османской империи и вассальных государств образовали колонию – Греческую слободу. Она была сформирована в 1641 г. за пределами Москвы, в Заяузье, недалеко от Андрониевского монасты-

ря и просуществовала до 1671 г. [40, с. 199, 201]. Её центром стал храм Св. Троицы. Жителей объединял также слободской храм Святителя Николая на Ямах, где главой прихода некоторое время был священник Иван Трофимов. Греческая слобода была населена военными, толмачами и переводчиками. Колония представляла собой круг теснейшим образом связанных между собой иммигрантов: «А живут ... они *все в единой слободе*, пьют и ядят вместе, кумовство и сватовство у них заодно» [48, л. 6].

Греческие колонии появлялись не только в Москве. Население окраин Московского государства пополняли греки, попавшие под наказания. Удивительна история «греческого» купца Николая Христофорова, разработавшего под впечатлением взятия Азова план освобождения Константинополя [21, с. 228–246]. Николай Христофоров приехал в Россию, чтобы предложить московскому правительству свой проект захвата Царьграда и передачи его под власть русского царя. Из опасения, что этот проект может повлечь за собой авантюру с участием донских казаков, за которой последуют срыв русско-османских переговоров и опустошительные набеги крымских татар, по решению царя Алексея Михайловича греческого купца сослали в сибирскую Мангазею, бежать откуда было невозможно [61, л. 49]. Для большинства греческих иммигрантов местом ссылки был Томск.

Наполнение страны разноликими и разноязычными иностранцами обогатило её опыт. Иммигранты вносили неповторимый вклад в развитие Московского государства и расширение его границ. Греческие духовные лица сохраняли роль учителей веры. Они выступали неперенными арбитрами во всех богословских спорах. Присутствие «греков» в России рассматривалось показателем престижа, значимости Московской церкви.

Светские иммигранты пополняли Государев двор, штат Иноземского и Посольского приказов. Участие родовитых греков заметно не только в придворном церемониале, боевых сражениях, военных походах и дипломатических контактах, но и в развитии книжной культуры. Князь Иван Альбертус стал автором первого теоретического труда по геометрии в России. По царскому заказу он перевёл с английского языка на русский математический трактат. Его двоюродный брат Дмитрий Альбертус был приглашён для ведения богословских споров с пастором датского графа Вальдемара [3, с. 53–63; 36].

Греческое землячество представляло собой сообщество очень колоритных личностей, имевших разнообразный цивилизационный опыт. Вечные странники, «греки» нередко прибывали в Россию, посетив до этого многие страны. География их путешествий иногда невероятна. Во время многолетних странствий многие иммигранты сумели обогнуть континент, пройти из южных морей вдоль берегов Европы, а затем попасть в Россию через Северный морской путь. Список промежуточных перед Россией пунктов включал Алжир, Испанию, Фландрию, Голландию, Англию, Францию, Гамбург, Варшаву, Молдавское и Валахские княжества. Судьбы греческих иммигрантов, наполненные удиви-

тельными авантюрами, видимо, отражают не только склонности натуры, но и реалии Западной Европы и Малой Азии того времени. Сложнейшие миграции порождали непредвиденные перемещения людей.

Среди иммигрантов с пёстрой биографией выделяется выходец из Янины Юрий Константинов сын Карапиперов. До выезда, судя по скаске, его жизнь состояла из постоянной смены государств [52, л. 1, 3, 4, 12]. На допросе в Посольском приказе он рассказал, что бывал на воеводствах в Османской империи, жил в Венецианской республике, в Италии и Испании. Занимаясь купеческой деятельностью, Юрий Константинов стал одним из постоянных агентов русского правительства, поставлял сведения о ситуации в других странах сам и передавал вестовые письма своего двоюродного брата Ивана Петрова Тафрали (Иоанна Варды). В 1648 г. он принял русское подданство, исполняя при этом обязанности посредника между Москвой и ставкой Богдана Хмельницкого. И этот пример отнюдь не уникальный.

Хоть и не самая многочисленная группа иммигрантов в России, «греки», безусловно, были наиболее яркими и запоминающимися.

Список литературы

1. Белоусов М.Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–56.
2. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа. Сост. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский, В.И. Буганов. М.: ЦГАДА, 1979. Ч. 1. 188 с.
3. Голубцов А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М.: Типография А. И. Снегиревой, 1891. 384 с.
4. Димитријевић С. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд: Srpska kraljevska akademija i negovanje jezika srpskog, 1922. Т. 53 (45). С. 53–63.
5. Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела // И.Е. Забелин // Записки имп. Археологического общества. М.: Императорское Русское Археологическое Общество, 1853. 101 с.
6. Захарьина Н.С. Материалы по истории светской эмиграции из Балкан в Россию в первой половине XVII в. в фондах Посольского приказа // Связи России с народами Балканского полуострова. М.: Наука, 1990. С. 194–209.
7. Исторические связи СССР и Румынии. М.: Наука, 1965. Т. 1. 367 с. Т. 2. 451 с.
8. Каптерев Н.Ф. Приезд в Москву за милостыней сербских иерархов разных кафедр и настоятелей сербских монастырей в XVI, XVII и начале XVIII столетий // Прибавление к Творениям Св. Отцов. Т. 2. № 48. С. 461–576.
9. Каптерев Н.Ф. Характер отношения России к Православному Востоку в XVI XVII столетиях. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1914. 580 с.
10. Кошелева О.Е., Симонов Р.А. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии и её автор // Книга, исследования и материалы. Сб. 42. М.: Всесоюз. кн. Палата, 1981. С. 63–73.
11. Кобеко Д.Ф. Волошский воеводич Степан Александрович // Известия русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1911. С. 15–17.
12. Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Брянск, 2007. 586 с.
13. Куненков Б. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приёма. URL: <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=50> (дата обращения: 07.07.2017).

14. Лаптева Т.А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII в. // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 1994. Вып. 5. С. 109–127.
15. Лаптева Т.А. Новые дворянские роды в России в XVII в. // Памяти Лукичева. Сб. ст. по истории и источниковедению. М.: РГАДА, 2006. С. 555–586.
16. Москва – Сербия. Белград – Россия: сб. документов и материалов. Т. 1: Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. / сост.: С. Долгова, Е. Иванова и др. М. – Белград, 2009. 669 с.
17. Опарина Т.А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в. (Толмач Посольского приказа Иван Селунский) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М.: Сэфер, 2003. С. 132–150.
18. Опарина Т.А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 288–325.
19. Опарина Т.А. Документы о миграции «греков» в фондовых коллекциях Российского государственного архива древних актов (I-ая половина XVII в.) // К 350-летию посещения патриархом Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы. Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохийского патриарха Макария и дневники архидиакона Павла Алеппского. Четвёртые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М.: Институт всеобщей истории, 2006. С. 88–89.
20. Опарина Т.А. Просопография греческих иммигрантов в России (первая половина XVII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. XXVII международная научная конференция. К 85-летию Историко-архивного института. К 75-летию кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Москва, 9–11 апреля 2015 г. С. 341–343.
21. Опарина Т.А. От Царьграда до Мангазеи: сибирская ссылка для «освободителя» Константинополя // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 228–246.
22. Опарина Т.А. Миграция в Россию из Османской империи и её вассальных государств в 10-е гг. XVII в. // Каптеревские чтения. Вып. 13. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 83–88.
23. Опись Посольского приказа 1626 г. / под ред. С.О. Шмидта. Ч. 1. М.: ЦГАДА, 1977. 528 с.
24. Павленко А.А. Новые архивные материалы о греческих художниках в России XVII в. // Филевские чтения. Вып. 10. М.: Центральный музей, 2003. С. 377–382.
25. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. Спб.: Наука, 1992. 279 с.
26. ПСРЛ. Т. 14. М.: ЯРК, 1965. С. 32.
27. Селезнёва И.А. Золотая и серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские в XVII в. М.: Древлехранилище, 2001. 254 с.
28. Скобелкин О. В. Служба иноземцев в Украинном Разряде в 20-х гг. XVII в. // Иноземцы в России XV – XVII вв. Материалы международной конференции. М.: РГАДА, 2006. С. 292–302.
29. Троицкий В.И. Организация золотого и серебряного дела в Москве XVII века // Исторические записки. М.: АН СССР, 1941. Т. 12. 195 с.
30. Успенский А.И. Государев иконописец Апостол Юрьев. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. 23 с.
31. Ульяновский В.И. Православный Восток и Московское царство в начале Смуты: духовные миссии/посольства, проблема восприятия власти, символика даров // Studia Slavica et Balconica Petropolitana. СПб.: СПб. ун-т. 2012. № 2 (12). С. 55–90.
32. Флоря Б.Н. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI – начало XVII в.) // Балканские исследования. М.: Наука, 1978. Вып. 3. С. 57–63.
33. Флоря Б.Н. Молдавская, валахская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве второй половины XVI-начала XVII вв. // Проблемы источниковедения Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев: АН МССРЮ Ин-т истории им. Я.С. Гросула, 1983. С. 79–81.
34. Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV–начале XVIII в. М.: Индрик, 2003. 459 с.
35. Фонкич Б.Л. Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. Т. 10. М.– Спб.: Едиториал УРСС, 2006. С. 85–110.
36. Цветаев Д.В. Памятники к истории протестантизма в России. М.: В Университетской типографии, 1882. Вып. 1. 25 с.
37. Цветкова Б.А. Новые данные о христианах-спахиях на Балканском полуострове в период турецкого господства // Византийский

- Временник. Т. 13. М.: АН СССР, 1958. С. 184–197.
38. Ченцова В.Г. Икона Иверской Богоматери (очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М.: Индрик, 2010. 416 с.
39. Чеснокова Н.П. Материалы Посольского приказа о пребывании в России греческих купцов 40–60 гг. XVII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы историкоисследования. 17-е Чтения памяти член.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 4-е Чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина. Тезисы докладов. М.: Ак. наук, 2005. Ч. 2. С. 354–357.
40. Шахова А.Д. Греки в Москве в XVI–XVII вв. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 199, 201.
41. РГАДА. Ф. 35, оп. 1. № 52. Л. 119–122.
42. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1620, № 2. Л. 7.
43. РГАДА. Ф. 52, оп. 1. 1631, № 9. Л. 1.
44. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1632, № 14. Л. 20.
45. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1632, № 17. Л. 12.
46. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1634, № 14. Л. 5.
47. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1637, № 6. Л. 2, 19, 1–26.
48. РГАДА. Ф. 52, оп. 1. 1643. № 1. Л. 5
49. РГАДА. Ф. 150. 1644, № 1. Л. 22–23.
50. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1646, № 8. Л. 1–4.
51. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1647, № 16. Л. 49.
52. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1648, № 39. Л. 1, 3–4, 12.
53. РГАДА. Ф. 52, оп. 2, 1656, № 555. Л. 1.
54. РГАДА. Ф. 52, оп. 2, 1656, № 554. Л. 1.
55. РГАДА. Ф. 68. 1644, № 3. Л. 10–21;
56. РГАДА. Ф. 150. 1637. № 3. Л. 1.
57. РГАДА. Ф. 150, 1644, № 1. Л. 1–28;
58. РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 75. Л. 133.
59. РГАДА. Ф. 210, оп. 13, стб. 37. Л. 503.
60. РГАДА. Ф. 210, оп. 13, стб. 260. Л. 327–328.
61. РГАДА. Ф. 214, оп. 3. Стб. 322. Л. 49.
62. РГАДА. Ф. 396, оп. 1, № 2007. Л. 1.

Об авторе:

Татьяна Анатольевна Опарина – к.и.н., декан Факультета искусствоведения Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (РАЖВиз Ильи Глазунова), профессор кафедры всеобщей истории. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая 21. E-mail: t-a-opart@yandex.ru.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, 12-21-14001.

SECULAR GREEK MIGRATION TO RUSSIA OF THE END OF XVI – FIRST HALF XVII CENTURIES

T.A. Oparina
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-47-64

Academy of painting, sculpture and architecture

The article is devoted to the issue of migration in Russia in the Early-modern time the Orthodox subjects of the Ottoman Empire and its vassal States. It presents the dynamics of migration, the analysis of its causes, revealed the social origins of immigrants, studied the place which they received in Russian society. Found that the Russian government was interested in migration. The Greeks always were readily accepted in Russia and received Russian citizenship. The Russian government was guided by several motives. In the first place, the government proceeded from the doctrine of Moscow as the III Rome. The concept was laid on the Russian Tsar functions of the Byzantine Emperor. After the fall of Byzantium the mission the only Orthodox sovereign ruler – Moscow Tsar, was the defense of Orthodoxy and the salvation of believers. Using Greek migration was implemented a complex of Messianic beliefs

about Holy Russia. In addition, the migration was allowed to expand the Russian privileged class for the former nobility of Byzantium, as well as to replenish the ranks of specialists in military affairs. The motives of the resettlement of the Greeks themselves in the first place were religious. The threat of Islamization sounded like the main reason for their desire to stay in Russia. The authorities have always responded to such requests. As a result, Russia moved more than 200 people. The most intensive migration was purchased in periods of close diplomatic relations between the Russian and Greek parties: when adopting an Imperial title, the establishment of the Patriarchate and preparation for the Smolensk war (1632–1634), the Church ritual reforms of Patriarch Nikon. Social origins of immigrants have varied greatly. It was the inhabitants of the Danubian principalities, who were captured by the Tartars; the military rank of the Ottoman army, merchants, artisans, members of the families of the Turkish authorities, landowners, representatives of Byzantine aristocratic dynasties, the relatives of the higher Greek clergy. They all had the opportunity to obtain a recommendation letter of the patriarchs of the Christian East. This document was created by the possibility to obtain the rank of Moscow nobleman. In the period under review, more than two dozen immigrants entered the Czar's court; seven of them have confirmed the title of Prince. About ten immigrants have become translators of the Diplomatic department. Other immigrants enrolled in the Department for Foreigners serviceman, where from 1630 to 1654 was a special military Greek company. From 1641 to 1672 in Moscow there was a Greek settlement. Greek colonies appeared even in Siberia, for example, in Tomsk. Greek immigrants have influenced the development of Russian society.

Key words: Russian-Greek relations Migration religious persecution social status diplomatic affairs.

References

1. Belousov M.R. Inozemtsy v boiarskikh spiskakh serediny XVII v. [Foreigners in the boyars' lists in the middle of XVII century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. Kazan', Kazanskii gos. un-t im. V.I. Ul'ianova-Lenina, 2014, vol. 156, book 3, pp. 55–56. (In Russian)
2. *Boiarskie spiski poslednei chetverti XVI – nachala XVII vv. i rospis' russkogo voiska 1604 g. Ukazatel' sostava Gosudareva dvora po fondu Razriadnogo prikaza*. [Boyar lists the last quarter of XVI – early XVII centuries and count of the Russian army in 1604 Index of personner of the Tsar's court]. S.P. Mordovina, A.L. Stanislavskii, V.I. Buganov. Moscow, TsGADA Publ., 1979. Ch. 1. 188 p. (In Russian)
3. Golubtsov A.P. *Preniia o vere, vyzvannye delom korolevicha Valdemara i tsarevny Iriny Mikhailovny* [The icon of the Iverian Mother of God (Essays on the history of the relations of the Greek Church of Russia in the middle of XVII century according to the documents of RGADA)]. Moscow, Tipografiia A. I. Snegirevoi, 1891. 384 p. (In Russian)
4. Dimitrijevič S. *Graha za srpsku istoriju iz ruskikh arkhiva i biblioteka. Spomenik Srpske Kraljevske Akademije*. Beograd, Srpska kraljevska akademija i negovanje jezika srpskog Publ., 1922. Vol. 53 (45). Pp. 53–63. (In Russian)
5. Zabelin I.E. *Istoricheskoe obozrenie finiftianogo i tseninnogo dela* [Historical review finifter and ceramic crafts]. *Zapiski imp. Arkheologicheskogo obshchestva*. Moscow, Imperatorskoe Russkoe Arkheologicheskoe Obshchestvo Publ., 1853. 101 p. (In Russian)
6. Zakhar'ina N.S. *Materialy po istorii svetskoi emigratsii iz Balkan v Rossiiu v pervoi polovine XVII v. v fondakh Posol'skogo prikaza* [Materials on the history of secular emigration from the Balkans to Russia in the first half of the XVII century in the collections of the Diplomatic Department]. *Sviazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova* [Russia's ties with the peoples of the Balkan Peninsula]. Moscow, Nauka Publ., 1990. Pp. 194–209. (In Russian)
7. *Istoricheskie sviazi SSSR i Rumynii*. Moscow, Nauka Publ., 1965. Vol. 1. 367 p. Vol.

2. 451 p. (In Russian)
8. Kapterev N.F. Priezd v Moskvu za milostynei serbskikh ierarkhov raznykh kafedr i nastoiatelei serbskikh monastyrei v XVI, XVII i nachale XVIII stoletii [The arrival in Moscow for alms Serbian hierarchs of the different departments and abbots of the Serbian monasteries in the XVI, XVII and XVIII centuries]. *Pribavlenie k Tvoreniiam Sv. Ottsov*. Vol. 2. No. 48. Pp. 461–576. (In Russian)
9. Kapterev N.F. *Kharakter otnosheniia Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI XVII stoletiiakh* [The relationship of Russia to the Orthodox East in the XVI – XVII centuries]. Sergiev Posad, Tip. Sv.-Troits. Sergievoi lavry, 1914. 580 p. (In Russian)
10. Kosheleva O.E., Simonov R.A. Novoe o pervoi russkoi knige po teoreticheskoi geometrii i ee avtor [New about the first Russian book on the theory of geometry and its author]. *Kniga, issledovaniia i materialy* [The Book. Researches and materials]. Vol. 42. Moscow, Vsesoiuz. kn. Palata, 1981. Pp. 63–73. (In Russian)
11. Kobeko D.F. Voloshskii voevodich Stepan Aleksandrovich. *Izvestiia russkogo genealogicheskogo obshchestva*. Iss. 4. St. Petersburg, tip. Imp. Akad. Nauk, 1911. Pp. 15–17. (In Russian)
12. Kunenkov B.A. *Posol'skii prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo* [Diplomatic department in 1613–1645: structure, employees, records management]. Phd diss. Briansk, 2007. 586 p. (In Russian)
13. Kunenkov B. *Perevodchiki i tolmatchi Posol'skogo prikaza vo vtoroi chetverti XVII v.: funktsii, chislennost', poriadok priema* [Translators and interpreters of the Diplomatic department in the second quarter of the XVII century: functions, number, the order of reception]. Available at: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50> (Accessed: 07.07.2017). (In Russian)
14. Lapteva T.A. Dokumenty Inozemnogo prikaza kak istochnik po istorii Rossii KhVII v. [Documents of Foreign's prikaz as a source on Russian history of the XVII century]. *Arkhiv russkoi istorii*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 1994. Iss. 5. Pp. 109–127. (In Russian)
15. Lapteva T.A. Novye dvoriarskie rody v Rossii v XVII v. [New noble families in Russia in the XVII century]. *Pamiati Lukicheva*. Sb. st. po istorii i istochnikovedeniiu. [In memorial of Lukichev. A book of articles on history and source studies]. Moscow, RGADA Publ., 2006. Pp. 555–586. (In Russian)
16. *Moskva – Serbiia. Belgrad – Rossiia: sb. dokumentov i materialov* [Moscow – Serbia. Belgrad – Russia: collection of documents and materials]. Vol. 1: Obshchestvenno-politicheskie sviazi XVI–XVIII vv. [Social-political linkages]. S. Dolgova, E. Ivanova. Moscow, Belgrad, 2009. 669 p. (In Russian)
17. Oparina T.A. Integratsiia evreia v russkoe obshchestvo serediny XVII v. (Tolmach Posol'skogo prikaza Ivan Selunskii) [The integration of Jew into Russian society of the mid XVII century (Ivan Selynsky – the interpreter of Diplomatic Department)]. *Svoi ili chuzhoi? Evrei i slaviane glazami drug druga* [Ours or others? The Jews and the Slavs through the eyes of each other]. Moscow, Sefer Publ., 2003. Pp. 132–150. (In Russian)
18. Oparina T.A. «Ispravlenie very grekov» v russkoi tserkvi pervoi poloviny XVII v. [«Purification the faith of the Greeks» in the Russian Church the first half of the XVII century]. *Rossiia i Khristianskii Vostok* [Russia and the Christian East]. Iss. II–III. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. Pp. 288–325. (In Russian)
19. Oparina T.A. Dokumenty o migratsii «grekov» v fondovykh kollektsiiakh Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov (I-aia polovina XVII v.) [Documents on Greek migration in the Russian state archive of ancient acts (First half of the XVII century)]. *K 350-letiiu poseshcheniia patriarkhom Makariem Antiokhiiskim i arkhidiakonom Pavlom Aleppskim Moskvu. Istoricheskie traditsii rusko-siriiskikh kul'turnykh i dukhovnykh sviazei: missiia antiokhiiskogo patriarkha Makarii i dnevniki arkhidiakona Pavla Aleppskogo. Chetvertye chteniia pamiati professora Nikolaia Fedorovicha Kaptereva* [The fourth reading in memory of Professor Nikolay Fedorovich Kapterev]. Mos-

- cow, Institut vseobshchei istorii Publ., 2006. Pp. 88–89. (In Russian)
20. Oparina T.A. Prosopografiia grecheskikh immigrantov v Rossii (pervaia polovina XVII v.) [Prosopography of Greek immigrants in Russia (the first half of the XVII century)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny i istochnikovedenie: sovremennye issledovaniia i perspektivy razvitiia. XXVII mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. K 85-letiiu Istoriko-arkhivnogo instituta. K 75-letiiu kafedry vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin* [Historical disciplines and source study: current research and prospects for development. XXVII international scientific conference.]. Moscow, 09–11.04.2015. Pp. 341–343. (In Russian)
21. Oparina T.A. Ot Tsar'grada do Mangazei: sibirskaiia ssylka dlia «osvoboditelia» Konstantinopolia [From Constantinople to Mangazeya: Siberian exile for «liberator» of Constantinople]. *Rossiia i Khristianskii Vostok* [Russia and the Christian East]. Iss. IV–V. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015. Pp. 228–246. (In Russian)
22. Oparina T.A. Migratsiia v Rossiiu iz Osmanskoi imperii i ee vassal'nykh gosudarstv v 10-e gg. XVII v. [Migration to Russia from the Ottoman Empire and its vassal states in the 10-ies. XVII century]. *Kapterevskie chteniia* [Kapterew readings]. Iss. 13. Moscow, IVI RAN Publ., 2015. Pp. 83–88. (In Russian)
23. *Opis' Posol'skogo prikaza 1626 g.* [The Inventory of the ambassadorial order of 1626]. Ed. by S.O. Shmidt. Part 1. Moscow, TsGADA Publ., 1977. 528 p. (In Russian)
24. Pavlenko A.A. Novye arkhivnye materialy o grecheskikh khudozhnikakh v Rossii XVII v. [New archival materials about Greek painters in Russia of the XVII century]. *Filevskie chteniia* [Filevsky's Readings]. Iss. 10. Moscow, Tsentral'nyi muzei Publ., 2003. Pp. 377–382. (In Russian)
25. Pavlov A.P. Gosudarev dvor i politicheskaiia bor'ba pri Borise Godunove [Gosudarev Dvor and political struggle under Boris Godunov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 279 p. (In Russian)
26. PSRL [Full Collection of Russian Annals]. Vol. 14. Moscow, IaRK Publ., 1965. P. 32. (In Russian)
27. Selezneva I.A. *Zolotaia i serebrianaia palaty. Kremlevskie dvortsovyie masterskie v KhVII v.* [Tsar's Gold and Silver crafts]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2001. 254 p. (In Russian)
28. Skobelkin O.V. Sluzhba inozemtsev v Ukrainnom Razriade v 20-kh gg. XVII v. [Service of foreigners in Ukraine the Discharge in the 20-ies of XVII century]. *Inozemtzy v Rossii XV – XVII vv. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Foreigners in Russia XV–XVII. Proceedings of the international conference]. Moscow, RGADA Publ., 2006. Pp. 292–302. (In Russian)
29. Troitskii V.I. Organizatsiia zolotogo i serebrianogo dela v Moskve KhVP veka [The Organization of the gold and silver crafts in Moscow XVII century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, AN SSSR Publ., 1941. Vol. 12. 195 p. (In Russian)
30. Uspenskii A.I. *Gosudarev ikonopisets Apostol Iur'ev* [The Tsar's icon's master Apostle Ur'ev]. Moscow, t-vo tip. A.I. Mamontova, 1901. 23 p. (In Russian)
31. Ul'ianovskii V.I. Pravoslavnyi Vostok i Moskovskoe tsarstvo v nachale Smuty: dukhovnye missii / posol'stva, problema vospriiatii vlasti, simvolika darov [The Orthodox East and Muscovy in the beginning of the Time of Troubles: the church Embassies, the problem of perception of the power, the symbolism of the gifts]. *Studia Slavica et Balconica Petropolitana*, 2012, № 2 (12), pp. 55–90. (In Russian)
32. Floria B.N. Vykhodtsy iz balkanskikh stran na russkoi sluzhbe (konets XVI – nachalo XVII v.) [Immigrants from Balkan countries in the Russian service (the end XVI – beginning XVII century)]. *Balkanskii issledovaniia* [Balkan studies]. Moscow, Nauka Publ., 1978. Iss. 3. Pp. 57–63. (In Russian)
33. Floria B.N. Moldavskaiia, valashskaiia i grecheskaiia feodal'naia emigratsiia v Russkom gosudarstve vtoroi poloviny XVI-nachala XVII vv. [Moldavian, Wallachian and Greek feudal emigration in the Russian state in the second half of XVI — early XVII centuries]. *Problemy istochnikovedeniia Moldavii perioda feodalizma i kapitalizma* [Problems of source studies of Moldova period of feudalism]

- and capitalism]. Kishinev, AN MSSRlu In-t istorii im. Ia.S. Grosula Publ., 1983. Pp. 79–81. (In Russian)
34. Fonkich B.L. *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v KhIV–nachale XVIII v.* [Greek manuscripts and documents in Russia in the XIV – early XVIII century]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 459 p. (In Russian)
 35. Fonkich B.L. Ioannikii Grek (K istorii grecheskoi kolonii v Moskve pervoi treti XVII v.) [Ioannikes the Greek (history of the Greek colony in Moscow in the first third of the XVII centuries)]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on feudal Russia]. Vol. 10. Moscow, St. Petersburg, Editorial URSS Publ., 2006. Pp. 85–110. (In Russian)
 36. Tsvetaev D.V. *Pamiatniki k istorii protestantizma v Rossii* [Documents of the history of Protestantism in Russia]. Moscow, V Universitetskoi tipografii, 1882. Iss. 1. 25 p. (In Russian)
 37. Tsvetkova B.A. Novye dannye o khristianakh-spakhiiakh na Balkanskom poluostrove v period turetskogo gospodstva [New data about the Christians – landowners on the Balkan Peninsula during the Ottoman domination]. *Vizantiiskii Vremennik* [Byzantine Vremennik]. Vol. 13. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. Pp. 184–197. (In Russian)
 38. Chentsova V.G. *Ikona Iverskoi Bogomateri (ocherki istorii otnoshenii grecheskoi tserkvi s Rossiei v seredine XVII v. po dokumentam RGADA)* [Icon of the Iberian Mother of God (essays on the history of relations between the Greek church and Russia in the middle of the 17th century according to the documents of the RGADA)]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 416 p. (In Russian)
 39. Chesnokova N.P. Materialy Posol'skogo prikaza o prebyvanii v Rossii grecheskikh kuptsov 40–60 gg. XVII v. [Documents of the Diplomatic department for Greek merchants (40–60 - s XVII cent.)]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Problemy istochnikovedeniia*. 17-e Chteniia pamiati chlen.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto [Eastern Europe in antiquity and the middle ages 4-th Readings in memory of prof A. A. Zimin]. 4-e Chteniia pamiati d.i.n. A.A. Zimina. Tezisy dokladov. Moscow, Ak. Nauk Publ., 2005. Part 2. Pp. 354–357. (In Russian)
 40. Shakhova A.D. Greki v Moskve v XVI–XVII vv. [The Greeks in Moscow in the XVI – XVII century]. *Rossii i Khristianskii Vostok* [Russia and the Christian East]. Iss. II–III. Moscow, Iazyki slavian-skikh kul'tur Publ., 2004. Pp. 199, 201. (In Russian)
 41. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 35, inventory 1, file 52, sheets 119–122. (In Russian)
 42. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1620, file 2, sheet 7. (In Russian)
 43. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1. 1631, file 9, sheet 1. (In Russian)
 44. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1632, file 14, sheet 20. (In Russian)
 45. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1632, file 17, sheet 12. (In Russian)
 46. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1634, file 14, sheet 5. (In Russian)
 47. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1637, file 6, sheet 2, 19, 1–26. (In Russian)
 48. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1. 1643. file 1, sheet 5. (In Russian)
 49. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 150, inventory 1644, file 1, sheet 22–23. (In Russian)
 50. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1646, file 8, sheet 1–4. (In Russian)
 51. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1647, file 16. sheet 49. (In Russian)
 52. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1648, file 39, sheets 1, 3–4, 12. (In Russian)
 53. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 2, 1656, file 555, sheet 1. (In Russian)
 54. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 2, 1656, file 554, sheet 1. (In Russian)

55. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 68, inventory 1644, file 3, sheets 10–21. (In Russian)
56. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 150, inventory 1637, file 3, sheet 1. (In Russian)
57. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 150, inventory 1644, file 1, sheets 1–28. (In Russian)
58. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 210, inventory 9, column 75, sheet 133. (In Russian)
59. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 210, inventory 13, column 37, sheet 503. (In Russian)
60. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 210, inventory 13, column 260, sheets 327–328. (In Russian)
61. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 214, inventory 3, column 322, sheet 49. (In Russian)
62. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 396, inventory 1, file 2007, sheet 1. (In Russian)

About the author:

Tatiana A. Oparina – PhD, professor, the Dean of the faculty of Fine Arts in the Academy of painting, sculpture and architecture. Myasnitskaya str., 21, 101000, Moscow, Russia.
E-mail: t-a-opart@yandex.ru.

The work has been prepared with the support of the Russian State Scientific and Technical Information Foundation, the international project KERIE, 12-21-14001.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 70-90-х гг. ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

Ю.Д. Цветкова

Государственная корпорация «Ростех»

На базе первоисточников и широкого спектра российской и английской историографии автор анализирует эволюцию общественного мнения в Великобритании второй половины XIX в., поворот от индивидуализма, принципа «государство — ночной сторож» в сторону большей социальной направленности. Данная трансформация, совершившаяся под влиянием как явных, так и скрытых, на первый взгляд, факторов явилась одной из ключевых предпосылок для формирования в 70-х гг. XIX столетия доктрин «нового торизма» и «социального либерализма», в рамках которых английское правительство обозначило курс на системное социальное реформирование в области здравоохранения, начального образования, жилищного строительства и трудового законодательства.

Анализируя воззрения И.Бентама, Дж.Ст. Милля, Т.Х.Грина и художественную литературу рассматриваемого периода, автор прослеживает, как менялось мнение определённой части английского общества по поводу политики «laissez-faire» (классический принцип невмешательства государства в экономику) роли государства в социальной сфере. В статье детально рассмотрен поиск философской, общественной и социалистической мысли, направленный на решение наиболее глубоких социальных проблем и обусловивший, во многом, проведение кабинетами премьер-министров Б.Дизраэли и У.Гладстона цикла социальных преобразований под эгидой государства в средние и поздневикторианский период.

В статье автор обращает отдельное внимание, что социальная политика Гладстона в 1868-1874 гг. и Дизраэли в 1874-1880 гг. является первым в истории прецедентом, когда либеральная доктрина, принявшая в Великобритании форму так называемого «манчестерского либерализма», вынуждена была признать ранее не свойственные ей принципы социального государства, экономического регулирования, усиления роли государства в обществе. Автор отмечает, что основы большинства социальных реформ, которые сегодня воспринимаются как неотъемлемые составляющие современного демократического общества были заложены

УДК 94

Поступила в редакцию 10.05.2017 г.

Принята к публикации 02.08.2017 г.

жены именно в этот исторический период. Благодаря гибкости английского истеблишмента, сумевшего в нужный момент оценить силу общественного мнения, предложить обществу социальные доктрины, направленные на удовлетворение растущих социальных требований, правительство Великобритании продемонстрировало искусство тонкого политического манёвра и возможность бескровного пути проведения социальных реформ.

Ключевые слова: общественное мнение, законодательное общественное мнение, общество, социальная политика, патерналистская роль государства, социальные реформы, либерализм, «laissez-faire», индивидуализм, коллективизм, «новый торизм», «социальный либерализм», «спираль реформ».

Целью статьи является изучение характера общественного мнения в Великобритании второй половины XIX в., причин и последствий его эволюции применительно к вопросу социальных реформ, процесс взаимного (перекрёстного) влияния общественного мнения на ведущие политические партии. Автор анализирует трансформацию идеологического и практического аспектов государственной политики в социальной сфере, отход от принципа «государство ночной сторож» к практике патерналистского государства. В центре внимания статьи – один из сложных периодов в истории Великобритании, ознаменованный существенным ухудшением социально-экономической обстановки в стране. В 1870-е гг. Британия вступила в полосу кризисов, сменивших десятилетия процветания. Это обострило социальные проблемы, накопившиеся с момента завершения промышленной революции. Быстрое развитие промышленного производства и торговли привело к резкой урбанизации, росту численности городского населения. Условия его проживания – старые жилища, отсутствие канализации и водопровода, скученность – вели к ухудшению здоровья, распространению болезней и эпидемий. Усилились проявления напряжённости во взаимоотношениях между работниками и хозяевами. Всё это ставило перед политической элитой необходимость поиска путей проведения преобразований.

Анализируя предпосылки социальных реформ в Великобритании в 70–90-е гг. XIX в., следует отметить, что преобразования в сфере рабочего законодательства, общественного здравоохранения, начального образования, жилищного строительства совершились без каких-либо катастроф и потрясений, революций и смен режима.

Это стало возможным благодаря тому, что вышеуказанные инициативы были своевременно поддержаны правительством Великобритании, реализовавшим в рамках избранного политического курса запрос населения, выразившийся в консолидированной позиции общественного мнения относительно необходимости проведения социальных реформ. При этом речь идёт, в первую

очередь, о социальных группах, оказывавших влияние на политические процессы в стране (для целей данного исследования основной акцент сделан на изучении тех проявлений общественного мнения, которые отражаются в законодательстве, то есть на так называемом «законодательном общественном мнении» (law-making or legislative public opinion).

Согласно определению, приведённому в «Новом английском словаре исторических принципов», а также в «Словаре английской истории», общественное мнение (public opinion) — это мнение, выражаемое большинством людей, принадлежащих к одному обществу, по тому или иному вопросу, затрагивающему данное общество¹.

Английский философ Дэвид Юм одним из первых обратил внимание, что правительство в принятии решений ориентируется на общественное мнение. В «Трактате о человеческой природе» он отмечает, что правящие круги не могут опереться ни на что, кроме мнения и одобрения большинства населения. Умение учитывать общественное мнение позволяет политической элите совершить настоящее чудо – подчинить ощущения подданных ощущениям и желаниям правительства. В этом и заключается, согласно Юму, искусство управления [1, с. 34].

Приведём также размышления иностранца, довольно долго жившего в Англии и хорошо знавшего эту страну, выдающегося русского государственного и военного деятеля адмирала Ивана Алексеевича Шестакова, наблюдавшего за взаимодействием власти и общества в Великобритании со стороны, отражённые в его записях, датированных 1851 г.: «Главное преимущество английского правительства, ему одному свойственное, состоит в возможности знать в данный момент истинное мнение и желание страны...» [9, с. 127-128].

Как отмечает в «Лекциях о соотношении между законодательством и общественным мнением в Англии в течение XIX в.» Альберт Вэнн Дэйси, термином «общественное мнение» (public opinion) в применении к законодательству обозначается наличие в данном обществе господствующего убеждения в том, что данные законы направлены на общественное благо и поэтому должны быть сохранены, или в том, что они наносят вред и должны быть в этой связи отменены или пересмотрены [12, с. 53]. Утверждение, что в стране законодательство направляется общественным мнением, означает, согласно Дэйси, что законы в ней сохраняются или отменяются в соответствии со взглядами или желаниями обитателей данной страны.

Анализируя тенденции развития общественного мнения в Великобритании в рассматриваемый период, необходимо отметить, что само понятие «общество» претерпело значительные изменения на протяжении второй половины XIX в. Если в дни Палмерстона «общество» было ограниченным миром, доступ в который охранялся супругами некоторых вигских и торийских пэров, то в 70-х гг.

¹ Oxford English Dictionary. Volumes 1–9 (A–Th). [Электронный ресурс]. URL: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/metabook?id=newenglishdictionary> (дата обращения: 1.06.2017).

«общество» в Великобритании уже имело неопределённое значение, может быть охватывающее высший класс и интеллигенцию, может быть, включающее всех хорошо одетых мужчин и женщин, которые встречались друг с другом во время прогулок в Гайд-парке или беседовали во время подачи бесчисленных блюд на лондонских званных обедах [8, с. 560].

Поворот к социальному законодательству в Великобритании стал возможен благодаря эволюции в общественной мысли, имевшей место в период 1865–1870 гг. XIX в., который Дайси определяет как **период коллективизма**. Под коллективизмом он при этом подразумевает совокупность доктрин, противоположных **индивидуализму или бентамизму** в широкой области законодательства, отрицавших принцип «laissez-faire», господствовавший в общественном мнении Великобритании с 1825 г. Эпохой индивидуализма этот период, затрагивающий время между 1825 и 1870 гг., назван потому, что в развитии законодательства господствовало стремление обеспечить личности возможно более широкую индивидуальную свободу. Бентамизмом — потому, что преобладавшее в области законодательства течение общественной мысли имело главными своими вдохновителями И.Бентама² и его учеников. В основе учения Бентама лежат принципы утилитаризма. Согласно его классической формулировке, морально то, что «приносит наибольшее счастье наибольшему количеству людей» [2, с. 299]. Применение начал полезности к законодательству приводило к установлению коренного положения, по которому главной задачей каждого закона является обеспечение возможно большего благополучия возможно большему числу людей. В виду же того, что каждый человек сам может быть признан наилучшим судьёй своего счастья, законодательство должно стремиться к устранению всех ограничений свободной деятельности индивида, которые не представляются необходимыми для обеспечения такой же свободы за другими. Этот последний принцип, обозначаемый обыкновённо формулой «laissez-faire», занял в правовой доктрине Бентама видное место и оказал огромное влияние на интенсивность и характер движения в области законодательных реформ (при этом, безусловно, не следует забывать о влиянии Адама Смита и его последователей в области правовых реформ, в ту пору экономисты и бентамисты составляли одну школу). Отрицательно Бентам относился и к социализму всякого рода, с неодобрением смотрел на проявления государственного вмешательства, к мерам скрытого социализма он относился гораздо более враждебно, чем торифилантропы, представителем которых в литературе был Р. Саути, а в области частной благотворительности — лорд Шефтсбери.

Со времени проведения акта 1832 г. о парламентской реформе политическая жизнь развивалась под руководством лидеров, которые, несмотря на различия в партийных оттенках, были, прежде всего, индивидуалистами и утилитаристами. При этом бентамизм не был монополией либералов. Консерваторы, следо-

² Иеремия Бентам (1748–1832) — английский социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма, родоначальник одного из направлений в английской философии — утилитаризма.

вавшие за Пилем, также в значительной степени восприняли доктрины Бентама. Наконец, даже руководители рабочих классов, по крайней мере, в некоторых случаях, были бентамистами. Сами тред-юнионы восприняли принцип «laissez-faire» и надеялись при правильном его истолковании и применении обеспечить за рабочими надлежащие средства социального и политического усовершенствования. Даже Народная хартия, сформулированная чартистами в 1838 г., была политической программой, во многом соответствовавшей доктрине демократического бентамизма. Он был по существу своему выражением мировоззрения средних классов, именно они в большей степени разделяли стремления утилитаризма. Основные задачи, на которые были направлены законодательные изменения, инициированные сторонниками Бентама, можно разделить на три группы:

- переход политической власти от джентри к среднему классу. Примерами законодательных инициатив в данной сфере являются Акт о реформе 1832 г., значительно изменивший состав электората за счёт включения в него быстро формируемой буржуазии и упразднивший «гнилые местечки», голосование которых, как правило, контролировалось земельной аристократией; Реформа городского самоуправления 1835 г., по сути передавшая управление городов средним классам и устранившая массу практических недочётов, так ненавистных утилитаристам.

- проведение начал гуманности. Это задача вытекала из основных принципов философии Бентама, которые побуждали утилитаристов выступить с решительным протестом против жестокости и ненужных страданий: к этой области относится ряд реформ в уголовном законодательстве: постепенное упразднение позорного столба (в период с 1827 по 1861 гг.), сокращение числа преступлений, караемых смертной казнью, реформа тюрем, почти полная отмена телесных наказаний. Результатом того же движения были различные меры защиты детей, душевнобольных и ограждение людей здоровых от незаконного помещения в дома для умалишённых.

- расширение области индивидуальной свободы. Одним из главных руководящих начал в этих реформах было обеспечение принципа свободы договора. Руководствуясь этим принципом, в 1846 г. были отменены хлебные законы³, в 1849 г. — навигационный акт Кромвеля⁴ — двухвековой символ английского протекционизма.

Стремлением расширить свободу договоров вызвана была также реформа законов о коалициях и союзах рабочих в силу актов 1824 и 1825 гг. Актом

³ «Хлебные законы» (англ. — Corn Laws) — законы о пошлине на ввозимое зерно, действовавшие в Великобритании в период между 1815 и 1846 гг. Являлись торговым барьером, который защищал английских фермеров и землевладельцев от конкуренции с дешёвым иностранным зерном. Барьеры были введены законом об импорте 1815 г. и отменены законом об импорте 1846 г.

⁴ Навигационный акт (англ. — Navigation Act) — закон, изданный 9 октября 1651 г., целью которого являлось развитие английской морской торговли. Акт устанавливал, в частности, что товары из Азии, Африки и Америки ввозятся в Великобританию только на судах, подданных Британии, а их экипаж должен на 3/4 состоять из британцев.

1824 г. были отменены все существовавшие, в силу статуты и общего права, ограничения в отношении прав рабочих объединений требовать сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и улучшения других условий труда. Такого рода коалиции не подлежали уголовному преследованию и освобождались от применения к ним карательных норм за преступное соглашение (*англ.* — *conspiracy*). Вместе с тем в 1825 г. был издан новый акт по тому же вопросу. Он поставил свободу объединений рабочих в более тесные рамки и установил меры предосторожности против давления со стороны рабочих масс на предпринимателей и на тех рабочих, которые не примкнули к коалиции. При всём различии обоих актов в них, в сущности, нет коренного противоречия. Законом 1824 г. бентамисты расширили право рабочих союзов в целях увеличения области индивидуальной свободы, актом 1825 г. индивидуалисты ограничили право данных объединений в целях сохранения договорной свободы рабочих (предпочитавших не присоединяться к тред-юнионам) и хозяев. Оба акта, на первый взгляд, противоположные, на самом деле представляют собой различные проявления принципа «laissez-faire» — одного из жизненных убеждений утилитаристов.

К области расширения индивидуальной свободы может быть отнесена также реформа системы призрения бедных (1834 г.). В рамках реформирования законодательства о бедных правительство вигов во главе с лордом Мельбурном⁵ стремилось снизить налоговое бремя на собственников — представителей среднего класса, на которых возлагалась обязанность содержать неимущих, и тем самым заручиться их поддержкой. Выплаты в пользу неимущих были заменены на работные дома. В 1838 г. действие закона распространилось на Ирландию, в 1845 г. — на Шотландию.

На расширение индивидуальной свободы были направлены также Акт 1835 г. и позднейшее законодательство (1857 г.), благодаря которым брак получил статус договора, который может подлежать расторжению подобно другим договорам, с соблюдением, однако, некоторых особенных условий и через высший суд.

Вместе с тем начиная с 1865 г. в общественном мнении Великобритании всё решительнее встаёт вопрос, могут ли принципы и подходы, диктуемые индивидуализмом, обеспечить решение всех стоящих перед государством вопросов в области социально-экономического развития? На этот вопрос просвещённое мнение эпохи 1832 г., которое в течение 30–40 лет властвовало над парламентом, давало ответ категорический и положительный, несмотря на немногочисленные протесты общественных деятелей, находивших сочувствие среди рабочих. На этот же вопрос общественное мнение, влияющее на английское законодательство с начала 70-х гг. XIX в., даёт ответ нерешительный, если ещё не вполне отрицательный. Чем объяснить этот переворот в области социальных и политических взглядов?

⁵ Уильям Лэм, 2-й виконт Мельбурн (*англ.* William Lamb, 15 марта 1779 – 24 ноября 1848 г.) — британский государственный деятель, 27-й и 30-й премьер-министр Великобритании в 1834 г. и с 1835 по 1841 гг.

Среди причин необходимо указать, прежде всего, парламентскую реформу 1867 г. Благодаря данной реформе число избирателей пополнилось городскими квартирностьющиками. Избирательное право получили представители низших слоёв среднего класса и привилегированная часть рабочих. Таким образом, впервые в истории Великобритании в политической жизни страны смогла принять участие та часть населения, материальное положение и условия жизни которой красноречиво свидетельствовали о том, что «невидимая рука» рынка не справляется со своей задачей в полной мере.

Необходимо отметить также экономический спад, начавшийся в Великобритании в 70-х гг. XIX в., усиливший социально-экономические требования наиболее уязвимых слоев общества и заставивший их апеллировать к государству в целях защиты от произвола буржуазии и дисбалансов индустриального капитализма. Анализируя данную ситуацию в английской экономике, Ф. Энгельс писал: «... Пока существовала промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. В конце XIX в., когда мировая монополия Англии оказалась подорванной, буржуазия, продолжала подкуп верхушки рабочего класса, но возможности для этого уменьшились» [3, с. 233]. На смену оптимистичным прогнозам, вере в могущество Великобритании и её подданных, превознесению достижений «wondrous mother-age», как современники называли викторианскую эпоху, пришли пессимизм и уныние, страх индивида остаться наедине с жизненными обстоятельствами, без какой-либо поддержки со стороны окружающих. Опасаясь социального взрыва, политики пытались смягчить остроту ситуации путём компромиссов и готовы были идти навстречу социальным требованиям народа. Повышение интереса к социальным проблемам было также проявлением традиционного для английской буржуазии стремления не допустить социальных потрясений. Так, в 1873 г. один из видных представителей экономической школы историков писал: «Капиталисты одобряют любую реорганизацию экономики, которая сделает их жизнь более спокойной <...> Не столько облегчение нищеты бедных, сколько уменьшение забот богатых несёт наш социализм» [4, с. 23].

Помимо указанных (явных) причин поворота общественного мнения в сторону коллективизма следует, по мнению автора, принять во внимание такие неочевидные факторы, как торийское филантропическое движение, развивавшееся с 30-х гг. XIX столетия, а также зарождение новых течений в области социальных и экономических идей. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Торийское филантропическое движение, наиболее видными представителями которого были Соути, Р. Остлер, Садлер, лорд Шафтсбери, было ориентировано, прежде всего, на развитие фабричного законодательства: регламентацию фабричного труда, защиту от эксплуатации женщин и детей, введение 10-часового рабочего дня. Как и хлебные законы, оно послужило ареною стол-

кновения между коллективизмом и индивидуализмом, и если по вопросу о «хлебных законах» тори-протекционисты были вынуждены отступить, то в вопросе о фабричных актах 1847–1850 гг., которые ограничивали труд женщин, детей и подростков и имели гораздо более широкие последствия, бентамовский либерализм потерпел своё первое и очень серьёзное поражение. В то время как с отменой «хлебных законов» индивидуализм одержал, казалось, окончательную победу в экономической сфере и когда преуспевание буржуазии (результатом и следствием чего стало установление свободной торговли) вызывало сильнейшую уверенность в благотворном влиянии «laissez-faire» во всех областях жизни, успех фабричных законов давал авторитетное признание взглядам, тяготевшим в сторону свободы и равенства, лежащим в основе идей социального реформирования. Результат, который удалось достигнуть сторонникам введения фабричного законодательства и вмешательства государства в сферу, ранее полностью отданную на откуп рыночному регулированию, не смог кардинально переломить господствовавшие в общественном мнении индивидуалистские настроения. Вместе с тем, несмотря на локальный характер и половинчатость осуществлённых мер, именно он поколебал веру в универсальность учения Бентама, став предвестником формирования социально-экономических доктрин консерваторов и либералов в 70-х гг. XIX в.

Следующий фактор, обусловивший трансформацию общественного мнения в сторону коллективизма — появление и значительное влияние на просвещённую часть населения литературных и публицистических произведений, пронизанных глубоким недоверием к господствовавшему либерализму. В огромном успехе таких произведений нельзя, по мнению автора, не видеть верного показателя приближавшегося поворота в общественной мысли. Огромную роль в этой связи сыграл труд Дж.Ст. Милля «Основы политической экономии», изданный в 1848 г., в котором лидер бентамистской школы пытается найти гармонию между экономической доктриной и стремлениями лучших людей в среде рабочего класса. Главной заслугой своего трактата Милль считал проведение различия между законами производства и распределения. Проблема, которую учёный пытался разрешить, заключалась в том, как богатство должно распределяться. «...Производство и распределение не составляют обособленных сфер; они взаимно и почти всесторонне проникают друг в друга...», – писал Милль, подчеркивая тем самым необходимость преодоления злоупотреблений индивидуализма и активизации участия государства в социально-экономическом развитии общества [5, с. 211]. В книге Милля мы замечаем влияние, которое социалистические взгляды уже начинали оказывать на экономистов. Сам дух этого произведения радикально отличается от экономических трудов, появлявшихся в Великобритании ранее. Хотя данная работа и представляет собой воспроизведение системы Д. Рикардо, в ней содержится очень важное признание: распределение богатства — это только результат «определённых социальных распорядков», одна конкуренция ещё

недостаточный базис для общества, результаты промышленного переворота доказывают, что свободная конкуренция может производить богатство, не принося с собой благосостояние. Необходимо при этом отметить, что в «Очерках по некоторым нерешённым проблемам политической экономии» (1844 г.) Милль выступает в качестве противника каких-либо социалистических требований. При этом в «Основах политической экономии», вышедших после февральской революции во Франции 1848 г., учёный защищает именно те виды правительственного вмешательства, которые он критиковал в «Очерках...». В последующих же своих сочинениях Милль переносит центр тяжести на социальное перевоспитание индивидуальных характеров. Этот взгляд составляет главную идею трактата «О свободе», появившегося отдельными частями между 1854 и 1858 гг. Именно в этой работе, а также в «Основах политической экономии» Милль, первым из убеждённых либералов, ставит перед либерализмом новые задачи, закладывая тем самым основы социального либерализма. В указанных произведениях учёный открыто пишет о том, что отсутствие экономических возможностей, образования, здравоохранения, состояние нищеты и невежества, в которых пребывает большинство жителей Великобритании, делает для них недоступными свободу и раскрытие индивидуальности. Это положение может быть улучшено посредством коллективных усилий, скоординированных государством. «...Общим принципом должно быть *laissez faire*», — отмечает Дж.С. Милль в «Основах...», но всё же констатирует, что существуют различные сферы общественной деятельности — сферы «бессилия рынка», где рыночный механизм неприемлем: «...Для того чтобы без ниспровержения системы частной собственности обеспечить её улучшение и предоставление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах, необходимо, чтобы государством были созданы соответствующие условия» [5, с. 243].

В области художественной литературы к произведениям, оказавшим влияние на переворот в общественном мнении, можно смело причислить цикл «Рождественские повести» (1843–1848 гг.) и роман «Тяжёлые времена» (1854 г.) Чарльза Диккенса — любимца буржуазной публики викторианской эпохи, в которых писатель впервые явно критикует капиталистическое устройство общества в Великобритании второй половины XIX в., построенное на эксплуатации неимущих, и ставит под сомнение идеалы частной благотворительности как универсального средства от общественных зол. В этом же ряду стоит роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», впервые опубликованный в 1847 г. [11, с. 319]. Любовная линия главных героев и элементы готического романа соседствуют в произведении с точным и глубоким анализом социального облика ранневикторианского периода — строгий, зачастую ханжеский, моральный кодекс, главенствующая роль классовых различий, уязвимое положение женщин, наличие таких «социальных зол», как работные дома и приютские школы. В этом же романе читатель встречает первые предвестники пробужде-

ния общественного мнения, направленного против индивидуализма и теории Мальтуса⁶.

Указанные выше примеры (фабричное законодательство, проведённое в жизнь благодаря инициативам тори, появление «знаковых» публицистических и литературных произведений) свидетельствуют о том, что начиная с 1848 г. и позднее, всё очевиднее проявлялась перемена в умственной и нравственной атмосфере Англии. В общественном мнении совершались изменения, влиявшие на подраставшее в то время поколение и сказавшиеся 20-30 лет спустя, то есть в 1870–1880 гг. Указанные изменения заключались, главным образом, в отрицании идеи «laissez-faire» как универсального принципа управления государством, а также строились на уверенности в пользе государственного руководства, даже в тех случаях, когда оно сопровождается значительным ограничением области личной свободы. Выступая в 1870 г. с лекциями о промышленном перевороте в Англии в XVIII столетии, появление которых стало возможным благодаря свершившейся в общественном мнении трансформации, А. Тойнби открыто заявлял об окончании поры свободного договора и наступлении эры государственного регулирования, необходимости развития законодательства в данном направлении и «социального воспитания капитала», пробуждения в предпринимателях стремлений к облегчению участи и учёту интересов трудящихся [7, с. 154]. Более того, в 80-х гг. XIX в. сторонники свободной торговли и адепты теории «государство — ночной сторож» воспринимались общественным мнением как старомодные, утратившие связь с современностью люди. Защита либеральных ценностей формата 50-х гг. в обществе попросту считалась глупостью.

Почва для появления идей, в основе которых лежала поддержка государственного вмешательства, была в известной степени подготовлена распространением позитивизма и неогегельянской оксфордской философской школы. Выдвинутое одним из её ведущих представителей Т.Х. Грином⁷ положение о необходимости вмешательства государственной власти для обеспечения действительной свободы индивидов служило теоретическим обоснованием отказа от господствовавшего ранее взгляда на государство как на «ночного сторожа» [10, с. 241].

Кульминацией данных изменений явилось формирование консерваторами и либералами новых социально-экономических доктрин – «**нового ториз-**

⁶ Сочинение английского экономиста Т.Р. Мальтуса (1766-1834 гг.) «Опыт о законе народонаселения...», впервые опубликованное в 1798 г., пользовалось широкой популярностью в Великобритании рассматриваемого периода. В качестве основного тезиса Мальтус выдвинул идею о том, что рост производства средств потребления уступает росту населения. В связи с этим главную проблему он видел в излишке населения. Именно этим он объяснял имущественное неравенство, нищету, голод, войны, короче говоря, все бедствия, которые, по его мнению, были неминуемы и даже необходимы, как единственное средство, способное противостоять избыточному приросту населения. Мальтус полагал, что в силу неизбежности существования обездоленных слоёв в обществе, лишены всякого смысла попытки улучшить их положение. Таким образом, он сформулировал цель общества — сокращение избыточного населения.

⁷ Томас Хилл Грин (1836–1882) — английский философ-гегельянец, идеолог социал-либерализма.

ма» и «социального либерализма». Спад в экономике, начавшийся в 60-е гг. и продолжавшийся волнами вплоть до 90-х гг., а также активизация социально-экономических требований новых избирателей, уставших от принципов крайнего индивидуализма, «laissez-faire» и проповедей сторонников Бентама, господствовавших в середине века, поставили ведущие политические партии перед непростым выбором: либо предлагать электорату, а затем внедрять в жизнь социальные реформы, либо оказаться в оппозиции и закрепить за собой реакционный имидж. Политическая элита вынуждена была искать решения, которые сумели бы предотвратить социальный взрыв и усиление революционных настроений, при этом сохранив основные принципы классового общества и господствующую роль привилегированных групп — аристократии и буржуазии.

Идеи «нового (или демократического) торизма», определившие политический курс английских консерваторов второй половины XIX – начала XX вв., по сути подарившие тори «вторую жизнь» после многолетнего пребывания у власти министерств вигов, принадлежат Бенджамину Дизраэли, лорду Биконсфилду, лидеру партии тори, премьер-министру Великобритании в 1868 г. и 1874–1880 гг. Принципы «нового торизма»: объединение нации вокруг монарха и конституции, сохранение исконных привилегий аристократии, патернализм, здоровая консервативная политика, проводимая консервативными людьми либеральными методами, впервые сформулированные в многочисленных литературных трудах и публичных выступлениях Б. Дизраэли, изначально были восприняты современниками с недоверием, но именно они обусловили смену парадигм в политике консерваторов, создав основу для воплощения торийской модели демократии. При этом Дизраэли удалось не только скорректировать политический курс тори за счёт проведения реформ, но и создать мифологию консервативной партии, обеспечив репозиционирование консерваторов в общественном мнении Великобритании из партии крупной земельной аристократии в «народную партию». Одной из ключевых задач «нового торизма» было привлечение избирателей из числа рабочих в ряды консервативной партии, получение их голосов на выборах за счёт проведения социальной политики, ставшей основой некоего неформального общественного договора между политической и экономической элитой и народом. Одна из характерных черт «демократического торизма» Дизраэли — признание наличия социальной дифференциации, несовпадения интересов различных групп британской нации. В своём политическом романе «Сибилла или две нации» Дизраэли писал: «...непреодолимая пропасть разделила богатых и бедных <...> привилегированные и народ сформировали две нации, управляемые с помощью различных законов...» [15]. Признавая противоречия буржуазного общества, Дизраэли в качестве стратегического курса консервативной партии рассматривал государственное вмешательство в экономику и социальные преобразования под контролем государства. Наиболее ярко и концентрированно данный курс проявился в политике, проводимой Дизраэли в период правления консервативного кабинета в

1874–1880 гг., среди наиболее значимых реформ кабинета в социальной сфере следует указать:

- Закон о начальном образовании 1876 г., существенно повысивший образовательный уровень населения;
- Закон об общественном здравоохранении (1875 г.), борьбу с фальсификацией медикаментов и пищевых продуктов, ограничение загрязнения рек промышленными отходами, имевшие место в 1875–1880 гг. и положительно повлиявшие на снижение уровня смертности, снижение инфекционных заболеваний и улучшение санитарного состояния крупных промышленных городов;
- реформы в сфере жилищного строительства 1875 и 1880 гг., направленные на предоставление рабочим дополнительного жилья и обновление облика английских городов;
- реформы в сфере рабочего законодательства 1875 и 1880 гг., результатом которых стала легализация тред-юнионов, расширение права профсоюзов на проведение мирного пикетирования, усиление ответственности владельцев промышленных предприятий за производственный травматизм.

Дизраэли пришлось приложить немало усилий, чтобы «новый торизм» нашёл свой отклик в умах и сердцах «человека с улицы», а социальные реформы, проведённые в рамках данной концепции, были приняты с благодарностью и повысили популярность консервативной партии в народе. Дополнительные осложнения ему при этом доставляла позиция соратников по партии, полагавших, что социальное реформирование не так уж обязательно, если есть «добрая воля правящих кругов», а любые уступки низшим классам могут привести к анархии.

Понятие «новый (или социальный) либерализм» неразрывно связано с именем Уильяма Юарта Гладстона – лидера либеральной партии, премьер-министра Великобритании, возглавлявшего кабинет в 1868–1874 гг., 1880–1885 гг. и 1886 г., оказавшего существенное влияние на развитие новых элементов, как в политической доктрине, так и в практической деятельности британских либералов. К пониманию необходимости практической реализации «социального либерализма» Гладстон пришёл в процессе политической деятельности, в том числе на посту канцлера Казначейства (1852 г.) и премьер-министра Великобритании в 1868–1874, 1880–1888, 1892–1894 гг. Невзирая на то, что идеологически политика Гладстона опиралась на идеи Дж.Ст. Милля, лидер либералов не являлся безусловным адептом отказа от принципов «*laissez-faire*» и перехода к активной роли государства в социальной сфере. Гладстон с сожалением отмечал, что сфера государственного регулирования расширилась и «*laissez-faire*» уже не внушает англичанам того трепетного отношения, которое можно было повсюду встретить в предшествующие десятилетия (1850–1870 гг.) [14, с. 292]. Вместе с тем Гладстон, отличавшийся практическим складом ума, блестящими аналитическими способностями и политическим чутьём, очень быстро уловил перемены в общественном мнении, обусловившие переход от крайнего индивидуализма к

коллективизму и зачаткам социальной ответственности государства и крупного частного бизнеса. Не стоит сбрасывать со счетов и стремление Гладстона «не отстать» от соперников — консервативной партии, возглавляемой Дизраэли, начиная с 1874 г. проводившей социальные реформы в жилищной сфере, здравоохранении и в области рабочего законодательства [13]. Именно поэтому в деятельности либеральных правительств, возглавляемых Гладстоном, постепенно всё большее значение приобретает социальная проблематика; индивидуализм, неотъемлемая часть либерализма, отныне соседствует с коллективизмом, в качестве необходимого условия самореализации личности рассматривается социальное государство. Наиболее явно данные тенденции нашли своё отражение в правительственном курсе Гладстона 1868-1874 гг. и 1880–1888 гг. Среди наиболее значимых социальных реформ кабинетов Гладстона в тот период следует указать:

- Закон Форстера о начальном образовании 1870 г. и Закон Манделлы о всеобщем обязательном обучении 1880 гг., направленные на придание начальному образованию светского характера, снижение влияния англиканской церкви, введение налога на нужды школ и распространение принципа обязательного обучения на всех детей Великобритании без каких-либо исключений;
- Билль 1871 г., регламентировавший создание единой администрации в области здравоохранения в целях усиления мер охраны общественного здоровья на местах;
- Реформы в сфере жилищного строительства 1866, 1868 и 1885 гг., инициированные правительством для улучшения жилищных условий рабочих;
- Закон «О профсоюзах» 1871 г., легализовавший деятельность тред-юнионов.

Во многом именно либеральный курс Гладстона позволил сформировать в общественном сознании Великобритании второй половины XIX в. новое восприятие роли экономики, носящей не абсолютно объективный характер, но определяемой политической активностью людей. Деятельность «великого министерства» 1868-1874 гг. и администрации Гладстона 1880-1885 гг. по сути подвели черту под традиционной программой либералов.

В 90-х гг. XIX в. в период пребывания у власти маркиза Солсбери (консерваторы) и Гладстона (либералы) упор делался не просто на облегчение участи трудящихся, но на привнесение элементов гуманности и толерантности в социальное реформирование. Так, многочисленные ассоциации (одной из которых являлась известная в высших кругах Лондона Howard Association) ратовали за смягчение законодательства в отношении тех, кто впал в нищету, в отношении преступников, первый раз переступивших закон (First offenders act), тем самым оставляя им шанс вернуться к честной жизни, выступали за усыновление детей из низов общества благополучными семьями взамен создания изолированных школ для бедных, в которых, по мнению сторонников данной теории, ребёнок обречён на общение с себе подобными и никогда не получит возможность вы-

рваться из гнетущей атмосферы. Большинство из этих идей были оформлены законодательно по решению английского правительства в XX в. [16].

Отдельно следует отметить межпартийную борьбу консерваторов и либералов вокруг проведения социальных реформ, имевшую место в рассматриваемый период. Для того чтобы разрушить «монополию» оппонентов на преобразования и заработать «бонусы» в общественном мнении, политическая партия, ранее находившаяся в оппозиции и пришедшая во власть, выступала инициатором новых реформ, которые впоследствии вынуждены были более активно продолжить их конкуренты или же предложить социальные преобразования в новой сфере. Данное положение вещей можно охарактеризовать как «спираль реформ» — тенденция, при которой социальные реформы порождают новые социальные реформы (по аналогии с «инфляционной спиралью» — процесс, при котором рост цен обуславливает рост заработной платы, доходов, который, в свою очередь, увеличивает денежную массу, что ведёт к дальнейшему росту цен). Подобную ситуацию мы наблюдаем после прихода во власть консервативного кабинета Б.Дизраэли в 1874–1880 гг., а также при правительствах, возглавляемых У. Гладстоном, в 1868–1874 гг. и 1880–1885 гг. Приводя по данному вопросу позицию английского философа и социолога Г. Спенсера⁸, изложенную в его известной работе «Личность и государство»: «Так как люди, которых уверяют, что будущее социальное преобразование принесёт им громадные благодеяния, обладают избирательным правом, каждый кандидат в парламент добивается популярности, обещая в социальной сфере более, чем его противник...» [6, с. 115]. Дополнительный импульс раскручиванию спирали придавали пропаганда и агитация сторонников марксизма, членов Социал-демократической федерации Гайндмана и Фабианского общества.

Данные тенденции находили поддержку и в ежедневной печати – единственном доступном в XIX в. средстве массовой информации, способном сформировать благоприятное общественное мнение по наиболее резонансным политическим и социально-экономическим вопросам. Пресса при этом выступала «агентом» общественного мнения, транслировавшим консерваторам и либералам запросы общества, а зачастую и формировавшим данные запросы. Как пишет в труде «Личность и государство» Г. Спенсер: «Журналисты, всегда остерегающиеся сказать что-либо, что могло бы не понравиться их читателям, по большей части следуют за течением и усиливают его. Они обходят молчанием, если и не защищают открыто, те самые меры, которые осудили бы раньше. Обучении либерализма они говорят уже как об отжившей доктрине» [6, с. 115].

Необходимо отметить, что на протяжении двадцати лет с 1860 по 1880 гг. в период наиболее активных социальных реформ правительство и политическая пресса находились в постоянном диалоге: правительство — в целях контроля над общественным мнением, а также руководствуясь необходимостью это мнение слышать и слушать, пресса — стремясь получить актуальную информацию

⁸ Герберт Спенсер (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма.

«из первых рук» и использовать те преимущества, которые ей давала роль рупора и зеркала общественного мнения. В глазах правительств рассматриваемого периода пресса являлась чуть ли не Эскалибуром, способным объединить всю Англию и примирить несогласных благодаря умелой подаче информации в том ключе, который в наибольшей степени отвечал запросам общественного мнения и позволял сгладить противоречия между тем, как консерваторы и либералы себя позиционировали, и реальным ходом вещей.

Таким образом, начиная с 70-х гг. XIX в.⁹ в общественном мнении Великобритании произошёл переворот от индивидуализма к коллективизму. Если в 30-х гг. XIX столетия любое вмешательство государства в экономику воспринималось общественным мнением как нарушение базовых основ либеральной доктрины, то к концу средневикторианского периода участие правительства в решении острых социальных проблем уже не считалось ошибочным. Казавшиеся ранее незыблемыми постулаты классической либеральной экономики зашатались, всё громче раздавались голоса о необходимости поиска более совершенных методов управления общественными процессами, в частности тех или иных форм государственного вмешательства в экономическую и социальную жизнь. Основной упор делался на вопросы просвещения и здравоохранения, расширение помощи нуждающимся членам общества, жилищное строительство и рабочее законодательство. В прессе и литературе рассматриваемого периода открыто заявлялось об окончании поры свободного договора и наступлении эры государственного регулирования, необходимости развития законодательства в данном направлении и социального воспитания капитала, пробуждения в предпринимателях стремлений к облегчению участи и учёту интересов трудящихся.

Перемены, свершившиеся в общественном мнении и выдвинувшие вопросы социального реформирования на первый план, стали возможны благодаря реформам избирательного права 1832, 1868 гг., получившим затем своё развитие в 1884 г., в результате которых в политику пришёл «массовый избиратель» (представители средней и мелкой буржуазии, рабочего класса). Впервые в истории Великобритании в политической жизни страны смогла принять участие та часть населения, для которой решение социально-экономических проблем являлось не просто предметом дискуссии в парламенте, но наиболее острым вопросом существования. Урегулирование социальной проблематики являлось для них одним из главных критериев эффективности проводимой правительством политики. Именно в этот период демократия и коллективизм в английском обществе начали играть более заметную роль, «двигаясь вперёд, подобно приливу, наступавшему в сотнях бухт и заливов» [8, с. 550].

⁹ При этом, анализируя временные рамки поворота в общественном мнении Великобритании в сторону коллективизма и социальных реформ, невозможно указать конкретную дату этих перемен. Изменения в любом обществе накапливаются постепенно, на общественное мнение влияет множество факторов. Большинство английских историков в качестве отправной точки определяют начало 70-х гг. XIX в., российский мыслитель и социалист П.А. Кропоткин, много лет проживший в Англии, датирует этот момент 1886 г.

Реакцией консерваторов и либералов — ведущих политических партий рассматриваемого периода — на данные тенденции явилось формирование социальных доктрин «нового торизма» (консерваторы) и «социального либерализма» (либералы), делавших основной упор на необходимость проведения системных, инициированных государством социальных преобразований, привнесения элементов гуманности и толерантности в социальное реформирование. Стремясь не допустить в политику радикалов, тори и виги развернули острую межпартийную борьбу вокруг данных доктрин, которая, в свою очередь, ещё больше раскручивала «спираль реформ» в социальной сфере.

Список литературы

1. Аникеев В. И. Общественное мнение как историческое понятие. Ростов н/Д.: Тандем, 1982. 228 с.
2. Избранные сочинения Иеремии Бентама. Т. 1. М.: Книга по требованию, 2012. 748 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 22. М.: Политиздат, 1962. 2-е изд. 804 с.
4. Метен А. Социализм в Англии. СПб, 1898. 370 с.
5. Милль Дж. С. Основы политической экономики. Т. 1. М.: Прогресс, 1980. 480 с.
6. Спенсер Г. Личность и государство. СПб. : Изд-во «Вестник знания» В.В. Битнера, 1908. 115 с.
7. Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М.: Либроком, 2011. 252 с.
8. Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 608 с.
9. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. СПб.: Судостроение, 2006. 784 с.
10. Ball S. Fabian Tract 72: The Moral Aspects of Socialism. London., 1896. 24 p.
11. Bronte Sh. Jane Eyre: An Autobiography. Ed. by C. Bell. London: Smith Elder, 1847. 349 p.
12. Dicey A.V. Lectures on the Relations between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. 503 p.
13. Gladstone Diaries. Ed. by H.C.G. Matthew. Vol. IX. Oxford: Oxford University Press, 1986. 768 p.
14. Gladstone Papers. London: Cassell and Co., 1930. 119 p.
15. Hanham D.A. Election and Party management. Politics in the time of Disraeli and Gladstone. London: Longmans, 1959. 468 p.
16. Vincent J. The Formation of the British Liberal Party, 1857–1868. London: Scribner, 1966. 281 p.

Об авторе:

Юлия Дмитриевна Цветкова – руководитель направления Департамента экономики и финансов. Государственная корпорация «Ростех», 119991, Москва, Гоголевский бульвар, 21.
E-mail: Tsvetkova.work@mail.ru.

THE ROLE OF PUBLIC OPINION OF GREAT BRITAIN OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL LEGISLATION IN YEARS 1870-1890 OF QUEEN VICTORIA'S REIGN

J.D. Tsvetkova

DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-65-82

Rostech Corporation

Using primary sources in Russian and British historiography, the author analyzes the evolution of public thought in Great Britain in the second half of the 19th century, its turn from individualism and principle of "night-watchman state" to a more socially-oriented position. This transformation, which occurred under the influence of both evident and hidden factors, was one of the key prerequisites for formation in the seventh decade of the 19th century of the New Toryism and "social liberalism" doctrines, the framework of which was used by the British government to chart a course for systematic social reforms in the areas of health care, elementary education, residential development and labor law.

By analyzing the views of J. Bentham, J.S. Mill and T.H. Green, as well as literary works of the period in question, the author traces the process of alienation of the "laissez-faire" policy (the classical principle of state non-interference in economy) by a certain part of the British society and the readiness to reassess the role of the state in the social sphere. The article presents in detail the search for philosophical, social and socialistic thought, aimed at solving the deepest social problems and predicating, in many aspects, the cycle of social reforms carried out by the Disraeli and Gladstone cabinets under the auspices of the state in the middle of the late Victorian period.

The author points out that the social policy of the prime ministers W. Gladstone in 1868-1874 and B. Disraeli in 1874-1880 was historically the first precedent when the liberal doctrine which took the shape of the so-called Manchester liberalism in Great Britain had to recognize the principles of social state, economic regulation and a stronger role of the state in the British society. The author notes that the foundations of most of the social reforms that are now perceived as integral components of a modern democratic society were laid precisely in this historical period. Thanks to the flexibility of the English establishment, that was able to assess the strength of public opinion and to offer social doctrines aimed at meeting the growing social demands, the British government demonstrated the art of subtle political maneuver and the possibility of a bloodless way of carrying out social reforms.

Key words: public opinion, society, social policy, paternalism of the state, social reforms, liberalism, laissez-faire, individualism, collectivism, New Toryism, social liberalism, spiral of reforms.

References

1. Anikeev V.I. *Obshchestvennoe mnenie kak istoricheskoe poniatie* [Public opinion as historical notion]. Rostov-na-Donu, Tandem Publ., 1982. 228 p. (In Russian)
2. *Izbrannyye sochineniya Ieremii Bentama* [The Collected works of Jeremy Bentam]. Vol. 1. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2012. 748 p. (In Russian)
3. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 22. Moscow, Politizdat Publ., 1962. 2 ed. 804 p. (In Russian)
4. Meten A. *Sotsializm v Anglii* [Socialism in England]. St. Petersburg, 1898. 370 p. (In Russian)
5. Mill J.S. *Principles of Political Economy*. London, Longmans, Green and Co. Publ., 1848. 450 p. (Russ. ed.: Mill J.S. *Osnovy politicheskoi ekonomii* [The Principals of political economy]. Vol. 1. Moscow, Progress Publ., 1980. 480 p.)
6. Spencer H. *The man versus the State*. Williams and Norgate, London and Edinburgh Publ., 1884. 531 p. (Russ. ed.: Spencer G. *Lichnost' i gosudarstvo* [Personality and state]. St. Petersburg, Vestnik znania V.V. Bitnera Publ., 1908. 115 p.)
7. Toynbee A. *Lectures on the industrial revolution of the eighteenth century in England*, popular addresses, notes and other fragments, by the late Arnold Toynbee ... Together with a reminiscence by Lord Milner. London, Longmans, Green, and co. Publ., 1919. 282 p. (Russ. ed.: Toinbee A. *Promyshlennyj perevorot v Anglii v XVIII stoletii* [Industrial turn in England in XVIII century]. Moscow, Librocom Publ., 2011. 252 p.)
8. Trevelyan G.M. *English Social History*. Penguin UK, 1987. 656 p. (Russ. ed.: Trevel'ian Dzh. M. *Sotsial'naya istoriya Anglii* [The Social history of England]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959. 608 p.)
9. Shestakov I.A. *Polveka obyknovennoi zhizni* [Half a century of ordinary life]. St. Petersburg, Sudostroenie Publ., 2006. 784 p.
10. Ball S. *Fabian Tract 72: The Moral Aspects of Socialism*. London., 1896. 24 p.
11. Bronte Sh. *Jane Eyre: An Autobiography*. Ed. by C. Bell. London: Smith Elder, 1847. 349 p.
12. Dicey A.V. *Lectures on the Relations between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century*. Indianapolis, Liberty Fund Publ., 2008. 503 p.
13. *Gladstone Diaries*. Ed. by H.C.G. Matthew. Vol. IX. Oxford: Oxford University Press Publ., 1986. 768 p.
14. *Gladstone Papers*. London, Cassell and Co. Publ., 1930. 119 p.
15. Hanham D.A. *Election and Party management. Politics in the time of Disraeli and Gladstone*. London, Longmans Publ., 1959. 468 p.
16. Vincent J. *The Formation of the British Liberal Party, 1857–1868*. London, Scribner Publ., 1966. 281 p.

About the author:

Julia D. Tsvetkova – Line manager of the Economy and finance department, Rostech corporation. 119991, Moscow, Gogolevsky bulv., 21. E-mail: Tsvetkova.work@mail.ru.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ТАКТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

О.А. Колобов

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

В статье анализируются особенности положения Ближнего Востока в современном мире. Специальный акцент сделан на изучении особенностей восприятия региона представителями великих держав в исторической ретроспективе. Для рассмотрения данного вопроса используются сравнительный и историко-описательный методы.

Выявляются конкретные причины и последствия устойчивого стратегического интереса великих держав к Ближнему Востоку. Объясняются возможности нового подхода к региону со стороны современной России. Дается анализ архивных материалов, проливающих свет на действия великих держав по отношению к Ближнему Востоку в ретроспективе и ближайшей перспективе. Рассматриваются новая концепция внешней политики России и возможности её реализации на Большом Ближнем Востоке в обозримом будущем. Характеризуются новые технологии политических действий Российской Федерации в ближневосточном регионе с учётом фактора миротворчества и создания нормальных условий жизнедеятельности стран и народов Большого Ближнего Востока. Анализируются всевозможные обстоятельства ближневосточного конфликтогенеза. Сопоставляются конкретные миротворческие усилия Российской Федерации с политикой других великих держав в регионе. Дается оценка расширительного толкования Большого Ближнего Востока в современной мировой политике. Делается попытка чётко определить стратегические цели и охарактеризовать закономерности тактических действий российского правительства в рамках всей ближневосточной территории. Определяется необходимость расширения русского присутствия не только на Большом Ближнем Востоке, но и в других турбулентных зонах. Максимально учитывается необходимость последовательности действий эффективной кризисной дипломатии и многостороннего сотрудничества Российской Федерации не только в регионе, но и во всем мире.

Ключевые слова: внешняя политика, стратегия, тактика, русское присутствие, Большой Ближний Восток, конфликт.

УДК 327

Поступила в редакцию 2.06.2017 г.

Принята к публикации 1.08.2017 г.

Политика России на Ближнем Востоке в широком историческом континууме требует особого внимания. От правильного анализа её закономерностей и особенностей во многом зависит конкретное развитие региональной ситуации, затрагивающей судьбы миллионов людей, долгое время испытывающих бедствие. При этом чрезвычайно важно чёткое смысловое обоснование современных российских политических действий по собственной шкале геополитических ориентиров и цивилизационных ценностей. К сожалению, именно данного качества собственного, оригинального российского восприятия стратегического значения Ближнего Востока нет. Оно представлено лишь англосаксонской доминантой. Об этом свидетельствуют многие обстоятельства, которые необходимо максимально учитывать на уровне планирования современной российской внешней политики. В основу настоящего объяснения специфики действия великих держав и, прежде всего, США с максимальным учётом фактора России, разумеется, положен сопоставительный анализ. Использовано множество оригинальных архивных документов, чётко объясняющих многие причины всевозможных кризисных коллизий в далеком прошлом и настоящем.

Термином «Ближний» (или «Средний», англ. middle) Восток в западноевропейских и американских официальных правительственных документах, дипломатической переписке, научной литературе, публицистике обычно обозначается географический регион, расположенный на стыке Европы, Азии и Африки и включающий сейчас территории Израиля, Ливана, Сирии, Иордании, Ирака, Ирана, Турции, Египта, Йемена, Саудовской Аравии, Судана, а также других стран.

Данное понятие является весьма условным и имеет расширительное толкование по мере изменения геостратегических задач США и их союзников. «Не существует какого-либо стандартного пограничного размежевания, — отмечается в одном из официальных документов госдепартамента, — по которому Ближний Восток мог бы быть точно обозначенным географически. Все его страны, а не только окраинные земли оказываются включёнными или исключёнными из общности произвольно, причём с удивительной лёгкостью. Значение термина зависит от его конкретного употребления и может быть отнесено к любой части планеты в манере, схожей с тем, когда кто-либо просто тычет пальцем в карту» [3, с. 21]. Своим происхождением словосочетание «Ближний Восток» обязано американскому адмиралу А. Мэхэну. Будучи известным военно-морским историком, последний разработал в 1900 — 1902 гг. теорию «сдерживания» России как «великой континентальной державы» путём создания блока «морских держав» под эгидой США и выступил за включение обширной области с центром близ Персидского залива, специально обозначенной им в качестве «Near East» (т. е. Ближнего Востока!), в число регионов, «жизненно необходимых» для Запада. Эта идея легла в основу американского глобального моделирования, до сих пор имеющего целью утверждение безраздельного господства США на планете в рамках т.н. *Rax Americana* (мировой американской империи). Она в

первую очередь предусматривала установление контроля Соединённых Штатов над кратчайшими коммуникациями между Европой, Азией и Африкой [11; 13].

«Ближний Восток, — пишет известный американский военный аналитик Б. Палмер, — относится к наиболее стратегическим регионам в мире не только из-за его геополитической позиции. Важнейшие мировые воздушные и морские маршруты проходят через территорию, составляющую мост между евразийским массивом и африканским континентом. Высока значимость Ближнего Востока и в культурном, историческом, религиозном отношениях. Он является родиной западной цивилизации, здесь находятся Иерусалим и Мекка — символические центры трёх основных религий — христианства, иудаизма, ислама. Регион, обладая большим энергетическим потенциалом, является жизненным для большинства индустриально развитых держав мира и решающим для амбициозных устремлений многих развивающихся наций» [3, с. 22].

Приведённая оценка достоинств и возможностей Ближнего Востока в мировой политике является стереотипной для западноевропейской и американской историографии. В последних экспертно-аналитических публикациях США она дополняется лишь констатациями о консолидации усилий нации по защите безопасности Запада, предотвращении реальной угрозы Соединённым Штатам со стороны радикальных антизападных идеологий и регионов, а также обеспечении США свободного доступа к ресурсам где бы то ни было [9; 14]. Это отражает всё возрастающее желание американских правящих классов как-то оправдать широкомасштабную экспансию в различных областях планеты, удалённых от берегов Северной Америки на многие тысячи миль, и обеспечить для США долгосрочное функционирование на мировой арене в качестве единственной супердержавы, что стало возможным после демонтажа Советского Союза, который долгие годы сдерживал имперские амбиции Вашингтона. Не случайно Ближний Восток включён пунктом № 2 в шкалу жизненных американских геополитических интересов на современном этапе, предполагающих:

- «1) защиту сухопутных, морских и воздушных границ нации;
- 2) предотвращение доминирования в Европе, Азии или Персидском заливе какой-либо враждебной державы;
- 3) протекцию доступа к рынкам и свободной торговли;
- 4) свободный доступ к ресурсам;
- 5) защиту американцев от таких личных (персональных) угроз их жизням и благополучию как терроризм и распространение наркотиков» [3, с. 22].

Начало интенсивной коммерческой и дипломатической деятельности Соединённых Штатов в ближневосточном регионе восходит ко второй половине XVIII в. Оно ничем не отличалось от той агрессивной политики, которую США предприняли в Западном полушарии сразу же после своего образования в 1776 г. Предприимчивые купцы из Бостона и Нью-Йорка торговали со странами Ближнего Востока, начиная с 1767 г. В 1774 г. Континентальный конгресс установил дипломатические отношения со Священной Портой. Администра-

ция президента Дж. Вашингтона в 1792 г. признала независимость Марокко, подписав соответствующий договор и предусмотрев интенсивные торговые мероприятия. В 1801 — 1805 гг. США уже всерьёз конфликтовали с т. н. «варварскими» государствами северо-африканского побережья Средиземного моря: Алжиром, Тунисом, Триполи, попытавшимися воспрепятствовать расширению сферы влияния американских купцов на Ближнем Востоке. С того времени и для «защиты» своих интересов, они стали постоянно держать в Средиземноморье эскадру из четырёх кораблей, ставшую предшественницей нынешнего Шестого американского флота.

Через десять лет госсекретарь США Генри Клей организовал обучение группы молодых людей из числа американских моряков турецкому, арабскому и другим восточным языкам при американских консульствах в Тунисе, Триполи, Алжире, что свидетельствовало об усилении внимания США к ближневосточному региону, который стал рассматриваться американскими правящими кругами в качестве особо перспективного. Тогда же на Ближнем Востоке появились первые американские протестантские проповедники. В 1820 г. в Смирне обосновались Л. Парсонс и П. Финк с целью «дружественных действий во имя господи и счастья на земле» [3, с. 23]. Их деятельность удачно дополняли американские путешественники. В 1834—35 гг. Дж. Стивенс первым из своих соотечественников проплыл по Нилу от Асуана до Луксора, а затем совершил поездку по Синаю, оставив после себя увлекательные записки, опубликованные в двух томах и доставившие немалое удовольствие западным читателям.

Протестантские миссии из США действовали на Ближнем Востоке посредством специально созданных учебных заведений, и прежде всего, таких, как колледж Роберта (осн. в 1863 г.), Американский университет в Бейруте (осн. в 1886 г.), Стамбульский женский колледж (осн. в 1871 г.), Американский университет в Каире (осн. в 1919 г.). Впрочем, их гуманитарные и просветительские усилия были полны противоречий. С одной стороны, на Ближнем Востоке распространялись знания и утверждалась христианская мораль, с другой же, здесь исподволь готовился узкий круг проамериканской, прозападной элиты, сразу же ставшей пренебрежительно относиться к традициям арабской культуры и постепенно противопоставившей себя коренному населению, что было весьма выгодно американцам для успешного осуществления в ближневосточном регионе своих далеко идущих планов. Последние, впрочем, не были ещё определены отчётливо, хотя стремление к превосходству ощущалось в каждом конкретном шаге любого американца на земле Ближнего Востока, будь то купец, миссионер, дипломат или разведчик. Среди многочисленных представителей США, оказавшихся в странах Ближнего Востока в первой половине XIX в. и в последующие годы, были, конечно, и те, кто вдумчиво относился к особенностям местной культуры, прекрасно знал арабский язык и смог донести правду об обычаях аборигенов общественному мнению Запада, как, например, В. Тейлор или Г. Блисс, но они оказались явно в меньшинстве. Данное обстоятельство впоследствии во

многим предопределило искажённое восприятие реалий Ближнего Востока политическими и государственными деятелями, бизнесменами и журналистами стран Запада, соответствующим образом сказавшись на формировании региональной политики и дипломатии США.

«Американское миссионерство, — пишет по этому поводу индийский учёный М. Джансен, — подчёркивало те социальные и материальные выгоды, которые может обеспечить протестантская этика. Позже либералы назвали данный конверсионный процесс вестернизацией. Вестернизованный местный житель был хорошим арабом и был тепло встречен и защищён, но ему было уготовано своё место. Невестернизованный житель Ближнего Востока был плохим арабом, или просто арабом, и третировался с жестокостью. В своём подавляющем большинстве американская враждебность была направлена против независимых лидеров арабского мира» [3, с. 24]. Таким образом осуществлялась предварительная обработка коренного населения стран Ближнего Востока и готовилась почва для последующих эффективных правительственных и общественных мероприятий США в регионе с учётом экономического роста американского государства и расширения сферы американского политического влияния в мире.

Со второй половины XIX в. такие крупные монополии Соединённых Штатов, как Нью-Йоркская «Стандард Ойл Компани», стали торговать керосином в различных провинциях Османской империи. Американская торговая палата, открыв главный филиал в Константинополе и отделения в Салониках, Смирне, Бейруте и Каире, активно содействовала экспортёрам и импортёрам из США в расширении связей с ближневосточными государствами. Через многочисленных торговых агентов бизнесмены из Соединённых Штатов скупали в Малой Азии высококачественный турецкий табак, солодковый корень и другие товары.

В начале XX в. избыточный капитал из Соединённых Штатов устремился в самые различные отрасли хозяйства Турции, Ирана, Ирака, конкурируя с капиталом Германии, Англии, Франции.

Одна из первых попыток США вложить значительные денежные средства в экономику Османской империи была связана с поездкой адмирала К. Честера в Турцию в 1908 г. в качестве представителя Нью-Йоркской торговой палаты для переговоров с султаном о железнодорожной и нефтяной концессиях. Султан дал принципиальное согласие на предоставление американцам железнодорожной концессии. Осуществление проекта, однако, затянулось. Вокруг строительства развернулась ожесточённая борьба капиталистов Англии, России, Франции и Германии. Европейские державы оказали на турецкое правительство сильное давление, и Соединённые Штаты вынуждены были отступить.

Через три года США, однако, получили от турецких властей семь концессий на разработку нефти в пустыне Негев в Палестине. «С того времени, — пишет советский историк П. Осипова, — правительство США стало играть видную роль в международной борьбе за нефть, в первую очередь за нефть Ирака, а позднее во всех дипломатических контроверзах по поводу ближневосточных мандатов».

Повышение деловой активности Соединённых Штатов на Ближнем Востоке явилось закономерным следствием превращения их к началу Первой мировой войны в державу, не имевшую себе равного соперника ни по скорости развития капитализма, ни по достигнутой уже ими наибольшей высоте развития.

После англо-франко-израильской агрессии против Египта осенью 1956 г. формально было объявлено, что главное для 6-го флота — быть в боевой готовности в случае трансформации событий в большую конфронтацию... защитить и эвакуировать американских граждан из Египта и других активных стран Ближнего Востока... избегать вовлечения в локальные столкновения, но пытаться умиротворить враждующие стороны. Фактически же американские корабли до сих пор выполняют функции гибкого инструмента дипломатии Соединённых Штатов, предназначенного для шантажа народов ближневосточного и средиземноморского регионов и обеспечения широкомасштабной деятельности транснациональных монополий, сильно влияющих на правительственную экономическую политику США в сторону сближения и интеграции на Ближнем Востоке западноевропейских стран, США и Японии. «Наша взаимозависимость, — говорил в 1975 г. госсекретарь США Г. Киссинджер, — является фактом, и Ближний Восток имеет большие возможности в глобальной экономике. Односторонние действия по продвижению вперед национальных интересов не будут служить интересам ни одной нации, если результатом будет ослабление мировой экономики. Все мы должны осуществлять нашу политику таким образом, чтобы направить её на усиление глобальной мощи и стабильности» [3, с. 27].

Таким образом, национальные экономические интересы США на Ближнем Востоке объявлены неотъемлемой частью глобальных экономических интересов ведущих индустриальных держав, если под этими интересами понимать полную готовность обеспечивать максимальные льготы и привилегии транснациональным корпорациям, трестам и банкам, зачастую требующим осуществления правительством США акций, отнюдь не выгодных большинству населения этой страны. При этом взаимозависимость западноевропейских стран, Японии и США усиливается, но действия американских правящих кругов по отношению к странам Ближнего Востока по-прежнему рассчитаны, прежде всего, на применение грубой военной силы и экономического диктата. Это сопровождается распространением западной идеологии в форме протестантизма и иудео-христианских моральных ценностей, что ведёт к неуклонному росту антиамериканских и антиизраильских настроений, запутывая положение в регионе ещё больше [7; 12]. «На Ближнем Востоке, — подчёркивал в 1979 г. бывший заместитель начальника генерального штаба армии США генерал М. Тейлор, — нам необходима прочная военная основа, которая включала бы силы общего целевого назначения, способные обеспечить военное превосходство, уверенный контроль морских путей, связывающих США с главными союзниками и основными морскими рынками, силы быстрого реагирования, состоящие как минимум из четырех дивизий, готовых к немедленной отправке за

рубеж и способных без особых усилий предотвратить распространение здесь международного терроризма» [3, с. 28].

Экспансионистские устремления США в регионе, обеспечиваемые столь жёсткими несущими конструкциями, предопределили преимущественную ориентацию на государства, готовые к выполнению функций «младших партнёров» и «стратегических союзников». Одним из таковых для американских правящих кругов на Ближнем Востоке стало государство Израиль, образованное 14 мая 1948 г. на территории Палестины.

В одном из секретных документов госдепартамента от 1 июля 1948 г. об интересах США в этой стране говорилось следующим образом: «С политической точки зрения мы допускаем, что Палестина совместно с соседними странами будет главным фактором в любом будущем конфликте в регионе и потому должна стать территорией жизненной важности для США в качестве потенциальной базы по отношению к нашим линиям коммуникаций. С экономической точки зрения наша торговля здесь, если исключить торговлю нефтью на Ближнем Востоке, не так уж важна» [3, с.28]. Таким образом, США сразу же решили использовать Палестину в той её части, где был создан Израиль, прежде всего как плацдарм стратегического порядка. Данный аспект целевого назначения «единственно верного союзника» Соединённых Штатов в регионе оказался наиболее стабильным. «При наличии большой угрозы установления коммунистической тирании где-нибудь на Ближнем Востоке, — отмечалось в меморандуме администрации президента США, подготовленном для конгресса по случаю включения Израиля в программу «Американской помощи по взаимной безопасности» в 1951 г., — Израиль является бастионом мировой демократии». То же самое констатируют многочисленные правительственные документы США по Ближнему Востоку периода 50-х — начала 90-х гг. «Продолжающаяся поддержка Израиля, — заявил член палаты представителей от штата Нью-Йорк в конгрессе 96-го созыва Г. Фиш в 1980 г., — а также признание его значения интересам стратегии и безопасности нашей собственной страны в этом терпящем бедствие регионе мира, являются константой всей нашей внешней политики» [3, с. 28-29]. Данное обстоятельство оказалось настолько важным для избранного осенью 1992 г. президентом США демократа Б. Клинтона, что тот сразу же счёл необходимым публично объявить о своём стремлении следовать в отношении Израиля традиционным для американских правящих кругов курсом, поставив во главу угла обеспечение качественного военного превосходства Израиля над потенциальными противниками.

Следует отметить, что США всегда стремились использовать Израиль в качестве «местной» силы, способной играть роль «передовой линии защиты» своих интересов на Ближнем Востоке. Данное желание непременно находило положительный отклик правящей израильской верхушки, внешнеполитический курс которой был направлен на захват новых арабских земель. Отсюда тенденция к скоординированности действий двух держав в регионе, прежде всего в

тех конкретных случаях, когда, по словам бывшего израильского министра иностранных дел А. Эбана, «... первостепенную важность приобретает мощь Израиля, его способность сдерживать враждебных соседей с помощью военной силы» [3, с. 29]. Израиль не случайно рассматривается американскими правящими кругами в качестве «центрального элемента противодействия» любому противнику Запада на Ближнем Востоке. «Сильные израильские военно-морские и военно-воздушные силы, — свидетельствовал в 1977 г. бывший начальник разведки ВВС США генерал Дж. Киган, — создают наиболее важное зонтичное прикрытие для Соединённых Штатов в этой части мира. Разведданные, упреждающие свойства и сведения контрразведки, сообщённые Израилем США, столь необходимы, что не могут быть даже оценены в долларах... Израильские спецслужбы составляют, на мой взгляд, основной элемент безопасности Запада в ближневосточном регионе» [3, с. 29]. Поэтому военно-стратегические расчёты США на Ближнем Востоке до сих пор не исключают интеграции Израиля в систему НАТО. Ранее допуск «младшего партнёра» США в ведущий западный военно-политический блок на правах действительного члена аргументировался тем, что это сильно ускорит выработку объединённой политики стран Западной Европы и США в связи с «... перемещением центра американско-советского противоборства из Европы в ближневосточный регион» [3, с. 29]. Сейчас, когда Советский Союз исчез с политической карты мира, вступление Израиля в НАТО объясняют острой потребностью жёсткого блокирования оставшихся тоталитарных антизападных режимов на Ближнем Востоке и в сопредельных стратегически важных и богатых природными ресурсами областях. Израиль к тому же продолжает считаться правящими кругами США основным пропагандистом западной идеологии в ближневосточных странах. «Хочет кто этого или не хочет, — пишет по данному поводу американский исследователь А. Вильдавски, — но Израиль существует для Запада и благодаря ему. В своём развитии он чувствует себя, пахнет и выглядит как западная страна... В отличие от Вьетнама, Кореи или Анголы Израиль составляет не часть периферии, а сердцевину Запада. К лучшему или к худшему, он является нашим. Американский национальный интерес в Израиле, безопасность и процветание Израиля заключаются в том, что любой моральный аргумент, осуждающий Израиль, относится в равной степени и к Соединённым Штатам, а любой культурный аргумент против Израиля имеет отношение ко всей западной цивилизации» [3, с. 30]. Бывший директор международного совета еврейской общественной организации «Б'най Б'рит» Г. Эдельберг также полагает, что «выживание Израиля затрагивает каждый нерв американской исторической цепи и жизненно воздействует на нахождение Америки в семье наций». «Если американское умение и мощь в защите такой страны против советских империалистических намерений на Ближнем Востоке окажутся недостаточными, — предостерегал он в 1977 г., — то это будет началом конца для свободного мира» [3, с. 30]. Данные утверждения, конечно же, не лишены максимализма, но остается фактом постоянная особая роль Из-

раила в любых планах «вестернизации» ближневосточного региона, предлагаемых Соединёнными Штатами мировому сообществу. Она заключается в том, чтобы скоординировать подрывную работу идеологических центров Запада, спецслужб США и разведподразделений реакционных международных организаций, обслуживающих транснациональные корпорации, тресты и банки по размытию арабских национальных традиций в регионе, недопущению арабского антиимпериалистического единства, установлению барьеров на пути проникновения в регион обновляющейся России после демонтажа Советского Союза. «Израиль, — утверждалось в одном внешнеполитическом документе конгресса США 1977 г., — сегодня выступает не только в качестве наилучшего гаранта против советской безответственности на Ближнем Востоке. По иронии судьбы он является единственным гарантом арабских прав индивидуальной безопасности на Ближнем Востоке. Арабские граждане многих стран региона, не имеющие прав голоса и позиций в правительстве, убеждены в том, что они не будут вовлечены в войну вновь до тех пор, пока Израиль поддерживает достаточно высокий уровень своей мощи» [3, с. 30]. Вообще, значение Израиля и израильского лобби в США сложно переоценить: большинство шагов по урегулированию палестинской проблемы согласовываются с Тель-Авивом [5; 15]. Только в недавнее время американские президенты стали требовать от Израиля соразмерных уступок: в случае с Дж. Бушем-младшим предварительным условием этих уступок стала демократизация Палестины (заведомо невыполнимая цель, с учётом условий жизни в провозглашённом и частично признанном государстве), а при Б. Обаме Вашингтон не слишком настойчиво продвигал свои требования, действуя с оглядкой на произраильское республиканское большинство в обеих палатах Конгресса [2; 8].

Американские правящие круги по-прежнему намерены использовать «сильный в военном отношении» Израиль для принуждения «инертных» арабов к положительному восприятию западного опыта в экономике, государственном строительстве, образовании, культуре. Залогом успеха совместных специальных операций объявлена политическая стабильность развития израильского государства в контрасте с трудноуправляемыми процессами во многих других ближневосточных странах. «Если будущее политических структур и ориентации в политике Омана, Сомали, Кении, Египта и Турции, — отмечается в аналитическом докладе Комитета по американо-израильским отношениям «Стратегическая ценность Израиля», подготовленном С. Розеном в 1982 г., — являются субъектом радикальных изменений, то основные политические структуры и политика Израиля являются стабильными и предсказуемыми и воздействуют, к тому же, на региональную безопасность. Практически все израильские руководители в основных политических партиях поддерживают укрепление роли Соединённых Штатов в регионе, усиление способности отразить советскую агрессию и обретение возможностей применения Соединёнными Штатами силы в поддержку данных целей. Лидеры обеих ведущих израильских партий подпи-

сались под документом, определяющим стратегический допуск США к соответствующим соглашениям на определённых условиях» [3, с. 31].

Сопричастность Израиля ко многим аспектам дипломатии США на Ближнем Востоке после Второй мировой войны в качестве «младшего партнера», а затем и «стратегического союзника» даёт веское основание утверждать о наличии «оси Тель-Авив — Вашингтон», которая объединяет в единое целое всю совокупность разнообразных интересов Соединённых Штатов и их сателлитов на обширной территории к востоку и западу от Суэца. Совместные действия Израиля и США поэтому выглядят вполне естественно в контексте т. н. *islamopolitik*, первые шаги в осуществлении которой были сделаны американскими правящими кругами во время кризиса в Иране в 1979 — 1980 гг. и связанного с заложниками из числа граждан США. Тогда США, полагаясь на «бронированный кулак» Израиля, стали действовать активно, чтобы даже географически страны прогрессивной ориентации в регионе оказались зажатыми в плотные тиски прозападных «умеренных» государств. Предполагалось, что союз Соединённых Штатов, Египта, Израиля, Саудовской Аравии, Судана и некоторых других стран может привести к рабочему миру, гарантирующему, в свою очередь, сохранность нефтепромыслов и определённые цены на нефть. Желаемого, однако, достичь не удалось.

Истинные интересы США на Ближнем Востоке всеобъемлюще раскрыла операция «Шторм в пустыне», осуществлённая администрацией Дж. Буша против Ирака в 1991 г. Парадоксом событий тех дней явилось лишь сотрудничество с США Советского Союза на грани своего краха, который усугубила не только перестройка, начатая М. Горбачёвым, но и «забота» новых «партнёров» некогда великой державы, способной проводить самостоятельную политику в регионе и имевшей много друзей в арабском мире. Оценивая кризис в Персидском заливе осенью 1990 г., госсекретарь США Дж. Бейкер подчеркнул, что «ключевым элементом стратегии является американское лидерство над глобальным альянсом, который изолирует Ирак — политически, экономически и в военном отношении» [3, с. 31]. Таким образом, американские правящие круги пытаются максимально выгодно для себя использовать объективно сложившиеся предпосылки формирования взаимосвязанного, во многом противоречивого, но единого мира. Коалиция наций при руководстве США под эгидой ООН образовалась, но её цель при этом нивелировалась лишь по шкале узкокорыстных имперских интересов американских правящих кругов, добивающихся «свободного доступа» к любому источнику сырья на планете. Средство оказалось довольно примитивным: использование грубой военной силы Соединёнными Штатами в конфликте с Ираком лишь усложнило и без того непростую ситуацию в регионе [6; 10]. «Американская ближневосточная политика, — пишет в этой связи заместитель директора отдела исследований внешней политики Фонда наследия Дж. Филлипс, — стала анахронизмом. Так же, как и в других частях света, традиционный подход к Ближнему Востоку завершается с окончанием холодной

войны и дезинтеграцией Советского Союза. Сдерживание экспансии советской мощи и влияния на Ближнем Востоке было с 1947 г. главнейшим приоритетом ближневосточной политики Соединённых Штатов одновременно с гарантированием допуска Запада к нефти Персидского залива, упрочением безопасности Израиля, наиболее преданного американского друга, а также установлением хороших рабочих отношений с умеренными арабскими государствами [...]. В долгосрочной перспективе первая линия обороны США против недостатка нефти будет находиться именно на свободном рынке, а не полях военных сражений» [3, с. 32-33].

Вполне может случиться, что так оно и будет. Но пока Вашингтон стремится опереться в ближневосточном регионе исключительно на грубую военную силу, о чём свидетельствуют ставшие постоянными налеты на Ирак. США взвалили на себя нелёгкое бремя единственной супердержавы в мире, сохранив практически все традиции экспансионизма, агрессии, глобализма. Более того, они усилили опасные тенденции силового реагирования на любое препятствие своим национальным интересам как в целом во всём мире, так и на Ближнем Востоке в особенности. Пример с Ираком наглядно демонстрирует, какие действия будут предпочтительны для США в случае очевидной антиамериканской и антизападной позиции любой отдельной страны, в том числе и России.

Факты свидетельствуют, что на протяжении всего периода нового и новейшего времени динамика интересов США в ближневосточном регионе всецело соответствовала экономическому росту американского империализма и усилению политического влияния США в глобальном масштабе. Соединённые Штаты проникли на Ближний Восток позже Великобритании и Франции. Они утвердились здесь, максимально выгодно используя сложившуюся экономическую и политическую конъюнктуру, затем долго следовали в фарватере колониальной дипломатии Великобритании. После Второй мировой войны Соединённые Штаты смогли вытеснить с Ближнего Востока практически всех своих конкурентов. Но победа оказалась пирровой. США увязли в разрешении всевозможных региональных споров, из которых наиболее существенными явились арабо-израильский конфликт и палестинская проблема, замкнувшие на себе наиболее сложные региональные и глобальные противоречия [1; 4].

Не случайно с 1980 г. словосочетанием «Большой Ближний Восток» обозначается огромное политико-географическое пространство, включающее в себя помимо традиционных арабских стран такие государства как Иран, Турция, Афганистан, Пакистан, Туркменистан, страны Кавказа, а также мусульманские государства центрально-восточного региона и Магриба (Северной Африки)¹. Данная дефиниция нередко коррелирует с термином «Новый Ближний Восток», введённым в оборот госсекретарем США К.Райс в 2006 г. для смыслового уточнения понятия «Большой Ближний Восток» с максимальным учетом наци-

¹ Большой Ближний Восток перед серьёзными геополитическими изменениями. Режим доступа: <http://www.wprg.ru/archives/category/greater-middle-east> (дата обращения: 11.01.2017).

ональных интересов и приоритетов Соединённых Штатов и Израиля. Изменение политической фразеологии совпало с церемонией ввода в действие нефтяного терминала Баку–Тбилиси–Джейхан в Восточном Средиземноморье. Оно не было окончательным, поскольку бывший американский советник по национальной безопасности Зб.Бжезинский считал, что странами Нового Ближнего Востока должны стать Евразийские Балканы, Южный Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия) и Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Афганистан, Таджикистан)².

Для Соединённых Штатов всегда было важным расширительное толкование обширной, стратегически важной и богатой природными ресурсами территории, в пределах которой необходимо во что бы то ни стало установить именно здесь контроль за всем и вся, вытеснив непременно за границы региона (нарочито невнятно обозначенные) любого конкурента. К наиболее значительным из таковых относится, разумеется, Россия. Главное американцами на Ближнем Востоке сделано: управляемый хаос в действии. Необходимый США антропоток в глобальном масштабе сформирован и нацелен, прежде всего, на Европу. Война распространилась повсеместно. Но окончательному решению ближневосточного вопроса в глобальной политике по американской модели сильно мешает Россия, стратегические интересы которой сформированы чётко, а тактические действия по их реализации являются весьма эффективными. Россия, действуя в качестве глобального игрока, добилась признания своего авторитета многими странами мира.

В связи с этим, в утвержденной Указом Президента Российской Федерации №640 от 30 ноября 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации особо подчёркивается необходимость обеспечения настоящего верховенства права в международных отношениях.

«Современный мир, – отмечается в этом важном документе, – характеризуется стремительным ростом уровня, расширением характера и географии таких имеющих трансграничную природу вызовов и угроз, как незаконное распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, неконтролируемый трафик оружия, нелегальная миграция, торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, коррупция, морское пиратство, киберпреступность, глобальная бедность, изменение климата, а также угрозы в области продовольственной, экологической и санитарно-эпидемиологической безопасности». В Концепции подчёркивается необходимость коллективного ответа на существующие и новые вызовы, который должен осуществляться на основе конвергенции ценностей различных обществ и при сохранении координирующей роли ООН³.

Для Российской Федерации чрезвычайно важны укрепление международной безопасности, коллективная борьба с терроризмом, осуждение терроризма

² Ibid.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации, 30 ноября 2016 г. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonKJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 01.05.2017)

во всех его формах и проявлениях. Она выступает категорически против любого использования государством террористических организаций для достижения политических, идеологических или иных целей, применяя в соответствии с международным правом и российским законодательством все необходимые меры по предупреждению терроризма и противодействию ему, защите государства и своих граждан от террористических актов, борьбе с распространением идеологии терроризма, а также настойчиво стремясь к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных усилий в соответствии с уставом ООН, нормами и принципами международного права, исходя из того, что необходимо максимально консолидировать коллективные усилия под эгидой ООН в целях борьбы с иностранными террористами – боевиками посредством блокирования любых форм материальной поддержки террористических организаций⁴.

На Большом Ближнем Востоке основной стратегической целью России вновь стало масштабное многопрофильное и повсеместное присутствие в регионе. При этом задача повышения статуса России как значимой внешней силы для основных региональных государств оказалась выполненной. Кроме данного обстоятельства необходимо учитывать появившиеся у России новые возможности сдерживания и ослабления исламского экстремизма и радикализма, способных вдруг распространиться на стратегически важные земли по периметру юго-восточных границ бывшего СССР. Активизация современной российской политики на Большом Ближнем Востоке способна существенным образом изменить обстановку в регионе. Императивом непременно окажется всесторонняя поддержка тех сил, которые способны установить долгосрочные связи геополитического, экономического, культурного назначения со всеми умеренными ближневосточными представителями делового сообщества, а также многими государственными образованиями и политическими организациями, позитивно настроенными по отношению к РФ, которая уже вернулась в регион с чётко обозначенной, концептуально выверенной долгосрочной стратегией, направленной на неперенное достижение стабильности и процветания не только на региональном, но и глобальном уровнях. Главным является последовательность действий, эффективная антикризисная дипломатия и многостороннее сотрудничество в интересах всех людей доброй воли на планете. Российское лидерство, таким образом, приобретает весьма чёткую обоснованность и логичность во всех аспектах жизнедеятельности не только Большого Ближнего Востока, как стратегически важного и богатого природными ресурсами региона. Таким образом, вовлечённость РФ в события на Большом Ближнем Востоке становится не только фактором традиции, но и обстоятельством наиболее значительной геополитической инновации.

⁴ Ibid.

Список литературы

1. Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // *Международная жизнь*. 2016. № 11. С. 85-104.
2. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 1. С. 125-135.
3. Колобов О.А. Соединённые Штаты Америки и проблема Палестины. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1993. 223 с.
4. Курбанов М.А. США и Ближний Восток: маскировка старых идей или новый курс? // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2013. № 10 (526). С. 67-78.
5. Лошкарёв И.Д. Ресурсы этнического лоббизма во внешней политике США: теоретические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 3. С. 76-83.
6. Примаков Е.М. Ближний Восток: дальнейшая милитаризация политики США // *Свободная мысль*. 2010. № 6 (1613). С. 137-150.
7. Суслов Д.В. Политика США по управлению «расширенным» Ближним Востоком // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2005. № 4. С. 72-89.
8. Тарбаев С.А. Политика США на Ближнем Востоке при Джордже Буше // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2009. № 2. С. 71-78.
9. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: *Международные отношения*, 2015. 336 с.
10. Hunter R.E. US Interests and the Use of Force in the Middle East // *The International Spectator*. 2015. Vol. 50. No. 4. Pp. 95-112.
11. Karim W.J. Stratagems and Spoils in US Policy in the Middle East // *Globalizations*. 2011. Vol. 8. Pp. 601-607.
12. Mady A.-F. American foreign policy and peace in the Middle East // *Contemporary Arab Affairs*. 2010. Vol. 3. No. 3. Pp. 271-296.
13. Simón L. Seapower and US Forward Presence in the Middle East: Retrenchment in Perspective // *Geopolitics*. 2016. Vol. 21. No. 1. Pp. 115-147.
14. Telhami S. The Stakes: America in the Middle East: The Consequences of Power and the Choice for Peace. Boulder CO, Westview Press, 2004. 214 p.
15. Terry J.J. US Foreign Policy in the Middle East: The Role of Lobbies and Special Interest Groups. London, Pluto Press, 2005. 176 p.

Об авторе:

Олег Алексеевич Колобов – д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. 603005, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: dipin2012@mail.ru.

CONTEMPORARY RUSSIAN POLICY IN THE MIDDLE EAST: STRATEGIC GOALS AND TACTIC ACTIONS

O.A. Kolobov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-98

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod state University

The article analyzes the features of the situation in the Middle East in the modern world. Special emphasis is placed on consideration of the peculiarities of the perception of the re-

gion by representatives of the great powers in historical retrospect. To put these peculiarities objectively, the author uses comparative and historical-descriptive methods. The article also reveals specific causes and consequences of the strategic interest of the great powers towards the Middle East. Later the author explains the possibilities of a new approach to the region on the part of modern Russia and presents the analysis of archival materials shedding light on the actions of the great powers in relation to the Middle East in retrospect and in the near future. This allows to consider a new Concept of Russia's foreign policy and the possibility of its implementation in the Greater Middle East in the foreseeable future. The article describes new technologies of political actions of the Russian Federation in the Middle East region, taking into account the factor of peacemaking and the creation of normal living conditions for the countries and peoples of the Greater Middle East. The specific peacekeeping efforts of the Russian Federation are compared with the policies of other great powers in the region. This allow to forge the assessment of the broad interpretation of the Greater Middle East in contemporary world politics. Furthermore, an attempt is made to clearly define strategic goals and characterize the patterns of tactical actions of the Russian government within the entire Middle East territory. This preconditions the need to expand the Russian presence not only in the Greater Middle East as well as in other turbulent zones. The article underlines the importance of consistency in the actions of effective crisis diplomacy and multilateral cooperation of the Russian Federation in the region and throughout the world.

Key words: foreign policy, strategies, geopolitics, tactics, Russian presence, conflict, Great Near East.

References

1. Biriukov E.S. Etapy i instrumenty vneshnei politiki SShA na Blizhnem Vostoke [Stages and tools of US foreign policy in the Middle East]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2016, no. 11, pp. 85-104. (In Russian)
2. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. Lichnost' prezidenta kak faktor formirovaniia vneshnepoliticheskoi povestki dnia SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [President's personality as factor of US foreign policy formation (some results of B. Obama presidency)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, no. 1, pp. 125-135. (In Russian)
3. Kolobov O.A. *Soedinennye Shtaty Ameriki i problema Palestiny* [The United States of America and the problem of Palestine]. Nizhnij Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta Publ., 1993. 223 p. (In Russian)
4. Kurbanov M.A. SShA i Blizhnii Vostok: maskirovka starykh idei ili novyi kurs? [The USA and the Middle East: masking of old ideas or new course]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2013, no. 10 (526), pp. 67-78. (In Russian)
5. Loshkarev I.D. Resursy etnicheskogo lobbizma vo vneshnei politike SShA: teoreticheskie aspekty [Resources of ethnic lobbying in the US foreign policy: thepretical aspects]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, vol. 61, no. 3, pp. 76-83. (In Russian)
6. Primakov E.M. Blizhnii Vostok: dal'neishaia militarizatsiia politiki SShA [The Middle East: further militarization of US policy]. *Svobodnaia mysl'*, 2010, no. 6 (1613), pp. 137-150. (In Russian)
7. Suslov D.V. Politika SShA po upravleniiu «rasshirennym» Blizhnim Vostokom [US policy on governing the enlarged Middle East]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2005, no. 4, pp. 72-89. (In Russian)
8. Tarbaev S.A. Politika SShA na Blizhnem Vostoke pri Dzhordzhe Bushe [US policy towards the Middle East under George Bush]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Mezhdunarodnye otnosheniia* [PFUR Review. International relations], 2009, no. 2, pp. 71-78. (In Russian)
9. Shumilin A.I. Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste "Arabskoi vesny" [US policy towards the Middle East in the context of the Arab spring]. Moscow,

- Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2015. 336 p. (In Russian)
10. Hunter R.E. US Interests and the Use of Force in the Middle East. *The International Spectator*, 2015, vol. 50, no. 4, pp. 95-112.
 11. Karim W.J. Stratagems and Spoils in US Policy in the Middle East. *Globalizations*, 2011, vol. 8, pp. 601-607.
 12. Mady A.-F. American foreign policy and peace in the Middle East. *Contemporary Arab Affairs*, 2010, vol. 3, no. 3, pp. 271-296.
 13. Simón L. Seapower and US Forward Presence in the Middle East: Retrenchment in Perspective. *Geopolitics*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 115-147.
 14. Telhami S. *The Stakes: America in the Middle East: The Consequences of Power and the Choice for Peace*. Boulder CO, Westview Press, 2004. 214 p.
 15. Terry J.J. *US Foreign Policy in the Middle East: The Role of Lobbies and Special Interest Groups*. London, Pluto Press Publ., 2005. 176 p.

About the author:

Oleg A. Kolobov – Doctor of Science Historical, Professor at the World diplomacy and international law Department, Nizhny Novgorod state University by name N.I.Lobachevsky. 603005, the Russian Federation, Hijnij Nivgorod, Ulj'anov street, 2.
E-mail: dipin2012@mail.ru.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ТРЕК: ПРОВАЛ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ

А.В. Крылов, В.М. Морозов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируются попытки американской дипломатии в период с 29 июля 2013 г. по 24 апреля 2014 г. добиться прорыва на палестино-израильском треке и вплотную подойти к подписанию конфликтующими сторонами при посредничестве США соглашения о Постоянном статусе в рамках договорённостей, достигнутых на трёхстороннем саммите в Кэмп-Дэвиде в 2000 г. Авторы анализируют подготовленный Госдепартаментом США «План Керри», на основе которого предполагалось решить ключевые вопросы палестино-израильского противостояния. Подробности «Плана Керри» никогда не раскрывались, однако его содержание реконструировано авторами на основе материалов переговоров, которые велись под эгидой США в рамках обозначенного выше хронологического отрезка.

В статье проводится параллель между переговорами администрации президента Б. Клинтона в 2000–2001 гг. и команды дипломатов Дж. Керри в 2013–2014 гг. Как и инициатива Б. Клинтона, предложенный Дж. Керри план был сконцентрирован на решении вопроса о будущих границах посредством размена территориями и не затрагивал других принципиальных вопросов Постоянного статуса (беженцы, израильские поселения, статус Иерусалима). Такой подход, полностью дезавуирующий имеющуюся международно-правовую базу ближневосточного урегулирования, обрекал переговоры на заведомый провал.

Проведённое исследование позволило доказать, что сепаратное урегулирование конфликта под эгидой США по «Кэмп-Дэвидской схеме», удачно апробированной американской дипломатией при решении спорных вопросов между Египтом и Израилем в конце 1970-х гг., не работает на палестинском треке.

Ключевые слова: Ближний Восток, США, Израиль, Палестинская национальная администрация, палестинская проблема, ближневосточное урегулирование.

УДК 327

Поступила в редакцию 12.04. 2017 г.

Принята к публикации 28.07.2017 г.

Затяжной кризис в Сирии, а также угрозы и вызовы, исходящие от радикальных исламистов, временно отвлекли внимание мирового сообщества от палестинского вопроса. Однако застарелый палестино-израильский конфликт продолжается, и проблемы, порождённые арабо-израильскими войнами (границы, беженцы, израильские поселения, статус Иерусалима), по-прежнему не решены. Очевидно, что тематика, связанная с урегулированием негативных последствий арабо-израильской войны 1967 г., не утратила своей научной и политической актуальности. В связи с усилением роли Российской Федерации в решении наиболее сложных и насущных проблем ближневосточного региона, который сейчас находится в зоне крайне опасной турбулентности, представляется важным ответить на вопрос: почему политика американской дипломатии на палестино-израильском направлении завершилась полным провалом? Именно в результате краха посреднических усилий США процесс мирного урегулирования между двумя сторонами конфликта оказался в тупике.

Объектом исследования выступают переговоры израильской и палестинской сторон, которые велись при посредничестве США в период с 29 июля 2013 г. по 24 апреля 2014 г. Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать развёрнутое представление о «Плане Керри» и раскрыть причины, по которым американские инициативы не принесли желаемых положительных результатов.

Отметим, что российские специалисты не проводили серьёзных научных исследований ближневосточной политики администрации Б. Обамы на палестино-израильском треке. На Западе затрагиваемая тематика находилась в центре внимания аналитиков и экспертов американского Фонда за мир на Ближнем Востоке (*The Foundation for Middle East Peace*). Много аналитических статей по палестино-израильским переговорам под эгидой госсекретаря Дж. Керри было опубликовано в западных, израильских и арабских печатных и электронных СМИ. Работа над этими материалами заключается в мониторинге и осмыслении огромного потока несистематизированной и противоречивой текстовой информации.

Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь на основе критического анализа источников. Широко использовались также приёмы научной обработки данных и историко-социологический анализ событий, процессов и тенденций эволюции обстановки в регионе.

На палестино-израильском треке до июля 2013 г. администрация Барака Обамы не выдвигала внятных инициатив, приемлемых для всех сторон, заинтересованных в ближневосточном урегулировании. Придя в Белый дом, Б. Обама намеревался, прежде всего, решительно противостоять иранской ядерной программе [4]. В августе 2009 г. Госдепартамент США предложил своим основным партнёрам по НАТО рассмотреть возможность «сделки», подразумевающей ужесточение экономических санкций Запада против Ирана в обмен на замо-

раживание строительства в еврейских поселениях¹. Это предложение, необычное для практики ближневосточного урегулирования, вызвало отрицательную реакцию и в Израиле, и на территориях, контролируемых Палестинской национальной администрацией (ПНА). Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху дал понять, что его правительство не будет препятствовать строительству ни в крупных поселенческих анклавах Ариэль, Модииин-Илит, Гуш-Эцион и Маале-Адумим (около 10% всей территории Западного берега), ни в еврейских кварталах Восточного Иерусалима.

Кроме того, признание американской стороной легитимности отдельных поселенческих анклавов на Западном берегу означало де-факто отказ от ранее поддержанных СБ ООН резолюций 242 и 338, требующих от Израиля вывода его войск с оккупированных в 1967 г. территорий, т.е. территорий, где должно быть создано палестинское государство. Ясно, что такая «инициатива» не была бы одобрена государствами-членами СБ ООН. Россия, Китай, Англия и Франция, как известно, решительно выступают против развития израильского поселенческого сектора на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим [2; 7; 9]. В противовес этому США настаивали, «чтобы Израиль заморозил всю поселенческую деятельность, однако это не должно быть предварительным условием для возобновления переговоров между израильтянами и палестинцами»².

Осторожные попытки тогдашнего госсекретаря Х. Клинтон убедить израильского премьера Б. Нетаньяху приостановить поселенческую активность на Западном берегу успеха не имели. Провалилась и попытка США, Египта и Иордании возобновить палестино-израильские переговоры в Вашингтоне (сентябрь 2010 г.) при условии, что Израиль будет соблюдать десятимесячный мораторий на строительство в поселениях. Вторая каденция Б. Нетаньяху (2009–2013) была самой результативной по освоению израильтянами палестинских территорий за весь период после 1967 г.: было построено 28 тыс. новых единиц жилья, где поселились около 103 тыс. израильтян³. 40% этого жилья возведено в удалённых от «зелёной линии» поселениях, а остальное – в основном в Восточном Иерусалиме и прилегающих к городу районах Западного берега⁴. «Челночная дипломатия» Дж. Митчелла, исполнявшего в 2009–2011 гг. обязанности спецпосланника президента США на Ближнем Востоке, также не увенчалась значимыми результатами [12].

После победы на вторых президентских выборах администрация Б. Обамы решительно пересмотрела отношение к переговорам Израиля с палестинцами,

¹ Крылов А.В. Израильские поселения в обмен на резолюцию по Ирану. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document119593.phtml> (дата обращения: 2.06.2017).

² Clinton rejects PA settlements condition. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jpost.com/Israel/Clinton-rejects-PA-settlements-condition> (дата обращения: 2.06.2017).

³ Monthly Report of the Palestinian Monitoring Group. January 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nad.ps/en/file/3891/download?token=EYle2cU6> (дата обращения: 2.06.2017).

⁴ Settlements & the Netanyahu Government: A Deliberate Policy of Undermining the Two-State. [Электронный ресурс] URL: <http://peacenow.org/images/Summary%20of%20the%204%20years%20of%20Netanyahu%20Government.pdf> (дата обращения: 2.06.2017).

а также роль США в этом процессе. Команда советников американского президента по Ближнему Востоку была расширена и усилена. В неё вошли: Р. Хаас, главный советник бывшего госсекретаря К. Пауэлла; М. Индик, бывший посол США в Израиле; Ф. Ловенштейн, кадровый дипломат и главный советник Керри по внешней политике; Д. Росс, спецпосланник президента Клинтона на Ближнем Востоке; Д. Маковски и М. Эйзенштат, эксперты по Ближнему Востоку из Вашингтонского института ближневосточных исследований; Р. Эммануэль, один из лидеров еврейского лобби, мэр Чикаго; А. Миллер, бывший заместитель Д. Росса на посту спецпосланника Клинтона на Ближнем Востоке, советник Клинтона по внешней политике; Д. Кецер, бывший посол США в Египте и Израиле; Б. Фишман, дипломат, работавший в посольствах США в Иране, странах Персидского залива и Израиле, который считается одним из конструкторов американской политики по устранению М. Каддафи; У. Слокомбе, один из разработчиков плана вторжения в Ирак в 2003 г.; Д. Леви, эксперт по Ближнему Востоку ряда американских исследовательских центров, бывший советник премьер-министра Израиля Э. Барака по палестинской проблеме; В. Чэмберлен, директор Вашингтонского института ближневосточных исследований, бывший посол в Пакистане, основатель и директор Института мира и развития Ближнего Востока (Нью-Йорк); С. Шпигель, директор Центра ближневосточных исследований в Калифорнийском университете.

Сразу бросается в глаза, что команда советников Керри: во-первых, состояла почти полностью из представителей израильского лобби во властных структурах США, а во-вторых, большинство её членов участвовали в подготовке и проведении в 2000–2001 гг. палестино-израильских переговоров под эгидой президента Б. Клинтона в Вашингтоне, Кэмп-Дэвиде и Табе. При этом на уровне риторики администрация Б. Обамы делала попытки дистанцироваться от израильского лобби, репутация которого в США неоднозначна [5; 6].

Напомним, что в краткий период пребывания у власти правоцентристского правительства Партии труда во главе с Э. Бараком (06.07.1999 – 07.03.2001) израильская сторона была готова пойти на серьёзные территориальные уступки палестинцам. С 11 по 24 июля 2000 г. в Кэмп-Дэвиде при посредничестве Клинтона состоялись переговоры между Я. Арафатом и Э. Бараком, на которых впервые обсуждались не только поселения, но и ранее «табуированные» для уровня официальных переговоров проблемы беженцев и статуса Иерусалима. Однако прийти к компромиссу в Кэмп-Дэвиде не удалось. Была лишь достигнута договорённость о продолжении двусторонних контактов при посредничестве США. Безуспешно завершились переговоры в Вашингтоне (19–24 декабря 2000 г.) и Табе (21–27 января 2001 г.). Из-за неблагоприятного политического фона накануне переговоров в Табе было ясно, что они не увенчаются успехом. Чтобы сорвать переговоры, лидер израильской оппозиции А. Шарон в сопровождении тысячи полицейских совершил провокационное восхождение на Харам аш-Шариф, которое спровоцировало массовые протесты палестинцев, став-

шие отправной точкой «Интифады аль-Акса». Резкое обострение палестино-израильского противостояния, как и ожидалось, привело фактически к кризису доверия и срыву переговорного мирного процесса. Победа А. Шарона на досрочных парламентских выборах в феврале 2001 г. доказала, что израильское общество настроено против территориальных уступок и воспринимает перспективу вывода поселений с оккупированных территорий в качестве недопустимого политического просчёта, наносящего серьёзный удар по всей системе безопасности Израиля.

Через 12 лет серьёзных подвижек на палестино-израильском треке не произошло, и США вместо поиска новых и конструктивных предложений вновь попытались реанимировать план обмена территориями [10]. Ни у кого не было сомнений в том, что план, который подготовит для Дж. Керри команда советников Б. Клинтона, будет попросту обновлённым вариантом свопов (территориальных обменов).

По вопросу о свобах палестинцы и израильтяне придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Стратегическая цель палестинской дипломатии заключается в том, чтобы свести к минимуму или вообще не допустить кардинальных изменений границ, которые существовали до 4 июня 1967 г. При этом предполагается, что все поселения и все поселенцы должны быть эвакуированы за пределы «зелёной линии»⁵. Израильская дипломатия настаивает на том, что в связи с неурегулированностью вопроса о статусе Иудеи и Самарии, т.е. Западного берега, евреи и палестинцы имеют равные права селиться в этом районе. А после подписания соглашения о Постоянном статусе все поселенцы и поселения, созданные в соответствии с законодательством Израиля, исключая «нелегальные поселения», основанные без проведения надлежащих юридических процедур, должны находиться под суверенитетом и юрисдикцией Израиля [8; 13].

На переговорах в Кэмп-Дэвиде израильская делегация впервые выдвинула план обмена территориями. Согласно этому плану, 111 поселений с общим числом поселенцев 374 327 чел. предлагалось оставить под суверенитетом Израиля, а 34 поселения и 18 977 поселенцев должны были покинуть Западный берег. Израиль отходили бы 733 кв. км Западного берега⁶, а под контроль ПНА – 114 кв. км. Ещё 507 кв. км Израиль рассчитывал взять у палестинцев в долгосрочную аренду. Тогда палестинская делегация отказалась обсуждать вопрос о свобах.

На переговорах в Табе карты с обозначением границ впервые представили обе стороны. Израиль признал в качестве основы для переговоров границы, существовавшие на 4 июня 1967 г. Его предложение заключалось в том, чтобы оставить под своим суверенитетом 6% территории Западного берега и 69 насе-

⁵ «Зелёная линия» – границы, существовавшие до июня 1967 г. На картах, составленных после окончания первого арабо-израильского конфликта 1948–1949 гг. по соглашениям Израиля с Египтом, Иорданией, Ливаном и Сирией, линия прекращения огня была зелёного цвета.

⁶ Общая территория Западного берега составляет 5,6 тыс. кв. км.

лѐнных пунктов с числом поселенцев 435 626 чел., и эвакуировать 71 поселение и 65 048 поселенцев. 2% Западного берега Израиль предлагал взять у палестинцев в аренду. В обмен под контроль ПНА Израиль предложил отдать 6% своей территории в непригодном для проживания районе Холот Халуца пустыни Негев, а также построить коридор под своим суверенитетом, соединяющий Западный берег с сектором Газа. Со своей стороны палестинцы были готовы оставить на Западном берегу 35 еврейских поселений с числом поселенцев 305 473 чел., и передать 86,19 кв. км Западного берега в обмен 96,29 кв. км территории Израйля.

На саммите в Аннаполисе 16 сентября 2008 г. премьер-министр Израйля Э. Ольмерт и глава ПНА М. Аббас вновь обменялись картами. Израиль предлагал взять под свой суверенитет 7,9% палестинской территории в обмен на 5% своей территории. Палестинская сторона соглашалась произвести равноценный обмен 1,5% территории Западного берега на 1,5% территории Израйля⁷.

План, подготовленный командой советников Дж. Керри, скорее всего, тоже был квинтэссенцией Арабской мирной инициативы 2002 г. и согласованных при посредничестве США территориальных обменов. Как известно, Арабская мирная инициатива предполагала признание арабскими странами Израйля в случае, если тот выведет свои войска с оккупированных арабских территорий и согласится на создание государства Палестина. Судя по результатам переговоров, которые вице-президент США Дж. Байден и госсекретарь Дж. Керри провели в апреле 2013 г. с главами государств Совета сотрудничества арабских государств Залива, последние были готовы поддержать американскую инициативу и признать Израиль и будущее палестинское государство в границах, существовавших до 4 июня 1967 г. с поправкой на возможность осуществления взаимосогласованных и незначительных земельных разменов между Израйлем и палестинцами⁸.

Заявление американских политиков вызвало шоковую реакцию в Израйле, который заведомо отвергал любые предварительные условия для возобновления переговоров и саму идею территориальных разменов⁹. Дж. Керри пришлось ещё четыре раза летать в Израиль в течение одного месяца для того, чтобы заручиться согласием Нетаньяху. Под давлением США и стран Евросоюза Израйль согласился начать переговоры, если предварительные условия будут соответствовать прежним договорѐнностям между палестинской и израильской сторонами. Как гарантию своего участия в переговорах Израйль соглашался освободить 104 палестинцев, из них 14 своих граждан. Это условие Шарм-эш-

⁷ Land Swaps — a Guide. Report on Israeli Settlement. [Электронный ресурс] URL: http://www.palestine-studies.org/sites/default/files/jps-articles/JPS169_SettlementMonitor_2ndProofs.pdf (дата обращения: 2.06.2017).

⁸ Kerry Calls Arab League Plan to Revive Talks With Israel a «Big Step». [Электронный ресурс] URL: <http://www.nytimes.com/2013/05/01/world/middleeast/kerry-welcomes-arab-plan-for-israeli-palestinian-talks.html> (дата обращения: 02.06.2017).

⁹ Netanyahu cool to Arab land-swap initiative. [Электронный ресурс] URL: https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/netanyahu-cool-to-arab-land-swap-initiative/2013/05/01/b695449c-b282-11e2-9fb1-62de9581c946_story.html (дата обращения: 02.06.2017).

Шейхского меморандума от 4 сентября 1999 г. было не в полной мере выполнено израильской стороной. Палестинцы обязались на время переговоров прекратить действия по вхождению в качестве полноправных членов в 15 организаций, аффилированных с ООН.

Каждая сторона была представлена двумя переговорщиками. От Израиля в них участвовали тогдашний министр юстиции Ц. Ливни и советник премьер-министра по палестинскому вопросу И. Молхо, от США – М. Индик и Ф. Ловенштейн и от ПНА – один из лидеров ФАТХ С. Эрикат и министр экономики М. Штайех. Прямые переговоры между Израилем и палестинцами начались 29 июля 2013 г. в Вашингтоне и должны были продлиться девять месяцев, допускалось их продление до начала 2015 г. Администрация Б. Обамы рассчитывала добиться дипломатического прорыва в начале 2014 г. после того, как в январе Дж. Керри представит план урегулирования на основе границ 1967 г. и обмена территориями. План должен был затронуть проблемы регионального мира, Арабскую мирную инициативу и содержать программу развития палестинской экономики. В него предполагалось включить график претворения в жизнь. Однако Дж. Керри так и не рискнул обнародовать свой план.

Перед началом переговоров в качестве жеста доброй воли Израиль выпустил первую партию из 26 палестинских заключённых. Несмотря на это, переговоры «забуксовали» сразу после первой трёхсторонней встречи. Иначе не могло и быть, поскольку перед началом встречи в Вашингтоне ХАМАС официально заявил, что «М. Аббас не имеет никакого права вести переговоры от имени палестинского народа»¹⁰. В то время ХАМАС поддерживали 55% палестинцев, а ФАТХ – только 38%. Кроме того, палестинские переговорщики с самого начала были убеждены, что в спорных вопросах американская сторона более расположена к пониманию израильских доводов, нежели палестинских. Новое правительство Б. Нетаньяху, сформированное по результатам внеочередных январских выборов 2013 г., сразу утвердило 84 проекта дополнительного строительства в поселениях, подчеркнув тем самым отсутствие у себя намерения замораживать и тем более сворачивать поселенческую активность на палестинских территориях.

Первые четыре раунда переговоров свелись к взаимным упрёкам после заявления палестинской делегации о необходимости включить в итоговую резолюцию положение о том, что «палестинское государство должно иметь территорию, полностью освобождённую от израильских военных и гражданских лиц»¹¹.

26 сентября на заседании Совбеза ООН М. Аббас приветствовал возобновление переговоров, однако большую часть своей речи он посвятил критике из-

¹⁰ Hamas rejects Kerry's announcement: Abbas has no authority to negotiate. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4407236,00.html> (дата обращения: 02.06.2017).

¹¹ Abbas: Not a single Israeli' in future Palestinian state. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jpost.com/Middle-East/Abbas-wants-not-a-single-Israeli-in-future-Palestinian-state-321470> (дата обращения: 02.06.2017).

раильской политики расширения поселений. Со своей стороны для улучшения климата переговоров Израиль согласился выпустить из тюрем ещё 26 палестинцев. Однако Б. Нетаньяху категорически отверг право палестинских беженцев на возвращение и подчеркнул, что Иерусалим всегда будет объединённым городом под израильским суверенитетом.

6 ноября израильская делегация на переговорах сделала заявление: «палестинского государства в пределах границ 1967 г. не будет, и заградительный забор станет границей между палестинцами и Израилем». В ответ на это С. Эрикат и М. Штайх обвинили Израиль в срыве переговоров и «эскалации строительства в поселениях»¹². Переговоры по формуле двугосударственного решения палестино-израильского конфликта утратили смысл, поскольку израильские политики и законодатели фактически приступили к осуществлению процедуры присоединения к Израилю Иорданской долины. Напомним, что начиная с 2002 г. Израиль вёл на Западном берегу строительство «заградительного забора» между еврейскими поселениями и арабскими населёнными пунктами. Протяжённость стены должна составлять 712 км, что почти вдвое превышает длину «зелёной линии». После завершения строительства стены около 285 тыс. палестинцев (в том числе в Восточном Иерусалиме) окажутся зажатыми между стеной и «зелёной линией». Примерно 125 тыс. палестинцев будут окружены стеной с трёх сторон, а 26 тыс. – с четырёх. К концу 2013 г. было завершено строительство 62% стены. Бетонные стены барьера отсекают 9,4% территории от Западного берега, включая Восточный Иерусалим.

Заявлению израильской делегации предшествовало выступление Б. Нетаньяху на заседании правительственного кабинета по случаю годовщины принятия Декларации Бальфура¹³. «Принцип, который обеспечит мир и защитит государство Израиль в случае, если мирное соглашение будет нарушено, – это принцип безопасности. Договорённости в области безопасности принципиальны для нас, и мы настаиваем на них. Эти договорённости будут содержать многие составляющие, но во главу угла мы ставим то, что граница безопасности Израиля пройдёт по реке Иордан», – этим высказыванием Нетаньяху подтвердил, что правительство рассматривает Иорданскую долину как часть территории Государства Израиль. Вслед за заявлением премьера депутаты от «Ликуда» во главе с М. Рэгов запустили процедуру принятия в Кнессете закона об аннексии Иорданской долины.

Иорданская долина и северо-западное побережье Мёртвого моря занимают особое место в военно-стратегических расчётах Израиля. На современных

¹² Israel says Separation Wall will be border. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/11/israel-says-separation-wall-will-be-border-201311514132609960.html> (дата обращения: 02.06.2017).

¹³ Декларация Бальфура была утверждена на конференции союзнических держав в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г. и спустя два года включена в мандат на управление Палестиной, выданный Лигой Наций Великобритании. После этого британский Верховный комиссариат по управлению Палестиной своим указом осуществил раздел страны по естественному руслу реки Иордан, запретив евреям селиться на её восточном берегу. Тем самым вся территория исторической Палестины к западу от Иордана была открыта для еврейской иммиграции.

израильских картах эта территория включается в состав Государства Израиль. Территория, прилегающая к иорданской границе (1813,5 кв. км, или 32,9% всей территории Западного берега), сейчас считается «закрытой зоной». Создание по естественному руслу Иордана сплошной полосы, подступы к которой охраняют военные, позволяет Израилю контролировать распределение водных ресурсов Иордана, а также передвижение палестинцев и перемещение товаров между Иорданией и Западным берегом. Перекрытие подступов к долине обеспечивает тотальный военный контроль почти над всей территорией Западного берега. Отторжение Иорданской долины от Западного берега исключает саму возможность создания полноценного палестинского государства [12; 14].

В начале 2014 г. Израиль выпустил из тюрем ещё одну партию палестинских заключённых (26 человек), однако правительство Нетаньяху тотчас одобрило план строительства 1400 единиц жилья в еврейских поселениях. Это решение критически было воспринято даже главой израильской делегации на переговорах Ц. Ливни, не говоря о палестинской стороне, которая заявила, что «Израиль делает всё возможное, чтобы сорвать переговоры и ввести режим апартеида на палестинских территориях»¹⁴.

На очередном раунде переговоров 31 января 2014 г. М. Индик поднял вопрос о свопах в пропорциях, аналогичных тем, что предлагали израильтяне в Табе в 2001 г. Он заявил, что в рамках будущего соглашения о мире США готовы признать расширение границ Израиля за счёт присоединения 6% территории Западного берега, на которой тогда проживали 80% поселенцев, и допустить присутствие израильских войск и сил безопасности на границах Западного берега с Иорданией. Израиль настаивал на распространении своего суверенитета на 10% палестинской территории, а палестинские переговорщики соглашались на размен только 3% и на передачу контроля над границей с Иорданией военным из США и других стран НАТО. Сверх того, израильская делегация требовала от палестинцев признания Израиля в качестве «еврейского государства». Но палестинцы возражали, ссылаясь на признание Израиля Организацией освобождения Палестины в 1988 и 1993 гг., и указывали, что при подписании договоров Израиля с Иорданией и Египтом от последних никто не требовал такого определения Израиля.

28 марта Израиль отказался освободить очередную группу палестинских заключённых и провёл тендеры на строительство 708 единиц жилья в Восточном Иерусалиме, что палестинцы квалифицировали как нарушение условий переговоров. М. Аббас отказался от моратория на проведение процедур по аккредитации территорий, контролируемых ПНА, в 15-ти международных организациях ООН. Переговоры вновь оказались на грани срыва.

Две недели Дж. Керри пытался убедить лидеров Израиля и ПНА «спасти мирный процесс». США даже выразили готовность выпустить на свободу из-

¹⁴ Israel announces plans for building 1,400 settlement homes. [Электронный ресурс] URL: <http://www.reuters.com/article/us-palestinians-israel-settlements-idUSBREA090KW20140110> (дата обращения: 02.06.2016).

райского агента Дж. Полларда, арестованного в 1987 г. за передачу секретных документов Израилю и приговорённого к пожизненному заключению в американской тюрьме. Американская сторона обещала передать 4 млрд долл. для развития палестинской экономики. Однако все усилия Дж. Керри оказались тщетными. 23 апреля 2014 г. ФАТХ и ХАМАС договорились сформировать правительство национального единства и провести выборы в Законодательный совет Палестины. Официальные лица ПНА заявили, что «палестинское единство будет только способствовать мирному процессу»¹⁵. Реакция Израиля была незамедлительной и однозначной: никаких переговоров и жёсткие экономические санкции против палестинцев, проживающих на Западном берегу, в том числе запрет на любое строительство в палестинском секторе зоны «С»¹⁶. После провала переговоров Израиль ускорил темп строительства в поселениях на Западном берегу.

Прекращение переговоров Израиль использовал как повод для развязывания в секторе Газа очередной, самой масштабной и дорогостоящей военной операции «Нерушимая скала», которая продолжалась 50 дней (с 7 июля по 26 августа). За это время погиб 2141 палестинец, более 10 тыс. человек были ранены. Потери израильтян составили 69 человек, в их числе 64 военнослужащих, более 800 человек были ранены.

Проведённый выше анализ доказывает, что на палестинском треке не работает механизм урегулирования под эгидой США на сепаратной основе. Очевидно, что в переговорном процессе при посредничестве Дж. Керри был допущен крен в сторону израильских политических интересов. Закономерным итогом провала американских инициатив стала дальнейшая дестабилизация обстановки в районе палестино-израильского противостояния.

Отметим, что тройственные переговоры при посредничестве США (29.07.2013 – 24.04.2014) изначально были обречены на неудачу. Пока у власти находится блок «Ликуд», Израиль не будет предпринимать конструктивных шагов для решения конфликта с палестинцами в рамках формулы «два государства для двух народов». В противном случае премьер-министру Б. Нетаньяху пришлось бы пойти на пересмотр партийной программы возглавляемого им блока. А в этой программе указано: «Израиль имеет право на существование в

¹⁵ Hamas and Fatah unveil Palestinian reconciliation deal. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27128902> (дата обращения: 2.06.2017).

¹⁶ Зона «С» (3,4 тыс. кв. км), или зона полного контроля Израиля на палестинской территории, составляет 59% площади Западного берега. Здесь расположены около 63% пригодных для ведения сельского хозяйства земель Западного берега и почти все еврейские поселения. Именно в этой зоне Израиль наиболее активно применяет практику разрушения палестинских домов, школ и сельскохозяйственной инфраструктуры. До запрета, введённого после провала переговоров под эгидой США в апреле 2014 г., площадь легализованного для палестинцев строительства составляла 0,59% территории зоны «С». К настоящему времени Израиль фактически завершил на этой территории процедуру экспроприации земли у палестинцев. С 2000 г. численность арабского населения зоны «С» сократилась на 11%, до 150 тыс. человек (около 5% палестинского населения Западного берега). Из них 18,5 тыс. – бедуины, которые живут в этом районе не на постоянной основе. 60% арабоязычного населения зоны лишены постоянного доступа к источникам питьевой воды, и практически никто из них не имеет возможности получить от израильских властей разрешение на ведение строительных работ.

рамках нынешних границ, и не может быть никаких переговоров об отступлении или передачи территории. Создание палестинского государства в рамках существующих израильских границ не представляется возможным. Нужно прекратить любые переговоры о создании палестинского государства.

Израиль аннексирует большую часть Иудеи и Самарии (Западный берег). Арабское самоуправление будет допущено в некоторых районах»¹⁷.

В соответствии с данными положениями Восточный Иерусалим, Голанские высоты и поселения на Западном берегу уже включены в состав Израиля. Такая позиция исключает возможность двугосударственного решения палестино-израильского конфликта.

В ближайшей перспективе израильское правительство, скорее всего, будет навязывать палестинцам план создания «де милитаризованного палестинского государства» на 50–60% территории Западного берега. Идея «де милитаризованного государства», окружённого со всех сторон Израилем и не имеющего экономической и политической самостоятельности, была сразу отвергнута всеми палестинскими политическими партиями и организациями [11]. Фактически эта идея – не что иное, как клон осуществленного Израилем в 2005 г. плана «одностороннего размежевания», поскольку её реализация означает установление полного контроля над территорией и населением Западного берега, т. е. такого режима, который уже существует в секторе Газа.

На протяжении двух последних десятилетий американская дипломатия исполняла роль основного посредника в урегулировании палестино-израильского конфликта. В итоге процесс ближневосточного урегулирования зашёл в глухой тупик. Окончательный провал усилий администрации Б. Обамы на палестино-израильском треке подготовил благодатную почву для применения Израилем практик коллективного наказания палестинцев, конфискации земель и сноса их домов, перемещения гражданского населения, а также ограничения других свобод. Одновременно осуществляется блокада оккупированных территорий, расширяется строительство израильских поселений, возводится разделительная стена [1; 3]. По всей видимости, тактика сепаратных переговоров между палестинской и израильской сторонами полностью себя исчерпала. Учитывая современные трудности в урегулировании застарелого конфликта, необходимо вновь поднять вопрос о созыве международной конференции по Ближнему Востоку. Весьма важно, чтобы в её работе наряду с США были вовлечены остальные участники «квартета» – Россия, ООН, Евросоюз, – а также Турция, Египет, Иордания, Сирия, Ливан, Китай, Индия и другие государства. Очевидно, что только совместно скоординированными международными усилиями можно избежать новых военных конфликтов в районе противостояния, а также воспрепятствовать реализации односторонних израильских планов, которые исключают создание полноценного палестинского государства.

¹⁷ Full Political Platform of World Likud; Web Resource of World Likud. [Электронный ресурс] URL: http://www.worldlikud.org.il/?page_id=36 (дата обращения: 02.06.2017).

Список литературы

1. Абилов К.А. США и проблема палестинских беженцев // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 69-80.
2. Антюхова Е.А. Последствия реализации стратегии НАТО в конфликтах «Арабской весны» для государств Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 118-124.
3. Ивайна М.Ш. «Арабская весна» и палестинская проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 2. С. 83-88.
4. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 125-135.
5. Лошкарёв И.Д. К вопросу об агентах этнического лоббизма во внешней политике США // Право и управление. XXI век. 2015. № 3 (36). С. 148-152.
6. Лошкарёв И.Д. Ресурсы этнического лоббизма во внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. №3. С. 76-83
7. Маслова Е.А. Современная политика Италии в урегулировании конфликта на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 241-247.
8. Мирский Г.И. Палестинский узел: ни развязать, ни разрубить // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 4. С. 225-238.
9. Тимофеев П.П. Франция и ЕС на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2011. № 11. С. 31-36.
10. Bland B. Searching for Mandela: Finding a way beyond the Israeli-Palestinian impasse. Dynamics of Asymmetric Conflict. 2014. Vol. 7. No. 2-3. Pp. 183-197. DOI: 10.1080/17467586.2014.968795
11. Cohen S. Revisiting Territorial Pragmatism in the Palestinian-Israeli Conflict. Eurasian Geography and Economics. 2010. Vol. 51. No. 6. Pp. 733-743. DOI: 10.2747/1539-7216.51.6.733
12. Farsakh L.A. A Common State in Israel-Palestine: Historical Origins and Lingering Challenges. Ethnopolitics. 2016. Vol. 15. No. 4. Pp. 380-392. DOI: 10.1080/17449057.2016.1210348
13. McMahon S.F. Temporality. Peace Initiatives and Palestinian-Israeli Politics. Middle East Critique. 2016. Vol. 25. No. 1. Pp. 5-21. DOI: 10.1080/19436149.2015.1107997
14. Rowland R.C., Frank D.A. Mythic Rhetoric and Rectification in the Israeli-Palestinian Conflict. Communication Studies. 2011. Vol. 62. No. 1. Pp. 41-57. DOI: 10.1080/10510974.2011.532428

Об авторах:

Александр Владимирович Крылов – д.и.н., профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. Российская Федерация. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: avkrylov2004@mail.ru.

Владимир Михайлович Морозов – к.и.н., проректор по кадровой политике, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Российская Федерация. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: frosti_fddf@mail.ru.

THE PALESTINO-ISRAELIAN TRACK: THE FAILURE OF OBAMA ADMINISTRATION'S MIDDLE EAST POLICY

A.V. Krylov, V.M. Morozov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-99-112

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the attempts of American diplomacy to achieve a breakthrough on the Palestinian-Israeli track between July 29, 2013 and April 24, 2014 in order to come close to signing the Permanent Status Agreement between the conflicting parties under the US mediation within the framework of the previous agreements reached at the tripartite Summit of 2000 in Camp David. The study is based on an analysis of the "Kerry Plan" prepared by the US State Department, which laid the foundations of solving key issues of the Palestinian-Israeli confrontation. Details of the Kerry Plan were never disclosed, but its content was reconstructed by the authors on the basis of an analysis of the materials of the negotiations that were conducted under the auspices of the United States in the past.

The article draws a parallel between the negotiation process in 2013-2014 and the process that was initiated by the administration of President B. Clinton in 2000-2001. The plan proposed by J. Kerry, like the initiative of B. Clinton, was focused on solving only the issue of future borders by exchanging territories, but did not touch upon other principal issues of the Permanent Status (refugees, Israeli settlements, the status of Jerusalem). It is obvious that such an approach, which completely disavowed the existing international legal basis for the Middle East settlement, was leaning to deliberate failure.

The study allows to conclude that the settlement of the conflict under the auspices of the United States on a separate basis under the "Camp David scheme", successfully approved by the US diplomacy in resolving disputable issues between Egypt and Israel in the late 1970s, does not work on the Palestinian track.

Key words: Middle East, USA, Israel, Palestinian National Authority, Palestinian problem, Middle East settlement.

References

1. Abilov K.A. SShA i problema palestinskikh bezhentshev [USA and the problem of Palestinian refugees]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics, culture], 2007, no. 1, pp. 69-80. (In Russian)
2. Antiukhova E.A. Posledstviia realizatsii strategii NATO v konfliktakh «Arabskoi vesny» dlia gosudarstv Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 2 (47), pp. 118-124. (In Russian)
3. Ivaina M.Sh. «Arabskaia vesna» i palestinskaia problema [The Arab spring and the Palestinian problem]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Politologiya*, 2014, no. 2, pp. 83-88. (In Russian)
4. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. Lichnost' prezidenta kak faktor formirovaniia vneshnepoliticheskoi povestki dnia SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [Presidents personality as a factor of US foreign policy agenda setting (some outcomes of B. Obama presidency)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, no. 1, pp. 125-135. (In Russian)
5. Loshkarev I.D. K voprosu ob agentakh etnicheskogo lobbizma vo vneshnei politike SShA [On the issue of agents of ethnic lobbying in the US foreign policy]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and Governance. XXI century], 2015, no. 3 (36), pp. 148-152. (In Russian)
6. Loshkarev I.D. Resursy etnicheskogo lobbizma vo vneshnei politike SShA [Resources of ethnic lobbying in the US foreign policy]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, vol. 61, no. 3, pp. 76-83. (In Russian)
7. Maslova E.A. Sovremennaia politika Italii v uregulirovanii konflikta na Blizhnem Vostoke. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 6, pp. 241-247. (In Russian)
8. Mirskii G.I. Palestinskii uzal: ni razviazat', ni razrubit' [Palestinian deadlock: can't be broken, can't be solved]. *Rossia v global'noi politike* [Russia in global

- politics], 2007, vol. 5, no. 4, pp. 225-238. (In Russian)
9. Timofeev P.P. Frantsiia i ES na Blizhnem Vostoke [France and the EU in the Middle East]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2011, no. 11, pp. 31-36. (In Russian)
 10. Bland B. Searching for Mandela: Finding a way beyond the Israeli-Palestinian impasse. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 2014, vol. 7, no. 2-3, pp. 183-197. DOI: 10.1080/17467586.2014.968795
 11. Cohen S. Revisiting Territorial Pragmatism in the Palestinian-Israeli Conflict. *Eurasian Geography and Economics*, 2010, vol. 51, no. 6, pp. 733-743. DOI: 10.2747/1539-7216.51.6.733
 12. Farsakh L.A. Common State in Israel-Palestine: Historical Origins and Lingering Challenges. *Ethnopolitics*, 2016, vol. 15, no. 4, pp. 380-392. DOI: 10.1080/17449057.2016.1210348
 13. McMahon S.F. Temporality, Peace Initiatives and Palestinian-Israeli Politics. *Middle East Critique*, 2016, vol. 25, no. 1, pp. 5-21. DOI: 10.1080/19436149.2015.1107997
 14. Rowland R.C., Frank D.A. Mythic Rhetoric and Rectification in the Israeli-Palestinian Conflict. *Communication Studies*, 2011, vol. 62, no. 1, pp. 41-57. DOI: 10.1080/10510974.2011.532428

About the authors:

Alexander V. Krylov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Leading Researcher, Center for Middle Eastern Studies, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations. Russian Federation. Russia. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: avkrylov2004@mail.ru.

Vladimir M. Morozov – PhD in History, Vice-Rector for Personnel Policy, Associate Professor of the Department of Diplomacy, MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation. Russia. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: frosti_fddf@mail.ru.

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР/РОССИИ

Т.В. Носенко, В.А. Исаев, Е.С. Мелкумян

Институт востоковедения РАН

В статье раскрываются этапы формирования политики СССР в области палестино-израильского урегулирования, особенности выработанного курса и практические выводы, которые могли бы стать полезными при выработке текущей ближневосточной политики Российской Федерации.

Изначально в Советском Союзе палестинская тематика рассматривалась преимущественно с точки зрения проблемы беженцев. Однако у Москвы постепенно нарастала необходимость в надёжных союзниках в регионе. Движение к сотрудничеству Организации освобождения Палестины и СССР было двусторонним: ООП отошла от революционного романтизма и начала придерживаться прагматичной линии на расширение контактов с оппонентами Израиля. Москва стала рассматривать деятельность ООП как часть национально-освободительного движения, заняла резко антиизраильскую позицию. Такой перекося привёл к утрате свободы манёвра в регионе и к выдвижению заведомо неконструктивных предложений по палестино-израильскому урегулированию. Только с 1985 г. СССР вернулся к более гибкой позиции, которая стремилась сочетать интересы палестинского народа и Израиля.

На современном этапе российская дипломатия, в основном, использует советские наработки – особенно в сфере персональных контактов. Но роль России в ближневосточном урегулировании снизилась в силу субъективных и объективных причин. На фоне «арабской весны» и гражданской войны в Сирии палестинская проблематика отошла на второй план в повестке дня Москвы, что, однако, может привести к новому всплеску насилия и напряжённости. Особые отношения с палестинским национально-освободительным движением всегда были преимуществом советской, а затем российской дипломатии. Авторы полагают, что данное преимущество следует активнее использовать для упрочнения позиций России в регионе.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, конфликт, ООП, советская дипломатия, Ближний Восток.

УДК 327

Поступила в редакцию 10.05.2017 г.

Принята к публикации 3.08.2017 г.

Тема советской ближневосточной политики достаточно подробно разработана в отечественной и зарубежной историографии. Активизация роли России в решении сложных проблем на Ближнем Востоке в последние годы делает особенно актуальным исследование различных аспектов её региональной политики. Наиболее фундаментальное исследование советской/российской ближневосточной политики осуществлено в последние годы И.Д. Звягельской, одним из ведущих отечественных специалистов по Ближнему Востоку [2]. В этой работе большое место отведено ретроспективному анализу политики СССР, а также выявлены особенности российского ближневосточного курса, проанализирована иерархия интересов РФ в этом регионе.

Палестино-израильский конфликт, палестинская проблема оказались в последние годы на периферии внимания исследователей, что вполне объяснимо в связи с исходящими из ближневосточного региона новыми вызовами и угрозами. В этой статье предпринята попытка показать, что палестинская проблема, во-первых, сохраняет свой взрывоопасный потенциал и, во-вторых, не потеряла своей значимости как важный фактор в формировании арабского массового самосознания. Это предопределяет необходимость для России выстраивать свою ближневосточную политику и с учётом поиска путей решения палестинской проблемы. Анализ советских подходов в этом вопросе позволяет выявить как их негативную сторону, так и раскрыть те положительные элементы, которые могут быть восприняты из советского опыта для продвижения российских интересов.

Исследование проведено с использованием историко-описательного метода, который предполагает формирование исторического знания на основе ряда данных как первичного, так и вторичного характера. Среди первичных данных изучались заявления и выступления политических деятелей, официальные документы правительств, международных организаций и национальных политических объединений. К анализу проблемы также привлекались статистические данные, рассматривались исторические факты в контексте глобальных и региональных международных отношений. Среди вторичных данных были изучены научные работы – монографии и статьи в научной периодике, – посвящённые советской/российской ближневосточной политике и, прежде всего, развитию подходов СССР/России к проблеме ближневосточного урегулирования.

В работе также применялся многоуровневый анализ. Для выявления значения палестинской проблемы в современном арабском мире проводился анализ особенностей психологии людей, вовлечённых в политический процесс, на уровне элит и масс. Исследовались механизмы принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе/Российской Федерации на различных исторических этапах. На глобальном уровне проводилось исследование взаимодействия СССР/России как с государственными, так и негосударственными участниками мировой политической системы.

С конца 1960-х гг. в советской позиции по ближневосточному конфликту взгляд на палестинскую проблему как проблему обеспечения прав беженцев стал постепенно трансформироваться в требование обеспечения законных прав палестинского народа. Одним из первых свидетельств этих изменений стало упоминание в совместном советско-египетском коммюнике от июля 1968 г. о том, что «упрочение мира в районе Ближнего Востока должно быть основано на уважении законных прав арабских народов, в том числе арабского населения Палестины» [11, с. 75]. Этот документ был составлен по итогам визита Г.Насера, который впервые и негласно привёз тогда в Москву в составе египетской делегации Я.Арафата.

Отношение Советского Союза к Организации освобождения Палестины (ООП), к Палестинскому движению сопротивления (ПДС) было обусловлено прагматическими соображениями: защита палестинских интересов обеспечивала Москве «вход» в мирный процесс, предотвращая его развитие исключительно по американо-израильскому сценарию, давала важные козыри перед лицом арабского мира, для которого палестинская проблема всегда являлась серьёзным цементирующим фактором. Помимо этого советское общество, воспитанное на идеях борьбы против колониальной эксплуатации и империалистической агрессии, видело в борьбе палестинцев за свои права стремление восстановить справедливость на Ближнем Востоке. Палестинцам приписывались значительно более серьёзные антиимпериалистические, т.е. антизападные настроения, чем это было в действительности. Правда, обращение ряда радикальных палестинских группировок к терроризму, экстремизм некоторых палестинских руководителей вызывали в Советском Союзе сомнения, можно ли вообще характеризовать палестинское движение как национально-освободительное. Однако наиболее авторитетные специалисты доказывали, что с ростом зрелости движения усиливается его организованность, повышается его способность и возможности играть политическую конструктивную роль в борьбе за справедливое ближневосточное урегулирование. Так, академик Е.М.Примаков, хорошо знавший палестинского лидера, неоднократно с ним встречавшийся утверждал, что Абу Амар – революционный псевдоним Арафата, – «рождённый в пламени безальтернативности вооруженного сражения за освобождение всей Палестины, постепенно, очень постепенно эволюционировал в борца-политика» [10, с. 23]. Советская поддержка ПДС на ранних этапах его становления сыграла свою роль в постепенном превращении самоопределения палестинских арабов в одну из центральных проблем всех усилий по урегулированию ближневосточного конфликта.

После войны 1973 г. потребность СССР в новых союзниках среди арабов совпала с усилением роли Организации освобождения Палестины как политического игрока на ближневосточной арене. В 1973-1974 гг. ООП получила признание арабских государств как единственный законный представитель палестинского народа. В Программу ООП, принятую на двенадцатой сессии На-

ционального совета Палестины в 1974 г., были внесены изменения, предусматривавшие возможность создания «народного, национального, независимого и продолжающего сражаться суверенного образования на любой части палестинской территории, которая будет освобождена» [13, с. 449]. Несмотря на воинственный и непримиримый тон этого документа в отношении сионизма и Израиля, он всё же содержал зачатки политического реализма, постепенно прораставшего в ООП.

Этой «смене вех» ООП во многом обязана дальнейшим дипломатическим прорывом на международной арене. В октябре 1974 г. ООП стала первой в истории неправительственной организацией, которая была приглашена в качестве представителя своего народа для участия в Генеральной Ассамблее ООН. В результате обсуждения вопроса о Палестине на двадцать девятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция 3236 (XXIX), признавшая право палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, и резолюция 3237 (XXIX), предоставившая ООП статус наблюдателя во всех организациях ООН [13, с. 186-187].

Значительное повышение международного статуса ООП проходило в эти годы при активной поддержке и помощи Москвы. В июле 1974 г. делегация ООП во главе с Арафатом была впервые официально принята представителями высшего советского руководства и была достигнута договорённость об открытии в Москве представительства ООП. С этого времени советская сторона включает во все официальные документы по ближневосточному урегулированию пункт о необходимости участия ООП в Женевской мирной конференции наравне с другими её участниками. С 1975 г. положение о праве палестинцев на создание собственного национального государства уже становится неотъемлемой частью советской позиции по урегулированию [8, с. 110]. В советских руководящих кругах складывалось мнение, что в условиях утраты такого важного регионального союзника, как Египет, развитие отношений с ООП и подвижки в советской позиции в пользу палестинцев станут инструментом, способствующим включению СССР в процесс урегулирования. Это помешает его развитию сугубо по американско-израильской схеме, а для арабского мира послужит доказательством значимости Советского Союза как важного игрока на ближневосточной арене.

СССР признал за ООП статус единственного и законного представителя палестинского народа вскоре после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений в ноябре 1978 г. В октябре 1981 г. представительство ООП в Москве получило дипломатический статус.

В западных и израильских публикациях Советскому Союзу адресовалось немало обвинений в том, что он поощряет террористическую деятельность ООП. Так, в американском журнале *Foreign Affairs* весной 1982 г. израильский министр иностранных дел И.Шамир писал: «Советское правительство постоянно наращивает свою политическую и военную поддержку ООП, вопреки, а, может быть, именно из-за центральной роли этой организации в междуна-

родном терроризме и провозглашенной ею цели уничтожения Израиля и его населения» [14, с. 247]. Однако Москва рассматривала действия военизированных подразделений, входивших в ООП и являвшихся организаторами террористических атак как в Израиле, так и за его пределами, как часть национально-освободительной борьбы палестинского народа. Само Палестинское движение сопротивления вписывалось в разряд антиимпериалистических а, следовательно, в соответствии с советской внешнеполитической доктриной, способствовало продвижению советских интересов. Таким организациям, как Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) и ряду других, более мелких палестинских группировок, входивших в ООП и замешанных в террористической деятельности, оказывалась военная и финансовая помощь в режиме полной секретности по каналам спецслужб¹.

Израильское вторжение в Ливан в июне 1982 г. было расценено СССР как операция, направленная на уничтожение Палестинского движения сопротивления с тем, чтобы снять с повестки дня вопрос о реализации законных прав палестинцев. Особый упор делался на то, что «израильская агрессия» предпринята с согласия и при поддержке Вашингтона и является следствием Кэмп-Дэвидской сделки и американо-израильского «стратегического сотрудничества» [11, с. 318-321]. Однако СССР оказался не в состоянии оказать помощь ООП в момент самых тяжёлых для неё испытаний, несмотря на все предыдущие тесные отношения с этой организацией. Основную роль в передислокации ООП, в эвакуации из Бейрута самого Я.Арафата сыграли американские дипломаты и военные. Определённое снижение внимания к ближневосточному региону объяснялось тем, что приоритет в советской внешней политике отдавался другим направлениям. В Восточной Европе складывалась сложная ситуация из-за волнений в Польше, возглавлявшихся профсоюзом «Солидарность». В Афганистане советские войска несли тяжёлые потери, бесперспективная военная интервенция подрывала позиции СССР на международной арене, резко снижала симпатии к нему среди мусульман в арабском мире. На самом Ближнем Востоке центр напряженности сместился в зону Персидского залива, где в 1981 г. началась ирано-иракская война.

Внутри страны «увядал» режим Брежнева. Старели и уходили из жизни занимавшие в течение многих лет высокие государственные должности люди. Среди высшего партийного руководства шла борьба за власть. Совокупность этих факторов и предопределила то, что арабо-израильский конфликт не был в числе вопросов первостепенной важности.

Выдвигавшиеся Москвой в первой половине 1980-х гг. собственные предложения по ближневосточному урегулированию скорее походили на заявления в пик американской политике и планам, чем были рассчитаны на какое-то прак-

¹ Записка за подписью председателя КГБ Андропова от 10.01.1975 о нелегальной передаче оружия НФОП. [Электронный ресурс] URL: <http://allin777.livejournal.com/261246.html> (дата обращения: 01.06.2017).

тическое воплощение². Проводившийся на протяжении многих лет несбалансированный курс в вопросах ближневосточного урегулирования, жёстко осуждавший израильскую политику без учёта интересов безопасности еврейского государства, скрытое поощрение радикальных элементов в ООП привели к серьёзному ослаблению влияния СССР как реального участника в поисках путей преодоления конфликтной ситуации.

После 1985 г. советское руководство взяло курс на проведение более гибкой и конструктивной региональной политики. В том, что касается ПДС, это выражалось в наметившейся тенденции более решительного сдерживания палестинского радикализма в отношении Израиля. Во время визита Я.Арафата в Москву в апреле 1988 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачёв впервые на встрече с лидером палестинцев публично заявил, что наряду с самоопределением палестинского народа признание государства Израиль, учёт интересов его безопасности являются необходимыми элементами установления мира и добрососедства в регионе на принципах международного права [11, с. 431]. Активная работа советской дипломатии с наиболее радикальными силами в ООП – Демократическим фронтом освобождения Палестины и Народным фронтом освобождения Палестины способствовала тому, что эти организации не препятствовали провозглашению в одностороннем порядке Государства Палестина в ноябре 1988 г. на XIX сессии Национального совета Палестины в Алжире. И это при том, что радикализм в условиях эмиграции имеет тенденцию к усилению – особенно, в случае безгосударственного существования палестинской нации [4]. Впервые ООП, преодолев левацкие, экстремистские тенденции, в официальном документе заявляла о создании арабского государства в Палестине не вместо, а наряду с Израилем. Одновременно Я. Арафат выступил с публичным заявлением о признании ООП резолюции 181 ГА ООН от 1947 г. о разделе Палестины и резолюции 242 Совета Безопасности ООН от 1967 г., требовавшей ухода Израиля с оккупированных территорий в обмен на установление мира [7, с. 85].

Советский Союз признал провозглашение палестинского государства, но не само государство, аргументировав свою позицию тем, что в советской практике не было прецедента признания государства, территория которого находится под иностранной оккупацией и которое не имеет правительства. В то же время Советский Союз заявлял, что решения Алжирской сессии НСП открывают путь к созыву международной конференции по Ближнему Востоку [12, с.38].

Мадридская конференция, проведение которой 30 октября 1991 г. стало возможным благодаря преодолению конфронтации в отношениях СССР и США, важным изменением на региональной арене после кувейтского кризиса 1990-1991 гг., стала последним аккордом в деятельности советской дипломатии, на-

² Незадолго до своей кончины в ноябре 1982 г. Брежнев выступил с собственным планом урегулирования в ответ на «план Рейгана» от 1 сентября 1982 г. В июле 1984 г., когда генеральным секретарем ЦК КПСС был Ю.В. Андропов, были выдвинуты новые советские предложения о принципах ближневосточного урегулирования.

правленной на мирное разрешение ближневосточного конфликта. Госсекретарь Дж. Бейкер признавал её роль и в получении согласия сирийского президента Х. Асада на участие в конференции, и в подготовке списка палестинской части совместной иордано-палестинской делегации [9, с. 219, 236]. Но самым важным вкладом Москвы было то, что она обеспечила этой дипломатической инициативе символическое прикрытие. Если бы конференция проводилась исключительно под эгидой США, это было бы неприемлемо для многих арабов. Советский Союз поддержал их и таким образом дал им возможность пойти на переговоры.

В 1990-е гг. сложности переходного периода, многочисленные конфликты на территории бывшего СССР, переоценка положения страны на международной арене в целом вывели палестинскую проблему, как и весь ближневосточный регион из числа приоритетных направлений в российской внешней политике. Россия как коспонсор Мадридской конференции принимала участие в ряде мероприятий, проходивших в рамках развернувшегося мирного процесса по урегулированию палестино-израильского конфликта. Но отсутствие материальных ресурсов, стремление первого российского министра иностранных дел А.В.Козырева отмежеваться от советского наследия, дистанцироваться от арабских стран и не создавать трений в отношениях с США из-за Ближнего Востока делали её роль чисто формальной. Только в период короткого пребывания на посту министра иностранных дел Е.М.Примакова (1996-1998 гг.) была предпринята попытка реанимировать российскую ближневосточную политику. Но к этому времени американская дипломатия, воспользовавшись ослаблением позиций России, уже прочно монополизировала посредническую роль в процессе урегулирования, замкнув на себе не только израильскую, но и палестинскую стороны [2, с. 175; 6, с. 76-87].

Процесс Осло не обеспечил заключения мирного соглашения между израильтянами и палестинцами. Целый ряд причин, в том числе неготовность политического руководства с обеих сторон идти на болезненные компромиссы, усилившееся противодействие реализации достигнутых соглашений со стороны экстремистских сил как в палестинском, так и в израильском обществах привели к краху политического процесса и к новому вооружённому противостоянию. Но важным результатом мирного процесса 1990-х гг. стало закрепление идеи создания палестинского государства, которая в прежние годы не признавалась ни американцами, ни израильтянами, но которую настойчиво продвигала советская, а затем российская дипломатия.

Поиски новых путей урегулирования палестино-израильского конфликта привели к созданию в мае 2002 г. квартета международных посредников, в состав которого наряду с Россией вошли США, ЕС и ООН. В качестве руководства к действию на первых порах квартет принял дополненную «дорожную карту», первоначально разработанную американской администрацией во главе с Дж.Бушем и нацеленную на поэтапное претворение в жизнь принципа двух

государств. Впервые международное сообщество в официальном документе провозглашало цель создания палестинского государства [5].

Приоединение России к квартету знаменовало собой начало нового активного этапа российской внешней политики в урегулировании одного из самых сложных и длительных региональных конфликтов. По сравнению с советским периодом Россия приобрела преимущества, восстановив в 1991 г. дипломатические отношения с Израилем и успешно развивая связи с ним. В то же время президент В.В.Путин во время переговоров с главой Палестинской национальной администрации Махмудом Аббасом в июне 2012 г. указывал на преемственность как одну из ключевых предпосылок поступательного развития двусторонних отношений³. Он подтвердил, что для России нет проблем в признании палестинского независимого государства, отметив, что ещё 25 лет назад Советский Союз признал Палестину⁴. Именно эта принципиальная позиция легла в основу российского голосования за резолюцию о признании за Палестиной статуса государства-наблюдателя, не являющегося членом ООН, которая была принята на Генеральной Ассамблее 29 ноября 2012 г. Традиционную поддержку российские представители оказали и резолюции по святым местам в Иерусалиме, внесённой на рассмотрение Исполнительного совета ЮНЕСКО в октябре 2016 г., хотя Израиль выступил с резкими протестами по поводу этого документа, считая, что в нём ущемляются исторические права евреев на иерусалимские святыни⁵.

В контактах с ФАТХ и другими более мелкими движениями и организациями, входящими в ООП, российские представители опираются на наработанные в советские времена дружественные связи. Доверительные отношения с палестинцами, складывавшиеся на протяжении многих лет, дают России значимые преимущества в исполнении посреднической роли между сторонами конфликта.

Российская дипломатия считает целесообразным вести диалог и с такой организацией, как ХАМАС, которая, несмотря на её экстремистские позиции по отношению к Израилю, не считается в России террористической. Российские контакты с политическим крылом ХАМАС имеют целью подтолкнуть лидеров этой организации к принятию условий ее признания международным сообществом и к более реалистичной позиции в вопросе воссоздания палестинского единства, необходимого для продвижения по пути мирного урегулирования.

События последних лет на арабском Востоке привели к тому, что палестинская проблема ушла далеко на задний план во внешнеполитических приоритетах России. Гражданская война в Сирии, повлекшая военную вовлечённость России в конфликт в этой стране, потребовала от российской дипло-

³ В июне 2012 г. состоялся официальный визит В.В.Путина в Израиль и на палестинские территории.

⁴ Путин: Россия продолжит обучать палестинских студентов по спецквоте. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/education/20120626/685452323.html> (дата обращения: 01.06.2017).

⁵ МИД прокомментировал резолюцию ЮНЕСКО по Иерусалиму. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20161101/1480433622.html> (дата обращения: 01.06.2017).

матии сосредоточения усилий на поисках политического решения сирийской проблемы [1]. Объективно угрозы, исходящие сегодня от дестабилизации арабского мира, от распада государственных образований и появления новых, негосударственных структур, опирающихся на радикализированный ислам в своей идеологии, претендующих на власть и ресурсы в регионе, прибегающих к терроризму далеко за пределами региона, представляют для России более опасный вызов, чем нерешённость палестинской проблемы.

Палестинская проблема ушла из поля зрения и арабских режимов, снизилась их активность в поисках путей урегулирования, в посредничестве для достижения палестинского единства. Но в массовом сознании населения арабских стран палестинская проблема остаётся важнейшим мобилизационным фактором. По данным расположенного в Дохе Арабского исследовательского центра, 75% опрошенных считают, что палестинская проблема является общеарабским делом, 85% выступают против дипломатического признания Израиля их страной. На «арабской улице» не снижается градус враждебности в отношении Израиля и евреев. По опросам, только от 2% до 4% населения в арабских странах выражают благоприятное мнение в отношении евреев⁶. В арабском мире по-прежнему палестинская проблема может служить общим деноминатором для объединения различных политических и общественных сил. Поэтому, например, режим Ас-Сиси в Египте, несмотря на враждебное отношение к ХАМАС, был вынужден в период израильской операции в Газе в 2014 г. делать заявления в поддержку палестинцев, чтобы не дать оппозиции перехватить эту тему, выгодную с точки зрения завоевания симпатий населения⁷. Палестинская проблема остаётся одной из важных мотиваций для рекрутирования новобранцев в ряды исламистских организаций.

Арабские страны не снизили своей поддержки палестинцев на международной арене, фактически поощряя руководство ПА в его стремлении добиться признания палестинской государственности через ООН и продвигая резолюции и решения, осуждающие израильскую оккупацию палестинских территорий. Из арабских источников финансируется деятельность различных организаций в США, Европе под лозунгами борьбы за прекращение израильской оккупации палестинских территорий, которая нередко превращается в кампании по делегитимизации Израиля и сопровождается всплесками антисемитизма. Как представляется, арабы сохраняют заинтересованность в поддержании палестино-израильского конфликта как мобилизационного ресурса, а не в его урегулировании.

Палестино-израильский конфликт сохраняет свой взрывоопасный потенциал. Как в Газе, так и на Западном берегу р.Иордан укрепляются авторитарные,

⁶ Shock Pew Poll: Widespread Anti-Semitism in Middle East. [Электронный ресурс] URL: <http://www.the-american-interest.com/2011/07/23/shock-pew-poll-widespread-anti-semitism-in-middle-east/> (дата обращения: 11.10.2016)

⁷ Aronson G. An Egyptian Reset on Gaza. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mei.edu/content/at/egyptian-reset-gaza> (дата обращения: 01.06.2017)

репрессивные режимы, которые с трудом сдерживают экстремистские настроения. На палестинских территориях накапливается огромный протестный потенциал: около 40% проживающего там населения – молодёжь в возрасте 15-30 лет. При сохранении тяжёлого положения в экономике они испытывают разочарование во власти и во всех общественных институтах. В вырабатываемой системой образования и воспитания национальной идеологии слишком силён компонент ненависти к соседям. Отсутствие привлекательной национальной повестки заменяется контентом из соцсетей, предлагаемым новыми борцами за переустройство мира – ИГИЛ и другими экстремистскими организациями. По опросам, палестинцы демонстрируют самую высокую среди арабов позитивную оценку ИГИЛ: если у арабов в разных странах она не превышает 10%, у палестинцев составляет 20%⁸. В этих условиях руководство ПА и хамасовской Газы соревнуются друг с другом, кто дальше отодвинет возможность политических переговоров с Израилем.

В израильском обществе также развиваются процессы, которые делают невозможным возобновление политического процесса. В законодательной и в исполнительной власти укрепляются силы, предпочитающие говорить не об урегулировании палестино-израильского конфликта, а об его контроле, ориентирующиеся на силовое сдерживание угроз с палестинской стороны, на расширение и легализацию поселенческой деятельности. На волне сближения Израиля с рядом суннитских государств на почве совместного противостояния иранской угрозе приобретает популярность идея договоренности с арабами по поводу палестинцев без участия самих палестинцев.

В целом, Советский Союз имел довольно прочные позиции на Ближнем Востоке в том числе и благодаря поддержке борьбы палестинского народа. В советский период отношения с ПДС определялись чрезмерно идеологизированными внешнеполитическими установками, что приводило к поддержке её военизированных организаций, напрямую ответственных за террористическую деятельность международного масштаба. В то же время советская дипломатия, имея тесные связи с руководством ООП, способствовала развитию более прагматичного, реалистичного взгляда палестинцев на возможности решения палестинской проблемы. При этом СССР, как и современная Российская Федерация всегда отводили важную роль ООН и разработанным в её органах международно-правовым документам в решении палестинской проблемы.

Россия, возвращаясь в качестве значимого игрока в Ближневосточный регионе, не может не учитывать, что палестинская проблема, хоть и потеряла свое первостепенное значение для арабских режимов, остаётся неотъемлемой частью арабского массового самосознания. Активная позиция в деле её урегулирования является необходимым элементом для укрепления российских позиций на

⁸ A recent survey shows that among the Arabs of the Middle East, Palestinians are the greatest supporters of Islamic State terror. [Электронный ресурс] URL: <https://unitedwithisrael.org/poll-palestinians-greatest-supporters-of-isis-in-middle-east-2/> (дата обращения: 27.05.2017).

арабском Востоке. Без её политического решения неизбежны вспышки насилия, подобные волне молодёжного индивидуального террора 2015-2016 гг., а также повторение силовой конфронтации по образцу израильских операций возмездия в Газе в 2008-2009 гг., в 2012 г. и в 2014 г. Применение насилия с обеих сторон ещё больше усугубляет взаимное недоверие и способствует росту влияния экстремистских сил как в палестинском, так и в израильском обществах. Это в свою очередь делает гораздо менее предсказуемой политику как израильтян, так и палестинцев, создаёт дополнительные трудности не только в урегулировании палестино-израильского конфликта, но и может негативно сказаться на поисках общего языка для решения других важных региональных проблем (сирийское урегулирование, иранская проблема).

Ангажированность в Сирии, борьба с исламским радикализмом, ставшая задачей первостепенной важности, видимо, не позволят России в ближайшей перспективе играть ту значительную роль в поисках решения палестинской проблемы, которую брал на себя Советский Союз. Однако, поставив задачу упрочения позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира в Концепции внешней политики РФ, российское руководство не может отказаться от активного участия в поисках путей урегулирования палестино-израильского конфликта⁹. Тем более что по сравнению с СССР Россия обладает преимуществом выхода на обе стороны конфликта. Российское предложение о проведении встречи израильского премьера Б.Нетаньяху и палестинского лидера М.Аббаса в Москве, поступившее осенью 2016 г., можно рассматривать как новые усилия, направленные на активизацию роли России в этой важной сфере международных отношений. Речь должна идти не только об участии Москвы в различных переговорных форматах, но и об образе страны в регионе, формировании благоприятного восприятия российской внешней политики в арабском мире [3].

Таким образом, в советской внешнеполитической деятельности палестинская проблема являлась одним из важнейших вопросов. В 1990-е гг. Россия по ряду объективных причин снизила свою активность на Ближнем Востоке и в поисках решения палестинской проблемы. В 2000-х гг. волнения в арабских странах, гражданская война в Сирии, этно-конфессиональные конфликты в Ираке и других странах отодвинули палестинскую проблему на задний план во внешнеполитических приоритетах региональных государств. Но она сохраняет своё значение как мобилизационный ресурс для правящих режимов в арабских странах, используется исламистами всех мастей для рекрутирования новобранцев в свои ряды. Нерешённость палестинской проблемы несёт в себе опасный дестабилизирующий потенциал для всего региона в целом. России, которая осознаёт свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утвержденная Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30.11.2016 г.). [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 1.06.2017).

глобальном, так и на региональном уровне, придётся заниматься вместе со всеми заинтересованными государствами поиском решения этой застарелой, но не теряющей своей остроты проблемы.

Список литературы

1. Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных режимов // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2 (41). С. 201-209.
2. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс. 2014. 208 с.
3. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. «Мягкая сила» во внешнеполитической стратегии России: от теории к практике // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 107-112.
4. Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2 (41). С. 127-133.
5. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91-97.
6. Морозов В.М. Палестино-израильские мирные переговоры 1995-2001 гг. // Востоковедный сборник. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. С. 76-87.
7. Носенко Т.В. Принцип двух государств в урегулировании палестино-израильского конфликта: возможна ли альтернатива? // Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке. Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН. М. 2010. С.65-89.
8. Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948-1991 гг. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
9. Панкин Б. Сто оборванных дней. М.: Совершенно секретно. 1993. 272 с.
10. Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) М.: «Российская газета». 2006. 384 с.
11. СССР и ближневосточное урегулирование. 1967-1986. Документы и материалы. М.: Издательство политической литературы. 1989. 511 с.
12. Freedman R.O. Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev. New York-Westport: Praeger, 1991. 141 p.
13. International Documents on Palestine. 1974. Beirut: The Institute for Palestine Studies, 2007. 604 p.
14. Shamir Y. Israel's Role in a Changing Middle East // The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict. Ed. by Laqueur W., Rubin B. L. Penguin Books. 2008. Pp. 244-247.

Об авторах:

Татьяна Всеволодовна Носенко – к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: nosenkotat@gmail.com.

Владимир Александрович Исаев – д.э.н., главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: v-isaev@yandex.ru.

Елена Суреновна Мелкумян – д.полит.н., профессор кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: g.kosah@mail.ru.

THE PALESTINIAN PROBLEM IN THE MIDDLE EAST POLICY OF THE USSR / RUSSIA

T.V. Nosenko, V.A. Isaev, E.S. Melkumyan
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-113-126

Institute of Oriental Studies, RAS

The article reveals the stages in the formation of the USSR policy in the field of the Palestinian-Israeli conflict resolution, the features of the developed policy and practical conclusions that could be useful in advancing the current Middle East policy of the Russian Federation. Initially, the Soviet Union perceived the Palestinian theme primarily from the point of view of the problem of refugees. However, Moscow increasingly felt the need for reliable allies in the region. The movement for cooperation between the Palestine Liberation Organization and the USSR was bilateral: the PLO departed from revolutionary romanticism and began to follow a pragmatic line to expand contacts with opponents of Israel. Moscow began to consider the activities of the PLO as part of the national liberation movement, took a sharply anti-Israeli stance. Such a distortion led to a loss of freedom of maneuver in the region and to the announcement of deliberately non-constructive proposals for a Palestinian-Israeli settlement. Only since 1985 the USSR returned to a more flexible position, which sought to combine the interests of the Palestinian people and Israel.

At the present stage, Russian diplomacy uses Soviet experience and connections, especially in the sphere of personal contacts. But Russia's role in the Middle East conflict resolution has decreased due to subjective and objective reasons. Against the backdrop of the Arab Spring and the Civil War in Syria, Palestinian issues have become secondary in the agenda of Moscow, which, however, can lead to a new surge of violence and tension. Special relations with the Palestinian national liberation movement have always been an advantage of Soviet and then Russian diplomacy. The authors believe that this advantage should be used more actively to strengthen Russia's positions in the region.

Key words: Palestine, Israel, conflict, PLO, Soviet diplomacy, Middle East.

References

1. Antiukhova E.A. «Arabskaia vesna»: novye mekhanizmy smeny avtoritarnykh rezhimov [The Arab spring: new mechanisms of authoritarian regime change]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2015, no. 2 (41), pp. 201-209. (In Russian)
2. Zviagel'skaia I.D. *Blizhnevostochnyi klinch. Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii* [Middle East deadlock. Conflicts in the Middle East and the Russian policy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 208 p. (In Russian)
3. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. «Miagkaia sila» vo vneshnepoliticheskoi strategii Rossii: ot teorii k praktike [Soft power in the Russian foreign policy strategy: from theory to practice]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2015, no. 2 (35), pp. 107-112. (In Russian)
4. Loshkarev I.D. Rol' diaspor v sovremennoi mirovoi politike [The role of diasporas in the current world politics]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2015, no. 2 (41), pp. 127-133. (In Russian)
5. Morozov V.M. Izrail' i sredizemnomorskaia bezopasnost' [Israel and the Mediterranean security]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2012, vol. 10, no. 30, pp. 91-97. (In Russian)

6. Morozov V.M. Palestino-izrail'skie mirnye peregovory 1995-2001 gg. [Palestinian-Israeli peace negotiations in 1995-2001] *Vostokovednyi sbornik* [Oriental studies collection]. Moscow, Institut izucheniia Izrailia i Blizhnego Vostoka, 2002. Pp. 76-87. (In Russian)
7. Nosenko T.V. Printsip dvukh gosudarstv v uregulirovanii palestino-izrail'skogo konflikta: vozmozhna li al'ternativa? [Two state principle in Israeli-Palestinian conflict resolution: possible alternatives?]. *Problemy i perspektivy uregulirovaniia na Blizhnem Vostoke* [Problems and prospects of conflict resolution in the Middle East]. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2010. Pp. 65-89. (In Russian)
8. Nosenko T.V., Semenchenko N.A. *Naprasnaia vrazhda. Ocherki sovetsko-izrail'skikh otnoshenii 1948-1991 gg.* [Wasted truth. Outlines of Soviet-Israeli relation, 1948-1991]. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2015. 260 p. (In Russian)
9. Pankin B. *Sto oborvannykh dnei* [One hundred of cut days]. Moscow, Sovershenno sekretno Publ., 1993. 272 p. (In Russian)
10. Primakov E.M. *Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraia polovina XX – nachalo XXI veka)* [Middle East on the scene and behind the curtain]. Moscow, Rossiiskaia gazeta Publ., 2006. 384 p. (in Russian)
11. *SSSR i blizhnnevostochnoe uregulirovanie. 1967-1986. Dokumenty i materialy* [USSR and the Middle East conflict-resolution. 1967-1986. Documents and materials]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1989. 511 p. (In Russian)
12. Freedman R.O. *Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev*. New York-Westport, Praeger, 1991. 141 p.
13. *International Documents on Palestine*. 1974. Beirut: The Institute for Palestine Studies, 2007. 604 p.
14. Shamir Y. Israel's Role in a Changing Middle East. *The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict*. Ed. by Laqueur W., Rubin B. L. Penguin Books, 2008. Pp. 244-247.

About the authors:

Tatyana V. Nosenko – PhD in Historical Sciences, Leading researcher of the Israel and Jewish Communities department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12.

E-mail: nosenkotat@gmail.com.

Vladimir A. Isaev – Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor, Institute of Asian and African countries of Moscow State University. Russian Federation, 107031, Moscow, Rozhdestvenka street, 12.

E-mail: v-isaev@yandex.ru.

Elena S. Melkumyan – Doctor of Political Sciences, Professor of the Chair of the Modern East of the Russian State Humanitarian University, and a leading researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rozhdestvenka street, 12. E-mail: g.kosah@mail.ru.

РОССИЙСКО-САУДОВСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян, А.О. Филоник

Институт востоковедения РАН

В предлагаемой статье анализируется развитие российско-саудовского политического взаимодействия в период после восстановления (в то время советско-саудовских) двусторонних отношений в сентябре 1990 г. Имея в виду значение российского мусульманского сообщества как важного фактора развития политических отношений между Москвой и Эр-Риядом, в статье акцентируется внимание на подходах российской стороны к определению роли и места этого сообщества в российской политике 1990-2000-х гг.

В развитии российско-саудовского политического взаимодействия авторы выделяют периоды «кризисов», связанных с событиями в Чечне и на пост-югославском пространстве в 1994-2000 гг., «арабской весной» 2011 г., с российской антитеррористической кампанией в Сирии после сентября 2015 г., и периоды «разрядки».

Чередование этих периодов – константа российско-саудовских политических контактов, несмотря на близость в подходах сторон к способам решения кризисных ситуаций в регионе Ближнего Востока, а также на позитивную для российской стороны саудовскую позицию в отношении изменения статуса Крыма и положения на востоке Украины. Обе стороны рассматривают ИГИЛ* и «Джабхат ан-Нусра» («Джабхат Фатх аш-Шам») как источники терроризма, региональной нестабильности и вызов международной безопасности, что не снимает основных противоречий, разделяющих Москву и Эр-Рияд: отношения к сирийскому режиму и региональной политике Ирана.

Проведённое исследование позволило прийти к выводу о том, что Россия и Саудовская Аравия заинтересованы (хотя и по разным причинам) в диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей.

Ключевые слова: Россия, российское мусульманское сообщество, Саудовская Аравия, российско-саудовские отношения, Ближний Восток, исламский мир, Сирия, Иран.

УДК 327

Поступила в редакцию 29.04.2017 г.

Принята к публикации 05.08.2017 г.

* Террористическая организация, запрещенная в России.

Возобновление в сентябре 1990 г. отношений с Саудовской Аравией открыло перед Советским Союзом и его правопреемником Россией путь к прямым контактам со странами Совета сотрудничества арабских государств Залива – ССАГЗ (исключение составлял только Кувейт, установивший дипломатические отношения с Советским Союзом ещё в 1963 г.). Впервые в советской/российской истории Москва установила дипломатические связи со всеми государствами-членами Лиги арабских государств (ЛАГ). Восстановление связей с Саудовской Аравией – часть трансформации системы международных отношений начала 1990-х гг., определявшейся перестройкой и «новым политическим мышлением», когда афро-азиатский регион перестал выглядеть полем биполярной конфронтации. Устанавливались контакты с государствами, которые Москва ранее считала «региональными сателлитами» Америки.

Однако под воздействием региональной и глобальной международной ситуации, а также внутривосточных факторов российско-саудовское взаимодействие обрело черты не только ярко выраженной турбулентности, но и конфликтности. В этом контексте повышение роли России на Ближнем Востоке ставит вопрос о том, возможно ли изживание этой конфликтности и если да, то какими способами. Ответ на этот вопрос позволит лучше представить будущие отношения обеих стран, имеющие непосредственное отношение к развитию ситуации не только на Ближнем Востоке, но и шире, в мусульманском мире.

Цель исследования заключается в том, чтобы дать развёрнутое представление об эволюции российско-саудовского политического взаимодействия, влияющих на него факторов и обстоятельств, порождающих, с одной стороны, совпадение подходов к решению проблем Ближнего Востока, а с другой – глубокие противоречия между сторонами.

Специальные отечественные и зарубежные исследования всего комплекса российско-саудовских политических отношений с момента их восстановления в настоящее время практически отсутствуют [5; 7; 9]. Хотя эта тема часто привлекает внимание российских, арабских (в частности, саудовских) и западных аналитиков, их выводы (во многом противоречивые и поверхностные) требуют основательной верификации [13; 15].

Стремление авторов к объективности предопределило критический подход к использованию источниковой базы исследования, а также оперирование принципом системности. В статье представлен политологический анализ отношений между Москвой и Эр-Риядом в историческом контексте и с учётом внешних факторов.

Первые годы после восстановления двусторонних связей давали надежду на дальнейшее их развитие по восходящей линии. Во второй половине апреля 1992 г. российский министр иностранных дел А. Козырев совершил официальный визит в страны Залива, встретившись в Эр-Рияде с королём Фахдом бен Абдель Азизом. Одной из тем переговоров в саудовской столице стало обсуждение ситуации на Северном Кавказе, причём Эр-Рияд выразил «понимание и

положительное отношение» российской позиции в отношении «экстремизма». Российская сторона изъявила готовность содействовать «созданию условий» для того, чтобы «миллионы российских мусульман общались со своими братьями по вере, осуществляя паломничество в святыне места» [8, с. 36-38]. Мусульманское сообщество превращалось в фактор непосредственного воздействия на внешние связи РФ, что подтверждало и установление первых контактов с Организацией исламского сотрудничества (ОИС)¹.

В ноябре 1994 г. король Фахд бен Абдель Азиз и наследный принц Абдалла бен Абдель Азиз приняли председателя Совета министров В. Черномырдина. Состоявшийся обмен мнениями «продемонстрировал схожесть или близость позиций» и «политическое доверие» сторон. В ходе этого визита было подписано Генеральное российско-саудовское соглашение, предусматривавшее сотрудничество обоих государств «в области экономики, торговли, инвестиций, культуры и спорта», и достигнута договорённость о создании Совместной межправительственной Российско-саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Однако уже в декабре 1994 г. в двусторонних отношениях разразился кризис, причину которого российская дипломатия усматривала в различии подходов сторон к событиям в Чечне². Саудовская Аравия была провозглашена источником «ваххабитской идеологии», внедряемой на Северный Кавказ по «американскому указанию» благотворительными фондами и организациями.

Антисаудовская риторика усилилась и в связи с югославскими событиями. «Косовский вопрос» рассматривался Москвой как итог совместных действий «албанских сепаратистов», «НАТОвских агрессоров» и «боевых отрядов моджахедов из Пакистана, Афганистана и ряда стран Персидского залива при активной помощи саудовских спецслужб» [5].

Опираясь на данные Федеральной службы безопасности, российские эксперты сообщали о личных контактах Усамы бен Ладена с главами некоторых региональных муфтиятов и о том, что обучение российских мусульман в «зарубежных религиозных учреждениях» (речь шла о Саудовской Аравии и странах Залива) – «канал проникновения в Россию чуждых для неё форм ислама». При оценке деятельности саудовских благотворительных фондов (после 1998 г. – Объединённого комитета помощи Косово и Чечне) подчёркивалось, что эти фонды «излишне доверчивы в отношении непорядочных “деятелей от ислама”» [10, с. 120-135].

За эвфемизмом «непорядочные “деятели от ислама”» скрывалась происходившая во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. дифференциация российского мусульманского сообщества. Помощь саудовских благотворительных

¹ В 1994 г. в Москве побывал тогдашний генеральный секретарь ОИС Хамид Аль-Габид.

² Андрей Бакланов: «Король Абдалла прекрасно знал людей». [Электронный ресурс] URL: <http://www.vestikavkaza.ru/interview/Andrey-Baklanov-Korol-Abdalla-prekrasno-znal-lyudey-polzovalsya-ogromnym-avtoritetom.html> (дата обращения: 1.06.2017).

фондов содействовала возникновению региональных муфтиятов, принадлежавших к неханифитским школам и проводивших курс, не зависимый от уфимского Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ). Хотя в дальнейшем эти муфтияты вошли в состав московского Совета муфтиев России (СМР), их руководители сохранили высокую степень автономности [1]. Формировалось новое поколение религиозных деятелей, вступавших в борьбу с теми, кого они обвиняли в «рабологии перед властью» и называли «наследниками коммунистического прошлого». Первоначально, ориентируясь на ЦДУМ, российская власть видела в них «сторонников саудовского ваххабизма». Саудовское направление переместилось на нижние строки в рейтинге приоритетов российской внешней политики.

С приходом В. Путина на высший пост исполнительной власти в российско-саудовских отношениях наметились перемены. Они вновь были связаны с Чечнёй: Москва нуждалась в том, чтобы положить конец внешним связям чеченских сепаратистов. Посетившие Эр-Рияд специальные представители российского президента получили заверения саудовской стороны в уважении территориальной целостности России и принципа невмешательства в её внутренние дела», а также в том, что саудовские благотворительные фонды будут «координировать усилия» с российскими органами власти, ограничиваясь оказанием гуманитарной помощи населению [7, с. 268-272; 11, с. 6].

Исключение «чеченского вопроса» из сферы российско-саудовских отношений способствовало их выходу из состояния стагнации. В начале сентября 2003 г. будущий король Саудовской Аравии с официальным визитом посетил российскую столицу, где его ожидали «с большим нетерпением» [8, с. 6]. Принимая фактического руководителя саудовского государства, российское руководство стремилось окончательно стабилизировать положение на Северном Кавказе и исключить воздействие религиозного радикализма на общероссийскую ситуацию. По итогам визита была создана российско-саудовская рабочая группа по вопросам борьбы с терроризмом, а российская сторона заручилась поддержкой для вступления в качестве страны-наблюдателя в ОИС. Прозвучало и заявление Абдаллы бен Абдель Азиза о том, что «чеченский вопрос – внутреннее дело России»³.

Важнейшей темой переговоров, состоявшихся в Эр-Рияде 11-12 февраля 2007 г., стало торгово-экономическое сотрудничество. В. Путин заявил о перспективах взаимодействия в сфере добычи и переработки энергоносителей, транспортной инфраструктуры, космоса, атомной энергетики, металлургии [9; 13].

Начавшееся сближение не стало устойчивой тенденцией. «Арабская весна» радикально изменила российскую официальную и общественную риторику, как и политику в отношении Саудовской Аравии. Эта трансформация

³ Принц Абдалла: «Чеченский вопрос – внутреннее дело России». [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/280837> (дата обращения: 1.06.2017).

вытекала из взгляда на события 2011-2012 гг. как на эпизод «цветных революций», спланированных Западом и осуществлённых «ближневосточными автократами», – первой из них называлась Саудовская Аравия [2]. В конце апреля 2012 г., давая общую оценку развитию событий в арабском мире, президент Д. Медведев пессимистично замечал: «Арабская весна» закончится холодной «арабской осенью» в силу того, что «к власти в ряде стран рвутся радикалы»⁴. Вернувшийся в 2012 г. на пост президента В. Путин, выступая в декабре 2013 г. с посланием Федеральному собранию, квалифицировал новую ближневосточную ситуацию, используя термины «регресс», «варварство» и «большая кровь»⁵.

Российские и саудовские внешнеполитические приоритеты вновь разошлись. Если в Москве считали необходимым включить Б. Асада в «общесирийский политический процесс», то в Эр-Рияде заявляли о «нелегитимности» сирийского президента. Если Россия развивала отношения с Ираном и на переговорах по иранской ядерной программе настаивала на его «неотъемлемых правах» на развитие мирной ядерной энергетики, то в Саудовской Аравии видели в Тегеране «стратегического противника». Москва не комментировала поддержку Ираном сирийского режима, как и не возражала против участия «Хезболлы» во внутрисирийском конфликте. Эти обстоятельства заставляли саудовское руководство видеть в позиции России основную причину «сирийской катастрофы». 29 марта 2015 г. на заключительном заседании саммита ЛАГ в Шарм-эш-Шейхе С. Аль-Фейсал назвал Россию «источником страданий сирийского народа»⁶.

Российское взаимодействие с ОИС также менялось. Выступая в октябре 2013 г. в Уфе на встрече с главами исламских духовных управлений, В. Путин вновь говорил о «радикальных течениях, не характерных для российских мусульман», действующих в интересах «ослабления» государства и создания «на российской территории зон управляемых извне конфликтов». Российский президент считал необходимым «воссоздание» суверенной «богословской школы», признанной «мусульманскими учёными мира»⁷. Наконец, В. Путин высказывал мысль о возможности антироссийского «заговора», связанного со снижением мировых цен на энергоносители, реализовать который, по его мнению, «может только Саудовская Аравия». Предполагая, что саудовская сторона не пойдёт на это, российский президент такую возможность полностью не исключал. Стремясь не допустить развития событий в этом направлении, он заявил в апреле 2015 г. об отмене запрета на продажу Ирану комплекса ПВО С-300. По сло-

⁴ Президент России. Интервью российским телеканалам, 26 апреля 2012 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/15149> (дата обращения: 1.06.2017).

⁵ Послание президента Федеральному собранию, 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 1.06.2017).

⁶ Аль-Фейсал: российская поддержка режима Асада – источник страданий, обрушившихся на сирийский народ. [Электронный ресурс] URL: <http://aawsat.com/home/article/324451> (дата обращения: 1.06.2017).

⁷ Президент России. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России, 22 октября 2013 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19474> (дата обращения: 1.06.2017).

вам ведущего саудовского журналиста, это решение «вызывало гнев государств региона»⁸.

В начале лета 2015 г. появились признаки того, что российско-саудовские отношения выходят из кризиса. Об этом свидетельствовал визит заместителя наследника саудовского престола принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург, где состоялась его встреча с В. Путиным. По сообщениям саудовской прессы, планировалось обсудить перспективы двустороннего сотрудничества. О готовности российской стороны возобновить контакты с Саудовской Аравией свидетельствовала реанимация Российско-саудовского делового совета, по инициативе которого в мае 2015 г. в Джидде было организовано «роуд-шоу российских регионов и компаний». Тогда же Джидду посетил специальный представитель российского президента по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель главы внешнеполитического ведомства Михаил Богданов, которого приняли король Сальман бен Абдель Азиз, наследный принц Мухаммед бен Наеф и министр иностранных дел Адиль Аль-Джубейр. Состоялся «развёрнутый обмен мнениями» по ближневосточной ситуации, а также по вопросу о «консолидации подходов Москвы и Эр-Рияда» по противодействию «Исламскому государству»⁹.

Каналом для восстановления связей с Саудовской Аравией стала ОИС. 11 июня 2015 г. российский министр иностранных дел Сергей Лавров в ходе совместной пресс-конференции в Москве с (в то время) генеральным секретарём этой организации И. Мадани говорил об «особом внимании обеих сторон к положению в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии». Россия и ОИС считали необходимым «стимулировать в этих странах общенациональный диалог», что совпадало с саудовской точкой зрения. В Москве осудили произошедший 22 мая 2015 г. взрыв в шиитской мечети в саудовском Эль-Катифе, ответственность за который взяло на себя «Исламское государство», и заявили о «поддержке усилий руководства и правоохранительных органов Саудовской Аравии по бескомпромиссному отпору террористам всех мастей»¹⁰.

В ходе визита принца Мухаммеда бен Сальмана были подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере мирного использования ядерной энергии, энергетики и инвестиций, космоса, строительства, военно-технического взаимодействия. Однако они остались «декларациями о намерениях» по причине непреодолимых разногласий между Москвой и Эр-Риядом относительно ситуации в Сирии и роли Ирана в регионе. Саудовская сторона заявила о неприемлемости предло-

⁸ Первый товар, купленный Ираном после соглашения. [Электронный ресурс] URL: <http://aawsat.com/home/article/339116> (дата обращения: 1.06.2017).

⁹ О рабочей поездке спецпредставителя президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова в Саудовскую Аравию. 27 мая 2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/bdcomp/brp_4.nsf/sps/EA78427E654A0B6E43257E520046A51B (дата обращения: 1.06.2017).

¹⁰ Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с террористическим актом в Саудовской Аравии. 23 мая 2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/1305806 (дата обращения: 1.06.2017).

женной В. Путиным региональной антитеррористической коалиции с участием Тегерана и режима Б. Асада [15]. 11 октября 2015 г., уже после начала действий российских военно-космических сил на сирийской территории, состоялся второй визит принца Мухаммеда бен Сальмана в Россию. Его встреча с российским президентом не стала серьёзным прорывом в двусторонних политических отношениях, однако российская и саудовская стороны (инициировавшая в 2016 г. перестройку своей экономики по программе «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030») не прекратили поиск возможностей для экономического взаимодействия, важным аспектом которого выступает стремление к сотрудничеству в сфере производства и сбыта энергоносителей [4; 14]. Наряду с этим, Эр-Рияд видит в российских «мусульманских» регионах (Северный Кавказ и Татарстан) вероятных реципиентов инвестиций и объектов внешнеэкономической деятельности. Состоявшиеся в ноябре 2016 г. поездки глав Ингушетии и Чечни в Саудовскую Аравию, как и участие представителей саудовского бизнес-сообщества в ежегодных форумах KazanSummit подтверждают этот вывод.

Между тем ни Россия, ни Саудовская Аравия не изменили своего взгляда на внутрисирийский конфликт. Российская сторона, апеллируя к Декларации «Женева-1», считала, что решение о пребывании Б. Асада у власти должны принимать не «внешние силы», но лишь «сирийский народ», и настаивала на создании широкой антитеррористической коалиции. Напротив, саудовская сторона интерпретировала положения протокола «Женева-1» как требование ухода главы сирийского государства. Эти разногласия сказываются на региональной безопасности и даже на безопасности ЕС, куда отмечается наплыв сирийских беженцев [12]. Отсутствие прогресса в отношениях исключило визит короля Сальмана бен Абдель Азиза в Россию, как и визит В. Путина в Саудовскую Аравию. Операция российских военно-космических сил в Сирии была воспринята в Эр-Рияде как «поддержка террористического сирийского режима». Саудовская пресса отмечала, что российские действия на стороне Б. Асада и саудовская поддержка «умеренной оппозиции» привели к тому, что Эр-Рияд и Москва начали «военный диалог на земле»¹¹. Этот «военный диалог» остаётся реальностью сегодняшнего дня.

Проведённый анализ позволяет говорить о нестабильности российско-саудовских политических отношений (и, как следствие, об отсутствии прогресса двусторонних экономических связей), определяемой принципиальными различиями в подходах обеих сторон к внутрисирийскому конфликту и региональной роли Ирана. Эти отношения по-прежнему далеки от устойчивости и взаимного доверия, что необходимо для придания им поступательного характера. Итогом сложившейся ситуации стало российско-саудовское противостояние в Сирии. Амбивалентность позиции российского руководства в отношении

¹¹ Диалог с русскими на земле. [Электронный ресурс] URL: <http://aawsat.com/home/article/478436> (дата обращения: 1.06.2017).

мусульманского сообщества не даёт ему возможность играть роль моста между двумя странами.

Российско-саудовское политическое взаимодействие представляется бесперспективным без достижения взаимопонимания по внутрисирийскому конфликту. Это взаимопонимание предполагает координацию действий обеих стран в борьбе с ИГИЛ, а также восстановление контактов Москвы с ведущими группами сирийской оппозиции. Отстаивая принцип сохранения сирийской государственности, Россия должна действовать на поле саудовской политики, поощряя движение к национальному примирению и исключая трактовку своих действий как поддержку режима. На практике это означает учёт мнения не только официального Дамаска, но и многочисленной сирийской диаспоры, в том числе представителей политической эмиграции, которые враждебно относятся к режиму [6]. Такая точечная стратегия требует больших ресурсов и времени, а значит, её воплощение прямо пропорционально улучшению отношений с Эр-Риядом.

Российско-иранские связи должны рассматриваться Москвой как фактор, направленный на обеспечение стабильности Ближнего Востока, включая зону Персидского залива. Подчёркивая принципиальный характер сохранения регионального статус-кво, Россия может снять саудовские опасения относительно намерений Ирана изменить баланс конфессиональных сил либо политических режимов.

Позитивное развитие российско-саудовских политических отношений связано с российским мусульманским сообществом. Присоединение России к ОИС открыло перед этим сообществом возможность сотрудничества с «внешним» исламом и его ведущим звеном – Саудовской Аравией. Подчёркивая уникальность российского опыта межрелигиозного сотрудничества, Москва должна провести грань между противодействием религиозному экстремизму (важнейшим направлением деятельности ОИС) и укреплением связей российских мусульман со своими единоверцами. Отсутствие этой грани – повод для недопонимания в отношениях Москвы и Эр-Рида.

Расширяя видение собственной внешнеполитической роли, Россия неизбежно включала в него Ближний Восток, в том числе, с учётом противостояния террористической угрозе со стороны ИГИЛ. В то же время Саудовская Аравия, после «арабской весны» укрепившая позиции на Ближнем Востоке, начала рассматривать этот регион в качестве зоны своего исключительного влияния и монопольных интересов. Принимая во внимание ослабление роли Соединённых Штатов в арабском мире и считая недостаточным участие европейских столиц в решении проблем Ближнего Востока, она стремилась вытеснить из этой зоны страны, способные оспорить её курс, либо не допустить их проникновения туда. Рассматривая Иран в качестве важнейшей из этих стран, а Россию как его безусловного союзника, Эр-Рияд развивал курс на исключение (или, по крайней мере, сужение) российского присутствия в сфере её региональных притязаний.

Наличие конфликтного потенциала в российско-саудовских политических отношениях не означает, что его нельзя изжить. Обе стороны заинтересованы в развитии экономических связей. При этом Эр-Рияд стремится к диверсификации внешнеэкономических отношений, нуждаясь, в числе прочего, в иностранных инвестициях для реализации курса на перестройку хозяйственной жизни. В свою очередь, давление западных санкций заставляет Москву вести поиск новых внешнеэкономических партнёров. Эр-Рияд занимает нейтральную позицию по кризису на Украине (включая вопрос Крыма), он не присоединился к введённым против России экономическим санкциям, стремится к развитию контактов с российскими «мусульманскими» регионами, способными стать реципиентами саудовских инвестиций.

Обе страны объединены отношением к вызову терроризма: Москва и Эр-Рияд считают ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» («Джабхат Фатх Аш-Шам») (как и «Аль-Каиду») источниками региональной нестабильности и вызовом международной безопасности, включив их в список террористических организаций. Обе страны борются против них (в том числе и на информационном поле) в Сирии и Ираке (хотя и в различных коалициях).

Расхождения по иранскому вопросу не мешают Москве и Эр-Рияду считать недопустимым превращение зоны Персидского залива в очаг напряжённости. Обе стороны выступают за придание этой зоне (как и Ближнему Востоку в целом) статуса региона, свободного от оружия массового поражения, не отрицая права расположенных там государств на мирное использование ядерной энергии. Отклонив российскую инициативу включить Иран в систему безопасности в зоне Персидского залива (особенно после создания в декабре 2015 г. «исламской антитеррористической коалиции» и разрыва в январе 2016 г. дипломатических связей с Тегераном), Эр-Рияд считает, что эта инициатива обретёт основу, если Иран будет проводить в регионе курс «добрососедства и невмешательства».

Очевидно, что только совместные действия по достижению взаимопонимания в политической сфере станут залогом преодоления существующей ныне конфликтности во взаимоотношениях.

Список литературы

1. Аветисян Ж.Г. Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное состояние // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 79-81.
2. Антюхова Е.А. «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки // Национальный интерес. 2016. Т. 27. № 3. С. 147-167.
3. Визит В.С. Черномырдина в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Оман // Дипломатический вестник. 1994. № 23/24. С. 9-10.
4. Гулькин П.Г. Российские предприниматели в Саудовской Аравии // Азия и Африка сегодня. 2013. № 7. С. 42-45.
5. Косач Г.Г. Россия и Саудовская Аравия: эволюция отношений // Свободная мысль. 2015. № 6 (1654). С. 129-142.
6. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. №4(106). С. 70-78.

7. Нейматов А.Я. Анализ современных российско-саудовских отношений // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4. С. 268-273.
8. О поездке А.В. Козырева по странам Залива // Дипломатический вестник. 1992. № 9/10. С. 36-38.
9. Пересыпкин О.Г. Российско-саудовские отношения // Дипломатическая служба. 2011. № 4. С. 9-16.
10. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 120-135.
11. Посещение Р.Г. Абдулатиповым Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов // Дипломатический вестник. 2000. № 4. С. 6.
12. Kasatkin P.I., Avatkov V.A. The soft power of migration-a hard task for the European Union // Defense and Security Analysis. 2014. Vol. 30. № 4. Pp. 311-322.
13. Katz M.N. Saudi-Russian Relations Since 9/11 // Problems of Post-Communism. 2004. Vol. 51. No. 2. Pp. 3-11.
14. Mann Y. Saudi Arabia's Policy Toward non-OPEC Countries // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 2. Pp. 381-391.
15. Shlapentokh D. Gulf States / Saudi Arabia and Russia's Approach to Iran: Similarities and Differences // Defense & Security Analysis. 2010. Vol. 26. №3. Pp. 305-319.

Об авторах:

Григорий Григорьевич Косач – д.и.н., профессор кафедры современного Востока Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12.

E-mail: g.kosach@mail.ru.

Александр Оскарович Филоник – к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: fao44@mail.ru.

Елена Суреновна Мелкумян – д.полит.н., профессор кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: g.kosach@mail.ru.

RUSSIAN-SAUDIAN POLITICAL INTERACTION

G.G. Kosach, A.O. Filonik, E.S. Melkumyan
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-127-138

Institute of Oriental Studies, RAS

The article analyzes the development of Russian-Saudi political interaction after the restoration (at that time of Soviet-Saudi relations) of bilateral relations in September 1990. The article focuses on the role of the Russian Muslim community in shaping the Russian politics towards Riyadh in the 1990-2000s.

The authors state there are both periods of "crises" and detente in the development of Russian-Saudi political interaction that were marked by events in Chechnya and former Yugoslavia in 1994-2000, "Arab Spring" 2011, the post-September 2015 era, the Russian anti-terrorist campaign in Syria.

The alternation of these periods is the constant of Russian-Saudi political contacts, despite the similarity in the approaches of both sides to the ways and methods of solving crisis situations in the Middle East region, as well as the Saudi's pro-Russian position regarding the change in the status of the Crimea and the situation in the east of Ukraine. The general attitude of both sides towards ISIS and Jabha al-Nusra as a source of terrorism, regional instabil-

ity and the challenge of international security does not remove the two main contradictions that divide Moscow and Riyadh – attitude toward the official Syrian regime and the Iran's regional policy.

The study comes to the conclusion that Russia and Saudi Arabia are interested (albeit for various reasons) in diversifying their foreign policy and foreign economic relations.

Key words: Russia, the Russian Muslim community, Saudi Arabia, Russian-Saudi relations, the Middle East, the Islamic world, Syria, Iran.

References

1. Avetisian Zh.G. Vzaimootnosheniia Rossii i arabskogo mira: istoriia stanovleniia i sovremennoe sostoianie [Relations of Russia and the Arab world: history of development and the current state]. *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, 2016, no. 5, pp. 79-81. (In Russian)
2. Antiukhova E.A. «Arabskaia vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvakh Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki [The Arab spring: political crises and conflicts in the MENA states]. *Natsional'nyi interes*, 2016, vol. 27, no. 3, pp. 147-167. (In Russian)
3. Vizit V.S. Chernomyrdina v Saudovskuiu Araviu, Kuveit, OAE, Oman [V. Chernomyrdin visits Saudi Arabia, Kuwait, UAE, Oman]. *Diplomaticheskii vestnik*, 1994, no. 23/24, pp. 9-10. (In Russian)
4. Gul'kin P.G. Rossiiskie predprinimateli v Saudovskoi Aravii [Russian entrepreneurs in the Saudi Arabia]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2013, no. 7, pp. 42-45. (In Russian)
5. Kosach G.G. Rossiia i Saudovskaia Aravii: evoliutsiia otnoshenii [Russia and the Saudi Arabia: the evolution of relations]. *Svobodnaia mysl'*, 2015, no. 6 (1654), pp. 129-142. (In Russian)
6. Loshkarev I.D. Evoliutsiia poniatiia «diaspora» v politicheskoi nauke [The evolution of diaspora concept in the Political Science]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, 2017, no.4 (106), pp. 70-78. (In Russian)
7. Neimatov A.Ia. Analiz sovremennykh rossiisko-saudovskikh otnoshenii [Analysis of current Russian-Saudi relations]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 4, pp. 268-273. (In Russian)
8. O poezdke A.V. Kozyreva po stranam Zaliva [A. Kozyrev visits the Gulf states]. *Diplomaticheskii vestnik*, 1992, no. 9/10, pp. 36-38. (In Russian)
9. Peresypkin O.G. Rossiisko-saudovskie otnosheniia [Russian-Saudi relations]. *Diplomaticheskaiia sluzhba*, 2011, no. 4, pp. 9-16. (In Russian)
10. Poliakov K.I., Khasianov A.Zh. *Arabskii Vostok i Rossiia: problema islam-skogo fundamentalizma* [The Arab world and Russia: problem of Islamic fundamentalism]. Moscow, Jeditorial USSR Publ., 2001. Pp. 120-135. (In Russian)
11. Poseshchenie R.G. Abdulatipovym Saudovskoi Aravii i Ob'edinennykh Arabskikh Emiratov [R. Abdulatipov visits Saudi Arabia and UAE]. *Diplomaticheskii vestnik*, 2000, no. 4, p. 6. (In Russian)
12. Kasatkin P.I., Avatkov V.A. The soft power of migration-a hard task for the European Union. *Defense and Security Analysis*, 2014, vol. 30, no. 4, pp. 311-322.
13. Katz M.N. Saudi-Russian Relations Since 9/11. *Problems of Post-Communism*, 2004, vol. 51, no. 2, pp. 3-11.
14. Mann Y. Saudi Arabia's Policy Toward non-OPEC Countries. *Diplomacy & Statecraft*, 2012, vol. 23, no. 2, pp. 381-391.
15. Shlapentokh D. Gulf States / Saudi Arabia and Russia's Approach to Iran: Similarities and Differences. *Defense & Security Analysis*, 2010, vol. 26, no. 3, pp. 305-319.

About the authors:

Grigory G. Kosach – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Contemporary History at the Faculty of History, Political Science and Law at the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: g.kosach@mail.ru.

Alexander O. Filonik – PhD in Economics, leading researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: fao44@mail.ru.

Elena S. Melkumyan – Doctor of Political Sciences, Professor of the Chair of the Modern East of the Russian State Humanitarian University, and a leading researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: g.kosah@mail.ru.

РОССИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Е.С. Мелкумян, Г.Г. Косач, Т.В. Носенко

Институт востоковедения РАН
Российский государственный гуманитарный университет

В предлагаемой статье акцентируется внимание на изменении подхода региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) к роли России в регионе Ближнего Востока и попытке её членов наладить с ней плодотворное сотрудничество. Новый подход последовал за событиями «арабской весны», среди итогов которой – осложнение региональной ситуации и возникновение ряда кризисов, заставивших членов ССАГЗ расширять число союзников среди ведущих мировых держав. Активное участие России в разрешении кризисных ситуаций на Ближнем Востоке, прежде всего, в Сирии, повлияло на изменение политики ССАГЗ в отношении России, осознавшего её возросшую заинтересованность в установлении прочных связей со странами этого региона.

В статье проводится сравнение между отношениями, России с государствами ССАГЗ в советский период и в начальный период существования Российской Федерации, и теми, которые стали развиваться после 2011 г. в условиях усиления нестабильности в регионе Ближнего Востока. Новый этап в двусторонних отношениях был вызван совпадением их интересов в борьбе с возросшей террористической угрозой. Стороны также были заинтересованы в проведении политических консультаций по разрешению региональных кризисных ситуаций.

Совпадение точек зрения между Россией и ССАГЗ по ближневосточному урегулированию всегда было надёжной основой для налаживания взаимопонимания между сторонами. В то же время противоречия, возникшие между ними по вопросу о путях выхода из сирийского кризиса, привели к охлаждению в их взаимоотношениях. Однако степень взаимной заинтересованности в возобновлении контактов станет стимулом для их активизации в будущем.

Авторы пришли к выводу, что место России во внешнеполитических приоритетах ССАГЗ будет возрастать. Взаимная заинтересованность сторон в политическом взаимодействии подкрепляется необходимостью координировать политику на рынке энергоресурсов, крупнейшими поставщиками которых являются как Рос-

УДК 327

Поступила в редакцию 14.05.2017 г.

Принята к публикации 31.07.2017 г.

сия, так и государства ССАГЗ. Кроме того, и та, и другая сторона стремятся к расширению экономического и военно-технического сотрудничества, что создаст благоприятную ситуацию для налаживания отношений и в политической сфере.

Ключевые слова: Россия, ССАГЗ, Ближний Восток, сирийский кризис, терроризм, ближневосточный конфликт, ближневосточное урегулирование, стратегический диалог.

ССАГЗ – региональная организация, которая по мере ослабления влияния, вызванного нестабильным внутривосточным положением Египта, Сирии, Ирака, традиционно занимавших ведущие позиции в регионе Ближнего Востока, превратилась в наиболее влиятельного регионального актора. В условиях взрывоопасной ситуации, когда обострялись кризисы в Сирии, Йемене, Ливии и возникла новая угроза в лице террористической структуры «Исламское государство» (ИГ)*, захватившей значительную часть территории Сирии и Ирака, перед ССАГЗ встала задача расширения числа своих внешнеполитических партнёров. Усиление роли России в регионе Ближнего Востока, её подключение к разрешению сирийского кризиса с помощью как политических, так и военных методов обусловило стремление государств ССАГЗ к установлению более тесных отношений с Москвой и к координации усилий по поиску выхода из затянувшихся кризисных ситуаций. Проблема установления партнёрских отношений между ССАГЗ и Россией является актуальной с политической и научной точки зрения. Противоречия между государствами ССАГЗ и Россией по вопросу урегулирования сирийского кризиса повлияли на этот процесс, однако, они вряд ли смогут воздействовать на взаимную заинтересованность обеих сторон в расширении политических контактов. Возникает вопрос, на чём основываются отношения между ССАГЗ и Россией, и какое место будет занимать Россия во внешнеполитических приоритетах ССАГЗ в будущем? Ответ на этот вопрос позволит представить себе новую расстановку сил на Ближнем Востоке, что непосредственным образом повлияет на обеспечение региональной безопасности и стабильности. Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать представление о характере взаимоотношений между ССАГЗ и Россией в период, последовавший за «арабской весной». Речь идёт и о том, чтобы раскрыть причины стремления лидеров государств ССАГЗ наладить с Россией плодотворное сотрудничество с целью обеспечения мира и стабильности в регионе Ближнего Востока, а также проанализировать факторы, которые повлияли на активизацию усилий ССАГЗ в этом направлении.

Отметим, что комплексные научные исследования политических взаимоотношений между ССАГЗ и Россией не проводились ни российскими, ни зарубежными исследователями. Были опубликованы отдельные статьи российских

* Террористическая организация, запрещённая в России.

и зарубежных учёных по связям России с одним из членов ССАГЗ – Саудовской Аравией, которая занимает лидирующее положение в рамках этой региональной организации, однако, участие других её членов, а также те позиции, которые они вырабатывали совместно на саммитах ССАГЗ, проанализированы не были. Достаточно много статей аналитического характера по отношениям между ССАГЗ и Россией в последние годы было опубликовано в арабских, российских и западных печатных и электронных изданиях [8; 10; 12; 14]. Однако работа над этими материалами в значительной степени была затруднена необходимостью проверки противоречивых фактов и осмысления огромного потока информации.

Отношения арабских государств Залива с Советским Союзом не получили развития, так как эти государства, в соответствии с советской терминологией, относились к «прозападным консервативным государствам». Единственным союзником СССР был Ирак, объявивший о своей социалистической ориентации. Ему советские дипломаты оказали поддержку в ООН в период Кувейтского кризиса 1961 г., когда Ирак выдвинул притязания на Кувейт как часть своей территории. Установление дипломатических отношений между Кувейтом и СССР в 1963 г. после смены режима в Ираке, было заслугой кувейтской дипломатии, стремившейся расширить число своих внешнеполитических партнёров, которые могли бы оказать поддержку Кувейту в случае возобновления иракских притязаний на его территорию.

Несмотря на различие социально-политических систем Кувейта и Советского Союза, их связывали отношения сотрудничества. Большое значение для налаживания взаимных контактов имело совпадение точек зрения обеих стран по многим международным проблемам, прежде всего, ближневосточному урегулированию. Кувейт признавал последовательность позиции СССР, который оказывал поддержку палестинскому народу в его стремлении к справедливому решению его судьбы и созданию независимого Палестинского государства.

В 1980-е гг. отношения между двумя странами были расширены. Ирано-иракская война, начавшаяся в сентябре 1980 г., стала фактором, стимулировавшим развитие отношений между СССР и Кувейтом, так как обе страны стремились к её скорейшему прекращению, потому что она привела к падению цен на нефть и, как следствие, – экономическим трудностям в обеих странах, где нефть была основным источником государственных доходов.

В 1984 г. США, которые ограничивали поставки современных видов вооружения арабским странам – противникам Израиля, безопасность которого они гарантировали, отказались поставить Кувейту партию современных ракет. Тогда Кувейт обратился к Советскому Союзу, который в этих условиях охотно пошёл на подписание нового военного соглашения и расширил поставки советского оружия, которое обслуживалось советскими специалистами. В 1987 г. Кувейт стал жертвой «танкерной войны», развязанной воюющими Ираном и Ираком с целью интернационализировать конфликт. Кувейтское правительство

обратилось к ведущим мировым державам защитить его танкерный флот. Советский Союз откликнулся на эту просьбу и предоставил Кувейту под фрахт три советских танкера. В то же время США взяли под защиту все кувейтские танкеры, которые стали курсировать под американским флагом и в сопровождении американских военных кораблей.

Кувейт, как один из членов созданного в 1981 г. ССАГЗ, способствовал развитию контактов между СССР и его членами, так как был сторонником сбалансированной политики, которая позволила бы избежать прямого втягивания арабских государств Залива в конфронтацию между СССР и США. Благодаря его усилиям в 1985 г. Оман установил дипломатические отношения с СССР, в 1986 г. произошёл обмен дипломатическими представительствами между СССР и ОАЭ, а в 1988 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Катаром.

Иракский кризис 1990-1991 гг. стал переломным моментом в отношениях СССР со странами Залива. Советский Союз, как постоянный член Совета Безопасности ООН сыграл важную роль в принятии резолюций, требовавших от Ирака немедленного вывода войск из Кувейта и признания его независимости и суверенитета. Принципиальная позиция СССР была оценена не только Кувейтом, но и его партнёром по ССАГЗ. Саудовская Аравия восстановила в тот период дипломатические контакты и способствовала установлению отношений с ещё одним членом ССАГЗ, относящимся к группе малых государств зоны Персидского залива – Бахрейном.

После возникновения Российской Федерации, ССАГЗ, несмотря на его ориентацию на союз с США и Европой, оправдываемый необходимостью обеспечения региональной безопасности, предпринимал шаги к налаживанию с плодотворного сотрудничества с Россией. Эта организация стремилась получить более широкие международные гарантии для сохранения региональной стабильности. В общественном мнении государств ССАГЗ широкое распространение получила идея о том, что возникшая после распада СССР новая расстановка сил на международной арене предоставляет США и Западу в целом возможность навязать собственные интересы арабскому миру, восстановив тем самым время национального унижения арабской нации. Государства ССАГЗ объективно были заинтересованы в расширении числа участников международной системы по обеспечению их безопасности, одним из элементов которой они видели и Россию [10]. Один из ведущих политологов Совета сотрудничества подчеркивал, что «основой региональной системы безопасности должны стать гарантии, как со стороны Лиги арабских государств, так и, в первую очередь, международного сообщества» [7]. Причём, развитие ситуации в регионе Ближнего Востока, казалось бы, создавало для этого достаточные основания. Государства-члены ССАГЗ были заинтересованы в подключении России к международной системе обеспечения региональной безопасности в качестве постоянного члена Совбеза ООН. По мнению бахрейнского исследователя, «государства ССАГЗ должны

строить свою стратегию обеспечения безопасности на привлечении России, так как Россия расположена к установлению более глубоких отношений со странами региона, которые должны координировать политику с Россией по поддержке цен на нефть»¹.

В 2008 г. начались контакты ССАГЗ с Россией, направленные на установление между ними стратегического диалога. В ноябре 2011 г. был подписан меморандум о взаимопонимании, ставший механизмом для проведения постоянных консультаций между государствами-членами этой региональной организации и Российской Федерацией. Его заседания проходили не регулярно. В феврале 2014 г. очередная встреча Стратегического диалога Россия – Совет сотрудничества арабских государств Залива прошла в Кувейте. ССАГЗ принимал активное участие в региональных конфликтах, прежде всего, в Сирии и Йемене. Его подходы к решению региональных конфликтов отличались от российских, тем не менее, в конце мая 2016 г. прошёл четвертый раунд Министерского стратегического диалога в Москве. В Совместном заключительном заявлении было отмечено, что «обе стороны имеют общие намерения укреплять и развивать дружбу и сотрудничество в рамках стратегического диалога между Россией и ССАГЗ». Было выражено общее согласие продолжать работу в этом формате для дальнейшей координации и сближения точек зрения по международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес, а также расширять практическое сотрудничества в бизнес сфере и в гуманитарных вопросах. Во время этой встречи были названы сферы возможного взаимодействия, прежде всего – борьба с терроризмом и контроль за использованием ядерной энергии. Стороны призвали к превращению региона Ближнего Востока в зону, свободную от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

Визит в Москву в октябре 2013 г. министра иностранных дел Кувейта Сабаха Аль-Халеда Ас-Сабаха подтвердил готовность сторон к укреплению сотрудничества, включая политический диалог, социально-экономическое сотрудничество, инвестиционное взаимодействие с особым упором на энергетику. Была достигнута договорённость об ускоренном возобновлении работы Совместной российско-кувейтской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Было отмечено совпадение или близость подходов к проблемам Ближнего Востока и Северной Африки. Переговоры проходили в тот период, когда обе стороны поддерживали процесс реализации решения Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и Совета Безопасности ООН о взятии под контроль запасов химического оружия в Сирии с целью последующего его уничтожения. В этот период разногласия по Сирии не мешали развитию сотрудничества между одним из членов ССАГЗ и Россией. Обе стороны были заинтересованы в скорейшем раз-

¹ Ghaffar A.M. Regional and International Strategy for Arabian Gulf Security: A Perspective on the Driving Forces of Strategic Conflict and the Local Response. [Электронный ресурс] URL: <http://www.derasat.org.bh/wp-content/uploads/2015/03/Regional-and-International-Strategy-ENGLISH-01-09-14.pdf> (дата обращения: 02.06.2017).

решении сирийского конфликта, поддерживали созыв международной конференции по сирийскому урегулированию и считали необходимым оказание гуманитарной помощи сирийскому народу². Несмотря на некоторые расхождения во взглядах на происходящие в регионе события, их объединяло стремление к сохранению региональной стабильности и нахождению политических путей выхода из кризисных ситуаций.

Контакты ССАГЗ с Россией были интенсифицированы после начал российской военной операции в Сирии в мае 2015 г. В этот период, по словам американского эксперта Джона Паркера, «неожиданный успех Москвы в проведении собственного курса в противовес Вашингтону, вызвал растущее уважение со стороны лидеров стран Ближнего Востока, даже в таких странах, как Саудовская Аравия, не расположенных к России»³. Руководители государств ССАГЗ, осознавая возросшую роль России в сирийском конфликте, пытались добиться от нее уступок, прежде всего, отказа от ультимативного требования о сохранении Б. Асада. В 2015 г. и в первой половине 2016 г. Россию посетили главы Кувейта, Катара и Бахрейна. Состоялись также визиты министров иностранных дел и других руководителей высокого ранга этих государств в Россию. Хотя в ходе переговоров обсуждались не только проблемы региона Ближнего Востока, но и перспективы двухсторонних отношений, анализ текстов выступлений сторон свидетельствовал о том, что вопросы экономического развития между двумя странами не занимали центрального положения, главным же было обсуждение вопросов, связанных с сирийским урегулированием. Несмотря на все усилия государств Залива сблизить их позиции и позиции России по сирийскому вопросу не удалось. Однако контакты между Россией и государствами ССАГЗ продолжались. В октябре 2014 г. состоялась встреча между российским президентом В.В. Путиным и королём Бахрейна Хамадом бен Иса Аль Халифа, посетившим Россию с рабочим визитом. Российский президент отметил в своей речи, что две страны имеют «регулярные и прочные контакты»⁴. В августе 2015 г. король Бахрейна заявил о желании его страны укрепить военное сотрудничество с Россией.

Особая заинтересованность Бахрейна в укреплении связей с Россией была связана с той угрозой, которую представлял для этого государства Иран. Влияние иранского фактора на развитие отношений между государствами ССАГЗ и Россией очевидно. Действия Ирана, направленные на провоцирование антигосударственной деятельности шиитских общин в странах Залива, привели к разрыву дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, а также Ираном и Бахрейном. В этих условиях государства ССАГЗ, по всей вероятности,

² Joint Statement of the Fourth Round of the Ministerial Strategic Dialogue between Russian Federation and the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC). May 26, 2016. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/asset_publisher/ckNo (дата обращения: 02.06.2016).

³ Parker J.W. Understanding Putin through a Middle Eastern Looking Glass. URL: <http://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/inss/Strategic-Perspectives-19.pdf> (дата обращения: 02.06.2017).

⁴ President of Russia. Meeting with King of Bahrain Hamad bin Isa Al Khalifa. October 12, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://eng.kremlin.ru/transcripts/23080> (дата обращения: 02.06.2017).

надеялись на то, что Россия в качестве союзника Ирана сможет оказать на него влияние с тем, чтобы он внес коррективы в свою региональную политику [12].

В июне 2015 г. в Санкт-Петербурге прошла встреча заместителя наследника престола и министра обороны принца Мухаммеда бен Сальмана с президентом В.В. Путиным. Предложение российского президента о создании «единого антитеррористического фронта» в борьбе с ИГ, включая официальный Дамаск и Тегеран, было отвергнуто Эр-Риядом, назвавшим действия Москвы «интервенцией», а Иран – «частью проблемы» конфликта⁵. Саудовская Аравия выступила сторонником оппозиции, содействовав созданию Высшего переговорного комитета, в который вошли представители группировок, рассматриваемых в Москве как террористические, и, не признав итоги проведенных режимом в 2014 и 2016 гг. президентских и парламентских выборов [1]. Состоявшаяся в октябре 2015 г. в Сочи встреча Мухаммеда бен Сальмана и В. Путина не сблизила позиции обеих стран.

Несмотря на расхождения во взглядах по сирийскому кризису, Россия и ССАГЗ едины в том, что считают основой внутрисирийского урегулирования коммунике июньской конференции 2012 «Женева-1».

Отсутствие прогресса в урегулировании сирийского кризиса и обострение связанных с ним гуманитарных проблем, повлияло на позицию ССАГЗ, который стал возлагать большие надежды на согласование позиций ведущих мировых держав – Россия и США. Генеральный секретарь ССАГЗ А. Аз-Зияни выразил общее мнение государств-членов этой организации, заявив, что «сейчас решение этой сложной проблемы перешло к США и РФ. Эти великие державы, если у них будет добрая воля, могут начать сотрудничать по двум вопросам: гуманитарному аспекту и борьбе с терроризмом».

Позиция России в отношении военной операции в Йемене под эгидой Саудовской Аравией и при участии всех других членов ССАГЗ, за исключением Омана, состояла в том, что Москва считала безальтернативным его политико-дипломатическое решение, но, тем не менее, не осудила эту операцию. Эта позиция способствовала некоторому потеплению отношений. Сближение укрепилось, когда Москва воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по резолюции № 2216, осудившей действия хуситов, подтвердившей легитимность президента Хади и важность внутрийеменского политического диалога. ССАГЗ, как и Россия, считают, что в Йемене перед «сторонами конфликта нет другой альтернативы, кроме как добиться политического решения, иначе продолжение войны приведет к разрушению страны и уничтожению йеменского народа»⁶.

Совпадение позиций России и ССАГЗ в отношении урегулирования ближневосточного конфликта также имеет большое значение для перспектив развития их

⁵ Саудовская Аравия требует немедленно прекратить российские военные операции в Сирии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alhayat.com/Articles/11435632> (дата обращения: 02.06.2016).

⁶ Мы оптимистичны в отношении решения в Йемене, надеемся на избрание президента в Ливане, наши проблемы связаны с Хизбаллой и Ираном. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alhayat.com/Articles/17626080> (дата обращения: 02.06.2017).

отношений. Государства ССАГЗ приветствуют тот факт, что Россия рассматривает предложенную Саудовской Аравией в 2002 г. «арабскую мирную инициативу» как одну из правовых основ мирного решения. Общими являются позиции сторон в отношении необходимости стабилизировать ситуацию в Ливане и Ираке [6; 13].

Отношение к таким террористическим структурам, как «Исламское государство» (ИГ), «Джабхат ан-нусра»/«Джабха фатх Аш-Шам» и «Аль-Каида» объединяет обе стороны. Москва и государства ССАГЗ квалифицируют эти группировки как источник региональной нестабильности и вызов международной безопасности, включив их в список террористических организаций. Для ССАГЗ и России «совместная борьба с терроризмом и экстремизмом – одно из важнейших направлений двустороннего сотрудничества» [4, с. 3]. В феврале 2005 г. Москва поддержала инициативу Саудовской Аравии о создании под эгидой ООН международного центра по борьбе с терроризмом. В 2011 г. эта инициатива была реализована. Был создан Контртеррористический центр ООН, в деятельности которого участвовала как Россия, так и государства ССАГЗ. Подтверждение общих позиций по борьбе с терроризмом нашло отражение в коммюнике заседания стратегического диалога Россия – ССАЗ, состоявшегося в Москве в мае 2016 г. В нём было подтверждено намерение двух сторон продолжать коллективную борьбу с терроризмом, реализуя Глобальную контртеррористическую стратегию ООН. Участники этой встречи также поддержали предложение российского президента В.В. Путина о формировании широкого антитеррористического фронта на основе Устава ООН, действующего в тесной координации с региональными державами. Они высказали своё одобрение идее Саудовской Аравии о создании «исламской антитеррористической коалиции», а также поддержали необходимость координации действий между Россией и международной антитеррористической коалицией, куда входят и государства ССАГЗ.

Россия выступала в качестве одного из международных посредников, которые вели переговоры с Ираном относительно её ядерной программы. Государства ССАГЗ, со своей стороны, были крайне заинтересованы в том, чтобы Иран не стал ядерной державой, что не только упрочило бы его гегемонистские устремления в регионе Ближнего Востока, но и представляло бы реальную угрозу для их национальной безопасности. Россия и ССАГЗ совместно выступали за превращение региона Залива в безъядерную зону. В этом их интересы совпадали. В то же время государства ССАГЗ не поддерживали инициативу России о подключении Ирана к обеспечению региональной безопасности. Иран обвинялся ими во вмешательстве во внутренние дела государств Ближнего Востока – Сирии, Ирака, Бахрейна, Йемена и Ливана, Государства ССАГЗ считают, что эта инициатива обретёт основу, если Тегеран будет проводить курс «добрососедства и невмешательства»⁷.

⁷ Совместная пресс-конференция Его Превосходительства министра иностранных дел и министра иностранных дел Германии, 03.10.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/PressConferences/Pages/ArticleID201510201248114411.aspx> (дата обращения: 02.06.2017).

Активизация роли России на Ближнем Востоке произошла на фоне осложнения отношений между государствами ССАГЗ и США. Начавшаяся в 2014 г. «сланцевая революция» в США отразилась на резком снижении американской зависимости от поставок нефти из региона Персидского залива. Экспорт нефти из Саудовской Аравии – главного поставщика углеводородов на американский рынок с апреля по декабрь 2014 г. упал более чем на 50%. Он продолжил снижение в первой половине 2015г. Увеличение поставок сланцевой нефти из США привело к падению цен на нефть на мировом рынке нефти, что негативным образом отразилось на экономике государств ССАГЗ.

Проводимая США региональная политика также вызывала недовольство государств ССАГЗ. Они считали, что американская администрация не проявляет должной решительности в урегулировании ситуации в Ливии, Сирии, Ираке и Йемене. Совет сотрудничества осознавал, что США не будут столь же активно, как ранее участвовать в делах региона, что связано с наметившимся урегулированием их отношений с Ираном, снижением заинтересованности в поставках нефти из региона Залива и ухудшением ситуации на глобальном уровне [8; 14].

После подписания соглашения по ядерной программе с Ираном, ССАГЗ пытались убедить США не спешить со снятием санкций с Ирана, считая, что это даст Тегерану дополнительные финансовые возможности для усиления деструктивной деятельности в регионе. Государства объединения усиливали давление на американскую администрацию, требуя гарантий участия Вашингтона в обеспечении безопасности региона Залива.

Экономическое сотрудничество между государствами ССАГЗ и Россией не достигло высокого уровня, однако, оно имеет тенденцию к расширению и может стать основой для расширения контактов в политической сфере. Сближению между Россией и государствами ССАГЗ может содействовать бизнес-форум «Россия – страны ССАГЗ», а также бизнес-форум «Россия – мусульманский мир». Экономические связи между Россией и Саудовской Аравией, несмотря на сложности в политической сфере, продолжались. В Саудовской Аравии был организован целый ряд мероприятий – выставки, визиты делегаций представителей российского бизнес сообщества. Саудовские предприниматели проявляли интерес к расширению экономического сотрудничества с Россией, подчёркивая необходимость преодоления последствий разногласий и «плодотворного экономического сотрудничества» [9].

Экономические отношения России и ОАЭ по сравнению с другими арабскими государствами Залива достигли достаточно высокого уровня благодаря тому, что, из-за благоприятных условий для предпринимательской деятельности, в этой стране с каждым годом росло число мелких и средних российских компаний, занимавшихся торговлей, туризмом, перевозками грузов и другими видами деятельности. В 2014 г. в ОАЭ было зарегистрировано более 300 российско-эмиратских компаний подобного рода. В свободных зонах ОАЭ было зарегистрировано около 100 российских фирм иного профиля, среди них

филиал фирмы Касперского и ряд других фирм, также вовлечённых в операции с высокотехнологичной продукцией [2, с.138-139]. Отношения между двумя странами развивались не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов обоих федеративных государств. Среди российских регионов это был Татарстан, правительства Москвы и Челябинской области.

Государства ССАГЗ были заинтересованы и в расширении военно-технического сотрудничества с Москвой. Военно-техническое сотрудничество между Россией Кувейтом и ОАЭ развивалось успешно на протяжении длительного периода. Затем к числу партнёров России в этой сфере присоединились Бахрейн и Саудовская Аравия.

Энергетический кризис заставил обе стороны защищать свои позиции на рынке нефти. Это обстоятельство усиливало взаимную заинтересованность в проведении консультаций и согласованию мер по стабилизации ситуации на рынке энергоресурсов [11]. Кроме того, Россия и некоторые государства ССАГЗ, прежде всего, Катар активно сотрудничали в рамках Форума стран-экспортёров газа (ФСЭГ), созданного в 2008 г. и регулярно проводящего свои саммиты.

Проведённый выше анализ доказывает, что ССАГЗ стало уделять большее внимание России в своей внешнеполитической деятельности. Усиление российской позиции в регионе Ближнего Востока, её независимый курс, направленный на поддержание статус-кво в регионе и борьбу с террористической угрозой, несмотря на различия в оценке ситуации в Сирии, привели к интенсификации контактов между государствами этой региональной организации и Российской Федерации. Общая хаотизация обстановки в регионе, появление новых и непредсказуемых негосударственных акторов усиливает эту тенденцию [5]. Заинтересованность сторон в развитии взаимного сотрудничества в торгово-экономической и военно-технической сферах, а также координации политики на рынке энергетических ресурсов создают основу для расширения политических контактов в будущем.

Россия проявляет стремление к тому, чтобы усилить своё присутствие на Ближнем Востоке. Её политика обусловлена стратегическими целями, направленными на укрепление положения страны на международной арене в качестве одной из великих держав. На фоне декларируемого США намерения снизить свою роль в этом регионе, заинтересованность государств Ближнего Востока, в том числе государств, объединённых членством в ССАГЗ, к развитию отношений с Россией, будет объективно возрастать. Среди внешнеполитических приоритетов этих государств США традиционно лидировали, однако, их интересы в последние годы стали расходиться, что в будущем может привести к тому, что, при сохранении союзнических отношений с США, они станут расширять свои связи с другими ведущими мировыми державами, прежде всего, с Россией. Взаимодействие между ССАГЗ и Россией по поиску выхода из тупиковых ситуаций, возникших на Ближнем Востоке, было не полностью успешным. Тем не менее, государства ССАГЗ осознают, что Россия как постоянный член

Совета Безопасности ООН и страна, подтвердившая своими активными действиями, направленными на борьбу с террористическими группировками в Сирии и поддержку правящего режима в этой стране, как гаранта её единства и поступательного развития в будущем, будет одним из главных игроков в регионе Ближнего Востока, поэтому придание отношениям с ней характера стратегического партнёрства для них жизненно необходимо. Таким образом, речь идёт не только о «жёсткой» силе России, но и о «мягкой силе», ресурсе привлекательности страны, который образуется как результат активной внешней политики и продвижения определенных принципов международного взаимодействия [3; 9].

Место России во внешнеполитических приоритетах ССАГЗ стало возрастать после событий «арабской весны», последствием которой стало обострение ситуации на Ближнем Востоке. Активизация роли России в регионе, её возросшая заинтересованность в разрешении конфликтных региональных ситуаций послужили стимулами для ССАГЗ, принимающей участие в большинстве региональных конфликтов, для интенсификации связей с Россией. Политические контакты между сторонами были направлены на поиск взаимоприемлемых путей для стабилизации региональной ситуации. Несмотря на серьезные разногласия, они продолжали осуществлять консультации и проводить встречи между представителями политического истеблишмента обеих сторон.

В отличие от советского периода, когда государства-члены ССАГЗ в своей внешнеполитической деятельности полностью ориентировались на западный блок, что блокировало возможности их контактов с СССР, Российская Федерация с первых лет после своего создания приступила к налаживанию связей с этой группой государств, которые, со своей стороны, также проявили заинтересованность в расширении взаимных контактов. Их отношения характеризовались как периодами успешного продвижения вперед, так и кризисами, вызванными столкновением их национальных интересов. Несмотря на некоторые достигнутые успехи, в целом отношения двух сторон оставались на низком уровне.

Новый этап во взаимоотношении сторон возник в период начала массовых протестных выступлений в арабских странах, затронувших в некоторой степени и государства-члены ССАГЗ. Регион Ближнего Востока стал стремительно меняться, и состояние региональной безопасности вызывало всеобщую тревогу. Государства ССАГЗ стали искать пути для расширения числа своих внешнеполитических союзников. Их стремление упрочить отношения с Россией определялось воздействием ряда факторов: ростом политического и военного потенциала России, её активным участием в решении региональных проблем, упрочением отношений между ней с Ираном – стратегическим противником ССАГЗ в регионе, начавшимся охлаждением отношений между ССАГЗ и США. Важным стимулом для интенсификации контактов между Россией и ССАГЗ стал фактор возрастания терроризма и совпадение интересов двух сторон в противодействии ему. Кроме того, заинтересованность государств Совета со-

трудничества в расширении экономического и военно-политического сотрудничества с Россией создаёт дополнительную основу для развития их отношений в политической сфере.

Список литературы

1. Антюхова Е.А. Политические конфликты «арабской весны»: общее и особенное // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4 (36). С. 260-271.
2. Исаев В.А., Филоник А.О. К вопросу об экономических связях России и Арабского Востока // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. №1. С. 128-142.
3. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. «Мягкая сила» во внешнеполитической стратегии России: от теории к практике // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 107-112.
4. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Возможности для стратегических отношений России и Саудовской Аравии // Аналитическая записка РСМД. №6, август 2016 г. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-SaudiArabia-policy-brief-6-ru.pdf> (дата обращения: 02.06.2017)
5. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 22-36.
6. Малышева Д.Б. Монархии Персидского залива и «арабская весна» // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 41-53.
7. Мустакбаль ан-низам аль-арабий баада аз-мат Аль-Халидж (Будущее арабской региональной системы после кризиса в Заливе). Эль-Кувейт, 1996. (на арабском языке).
8. Русаков Е.М. Новая роль России и будущее её отношений со странами Залива и КСА: стратегический аспект // Азия и Африка сегодня. 2014. № 7 (684). С. 15-19.
9. Слободян Н.В. Политика «мягкой силы» России в странах Персидского залива в начале XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 3. С. 5-12.
10. Трухин А.С. Политико-дипломатическая деятельность России по обеспечению системы безопасности в зоне Персидского залива // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 2 (56). С. 137-140.
11. Шкваря Л.В. Россия и страны Залива: инвестиционное сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 2011. № 5. С. 18-23.
12. Charap S. Is Russia an Outside Power in the Gulf? // Global Politics and Strategy. 2015. Vol. 57. No. 1. Pp. 153-170. DOI: 10.1080/00396338.2015.1008309
13. Dannreuther R. Russia and the Arab Spring: Supporting the Counter-Revolution // Journal of European Integration. 2015. Vol. 37. No. 1. Pp. 77-94. DOI: 10.1080/07036337.2014.975990
14. Shumilin A., Shumilina I. Russia as a Gravity Pole of the GCC's New Foreign Policy Pragmatism // The International Spectator. 2017. Vol. 52. No. 2. Pp. 115-129. DOI: 10.1080/03932729.2017.1311563

Об авторах:

Елена Суменовна Мелкумян – д.полит.н., профессор кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация. 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: g.kosah@mail.ru.

Григорий Григорьевич Косач – д.и.н., профессор кафедры современного Востока Факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Российская Федерация, 125993, ЦФО, г. Москва, Миусская площадь, д.6. E-mail: g.kosach@mail.ru.

Татьяна Всеволодовна Носенко – к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: nosenkotat@gmail.com.

RUSSIA IN THE FOREIGN POLICY PRIORITIES OF THE COUNCIL OF COOPERATION OF THE ARABIAN GULF STATES AFTER EVENTS OF THE «ARAB SPRING»

E.C. Melkumyan, G.G. Kosach, T.B. Nosenko
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-139-153

Institute of Oriental Studies, RAS
Russian State University for the Humanities

The proposed article focuses on the change in the approach of the regional organization of the Gulf Cooperation Council (GCC) to Russia's role in the Middle East region and the efforts of its members to establish fruitful cooperation with it. A new approach followed the events of the "Arab Spring", among which the outcome was a complication of the regional situation and the emergence of a series of crises that forced the members of the GCC to expand the number of allies among the world's leading powers. Russia's active participation in resolving crisis situations in the Middle East, primarily in Syria, influenced the change in the GCC policy towards Russia, which realized its increased interest in establishing strong ties with the countries of this region.

The article compares the relations that existed between Russia and the GCC states in the Soviet period and the initial period of the Russian Federation's existence, and those relations that began to develop after 2011 amid growing instability in the Middle East region. A new stage in bilateral relations was caused by the coincidence of their interests in the fight against the increased terrorist threat. The parties were also interested in conducting political consultations to resolve regional crisis situations.

The coincidence of points of view between Russia and the GCC on the Middle East settlement has always been a reliable basis for building mutual understanding between the parties. At the same time, the contradictions that arose between them on the issue of ways out of the Syrian crisis led to a cooling in their relations.

The authors conclude that the place of Russia in the foreign policy priorities of the GCC is going to grow. The mutual interest of the parties in political interaction is reinforced by the need to coordinate policy in the energy market, the largest suppliers of which are both Russia and the GCC states. In addition, both sides are striving to expand economic and military-technical cooperation, which will create a favorable situation for establishing relations in the political sphere.

Key words: Russia, the CIS, the Middle East, the Syrian crisis, terrorism, the Middle East conflict, Middle East settlement, strategic dialogue.

References

1. Antiukhova E.A. Politicheskie konflikty «Arabskoi vesny»: obshchee i osobennoe [Political conflicts of the Arab spring: common and particular]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4 (36), pp. 260-271. (In Russian)
2. Isaev V.A., Filonik A.O. K voprosu ob ekonomicheskikh svyaziakh Rossii i Ar-

- abskogo Vostoka [On the issue of economic ties of Russia and the Arab world]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* [Orient. African-Asian societies: history and current state], 2016, no. 1, pp. 128-142. (In Russian)
3. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. «Miagkaia sila» vo vneshnepoliticheskoi strategii Rossii: ot teorii k praktike [Soft power in the Russian foreign policy strategy: from theory to practice]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2015, no. 2 (35), pp. 107-112. (In Russian)
 4. Kosach G.G., Melkumian E.S. Vozmozhnosti dlia strategicheskikh otnoshenii Rossii i Saudovskoi Aravii [Opportunities for strategic relations of Russia and the Saudi Arabia]. *Russian Council on international affairs. Brief no. 6*, August 2016. Available at: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-SaudiArabia-policy-brief-6-ru.pdf> (Accessed: 02.06.2017) (In Russian)
 5. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinov'eva E.S., Koposova E.N. Arkhaizatsiia gosudarstva: rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologii [The archaization of a state: the role of modern informational technologies]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2016, no. 6, pp. 22-36. (In Russian)
 6. Malysheva D.B. Monarkhii Persidskogo Zaliva i «Arabskaia vesna» [The monarchies of the Gulf and the Arab spring]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2012, no. 8, pp. 41-53. (In Russian)
 7. *Mustakbal' an-nizam al'-arabii baada azmat Al'-Khalidzh* [The future of Arab regional system after the Gulf crisis]. Al'-Kuweit, 1996. (In Arabic).
 8. Rusakov E.M. Novaia rol' Rossii i budushchee ee otnoshenii so stranami Zaliva i KSA: strategicheskii aspekt [The new role of Russia and the future of its relations with the Gulf states: strategic aspect]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2014, no. 7 (684), pp. 15-19. (In Russian)
 9. Slobodian N.V. Politika «miagkoi sily» Rossii v stranakh Persidskogo Zaliva v nachale XXI veka [Russian soft power policy in the Gulf states at the beginning of XXI century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Mezhdunarodnye otnosheniia - PFUR Review. International relations*, 2013, no. 3, pp. 5-12. (In Russian)
 10. Trukhin A.S. Politiko-diplomaticheskaia deiatel'nost' Rossii po obespecheniiu sistemy bezopasnosti v zone Persidskogo zaliva [Russian political and diplomatic activities on maintaining security system in the Gulf]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, 2013, no. 2 (56), pp. 137-140. (In Russian)
 11. Shkvaria L.V. Rossiia i strany Zaliva: investitsionnoe sotrudnichestvo [Russia and the Gulf states: investment cooperation]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2011, no. 5, pp. 18-23. (In Russian)
 12. Charap S. Is Russia an Outside Power in the Gulf? *Global Politics and Strategy*, 2015, vol. 57, no. 1, pp. 153-170. DOI: 10.1080/00396338.2015.1008309
 13. Dannreuther R. Russia and the Arab Spring: Supporting the Counter-Revolution. *Journal of European Integration*, 2015, vol. 37, no. 1, pp. 77-94. DOI: 10.1080/07036337.2014.975990
 14. Shumilin A., Shumilina I. Russia as a Gravity Pole of the GCC's New Foreign Policy Pragmatism. *The International Spectator*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 115-129. DOI: 10.1080/03932729.2017.1311563

About the authors:

Elena S. Melkumyan – Doctor of Political Sciences, Professor of the Chair of the Modern East of the Russian State Humanitarian University, and a leading researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: g.kosach@mail.ru.

Grigory G. Kosach – Doctor of Historical Sciences, a professor of the department of contemporary history at the Faculty of History, Political Science and Law at the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: g.kosach@mail.ru.

Tatyana V. Nosenko – PhD in Historical Sciences, leading researcher of the Israel and Jewish Communities department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12.
E-mail: nosenkotat@gmail.com.

СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА РОССИИ НА ИННОВАЦИОННЫЕ РЫНКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Д.А. Марьясис

Институт востоковедения РАН

Данная статья является попыткой сформулировать нестандартный многофакторный подход к проблеме закрепления присутствия России в странах Ближнего Востока. Автор исследует возможности создания в арабских странах системы образовательных курсов, связанных с инновационной деятельностью. Эти курсы позволят сформировать у молодых людей региона отношение к нашей стране как к одному из лидеров экономики высоких технологий, укрепить их лояльность к представителям отечественного бизнеса. В дальнейшем сформированная в результате образовательных усилий экосистема инноваций позволит российским деловым кругам принять участие в коммерциализации новых технологий, создаваемых инноваторами региона.

Инновационное присутствие России в регионе Ближнего Востока может воплощаться в форме создания совместных предприятий, аутсорсинга ряда производств и предоставления технологических услуг, проведения совместных прикладных научных исследований. Такие усилия позволят изменить сложившееся международное разделение труда, что приведёт к созданию более благоприятных условий для развития экономики Российской Федерации и её перехода к экономике инноваций.

Также в работе исследована возможность кооперации России и Израиля для организации площадки эффективного взаимодействия между представителями инновационных сообществ мусульманских стран Ближнего Востока и участниками рынка высоких технологий еврейского государства.

В статье показано, что реализация такой стратегии позволит нашей стране стать если не ключевым игроком в процессе экономической и социально-политической трансформации региона, то, по крайней мере, значимым. Продвижение инновационного бизнеса в регионе должно быть частью более широкой стратегии продвижения позитивного образа России, формирования экономических оснований для уже существующих политических и военно-политических связей со странами Ближнего Востока.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, инновации, образование, коммерциализация технологий, Израиль, сотрудничество, ресурсы, синергия, долгосрочная стратегия.

УДК 327, 339.9 JEL O3

Поступила в редакцию 21.06.2017 г.

Принята к публикации 28.07.2017 г.

В XXI в. в России практически с одинаковой интенсивностью идут два процесса, казалось бы, абсолютно друг с другом не сочетающихся, – формирование национальной экономики инноваций и активное возвращение в мировую политику, в частности в такой стратегически важный регион как Ближний Восток. Между тем, у обоих процессов есть такие аспекты, которые позволяют говорить о синергетическом эффекте от их объединения на определённом этапе и в определённом направлении.

Таким аспектом первого процесса является необходимость выхода субъектов национальной экономики инноваций непосредственно за национальные границы. Многочисленные исследования показали, что глобализация знаний – это естественный процесс. С целью обеспечения для себя устойчивого долгосрочного развития Россия должна не только активно использовать знания и опыт других стран и регионов мира, но и сама их вовне продуцировать. Существенно, чтобы Россия не просто «выдавала на-гора» результаты своей инновационной деятельности, а они были востребованы другими участниками рынка. Добиться таких результатов непросто – нужно провести целый комплекс различных мероприятий, в том числе и рекламно-информационного характера. Формирование соответствующего имиджа в современном мире необходимо, как бы ни пытались участники инновационной деятельности от этого отстраниться.

Если говорить про второй из указанных процессов, то в данном случае речь идёт о необходимости обеспечить долгосрочное присутствие нашей страны в важных для неё регионах. Наиболее яркими, видимыми факторами, подтверждающими присутствие нашей страны в том или ином регионе мира, являются показатели политической и военной активности. Однако для закрепления своих позиций на долгий срок необходимо ещё обеспечить эффективное торгово-экономическое взаимодействие и сформировать систему своего социо-культурного влияния [3]. Всё это также требует проведения целого комплекса мероприятий как формальных – например, подписания юридических документов, закрепляющих интересы нашей страны в той или иной сфере, так и менее формальных – например, формирование культурных и образовательных паттернов, повышающих заинтересованность местного населения во взаимодействии с нашей страной.

В качестве основного предположения выдвигается тезис о том, что в современном мире инновации играют всё более значительную роль в развитии национальных экономик, а значит, именно экспансия в этой сфере должна стать основой программы закрепления позиций России на Ближнем Востоке.

В статье исследуются две потенциальные возможности реализации предлагаемой стратегии: образовательные услуги и содействие в трансфере технологий в мусульманских странах региона; а также формирование эффективной платформы сотрудничества в области инноваций между мусульманскими странами региона и Израилем.

Российская образовательная сеть на Ближнем Востоке

Принято считать, что в экономическом развитии страны мусульманского Востока значительно отстают от большинства развитых и даже некоторых развивающихся стран мира. Во многом это так и есть. Однако в последнее время в этом огромном регионе происходят большие изменения, отражением которых послужили народные восстания, произошедшие в ряде арабских стран Ближнего Востока. События «арабской весны» имели множество причин – как внутренних, так и внешних. Не последнюю роль в их успешности сыграли новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), позволившие не только молниеносно обмениваться информацией, но и координировать действия разрозненных групп людей на больших расстояниях.

Произошедшее привлекло внимание экспертов в разных областях со всего мира. Политологи исследовали политическую составляющую этих процессов и строили прогнозы будущего развития. Социологи пытались разобраться в отношении разных групп населения к этому, а также в роли новых технологий в этих процессах. Экономисты разбирали экономические аспекты. И именно экономисты были достаточно скептически, так как реальных изменений в экономических укладах этих стран не произошло.

Однако, как достаточно убедительно показал американский предприниматель и инвестор Кристофер Шрёдер [8], на Ближнем Востоке уже на самом деле возник новый класс предпринимателей, стремящихся к инновационному развитию. При этом до сих пор они смотрятся несколько неестественно на фоне во многом устаревших, требующих серьёзных реформ политических, социальных, экономических систем региона. Однако инноваторы, особенно организованные в соответствующие сообщества, в развивающихся странах могут оказывать давление и на элитные и государственные структуры снизу, подталкивая их к внедрению в своих странах концепций, основанных на инновационном развитии, то есть стимулируя проведение столь необходимых реформ. Не удивительно, что среди активных участников событий «арабской весны» было достаточно много представителей этой группы.

Вместе с тем при анализе личных историй активных участников рынка новых технологий стран мусульманского Востока выявляется одна важная закономерность. Практически везде оказывается, что либо он какое-то время жил и учился на Западе, либо проходил обучение в одном из институтов или университетов, открытых на Ближнем Востоке этими странами, например, American University of Beirut (AUB). Это означает, что на самом деле реальной инфраструктуры для долгосрочного инновационного развития в мусульманских странах региона нет. Ведь именно наличие качественной современной системы образования является залогом этого. Если ростки, заложенные вузами за рубежом и иностранными вузами на месте, не будут пересажены на местную почву, то, вполне вероятно, второй волны технологического предпринимательства в регионе не произойдёт.

И вот здесь возникает интересная ниша, которую в состоянии занять Россия. Нужно совместно с нашими партнёрами из региона создать в уже существующих университетах новые направления, например, «инновационный менеджмент» и др. в таком роде, а также принять участие в создании локальных бизнес-школ. Но это должны быть именно местные структуры, воспринимающиеся таковыми обществом. Безусловно, надо брать в расчёт, что и сама Россия сегодня находится лишь на начальном этапе пути формирования своей современной инновационной системы. Но в данном случае не идёт речи о том, чтобы только российские эксперты работали в таких программах и институтах. Инновации – это глобальный процесс. К работе в таких структурах могут и должны привлекаться квалифицированные специалисты из разных стран мира, включая и уже состоявшихся инноваторов Ближнего Востока.

Что такие программы могут дать региону – очевидно. В чём же в данном случае может состоять интерес России? Через такие программы Россия имеет возможность получить доступ к новому поколению инновационного сообщества Ближнего Востока, а значит, российские бизнесмены смогут получить лучшее представление о том, что там происходит, о потенциале этого региона. В результате вероятность появления совместных успешных проектов сильно возрастёт. К тому же для ряда отечественных компаний Ближний Восток может оказаться хорошим регионом для аутсорсинга. С учётом текущей структуры рынка технологий и инноваций, постепенная трансформация международного разделения труда – явно находится в интересах России [4; 5].

Ещё одним интересным аспектом кооперации между Россией и инновационным сообществом стран Ближнего Востока могут стать совместные НИОКР и последующая их коммерциализация с маркетингом как непосредственно в России, так и странах постсоветского пространства, а в перспективе и, например, в странах Латинской Америки. На первый взгляд такой подход может показаться несколько абсурдным, так как силы изначально неравны. Это так. Но ведь вышел же на мировой рынок египетский стартап Weather HD (теперь работает под маркой Clear Day), став одним из самых популярных приложений для смартфонов, предоставляющим прогноз погоды¹. А созданная в Ливане компания Butterfleye ввиду первых успехов и необходимости поддержать свои достижения в долгосрочном периоде обзавелась командами разработчиков во Франции, Великобритании и Нидерландах². Россия же свой потенциал долгосрочных взаимоотношений со странами Ближнего Востока в этом аспекте никак не использует. А между тем представители нашей страны в таких объединениях могли бы быть, что называется, старшими партнёрами.

Такое сотрудничество, помимо сугубо экономического эффекта, имеет ещё и определённое политическое значение. Представляется, что через развитие ин-

¹ Официальный сайт компании Vimov. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vimov.com/vimov2.0/> (дата обращения: 01.06.2017).

² Официальный сайт компании Butterfleye. [Электронный ресурс] URL: <http://www.getbutterfleye.com/> (дата обращения: 01.06.2017).

новационного сотрудничества со странами региона Россия может увеличить своё влияние в нём. Предлагаемый подход позволит позиционировать нашу страну не как эксплуататора ближневосточных ресурсов, не как державу, стремящуюся модернизировать в своих корыстных целях «отсталую» страну, а как друга и партнёра, поддерживающего усилия местных элит по развитию своих национальных хозяйств.

Наиболее перспективными странами для формирования такой системы могут стать Иордания, Египет, ПНА, в определённой степени Ливан. Важно не упустить момент. Уже через несколько лет может оказаться поздно.

Формирование платформы инновационного сотрудничества на Ближнем Востоке

Прежде чем перейти к обсуждению указанного вопроса, остановимся на теоретическом обосновании такой интересной формы деловой кооперации как так называемые «треугольники». В настоящее время её концептуальной и практической проработкой достаточно активно занимаются эксперты и руководство Российско-израильского делового совета (РИДС). Имеется в виду привлечение к двустороннему сотрудничеству третьей страны. Это позволяет решить ряд проблем, в частности проблему финансирования. Например, если россияне хотят привлечь иностранные инвестиции, а израильтяне не работают за свои деньги, то возникает замкнутый круг. Если же к сотрудничеству подключить, скажем, США в качестве партнёра с инвестиционными возможностями, то возникает устраивающая всех комбинация. Россияне получают иностранные инвестиции и израильские технологии, израильтяне получают возможность выйти на российский рынок, а американцы – эффективный инновационный инвестиционный проект на одном из самых крупных и перспективных мировых рынков. Таких «треугольников» может быть создано несколько. Потенциальными партнёрами для создания такой системы помимо США могут стать Китай, Индия, страны ЕС. Этот выбор обусловлен тем, что и Россия, и Израиль заинтересованы в развитии деловых контактов с ними на разных уровнях, и подключение этих стран к диалогу между Россией и Израилем способно дать максимальный синергетический эффект. Расширение предлагаемой конфигурации сотрудничества за счёт включения большого числа стран представляется нежелательным, так как приведёт к понижению эффективности взаимодействия.

В рамках развития российско-израильского сотрудничества в области инноваций возможно формирование, как представляется, уникального направления, которое вписывается в концепцию «треугольников», – это создание трёхсторонних команд НИОКР и коммерциализации технологий с участием представителей ПНА или Иордании, или Египта. Здесь надо сделать некоторые пояснения.

Как отмечено выше, сегодня Ближний Восток проходит самый сложный и очень болезненный процесс трансформации, который затрагивает все уровни и

сегменты общественного уклада. Формирование экосистемы инноваций, пусть и в самом зачаточном состоянии, является интегральной частью этой трансформации. В частности, власти ряда арабских государств достаточно активно инвестируют в модернизацию информационных технологий и инфраструктуры в рамках стратегии по развитию своих экономик [1, с.191]. Наибольшую активность в этой связи проявляют такие страны, как Иордания, ОАЭ, Катар. Аналитики прогнозируют стабильный рост количества пользователей интернета в арабском мире. Начались либерализационные процессы и в телекоммуникационной сфере, в частности приватизация провайдеров услуг сотовой связи [1, с. 191–192].

Интересно, что как раз инноваторы Иордании, Египта и ПНА выделяются своей большой активностью в процессе формирования инновационного уклада жизни на Ближнем Востоке. При этом инновационная экосистема в упомянутых странах развивается абсолютно отдельно от экосистемы Израиля. Это выглядит парадоксально, но, имея прямую границу с одной из самых развитых инновационных экономик мира, инновационные сообщества ПНА, Иордании и Египта не имеют прямых контактов с ней, не пользуются её достижениями, инфраструктурой, научно-техническим потенциалом. Это можно было бы списать на классический провал рынка, если бы не набивший оскомину всему миру один из самых затяжных конфликтов последнего столетия – палестино-израильский. Политическая ситуация настолько напряжена, что вести речь об открытом прямом сотрудничестве даже в такой аполитичной сфере, как высокие технологии и, шире, инновации в настоящее время невозможно. Причём это касается не только непосредственно ПНА, но и стран, с которыми у Израиля есть мирный договор – Египта и Иордании.

Между тем, даже не проводя глубокого анализа, потенциальный синергетический эффект от такого сотрудничества очевиден. Арабские страны не только получают доступ к развитой инновационной экономике, но и новые рабочие места ввиду организации производства на их территории, а также интенсифицируют развитие своей экономики в целом. Израиль же как минимум получает возможность аутсорсинга и удешевления производства, не говоря уже о потенциале выхода со своей продукцией на рынки Ближнего Востока, маркируя её как произведённую в одной из указанных стран.

Израильские исследователи какое-то время назад задумались о возможности налаживания инновационного сотрудничества с ПНА. Результатом чего стало их предложение создать виртуальный палестино-израильский инкубатор [10]. Виртуальность появилась из-за того, что в результате исследования его авторы пришли к выводу, что общество с обеих сторон не готово к прямому физическому контакту (данный вывод подтверждается собственными беседами автора с учёными из ПНА).

Здесь следует сказать несколько слов о попытках замены реального пространства виртуальным, в частности о теории виртуальных кластеров. Воз-

возможность их формирования стала всё чаще обсуждаться по мере развития ИКТ [2; 6; 7]. Речь идёт о возникновении таких виртуальных пространств, которые по своим функциям сходны с географическими кластерами, но всё взаимодействие происходит онлайн, а участники кластера не обязательно находятся в непосредственной близости друг к другу. Это интересная и по многим параметрам перспективная концепция – она, в частности, позволяет компаниям из малых стран с низким уровнем внутренней конкуренции, находящимся далеко друг от друга, объединяться в такие структуры в виртуальном пространстве для успешной конкуренции на мировом рынке. Однако пока всё же по-настоящему успешных виртуальных кластеров нет. Есть их подобию – профессиональные социальные сети и порталы, но они лишь частично выполняют роль кластеров. Некоторые эксперты считают, что в полном смысле создать виртуальные кластеры будет невозможно, так как физическое пространство и живое общение невозможно полностью заменить виртуальными эквивалентами³. Другие же полагают, что для некоторых отраслей возникновение таких полноценных виртуальных кластеров возможно, а для некоторых – нет⁴. Представляется, что второй подход более оправдан, но и в этом случае до формирования полноценных виртуальных кластеров должно всё же ещё пройти определённое время.

Возвращаясь к идее виртуального палестино-израильского инкубатора, отметим, что, по имеющимся у автора данным, к настоящему моменту эта концепция так и не реализована на практике. Представляется, что одной из причин может быть как раз виртуальность проекта. Здесь есть два объяснения. Во-первых, как показано выше, виртуальные кластеры (и соответственно инкубаторы) пока ещё развиты достаточно слабо, что не позволяет говорить об их эффективности в целом. А во-вторых, уровень общественного развития Ближнего Востока таков, что осуществить переход к сотрудничеству в виртуальном пространстве без фазы сотрудничества в пространстве физическом представляется крайне затруднительным (на самом деле этот тезис верен и для большинства стран Запада).

Где же здесь Россия? Россия как раз может оказаться той страной, которая станет реальной, а не виртуальной площадкой инновационного сотрудничества между Израилем и указанными странами арабского Востока. Наша страна может взять на себя роль связующего звена. Для этого существуют все предпосылки. Во-первых, у России есть устоявшиеся хорошие взаимоотношения как с Израилем, так и с арабскими странами региона. Это позволит нам создать действительно нейтральную площадку с дружелюбным отношением ко всем членам альянса, выступать арбитром в возникающих спорах, содействовать (особенно на первых порах) снятию напряжённости между израильскими и арабскими партнёрами. Во-вторых, у России имеется физическая инфраструктура

³ Cluster development: a pathway to economic recovery. [Электронный ресурс] URL: <http://e4oncompetitiveness.com/?p=80>, 11.03.2010 (дата обращения: 01.06.2017).

⁴ Steele C. Industry Clusters Evolving Role in Location Decisions. [Электронный ресурс] URL: <http://www.areadevelopment.com/siteSelection/jan2011/industry-clusters-evolve-location-decision93090.shtml?Page=1>, 01.2011 (дата обращения: 01.06.2017).

тура, доступ к которой у арабских инноваторов зачастую затруднён. Использование российской научно-технической базы позволяет арабским участникам альянса быть более эффективными. В-третьих, относительная географическая удалённость от Ближнего Востока позволяет России стать местом физических встреч представителей инновационных сообществ Израиля и арабских стран. В-четвёртых, имеющаяся в России производственная база позволит организовать в случае необходимости производство созданной в результате совместных проектов продукции. В-пятых, российская образовательная система может оказать соответствующую поддержку арабским инноваторам, дав им возможность восполнить нехватку знаний и навыков в случае, если у них нет такой возможности в своих странах или в других странах мира.

Для арабских и израильских участников «треугольника» выгода от такого сотрудничества очевидна. Существующий у двустороннего сотрудничества между ними потенциал увеличивается за счёт того, что Россия сама по себе представляет большой рынок сбыта, к тому же, используя ту же технологию брэндинга, существует возможность значительно расширить ареал сбыта результатов такого сотрудничества. Более того, за счёт организации реальной площадки взаимодействия коэффициент полезного действия может быть выше.

России же такая конфигурация позволит более активно задействовать имеющиеся в стране научно-технические ресурсы, так как в таком формате участие российских учёных и инноваторов будет принципиальным. Участие в международном проекте такого рода будет способствовать получению представителями российского научно-технического и делового сообщества необходимого опыта коммерциализации технологий, управления инновационными проектами в достаточно комфортной для них среде. Российские разработки смогут получить доступ к новым для себя рынкам. Не менее важным положительным фактором для России является её эффективное возвращение в регион в качестве активного игрока. Наша страна в результате сможет получить то влияние, которое невозможно приобрести только политическими декларациями и деятельностью сугубо в сфере большой политики.

Важным, безусловно, при реализации столь амбициозного проекта является вопрос финансирования. Думается, что основная тяжесть затрат ляжет на две стороны «треугольника» – российскую и израильскую. Однако потенциальные выгоды от его реализации могут с лихвой окупить вложенные средства. Конечно, в этой идее заложено много риска, кому-то она может показаться слишком смелой. Но ведь именно это и есть инновационный путь развития – эксперимент, риск, воплощение смелых идей. Это не означает, что надо кидаться, что называется, в омут с головой. Предложенная идея требует тщательного осмысления, составления серьёзного бизнес-плана, поиска путей минимизации риска, выявления возможных партнёров с арабской и израильской сторон (в этом отношении очень инструментальны недавно созданные структуры развития инноваций в арабском секторе экономики Израиля El Bawader и Takwin Labs,

которые могут быть и соинвесторами проекта). Вполне может оказаться, что такая нестандартная идея воплотится в реально действующий серьёзный проект, который, помимо прочего, послужит основой системного сотрудничества между Россией и Израилем в области инноваций.

Проведённое исследование показало, что у России существуют определённые ресурсы, которые при рациональном использовании позволят ей стать если не ключевым игроком в сфере социально-экономического развития региона Ближнего и Среднего Востока, то, по крайней мере, значимым. Для этого нашей стране необходимо задействовать и активно использовать логику процессов инновационного развития национальных экономик. На сегодняшний день наша страна, пожалуй, единственный внешний игрок, имеющий возможность эффективно использовать свои рабочие контакты как с мусульманскими странами региона, так и с Израилем. Это позволяет нам сконструировать такую конфигурацию, которая будет содействовать углублению интеграции и кооперации в этой части Земли на основе эффективного использования всех имеющихся ресурсов.

Помимо непосредственно гуманитарного эффекта, который сам по себе важен, такие действия России на Ближнем Востоке позволяет ей получить в будущем существенные политические и экономические дивиденды.

Список литературы

1. Блинов А.А. Интернет в арабском мире // Восточная аналитика. 2011. №2. С. 188-196.
2. Babkin A., Kudryavtseva T., Utkina S. Formation of industrial clusters using method of virtual enterprises // *Procedia Economics and Finance*. 2013. №5. Pp. 68-72.
3. Blank S. Russia's New Presence in the Middle East // *American Foreign Policy Interests*. 2015. Vol. 37. No. 2. Pp. 69-79.
4. Grigoryev L. Russia in the System of Global Economic Relations // *Strategic Analysis*. 2016. Vol. 40. No. 6. Pp. 498-512.
5. Joobani H.A., Mousavipour M. Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? // *Strategic Analysis*. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 141-155.
6. O'Callaghan R. Towards Dynamic Clustering: Capabilities and IT Enablers // *Digital Business Ecosystems*. Ed. by Nachira F., Nicolai A., Dini P., Le Louarn M., Leon L.R. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. Pp. 68-105. URL: <http://www.digital-ecosystems.org/book/Section2.pdf> (дата обращения: 01.06.2017)
7. Passiante G., Secundo G. From geographical innovation clusters towards virtual innovation clusters: the Innovation Virtual System. 42th European Regional Science Association (ERSA). URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/115731/1/ERSA2002_270.pdf (дата обращения: 01.02.2017).
8. Schroeder C.M. *Startup Rising: The Entrepreneurial Revolution Remaking the Middle East*. Palgrave Macmillan, New York, 2013. 256 p.
9. Schwartz D., Bar-El R., Malul M. A Joint Virtual Advanced Technology Incubator – A New Pattern of Israeli-Palestinian Economic Cooperation // *The Berkeley Electronic Press*. 2008. Vol. 14. No. 2. Pp. 1-19.

Об авторе:

Дмитрий Александрович Марьясис – к.э.н., старший научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: dmaryasis@yandex.ru.

RUSSIAN STRATEGY OF ENTERING THE INNOVATION MARKETS OF THE MIDDLE EAST

D.A. Maryasis

DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-154-164

Institute of Oriental Studies, RAS

This article is an attempt to formulate a non-standard multifactor approach to the problem of consolidating Russia's presence in the countries of the Middle East. It explores the possibility of creating in the Arab countries a system of educational courses related to innovation. These courses will make it possible for young people in the region to form an attitude towards our country as one of the leaders in the high-tech economy, to strengthen their loyalty to representatives of domestic business. In the future, the ecosystem of innovations can be formed as a result of educational efforts. That is going to allow Russian business circles to take part in the commercialization of new technologies created by innovators of the region.

Russia's innovative presence in the Middle East region can be embodied in the form of joint ventures, the outsourcing of a number of industries and the provision of technological services as well as joint applied scientific research. Such efforts will bring changes in the existing international division of labor by creating more favorable conditions for the development of the economy of the Russian Federation and its transition to the economy of innovation.

Moreover, the article draws attention to the possibility of cooperation between Russia and Israel for the organization of a platform for effective interaction between representatives of innovative communities of Muslim countries of the Middle East and participants of the high technology market of the Jewish state.

The article shows that the implementation of such a strategy will allow our country to become meaningful player in the process of economic and socio-political transformation of the region. The promotion of innovative business in the region should be part of a wider strategy for promoting a positive image of Russia, creating economic grounds for existing political and military-political ties with the countries of the Middle East.

Key words: Russia, Middle East, innovations, education, technology commercialization, Israel, cooperation, resources, synergy, long-term strategy.

References

1. Blinov A.A. Internet v arabskom mire [Internet in the Arab world]. *Vostochnaia analitika*, 2011, no. 2, pp. 188-196. (In Russian)
2. Babkin A., Kudryavtseva T., Utkina S. Formation of industrial clusters using method of virtual enterprises. *Procedia Economics and Finance*, 2013, no. 5, pp. 68-72.
3. Blank S. Russia's New Presence in the Middle East. *American Foreign Policy Interests*, 2015, vol. 37, no. 2, pp. 69-79.
4. Grigoryev L. Russia in the System of Global Economic Relations. *Strategic Analysis*, 2016, vol. 40, no. 6, pp. 498-512.
5. Joobani H.A., Mousavipour M. Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? *Strategic Analysis*, 2015, vol. 39, no. 2, pp. 141-155.
6. O'Callaghan R. Towards Dynamic Clustering: Capabilities and IT Enablers. *Digital Business Ecosystems*. Ed. by

- Nachira F., Nicolai A., Dini P., Le Louarn M., Leon L.R. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. pp. 68-105. Available at: <http://www.digital-ecosystems.org/book/Section2.pdf> (Accessed 01.06.2017)
7. Passiante G., Secundo G. From geographical innovation clusters towards virtual innovation clusters: the Innovation Virtual System. *42th European Regional Science Association (ERSA)*. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/115731/1/ERSA2002_270.pdf (Accessed: 01.02.2017).
 8. Schroeder C.M. *Startup Rising: The Entrepreneurial Revolution Remaking the Middle East*. Palgrave Macmillan, New York, 2013. 256 p.
 9. Schwartz D., Bar-El R., Malul M. A Joint Virtual Advanced Technology Incubator – A New Pattern of Israeli-Palestinian Economic Cooperation. *The Berkeley Electronic Press*, 2008, vol. 14, no. 2, pp. 1-19.

About the author:

Dmitry A. Maryasis – PhD in Economics, senior research fellow of Israeli and Jewish Communities Studies Department, Oriental Studies Institute, Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rozhdestvenka street, 12.
Email: dmaryasis@yandex.ru.

ПЕРИОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Д.Г. Бдоян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Российско-турецкие отношения на протяжении более чем пятивековой истории прошли большое количество испытаний. Однако, в конце XX в. – начале XXI в. эти отношения приняли особенно динамичный характер. Трансформация отношений происходила чаще и оказывала серьёзное влияние как на сами государства, так и на регион в целом.

В начале 2000-х гг., с избранием президента В.В. Путина в России и с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития, начался постепенный переход российско-турецких отношений от конкуренции к многоплановому партнёрству. Этому способствовали как необходимость сотрудничества в Евразии для разрешения конфликтов и борьбы с терроризмом, так и нарастающие интересы в торговле и в энергетике. Дальнейшее развитие отношений привело к готовности двух стран перейти от многопланового к стратегическому партнёрству. Начало этому процессу было заложено в 2009 г.

Однако вскоре на двусторонние отношения начинают негативно влиять разногласия относительно событий на Ближнем Востоке, связанных с началом «арабской весны». Ситуация вокруг Украины также имела своё отрицательное воздействие. Несмотря на это, экономические отношения и сотрудничество в сфере энергетики и торговли продолжали развиваться вплоть до трагических событий, связанных со сбитым российским бомбардировщиком Су-24 в ноябре 2015 г. С этого момента началась трансформация российско-турецких отношений в сторону их максимального ухудшения практически во всех сферах. Несмотря на это, с августа 2016 г. отношения стали постепенно налаживаться, что привело к восстановлению политического диалога, улучшению экономических отношений и к началу реализации энергетических проектов, замороженных ранее.

Статья посвящена изучению исторических и современных этапов трансформации российско-турецких отношений. Для понимания причин возникновения этих изменений и их влияния на дальнейшую динамику двусторонних отношений, был проведён исторический анализ. В связи с этим в качестве основных исследовательских методов были использованы: исторический метод – для раскрытия ретроспективы и современного развития российско-турецких отношений и сравнительный метод – для сопоставления характера и масштабов двустороннего взаимодействия на различных этапах.

В результате исследования удалось выявить, что в российско-турецких отношениях исторически отсутствует поступательное и стабильное развитие, что оказывает

УДК 327

Поступила в редакцию 11.05.2016 г.

Принята к публикации 01.08.2017 г.

своё влияние на динамику двусторонних отношений в настоящее время. При этом причины негативных трансформаций напрямую связаны с геополитической конкуренцией за влияние в том или в ином регионе, а положительные изменения в основном происходят из-за экономических интересов, особенно в сфере энергетики. Вместе с этим не наблюдается разделение экономических и политических интересов, часто серьёзные разногласия по региональным вопросам приводят к разрыву экономических связей и наоборот, углубление экономического сотрудничества оказывает своё положительное влияние на двусторонние отношения. Таким образом, учитывая глобальную нестабильность и сложную региональную ситуацию, а также экономические интересы, российско-турецкие отношения будут трансформироваться и в будущем.

Ключевые слова: Россия, Турция, трансформация, многоплановое партнёрство, стратегическое партнёрство, «Голубой поток», «Турецкий поток», АЭС «Аккую», Евразия, Сирия.

На протяжении всей своей истории российско-турецкие отношения носили достаточно сложный характер. Претерпевая значительные изменения, эти отношения менялись от войн к мирным соглашениям от конфронтации к сотрудничеству. Особенно динамичными эти изменения стали после распада биполярной системы и с началом геополитических контактов России и Турции на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке. Учитывая историческое прошлое двусторонних отношений, а также глобальную нестабильность и конфликтные ситуации в отдельных регионах, где присутствуют военно-политические и экономические интересы России и Турции, можно с уверенностью предположить, что двусторонние отношения продолжают трансформацию и в будущем, что требует постоянной исследовательской работы на этом направлении.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы изучить трансформацию российско-турецких отношений как на современном этапе, так и в историческом контексте, а также выявить причины этих изменений и возможности их повторения в будущем. Для достижения этой цели необходимо ответить на вопрос: с чем связано отсутствие поступательного и стабильного развития в российско-турецких отношениях, и какова вероятность новой трансформации этих отношений в будущем? В качестве основных исследовательских методов были использованы: исторический метод – для раскрытия ретроспективы и современного развития российско-турецких отношений и сравнительный метод – для сопоставления характера и масштабов двустороннего взаимодействия на различных этапах.

На сегодняшний день проблеме трансформации российско-турецких отношений посвящено множество научных трудов как российских, так и иностранных учёных и специалистов. В частности, в работе Н.Ю. Ульченко и П.В. Шлыкова – «Динамика российско-турецких отношений в условиях нарас-

тания глобальной нестабильности» [6] проводится анализ российско-турецких отношений в 2000-е гг. и отмечается налаживание двустороннего сотрудничества практически во всех сферах. М. Арафат и М. Алнуайми в работе «Российско-турецкие отношения в период правления ПСР (Партии справедливости и развития)» затрагивают также постсоветский период [7]. При этом улучшение российско-турецких отношений в 2000-е гг. напрямую связывают с политикой ПСР, что демонстрирует одностороннее видение ситуации. Статья А. Руффа «Новая динамика в отношениях между Россией и Турцией?» [9], в свою очередь, посвящена недавнему кризису в двусторонних отношениях и их постепенному восстановлению. Кроме этого А. Руфф в своей статье проводит поверхностный анализ истории двусторонних отношений, объясняя эти события исторически сложившейся конфликтностью российско-турецких отношений в целом. Таким образом, эти работы посвящены отдельным периодам российско-турецких отношений и в них практически отсутствует комплексное изучение периодов трансформации и не даётся четкого объяснения причин их возникновения. Помимо этого не до конца изучено влияние этих трансформаций на дальнейшую динамику двусторонних отношений.

Динамика советско-турецких отношений

Исторически российско-турецкие отношения носят достаточно сложный характер. Между царской Россией и Османской империей произошло большое количество войн. Они, в основном, происходили из-за территорий в Крыму на Балканах, Кавказе, а также из-за желания иметь политическое влияние в Европе и контролировать стратегически важные проливы Босфор и Дарданеллы. Но, с другой стороны, это также история двустороннего сотрудничества, которое было обусловлено географическим положением, торговыми интересами, а также культурно-историческими особенностями России и Турции. Находясь на пространстве Евразии, эти два государства являются частью как Запада, так и Востока.

В начале XX в. отношения между двумя странами перешли на новый уровень, так как на их территории возникли два новых государства – Советская Россия и Турецкая Республика. Первым внешнеполитическим актом Великого национального собрания Турции (ВНСТ)¹ стало письмо Кемаля Ататюрка от 26 апреля 1920 г. с предложением к РСФСР установить дипломатические отношения. 3 июня 1920 г. было направлено ответное письмо Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина. В письме выражалась готовность Советского правительства к установлению дипломатических и консульских отношений между странами. РСФСР стала первым государством, которое официально признало Турецкую Республику после её провозглашения в 1923 г.

¹ Великое национальное собрание Турции – высший законодательный однопалатный орган Турецкой Республики (парламент). Был организован в Анкаре 23 апреля 1920 г.

В декабре 1925 г. был заключен Советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете. Согласно которому стороны должны были воздерживаться от агрессивных действий и не вступать в союзы с третьими странами друг против друга². Этот договор имел важное значение как для Турции, так и для СССР. Изначально он был заключён на пять лет, однако, впоследствии продлевался несколько раз.

Первые серьёзные советско-турецкие разногласия начали возникать во время обсуждения вопросов Черноморских проливов в Монтрё. Однако достаточно быстро эти разногласия удалось устранить. В результате Турция вернула контроль над Проливами [1]. В 1936 г. в Монтрё была подписана конвенция, регулирующая режим прохода Проливов. Эта конвенцию действует по сей день.

Поставка Турцией военного и стратегического сырья в Германию и пропуск немецких кораблей через Проливы в годы Великой Отечественной войны привели к резкому ухудшению двухсторонних отношений. В июле 1945 г. на Потсдамской конференции советская делегация подняла вопрос о Проливах, однако, пересмотреть конвенцию Монтрё не удалось. Советско-турецкие отношения продолжили ухудшаться после вступления Турции в НАТО в 1952 г., затем в Багдадский пакт в 1955 г. (с 1958 г. – Организация центрального договора (СЕНТО³), а также после заключения в 1959 г. соглашения с США о создании в Турции баз с ядерным оружием средней дальности. Пиком разногласий стало размещение в Турции американских ракет «Юпитер» с ядерными боеголовками, направленными в сторону СССР. Доставка на Кубу аналогичного оружия привело к Карибскому кризису.

Улучшение советско-турецких отношений началось с урегулированием Карибского кризиса и с выводом с территории Турции ядерного оружия в 1963 г. В дальнейшем двусторонние отношения развивались в позитивном русле. После ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. Турция не присоединилась к экономическим санкциям против СССР⁴. В марте 1991 г. Советский Союз посетил президент Турции Тургут Озал. По итогам визита Михаил Горбачёв и Т. Озал подписали «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой».

Российско-турецкие отношения в постбиполярный период

Российско-турецкие отношения на протяжении более чем пятивековой истории прошли большое количество испытаний. Однако, в конце XX в. эти отношения приняли особенно динамичный характер. Трансформация отношений

² Договоры о нейтралитете, ненападении и о согласительной «процедуре», НКВД. М. 1934. С. 100-105.

³ В СССР этот пакт воспринимался как антисоветский

⁴ В январе 1980 г., в ответ на ввод советских войск в Афганистан, президент США Джимми Картер объявил об ограничениях по продаже зерновых, высоких технологий и выдачу лицензий СССР. Дж. Картер также заявил о бойкоте летних олимпийских игр в Москве и призывал своих союзников по НАТО, а также другие государства поддержать это решение.

происходила чаще и оказывала серьёзное влияние как на сами государства, так и на регион в целом. Началом интенсивных изменений во взаимоотношениях России и Турции можно считать развал СССР. Геополитическая конкуренция на постсоветском пространстве, проблема терроризма и экономическое сотрудничество были основными направлениями взаимодействия.

С развалом Советского Союза для турецкой внешней политики открылись новые региональные возможности и трансформация российско-турецких отношений была практически неизбежна. В декабре 1991 г. Российская Федерация была признана правопреемницей СССР, а 25 мая 1992 г. был подписан Договор об основах отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. В девяностые годы российско-турецкие отношения были связаны, в основном, с региональным взаимодействием в Центрально-азиатском регионе и на Южном Кавказе. В начале 1990-х Турция старалась вести активную внешнюю политику в отношении новых независимых государств Южного Кавказа и Центральной Азии, особенно в отношении тюркоязычных стран. А. Чей – министр Турции по связям с тюркоязычными республиками СНГ, в связи с этим, отмечал, что так как Турецкая Республика является преемницей Османской империи, то ей необходимо создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном, несмотря на то, что это может привести к конфронтации с Россией [3, с. 86]. Такое положение дел приводило к геополитической конкуренции и напряжённости в российско-турецких отношениях, учитывая исторически обусловленное сильное военно-политическое и экономическое влияние России в новых независимых государствах и то, что во внешнеполитической концепции и в военной доктрине 1993 г. отмечалось, что на территории бывшего СССР существуют жизненно важные интересы для России.

Вместе с тем почти на всех двусторонних встречах на высшем уровне обсуждалась проблема терроризма. Это было связано с Чеченскими войнами, а также с борьбой Турции против Рабочей партии Курдистана (РПК). Чеченская война была главной темой обсуждения во время визитов в Россию 1996 и 1997 гг. министра иностранных дел Турции Тансу Чиллер. В декабре 1996 г. встреча министра иностранных дел Турции с премьер-министром России Виктором Черномырдиным и с министром иностранных дел Евгением Примаковым не обошлась без взаимных обвинений в поставках вооружения чеченским боевикам и грекам-киприотам⁵. Однако в 1997 г., по предложению Е.М. Примакова, несмотря на взаимные обвинения и несоответствие позиций по многим вопросам, было принято решение искать точки соприкосновения в тех вопросах, где интересы России и Турции совпадают. В основном это касалось экономики и энергетики.

⁵ Речь идёт о соглашениях между Россией и Кипром 1996-1997 гг. о поставках ЗРК С-300. Возможное размещение ракет С-300 на Кипре вызвало гневную реакцию в Турции. Хотя Россия не раз утверждала, что С-300 – это оборонные системы и не несут угрозы для Турции. Однако в результате давления на Кипр со стороны Турции, США и ЕС было решено разместить С-300 не на Кипре, а на греческом острове Крит. Таким образом была решена проблема, которая могла привести к ухудшению российско-турецких отношений.

Надежда на активизацию российско-турецких отношений появилась с визитом 14-17 декабря 1997 г. премьер-министра Черномырдина в Турцию. Как В.С. Черномырдин, так и премьер-министр Турции Месут Йылмаз выразил желание преодолеть недоверие между государствами. С этой целью они ещё раз подтвердили желание искать точки соприкосновения и повысить уровень доверия вместо взаимных подозрений и конкуренции. Также прозвучали заявления относительно взаимного уважения территориальной целостности и экономических интересов [8, с. 115].

Однако, несмотря на общее желание достичь улучшения отношений, каждая из сторон по-своему видела путь к этой цели. В.С. Черномырдин больше делал акцент на экономическом сотрудничестве. А.М. Йылмаз наоборот считал, что только после достижения определённого уровня политических отношений, взаимодействия в сфере экономики будут эффективными. Время показало, что В.С. Черномырдин был прав. Несмотря на политические разногласия, экономические отношения начали активно развиваться и оказывать своё положительное влияние на двусторонние отношения в целом [7, с. 107].

Российско-турецкие отношения получили новый импульс для развития в 1999 г. во время официального визита премьер-министра Турции Бюлента Эджевита в Москву. Договоры, подписанные во время этого визита, касались двух вопросов: борьбы с терроризмом и проекта по строительству газопровода «Голубой поток». Относительно борьбы с терроризмом стороны выразили свою готовность всесторонне развивать сотрудничество в этом вопросе. Цены на газ и налогообложение были центральными при обсуждении проекта «Голубой поток». Во время этой встречи М.Б. Эджевит не подписал протокол относительно цены на российский газ. Причину этого многие видели в том, что США были настроены против реализации этого проекта. Как известно, впоследствии «Голубой поток» сыграл свою положительную роль в развитии Российско-турецких отношений.

Развитие российско-турецких отношений в 2000-е гг.

В начале 2000-х гг., с избранием президента В.В. Путина в России и с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития, начался постепенный переход российско-турецких отношений от конкуренции к многоплановому партнёрству. Этому способствовали как необходимость сотрудничества в Евразии для разрешения конфликтов и борьбы с терроризмом, так и нарастающие интересы в торговле и в энергетике. Дальнейшее развитие отношений привело к готовности двух стран перейти от многопланового к стратегическому партнёрству. Начало этому процессу было заложено в 2009 г.

Российско-турецкие политические отношения вышли на новый уровень после того как в 2000 г. президентом Российской Федерации стал Владимир Путин. Пытаясь вести в отношении Турции более гибкую политику, Москва старалась ослабить напряжение и преодолеть разногласия по многим политиче-

ским вопросам. Встречи на высшем и высоком уровнях приняли более частый и конструктивный характер и касались почти всех сфер двустороннего сотрудничества. На 55-й сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке 18 сентября 2000 г. состоялась встреча министров иностранных дел России и Турции, Игоря Иванова и Исмаила Джема. Эта встреча имела большое значение для дальнейшего улучшения отношений. На встрече обсуждались региональные и международные вопросы.

Улучшению двусторонних отношений ещё больше поспособствовал официальный визит премьер-министра России Михаила Касьянова в Турцию в конце октября 2000 г. На встрече со своим коллегой Бюлетом Эджевитом он отметил важность перехода российско-турецких отношений от соперничества к сотрудничеству. Добавив, что правительствам следует исходить из того, что Россия и Турция являются партнёрами, а не соперниками. Также на встрече была достигнута договорённость об увеличении поставок российского газа в Турцию⁶.

В июне 2001 г. И.С. Иванов посетил с официальным визитом Турцию. Он провёл ряд встреч с президентом Турции Ахметом Сезером, а также с премьер-министром и министром иностранных дел. По итогам встреч было принято решение создать рабочую группу для выработки общей позиции в Евразии относительно нагорно-карабахского конфликта, Проливов, энергетики и борьбы с терроризмом⁷.

В дальнейшем на 56-й сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке министры иностранных дел России и Турции подписали «План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии». Этот документ имел ключевое значение для тесного российско-турецкого сотрудничества в международных организациях как по региональным вопросам на пространстве Евразии, так и по многим глобальным проблемам. В Плане была четко зафиксирована география сотрудничества: Южный Кавказ, Центральная Азия, Ближний Восток, Афганистан, Балканы, Черноморский регион, Средиземноморье и Кипр [6, с 4]. Согласно плану основной целью сотрудничества являлось способствование разрешению конфликтов с целью обеспечения стабильности для устойчивого экономического развития в Евразии. В Плане действий также говорилось, что общее понимание значений международного права, прав человека и демократии откроет новые перспективы для сотрудничества России и Турции. Однако самым важным в этом документе было то, что там был отмечен переход российско-турецких отношений от двустороннего сотрудничества к региональному⁸.

⁶ Kasyanov's Visit Highlights Barter, Trade Deficit 29.10.2000 г. Hurriyet Daily News, [Электронный ресурс] URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/kasyanovs-visit-highlights-barter-trade-deficit.aspx?pageID=438&n=kasyanovs-visit-highlights-barter-trade-deficit-2000-10-29> (дата обращения: 15.07.2017).

⁷ Transcript of Russian Minister of Foreign Affairs Igor Ivanov's Remarks at Meeting with Media Representatives on Arrival in Ankara, June 7, 2001 [Электронный ресурс] URL: <http://www.turkey.mid.ru/hron/28.html> (дата обращения: 15.07.2017).

⁸ Turkey's Political Relations With Russian Federation URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-political-relations-with-russian-federation.en.mfa (дата обращения: 18.09.2016).

Борьба с терроризмом продолжала оставаться важной темой для обсуждений между Москвой и Анкарой и в начале 2000-х гг. После терактов 11 сентября 2001 г. Россия и Турция выразили ещё большую готовность вести борьбу с международным терроризмом. 28 сентября 2001 г. во время телефонного разговора В.В. Путина с А.Н. Сезером, обсуждая ситуацию, которая сложилась в Евразии после 11 сентября, президенты двух стран ещё раз отметили важность солидарности с международным сообществом в борьбе с терроризмом. После серии терактов в Стамбуле в ноябре 2003 г. В.В. Путин позвонил премьер-министру Турции Реджепу Тайипу Эрдогану и выразил готовность оказать всестороннюю поддержку⁹.

С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. начался новый этап российско-турецкого сотрудничества. По итогам выборов ПСР создала однопартийное правительство, что в целом упрощало принятие политических решений, это было немаловажным и в отношении улучшения российско-турецкого сотрудничества. В декабре 2002 г. Москву посетил лидер ПСР Р.Т. Эрдоган. На встрече с В.В. Путиным стороны выразили удовлетворённость уровнем двустороннего сотрудничества и договорились развивать и углублять экономические отношения.

Положительное влияние на двусторонние отношения оказывали бизнес-элиты как России так и Турции. В феврале 2004 г. Москву посетил министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль вместе со ста пятьюдесятью турецкими бизнесменами. На встрече со своим российским коллегой И.С. Ивановым стороны подписали четыре протокола по разным направлениям двустороннего сотрудничества¹⁰.

С 5 по 6 декабря 2004 г. Турцию с официальным визитом посетил В.В. Путин. Это был первый официальный визит главы российского государства в Турцию. В.В. Путина сопровождали министр обороны Сергей Иванов, президент Татарстана и главы нескольких крупных компаний, таких как «Газпром» и «Татнефть». В.В. Путин провёл встречи со своим коллегой А.Н. Сезером, с премьер-министром Р.Т. Эрдоганом и принял участие в бизнес-форуме. Визит был отмечен желанием как России, так и Турции укрепить дружественные отношения.

По итогам визита В.В. Путина была подписана Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнёрства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. Наряду с другими документами, которые привели к значительной диверсификации российско-турецких отношений, подписание Совместной декларации привело к переходу отношений на новый более высокий уровень. Этому способствовали как внешние, так и внутренние факторы. Как Россия, так и Турция выражали обеспокоенность наступательной во-

⁹ Rusya Devlet Başkanı V.V.Putin'in Türkiye Başbakanı R.T.Erdoğan ile yaptığı telefon görüşmesi hakkında 20.11.2003 [Электронный ресурс] URL: http://www.turkey.mid.ru/text_t8.html. (дата обращения: 18.09.2016).

¹⁰ Gulf in Moscow to restore confidence // Hurriyet Daily News, 24.02.2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/gul-in-moscow-to-restore-confidence.aspx?pageID=438&n=gul-in-moscow-to-restore-confidence-2004-02-24> (дата обращения: 19.09.2016).

енной политикой США на Ближнем Востоке (Ирак). При этом такие спорные вопросы как курдский, чеченский конфликт и политика Турции в отношении новых независимых стран Южного Кавказа и центральной Азии ушли с повестки дня, а обсуждение таких вопросов как безопасность Черноморских проливов и строительство трубопроводов приняли более конструктивный характер. Комментируя подписание Декларации, В.В. Путин отметил, что подписанием этого документа Россия и Турция ещё раз подтвердили свои стремления развивать политические, экономические и культурные отношения. А.Н. Сезер в свою очередь подчеркнул, что развитие российско-турецких отношений приведёт к миру, стабильности и к процветанию в регионе¹¹.

12 января 2005 г. Р.Т. Эрдоган осуществил ответный визит в Москву, вместе с ним в столицу России приехали шестьсот бизнесменов. Идея многопланового партнёрства, фундамент которого был заложен ранее в Турции, стал постепенно реализовываться. Во время визита в основном обсуждались вопросы торговли, поставок природного газа и ситуация на Кипре. Относительно конфликта на Кипре В.В. Путин заявил, что Россия поддерживает усилия Генерального секретаря ООН, направленные на урегулирование ситуации на Кипре (План Аннана)¹², и считает несправедливой экономическую блокаду турецкой части Кипра¹³. В июле 2005 г. В.В. Путин и Р.Т. Эрдоган провели встречу в резиденции президента России в городе Сочи. Встреча продлилась четыре с половиной часа, намного дольше, чем планировалось. Также на встрече присутствовали представители бизнес-кругов России и Турции. На встрече обсуждались пути расширения сотрудничества в таких сферах как экономика, энергетика, военное сотрудничество и региональная политика. Помимо этого стороны ещё раз подтвердили договорённости, достигнутые во время визита В.В. Путина в Турцию¹⁴.

С целью укрепления двусторонних отношений, а также для улучшения сотрудничества в разных сферах в течение 2006 и 2007 гг. было много других визитов на высшем уровне. В июне 2006 г. Москву посетил А.Н. Сезер, в июле того же года – председатель парламента Турции Бюлент Аридж. Ответный визит председателя Совета Федерации Сергея Миронова был осуществлён в марте 2007 г. Эти визиты позволили значительно улучшить двусторонние отношения и вывести их на парламентский уровень. В течение этого периода несколько раз встретились министры иностранных дел С.В. Лавров и А. Гюль, а также другие члены правительств. После избрания на пост президента Турции А. Гюля в августе 2007 г. В.В. Путин отправил в его адрес поздравительное письмо. В пись-

¹¹ Official Visit to the Republic of Turkey. [Электронный ресурс] URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/trips/45544> (дата обращения: 19.09.2016).

¹² Коффи Аннан (Генеральный секретарь ООН с 1997 по 2006 гг.) был инициатором урегулирования конфликта на Кипре. Его План заключался в создании нового государства – Объединённая Кипрская Республика, которая включала бы в себя две автономии: греческую - около 70 % территории и турецкую - оставшиеся 30 %.

¹³ Concluding Remarks after a Meeting with Representatives of Turkish Business Circles. 11.01.2005. [Электронный ресурс] URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/22776> (дата обращения: 19.09.2016).

¹⁴ Vladimir Putin met with Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdogan 17.07.2005 [Электронный ресурс] URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/33756> (дата обращения: 23.09.2016).

ме, в частности, говорилось: «С теплотой вспоминаю наши встречи. Уверен, что обстановка взаимопонимания будет и в дальнейшем сопутствовать нашей совместной работе в интересах вывода двусторонних отношений на качественно новый уровень продвинутого многопланового партнёрства». Также В.В. Путин отметил, что хорошие российско-турецкие отношения важны для безопасности и стабильности в регионе¹⁵.

Постепенное развитие российско-турецких отношений поставило вопрос о переходе двустороннего сотрудничества от многопланового к стратегическому партнёрству. Началом этого процесса можно считать государственный визит А. Гюля в Москву в начале 2009 г. По итогам встречи в Кремле с президентом Д.А. Медведевым была подписана Совместная Декларация о продвижении к новому этапу отношений между Россией и Турцией и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. Этот документ стал серьёзным шагом к стратегическому партнёрству между двумя государствами. В Декларации отмечено, что «отношения и сотрудничество между Россией и Турцией служат не только интересам двух стран, но и вносят весомый вклад в обеспечение мира, безопасности, стабильности и развития на широком евразийском пространстве и в мире в целом»¹⁶. А. Гюль охарактеризовал Декларацию, как «чёткий документ», где отмечено не только желание двух государств, но и конкретные предложения по реализации перехода российско-турецких отношений на новый уровень. А. Гюль также отметил особую роль России в мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Отвечая на это, Д.А. Медведев подчеркнул, что Россия полагается на стратегическое сотрудничество с Турцией в вопросах, которые относятся к обеспечению безопасности на Кавказе и в Черноморском регионе [2].

Особое внимание региональной безопасности также уделялось из-за вооружённого конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. В связи с этим много говорилось о принятии эффективных мер для урегулирования замороженных конфликтов в регионе. Как Россия, так и Турция понимали, что без стабильности на Южном Кавказе нельзя обеспечить безопасность евразийского региона. Исходя из этого выдвинутая 11 августа 2008 г. Р.Т. Эрдоганом в связи с обострением югоосетинского конфликта идея о возможности создания некоего союза типа «Кавказской платформы» с включением в структуру России и США, воспринималась Турцией как конструктивная, позволяющая повысить уровень доверия между участниками конфликта. 20 августа 2008 г. было определено официальное название альянса: «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК). «В первую очередь, платформа должна иметь географическую основу, преследовать цель установления мира и безопасности в регионе, обеспечения

¹⁵ Владимир Путин поздравил Абдуллаха Гюля с избранием на пост президента Турции // Российская газета, 29.08.2007. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2007/08/29/putin-turciya-anons.html> (дата обращения: 25.09.2016).

¹⁶ Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. 13.02.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 25.09.2016).

экономического сотрудничества и энергетической безопасности. Данная платформа должна опираться на принципы ОБСЕ»¹⁷, – заявил Р.Т. Эрдоган.

Развитие российско-турецких политических отношений естественным образом повлияло на двустороннее сотрудничество в других сферах. Так, например, если в 2001 г. общий товарооборот составлял примерно 3,8 млрд долл., а в 2005 г. достиг 15,2 млрд долл., то в 2008 г. он превысил 38 млрд долл. США¹⁸. Примером плодотворного российско-турецкого сотрудничества в сфере энергетики является реализация проекта «Голубой поток». До 2003 г. природный газ в Турцию поступал только транзитом через Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию. В 2003 г., в соответствии с контрактом от 15 декабря 1997 г., заключенным между «Газэкспортом» и компанией Botas на основе Межправительственного соглашения о поставках российского газа в Турцию через акваторию Чёрного моря, начался экспорт газа по газопроводу «Голубой поток»¹⁹. Сооружение морского участка «Голубого потока» длиной 396 км началось в сентябре 2001 г. и полностью завершилось в мае 2002 г. 30 декабря 2002 г. газопровод «Голубой поток» был сдан в эксплуатацию. Промышленные поставки газа по газопроводу начались в феврале 2003 г.²⁰

С 2009 г. в отношениях между Россией и Турцией появляется новая, стратегически важная сфера для сотрудничества – атомная энергетика. 6 августа 2009 г. стало значимой датой в развитии российско-турецких энергетических отношений. В ходе рабочего визита премьер-министра РФ В.В. Путина в Турцию и в результате встреч с президентом Турции А. Гюлем и с премьер-министром Р.Т. Эрдоганом лидеры двух стран подписали протокол о сотрудничестве в сфере атомной энергетики и межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии²¹. Помимо этого в ходе переговоров было принято решение о проведении ежегодных межправительственных консультаций на высоком уровне для координации развития многопланового стратегического партнёрства между двумя странами. Была достигнута договорённость о создании Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ) – принципиально нового механизма российско-турецких межгосударственных консультаций на высшем уровне.

Большинство обозревателей назвали эту встречу В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана «исторической». Подписание большого количества документов, в особенно-

¹⁷ Başbakan Recep Tayyip Erdoğan, Rusya ve Gürcistan ziyaretlerinin ardından döndüğü Milas- Bodrum Hava-limanı'nda geziyi değerlendirdi. 14 Ağustos 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hurriyet.com.tr/erdogan-rusya-ve-gurcistan-gezisini-degerlendirdi-9664732> (дата обращения: 11.10.2016).

¹⁸ Торгово-экономические связи между Россией и Турцией (справка) // Официальный сайт МИД РФ, 10.10.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325744f002b5bb8!OpenDocument> (дата обращения: 01.10.2016).

¹⁹ Турция // Официальный сайт ПАО «Газпром». [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazpromexport.ru/partners/turkey/> (дата обращения: 01.10.2016).

²⁰ «Голубой поток» // Официальный сайт ПАО «Газпром». [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/blue-stream/> (дата обращения: 01.10.2016).

²¹ Россия будет строить АЭС в Турции. [Электронный ресурс] URL: http://ria.ru/trend/atomic_power_station_turkey_06082009/ (дата обращения: 01.10.2016).

сти, по сотрудничеству в сфере атомной энергетики, и определение отношений лидерами двух государств как «многоплановое стратегическое партнёрство», послужило основой для этих выводов. Также стороны продемонстрировали желание договариваться по многим направлениям, в том числе, и по таким сложным для российско-турецких отношений вопросам, как проекты газопровода «Южный Поток» и нефтепровода «Самсун – Джейхан» [5].

12 мая 2010 г. в Анкаре, в ходе визита президента России Дмитрия Медведева в Турцию, было подписано соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке «Аккую» в Турецкой Республике²². Это соглашение является одним из ключевых между Россией и Турцией в сфере атомной энергетики. Оно послужило основой для развития дальнейшего сотрудничества в этой области. Министр энергетики и природных ресурсов Турецкой Республики Танер Йылдыз отмечал, что проект по строительству первой турецкой АЭС является одним из крупнейших в отношениях между РФ и Турцией и что он ещё больше укрепит стратегическое сотрудничество между двумя странами²³. Д.А. Медведев и Р.Т. Эрдоган также после подписания заявления о создании ССВУ провели первое заседание Совета. В заявлении было отмечено, что ССВУ должен стать руководящим органом, разрабатывающим стратегию и основные направления развития отношений между Россией и Турцией²⁴.

Второе заседание Совета состоялось 16 марта 2011 г. в Москве под председательством Д.А. Медведева и Р.Т. Эрдогана. Также были отдельные встречи на уровне премьер-министров и министров иностранных дел России и Турции. Во время переговоров был проведён обмен мнениями относительно дальнейшего развития российско-турецких отношений. Отдельно обсуждались реализация совместных стратегических проектов в сфере энергетики и ключевые международные и региональные проблемы, представляющие взаимный интерес²⁵.

Трансформация двусторонних отношений на современном этапе

С 2011 г. на двусторонние отношения начинают негативно влиять разногласия относительно событий на Ближнем Востоке, связанных с началом «арабской весны». Ситуация вокруг Украины также имела своё отрицательное воздействие. Несмотря на это, экономические отношения и сотрудничество в

²² Собрание законодательства РФ. 21 марта 2011 г. № 12. С. 1557. Бюллетень международных договоров. 2011. № 7. С. 36 – 48.

²³ Строительство в Турции АЭС укрепит стратегическое сотрудничество страны с РФ // РИА НОВОСТИ, 16.12.2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.atominform.ru/news4/d0112.html> (дата обращения: 05.10.2016).

²⁴ Создан российско-турецкий Совет сотрудничества высшего уровня. 12.05.2010. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/7723> (дата обращения: 11.10.2016).

²⁵ О российско-турецких политических контактах (справочная информация). 11.10.2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/191330/pop_up?_101_INSTANCE_Fn23Klb76LY2_viewMode=tv&_101_INSTANCE_Fn23Klb76LY2_qrIndex=0 (дата обращения 11.10.2016).

сфере энергетики и торговли продолжали развиваться вплоть до трагических событий, связанных со сбитым российским бомбардировщиком Су-24 в ноябре 2015 г. С этого момента началась трансформация российско-турецких отношений в сторону их максимального ухудшения практически во всех сферах. Однако, с августа 2016 г. отношения стали постепенно налаживаться, что привело к восстановлению политического диалога, улучшению экономических отношений и к началу реализации энергетических проектов, замороженных ранее.

3 декабря 2012 г. В.В. Путин посетил Стамбул с рабочим визитом. На третьем заседании ССВУ, в основном, обсуждалась сирийская проблема. Несмотря на разногласия в методах урегулирования конфликта в Сирии, а также выступление российской стороны против размещения ЗРК Patriot на турецко-сирийской границе, удалось подписать одиннадцать соглашений о сотрудничестве. В целом по итогам визита сложилось ощущение того, что разногласия по Сирии не способны навредить экономическим отношениям.

В 2014 г. помимо Сирии в российско-турецких отношениях возникли противоречия, связанные с украинским кризисом. Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу, заявил, что не считает «аннексию» Крыма законной и отметил, что Турция выступает за целостность Украины, которая не должна оспариваться. Турецкий министр раскритиковал также предложение России по федерализации Украины, отметив, что это является внутренним делом суверенного государства. А. Давутоглу заявил, что в интересах Турции решение всех спорных вопросов дипломатическими методами и с помощью международного права, так как Турция находится в непосредственной близости от России и Украины²⁶.

Турция также выступала против повышения цен на российский газ для Украины. Больше половины российского газа поступает в Турцию через территорию Украины. В качестве альтернативы нынешним источникам энергии А. Давутоглу назвал строительство атомных станций, а также увеличение поставок газа из Азербайджана. Однако турецкий министр добавил, что решение диверсифицировать энергетические ресурсы не связано с событиями на Украине и что такое решение было принято задолго до этих событий²⁷.

В начале декабря 2014 г. В.В. Путин посетил с рабочим визитом Турцию, где прошло пятое заседание ССВУ²⁸. На совместной пресс-конференции с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом В.В. Путин заявил о приостановке реализации проекта «Южный поток». Однако при этом добавил, что, учитывая растущие потребности Турции, российская сторона готова не только расширить «Голубой поток», но и построить ещё одну трубопроводную систему по турецкой территории до границы с Грецией и дополнительный газовый хаб для потребителей в

²⁶ Турция не признала крымский референдум. 18.03.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://mk-turkey.ru/politics/2014/03/18/turciya-ne-priznala-krymskij-referendum.html> (дата обращения: 11.10.2016).

²⁷ Турция подстраховалась на случай срыва поставок российского газа. [Электронный ресурс] URL: <http://news.rambler.ru/24534063/> (дата обращения: 11.10.2016).

²⁸ Предыдущее, четвертое, заседание ССВУ состоялось 22 ноября 2013 года в Санкт-Петербурге.

Южной Европе²⁹. 1 декабря 2014 г. ОАО «Газпром» (с 17 июля 2015 г. – ПАО «Газпром») и турецкая Botas Petroleum Pipeline Corporation подписали меморандум о взаимопонимании по вопросу о строительстве морского газопровода через Чёрное море в направлении Турции. Новый проект получил название «Турецкий поток».

Как уже было отмечено выше, с самого начала конфликта в Сирии между Россией и Турцией были серьёзные противоречия. Трагические события 24 ноября 2015 г., связанные со сбитым российским бомбардировщиком Су-24, ознаменовали пик разногласий в этом вопросе. А последовавшее сразу после этих событий ухудшение российско-турецких отношений создало огромное количество новых, трудноразрешимых проблем как в двусторонних отношениях, так и в регионе в целом. Ухудшение отношений напрямую повлияло почти на все сферы сотрудничества, в том числе и на энергетическую. Появилась реальная угроза замораживания или, что еще хуже, свёртывания двух основных энергетических проектов: АЭС «Аккую» и газопровода «Турецкий поток». 26 ноября 2015 г. глава Минэкономразвития Алексей Улюкаев отметил, что проект газопровода «Турецкий поток» подпадает под действие российского закона о специальных экономических мерах в отношении Турции³⁰. А 3 декабря министр энергетики России Александр Новак заявил, что в связи с приостановкой работы межправительственной комиссии приостановлены переговоры по «Турецкому потоку»³¹.

Спустя семь месяцев после трагедии президент Турции Р.Т. Эрдоган в письме В.В. Путину извинился за гибель российского пилота Су-24. 9 августа 2016 г. был осуществлен визит турецкого президента в Россию. Эти события послужили началом для постепенной нормализации двухсторонних отношений и напрямую повлияли на экономические отношения и взаимодействие в сфере энергетики [9]. 10 октября 2016 г. по итогам переговоров между В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом в Турции было подписано межправительственное соглашение по строительству газопровода «Турецкий поток». Глава «Газпрома» Алексей Миллер отметил, что соглашение предусматривает строительство двух ниток магистрального трубопровода по дну Чёрного моря к декабрю 2019 г.³² В.В. Путин в свою очередь заявил, что в рамках расширения российско-турецкого сотрудничества была достигнута договорённость о «механизме предоставления скидки на газ»³³.

²⁹ Совместная пресс-конференция с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. 01.12.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47126> (дата обращения: 11.10.2016).

³⁰ «Турецкий поток» подпал под действие закона о мерах против Турции. 26.11.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.interfax.ru/business/481761> (дата обращения: 15.10.2016).

³¹ Новак подтвердил приостановку переговоров по «Турецкому потоку». 03.12.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.interfax.ru/business/483000> (дата обращения: 15.10.2016).

³² Москва и Анкара подписали соглашение по «Турецкому потоку». 10.10.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/10/10/moskva-i-ankara-podpisali-soglashenie-po-tureckomu-potoku.html> (дата обращения: 15.10.2016).

³³ Москва и Анкара заключили соглашение по «Турецкому потоку». 10.10.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/10/potok/> (дата обращения: 15.10.2016).

Перспективы развития российско-турецких отношений во многом определяются огромным ресурсным потенциалом России и географическим положением Турции. Турция – перспективный транспортный коридор, морской и сухопутный, связывающий европейских потребителей и поставщиков энергетических ресурсов Каспийского, Центральноазиатского и Ближневосточного регионов, контролирующая стратегически важные проливы Босфор и Дарданеллы. Россия стремится экспортировать через территорию Турции свое сырьё на Запад. Турция, в свою очередь, получает возможность извлекать выгоды из транзита российских энергоносителей [4]. В настоящее время энергетика остаётся долгосрочной приоритетной сферой российско-турецкого сотрудничества.

В 2017 г. участились российско-турецкие контакты на высшем уровне. 3 мая Р.Т. Эрдоган прибыл в Сочи, где провёл переговоры с В.В. Путиным. Главной темой переговоров стал вопрос двустороннего торгово-экономического сотрудничества. По итогам встречи стороны отметили, что им удалось достичь некоторых договорённостей по вопросу снятия ограничений на ввоз турецкой сельхозпродукции в Россию, а также либерализации визового режима для граждан Турции. Кроме этого, главы двух государств обсудили вопрос поставок в Турцию российских зенитно-ракетных систем С-400, а также создание в Сирии зон деэскалации³⁴.

7-8 июля на полях саммита G20 состоялась встреча В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана. На встрече основной темой был «Турецкий поток», также лидеры двух стран обсуждали строительство АЭС «Аккую» и коснулись урегулирования сирийского конфликта³⁵. В целом создаётся впечатление, что России и Турции удалось сблизить свои позиции по Сирии. Что касается соглашения по С-400, то в настоящее время контракт пока не подписан и стороны ведут переговоры, в том числе и на тему российского кредита на покупку противоракетных комплексов.

Достаточно успешным на данном этапе является налаживание российско-турецкого экономического сотрудничества. 4 мая Турция сняла пошлины на импорт пшеницы из России, которые были введены 15 марта и составляли 130%³⁶. А в начале июня Россия отменила ограничения на ввоз в страну из Турции всех запрещённых ранее продуктов, кроме томатов³⁷. Тема турецких помидоров остаётся актуальной, однако снять ограничение на ввоз Россия пока не собирается. 7 августа министр сельского хозяйства Александр Ткачёв в интервью телекана-

³⁴ Путин и Эрдоган обсудили снятие барьеров в торговле и урегулирование в САР. 03.05.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/politics/20170503/1493617876.html> (дата обращения: 10.08.2017).

³⁵ Кремль ообшил о темах разговора Путина и Эрдогана на G20. 08.07.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/07/08/krem-l-soobshhil-o-temakh-razgovora-putina-i-erdogana-na-g20.html> (дата обращения: 10.08.2017).

³⁶ Турция сняла ограничения на ввоз российской пшеницы. 04.05.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/04/ruswheat/> (дата обращения: 11.08.2017).

³⁷ Россия решила сохранить запрет на импорт турецких помидоров. 02.06.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/russian/news-40130437> (дата обращения: 11.08.2017).

лу «Россия 24» заявил, что Россия не готова импортировать турецкие томаты и не будет этого делать³⁸.

Вместе с этим растёт товарооборот между двумя странами. Из материалов Федеральной таможенной службы (ФТС) России стало известно, что товарооборот Турции с РФ в первом полугодии вырос на 27,5%³⁹. Существенно вырос турпоток из России в Турцию. По информации Ассоциации туроператоров России со ссылкой на администрацию Анталии, в январе-июне 2017 г. в Анталии побывали 2,8 млн иностранных туристов, из которых 1,1 млн человек были гражданами РФ. По сравнению с тем же периодом 2016 г. общий въездной трафик в Анталию вырос на 45%⁴⁰.

История российско-турецких отношений насчитывает более пяти столетий. С одной стороны, это история большого количества войн, но с другой – это также история торговых и культурных отношений. Разногласия между двумя странами были связаны напрямую с геополитическими вопросами. Экономика, торговля и энергетика, напротив, оставались основными сферами сотрудничества и в нынешних условиях оказывают своё позитивное влияние на политические отношения. Несмотря на это, тесные экономические отношения не способны свести на нет серьёзные разногласия по многим международным вопросам. Учитывая сложную геополитическую ситуацию, а также политические и экономические интересы, можно с уверенности предположить, что российско-турецкие отношения продолжат трансформацию и в будущем.

Список литературы

1. Баранов Д. 95 лет российско-турецким дипломатическим отношениям: исторические факты и перспективы // Международная жизнь. 13.07.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13476> (дата обращения: 03.11.2016).
2. Гурьев А.А. К итогам визита в Россию президента Турции А. Пюля. // Институт Ближнего Востока. 18.02.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8167> (дата обращения: 26.09.2016).
3. Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологии Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель - Observer. 2013. С. 73–88.
4. Касаев Э. Россия – Турция: непрерывный диалог // Свободная мысль. 2013. №3. С. 33–48.
5. Стародубцев И.И. Российско-турецкие многоплановые отношения в области энергетики: перерастет ли сотрудничество в стратегическое партнерство? // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/26-08-09c.htm> (дата обращения: 05.10.2016).
6. Ульянов Н.Ю., П.В. Шлыков. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: ИВ РАН, 2014. 95 с.
7. Arafat M., Alnuaimy O.M. The Turkish-Russian Relations in the era of AKP. Afyon Kocatepe Üniversitesi, İİBF Dergisi. C.XIII, S II, 2011. 133 p.
8. Guney N.A. Rusya Federasyonu'nun Yeni Guvemlik Politikasi Cercevesinde Turkiye'ye

³⁸ Россия не будет возобновлять импорт турецких томатов, заявил Ткачев. 07.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/economy/20170807/1499880113.html> (дата обращения: 11.08.2017).

³⁹ Товарооборот Турции с РФ в I полугодии вырос 27,5%. 04.08.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://mk-turkey.ru/economics/2017/08/04/tovarooborot-turcii-s-rf.html> (дата обращения: 11.08.2017).

⁴⁰ Русские спасают Анталию: в июне каждый второй турист приехал из России. 03.07.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/07/03/russkie-spasayut-antalyu-v-iyune-kazhdyy-vtoroy-turist-priehal-iz-rossii> (дата обращения: 11.08.2017).

- Bakisi. In Turkiye'nin Komsulari, Istanbul: Imge Kitabevi, 2002. 371 p.
9. Ruff A. New dynamism in Russia-Turkey relations? // Modern Diplomacy. [Электронный ресурс]. URL: http://moderndiplomacy.eu/index.php?option=com_k2&view=item&id=1600:new-dynamism-in-russia-turkey-relations&Itemid=139 (дата обращения: 19.11.2016).

Об авторе:

Давид Гургенович Бдоян – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД РФ. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: d.g.bdoyan@gmail.com.

THE TRANSFORMATION PERIODS IN THE RUSSIAN-TURKISH RELATIONS (1991-2016)

D.G. Bdoyan
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-165-182

Moscow State Institute of International Relations (University)

Russian-Turkish relations, spanning more than five centuries, have gone through a number of trials. However, at the end of the 20th and at the beginning of the 21st century these relations became especially dynamic. Transformations of the relations occur now more often and exert serious impact both on the states, and on the region in general. The collapse of the USSR can be considered as the beginning of intensive changes in the relationship between Russia and Turkey. The geopolitical competition in the post-soviet area, economic cooperation and the threat of terrorism were the main points of interaction.

Gradual transition of Russian-Turkish relations from competition to multidimensional partnership began in the early 2000s, with the election of president V. V. Putin in Russia and with the coming to power in Turkey of the Justice and Development Party. The new form of partnership was promoted as being vital for cooperation in Eurasia for resolution of conflicts, combatting terrorism, trade and energy sphere. Further development of the relations resulted in willingness of the two countries to transition from a multidimensional to a strategic partnership. The beginning of this process started in 2009.

Nevertheless, shortly thereafter disagreements concerning the events in the Middle East, with the beginning of the «Arab Spring» began to have a negative impact on the bilateral relations. The situation surrounding Ukraine also had its negative effect. Even so, the economic relations and cooperation in the energy and trade spheres continued to develop, up to the tragic events related to the shoot-down of the Russian bomber aircraft SU-24 in November 2015. After this, the Russian-Turkish relations deteriorated to their lowest point, practically in all spheres. Since August 2016 the relations have been gradually improving. This led to the restoration of political dialogue, improvement of the economic relations and to the realization of the energy projects frozen earlier.

The article studies historical and contemporary stages of the transformation of Russian-Turkish relations to understand the causes of these changes and their impact on the further dynamics of bilateral relations. The main research methods are the historical method for disclosing the retrospective and contemporary development of Russian-Turkish relations

and the comparative method for comparing the nature and scale of bilateral interaction at various historical stages.

As a result of the research it was found out, that historically, there is no progressive and stable development in the Russian-Turkish relations. At the same time, the causes of negative transformations are directly related to geopolitical competition for influence in regions, and positive changes are mainly due to economic interests, especially in the energy sector. At the same time, there is no division of economic and political interests, often serious disagreements on regional issues lead to the severance of economic ties and vice versa, economic cooperation has a positive impact on bilateral relations.

Key words: Russia, Turkey, transformation, multidimensional partnership, strategic partnership, «Blue Stream», «Turkish Stream», NPP «Akkuyu», Eurasia, Syria.

References

1. Baranov D. 95 let rossiisko-turetskim diplomaticheskim otnosheniiam: istoricheskie fakty i perspektivy [95 years of the Russian-Turkish diplomatic relations: historical facts and prospects]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 13.07.2015. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/13476> (Accessed: 03.11.2016). (In Russian).
2. Gur'ev A.A. K itogam vizita v Rossiiu prezidenta Turtsii A. Giulia [To results of a visit to Russia of the president of Turkey A. Gül]. *Institut Blizhnego Vostoka*, 18.02.2009. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/18-02-09c.htm> (Accessed: 26.09.2016). (In Russian).
3. Druzhilovskij S.B., Avatkov V.A. Vneshnopoliticheskie ideologemy Turtsii (2002–2012 gg.) [Foreign policy ideologems of Turkey (2002–2012)]. *Obozrevatel'-Observer*. 2013, pp. 73 – 88. (In Russian).
4. Kasaev E. Rossiia – Turtsiia: nepreryvnyi dialog [Russia – Turkey: continuous dialogue]. *Svobodnaia mysl'*. 08.2013. Available at: <http://svom.info/entry/348-rossiya-turciya-nepreryvnyj-dialog/> (Accessed: 18.10.2016). (In Russian)
5. Starodubtsev I.I. Rossiisko-turetskie mnogoplanovye otnosheniia v oblasti energetiki: pererastet li sotrudnichestvo v strategicheskoe partnerstvo? [The Russian-Turkish multidimensional relations in the energy sphere: whether cooperation will develop into strategic partnership?]. *Institut Blizhnego Vostoka*. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/26-08-09c.htm> (Accessed: 05.10.2016). (In Russian)
6. Ul'chenko N.Iu., P.V. Shlykov. *Dinamika rossiisko-turetskikh otnoshenii v usloviakh narastaniia global'noi nestabil'nosti* [The dynamics of the Russian-Turkish relations in the conditions of increase of global instability]. Moscow, IV RAN Publ., 2014. 95 p. (In Russian)
7. Arafat M., Alnuaimy O.M. *The Turkish-Russian Relations in the era of AKP*. Afyon Kocatepe Üniversitesi, İİBF Der-gisi (C.XIII, S II, 2011) 133 p.
8. Guney N.A. Rusya Federasionu'nun Yeni Guvemlik Politikasi Cercevesinde Turkiye'ye Bakisi. *Turkiye'nin Komsulari*. Istanbul, Imge Kitabevi, 2002. 371 p. (In Turkish).
9. Ruff A. New dynamism in Russia-Turkey relations? *Modern Diplomacy*. Available at: http://modern diplomacy.eu/index.php?option=com_k2&view=item&id=1600new-dynamism-in-russia-turkey-relations&Itemid=139 (Accessed: 19.11.2016).

About the author:

David Gurgenovitch Bdoyan – PhD student at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations. Russia, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454. E-mail: d.g.bdoyan@gmail.com.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КУРДОВ В СИРИИ: ИСТОКИ, ФОРМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

М.Э.И. Дюрре

Информационное агентство «Правда.ру»

В статье рассматривается проблема самоопределения курдского этноса в Сирии. Курды являются коренным народом на данной территории, они долгое время проживали в рамках единого пространства в составе Османской империи. Искусственное разделение Ближнего Востока на государства в интересах европейских держав привело к игнорированию интересов и прав курдского этноса.

Самоорганизация курдов в Сирии происходила постепенно и преимущественно под влиянием внешних факторов – прежде всего, политической активности курдов в соседних странах и ассимиляционных усилий сирийских властей. Хотя курдское население, в основном, сохранило свою идентичность, полвека ассимиляционной политики привели к размыванию курдских этнических анклавов на севере страны. Более того, самоорганизация и политическая мобилизация курдов в условиях Сирии стала сопровождаться разногласиями и расколами основных политических сил.

Курдские политические партии стремились выступить в качестве «третьей силы» в ходе гражданской войны в Сирии. Однако этому помешали разногласия, а также определённое давление стран Запада, которые подталкивали сирийских курдов к поддержке умеренной оппозиции. Вакуум власти на севере Сирии удалось заполнить левоцентристской партии «Демократический союз». Эта политическая сила контактирует с официальными сирийскими властями и одновременно получает поддержку США. Созданная стараниями «Демократического союза» курдская автономия на севере страны обеспечивает стабильность на территориях с курдским и смешанным населением, а также осуществляет социально-экономические функции. Это делает курдскую автономию важным элементом переговоров о будущем политическом устройстве Сирии.

Формат курдской автономии в Сирии пока не определён. Автор полагает, что может быть несколько сценариев развития событий. Во-первых, есть возможность сохранения текущей ситуации, подразумевающей наличие крупной автономной территории на севере Сирии. Во-вторых, существуют предложения по созданию фрагментированной автономии курдов, которая будет жизнеспособна только в составе Сирии. Наконец, в-третьих, не исключён вариант возвращения к унитарному устройству после урегулирования конфликта в Сирии.

Ключевые слова: курды, Курдистан, «Демократический союз», Сирия, национальное самоопределение.

УДК 327

Поступила в редакцию 12.05.2017 г.

Принята к публикации 13.08.2017 г.

Современная ситуация в Сирии приковывает внимание исследователей. Перспективы урегулирования затяжного конфликта в стране предельно туманны. В этой связи отечественные и зарубежные авторы обращаются к основным участникам конфликта, пытаются определить пределы их возможностей и вероятное поле для компромисса. Зарубежные исследователи, в том числе Р. Торнтон и К. Кашанах, обращают внимание на то, что многие локальные игроки являются проводниками интересов соседних государств и великих держав [8; 12]. Нередко такой тезис выдвигается и в отношении сирийских курдов и провозглашённых ими автономных единиц в составе Сирии [3; 9; 10]. Ряд авторов попытались показать, насколько курды руководствуются собственными интересами. Вовлечённость внешних игроков в курдский вопрос в Сирии велика, однако рассмотрение курдов (вернее, курдских политических организаций) в качестве актора позволяет дополнить наши представления о сложности ближневосточной политики. В этом отношении большое значение имеют работы отечественных специалистов К.В. Вертяева и С.М. Иванова [1; 2].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы представить сбалансированный анализ, который, с одной стороны, рассматривает сирийских курдов как отдельный фактор урегулирования конфликта, но, с другой стороны, учитывает особенности исторического развития курдов в Сирии и вытекающие из этого противоречия и сложности. Вероятно, прогресс в сфере самоопределения курдов в Сирии (хотя бы в формате автономии) напрямую связан со степенью их внутренней консолидации и с умением балансировать между различными внешними игроками (Иракский Курдистан, Турция, Израиль, США, Россия). Для этого были применены такие методологические инструменты как агрегирование, факторный подход и историко-описательный метод.

Курды являются крупнейшим этническим меньшинством в Сирии, составляют 10-15% населения страны (численность, по разным оценкам от 1,5 до 2,5 млн чел.). Существуют два крупных анклава на севере и северо-востоке страны, один с центрами в Кобани, Джераблусе и Африне, другой – в значительной степени совпадает с мухафазой Аль-Хасеке (столица – одноименный город) [2, с. 48]. Многие курды проживали на этих территориях с III-II тысячелетия до н.э. – с их предками связывают государство Митанни. Одновременно с миграцией арабов в период раннего халифата часть курдов с северных и западных земель осела на территории современной Сирии. То есть курды могут считаться коренным народом согласно классификации ООН¹. Однако такой статус не означает, что курды пользовались и пользуются в Сирии политическими правами, которые даёт статус коренного народа.

Безусловно, курдское население в Сирии, в силу исторических и географических причин, неоднородно. Миграция курдов продолжалась и в период Осман-

¹ Study of the problem against indigent populations. Final Report submitted by the Special Rapporteur Mr. Jose R. Martinez Cobo. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/esa/socdev/unpfi/documents/MCS_intro_1981_en.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

ской империи. Часть курдов – это потомки племён, выселенных из Анатолии. В XIX–начале XX вв. эта группа курдов проживала на севере от Ракки и была объединена в союз племён (сложное вожжество) Милли. В XVII столетии из современных районов турецкого Курдистана в окрестности Джераблуса переселилась другая крупная группа курдов, которая создала племенную конфедерацию Бараз-и. Кроме того, со времён султана Салах-ад-Дина (1174-1193), который сам был курдом по происхождению, и вплоть до начала XX столетия курдские гарнизоны размещались в Дамаске и обеспечивали безопасность торговых путей, а также безопасность совершающих хадж. В эти гарнизоны набирались уроженцы различных курдских племен, которые сейчас оказались на территории Турции, Ирана, Ирака и даже Ливана. В Курдских горах на севере Сирии проживали и проживают пять крупных племён, а также общины религиозной группы курдов-езидов. По мере роста темпов урбанизации всё больше курдов переселялось в крупные города (Алеппо, Хама) – вдали от территорий традиционного проживания [11, с. 9-10]. Тем не менее, большинство курдов относительно однородно в религиозном и языковом плане.

Французская колониальная администрация не поддерживала идею автономии курдов на подмандатной территории, стремясь сохранить хорошие отношения с Турцией и не желая раздражать арабские политические круги в Дамаске. Кроме того, курды рассматривались как элемент игры противников Франции – будь то Великобритания, а позднее Германия и СССР. В 1927 г. французские власти попытались начать сближение с курдами и стали реализовывать так называемый «план Терье» (хотя и в урезанном виде): курдским беженцам из Турции были даны документы, был разрешён выпуск курдской прессы, был создан курдский батальон колониальной армии Леванта. Стремясь добиться большего, курдские политические круги сформировали коалицию с армянскими и христианскими организациями, выступали с требованием автономии для провинции Джазира (северо-восток Сирии). «Курдско-христианский блок» активно добивался гарантий прав этнических и религиозных меньшинств со стороны Лиги Наций, а также назначения отдельного губернатора в планируемую автономию. В ответ на это французская колониальная администрация после формального признания независимости Сирии (1936 г.) стала склоняться к тактике «разделяй и властвуй», то есть обостряла противоречия по линиям «центр-периферия» и «арабское большинство – курдское меньшинство» [11, с. 28-37].

Необходимо отметить, что в организационном плане курдское меньшинство достаточно долго сохраняло традиционные институты самоорганизации, прежде всего, племенные. Поэтому первые политические (в современном смысле этого слова) организации курдов Сирии были созданы при внешней поддержке. Лига «Хойбун», возникшая в 1927 г., была первой структурой, которая стала бороться за политические и культурные права курдского меньшинства. Эта организация была создана курдами-интеллектуалами, которые были вы-

нуждены покинуть Стамбул. Старейшая политическая партия сирийских курдов – Курдская демократическая партия Сирии (1957 г.) – сформировалась при значительной поддержке иракских курдов и первоначально ориентировалась на Д. Талабани [11, с. 17, 48-49].

Но и на современном этапе племенные, клановые и исторические особенности дают о себе знать в партийном строительстве: КДПС пережила несколько расколов, на сегодняшний день 12 из 17 партий курдов в Сирии – это осколки КДПС. Примечательно, что часть этих расколов была вызвана разногласиями среди внешних (прежде всего, иракских) курдских политических сил².

После окончательного обретения независимости в Сирии в 1946 г. боролись две основные идеологии – панарабизм и сирийский арабский национализм. Разница между ними заключалась в отношении к имевшимся границам страны: очевидно, что сторонники панарабизма выступали за более масштабный государственный проект. Правда, для курдского меньшинства различий в идеологиях не было: курды признавались либо арабами, либо чуждым элементом. В частности, 1962 г. сирийское правительство провело перепись населения на северо-западе страны, по итогам которой было принято решение о лишении гражданства 120 тыс. курдов. Ещё одной дискриминируемой группой курдов стали так называемые «скрытые» граждане – в основном, жители сельской местности, которые проигнорировали перепись. Этот дискриминационный статус распространяется и на детей этих курдов, родившихся в Сирии, несмотря на декларируемое Конституцией Сирии «право земли» в вопросах приобретения гражданства. На 2008 г. в Сирии числилось не менее 280 тыс. курдов – неграждан и «скрытых» граждан³.

Партия «Баас», пришедшая к власти в 1963 г., стремилась балансировать между этими идеологиями панарабизма и сирийского национализма, но всё более склонялась к последнему. Как и соседние страны, у которых также существует «курдский вопрос», Сирия пошла по пути ограничений и политики ассимиляции: начались переселения арабского населения в пограничные курдские районы, арестовывались курдские политические деятели, был введён запрет на образование на курдском языке, ограничивалось право на проведение празднеств и собраний. В 2000-е было введено ещё одно любопытное ограничение: было запрещено регистрировать детей с курдскими именами [2, с. 49-50].

Таким образом, тенденция к самоорганизации курдов в Сирии сформировалась давно и постепенно набирает обороты. Несмотря на сильное ассимиляционное давление официальных властей, курдские политические силы поддерживают контакты с внешними силами и ищут пути изменения статуса курдского меньшинства в стране [1, с. 364].

² Kurdish Movements in Syria. [Электронный ресурс] URL: http://www.orsam.org.tr/eski/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar/201286_127%20yeniraporson.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

³ Ziadeh R. The Kurds in Syria. Fueling Separatist Movements in the Region? [Электронный ресурс] URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/kurdsinsyria.pdf> (дата обращения: 16.04.2017).

* * *

К началу «арабской весны» курдское национальное движение находилось в состоянии постепенной консолидации. Ряд политических сил отстаивали левые взгляды («Левая партия», «Партия Свободы», «Объединённая партия», «Объединённая демократическая партия», «Демократический Союз»), другие – правые идеологии («Патриотическая партия», «Прогрессивная партия», «Партия Равенства»). Примечательно, что программы этих партий были очень близкими и строились на весьма умеренных запросах. Ни одна из данных политических сил не требовала создания независимого Курдистана, целью большинства этих партий (кроме партии «Движение будущего») было лишь создание политической автономии. Причём речь шла именно об участии в локальном управлении курдскими территориями: пропорционального представительства в общесирийских органах власти требовали только «Левая партия» и «Движение будущего». Кроме того, практически все курдские партии декларировали мирный способ достижения своих целей, отрицали необходимость вооружённой борьбы за права своего народа. Также курдские партии не приветствовали исламистские лозунги и, по крайней мере, на уровне публичных заявлений отстаивали демократические права и свободы – свободу собраний и ассоциаций, честные выборы, гендерное равенство.

Попытки объединить разнородные курдские партии предпринимались несколько раз. В 1994 г. был создан Курдский демократический альянс (КДА) в составе четырёх партий, который был настроен на конструктивный диалог с сирийским режимом. В 2000 г. другие четыре партии сформировали Курдский демократический патриотический Фронт (КДПФ), к которому периодически присоединялась «Левая партия», входившая в КДА. В 2006 г. наиболее радикальные политические силы («Партия Свободы», «Объединённая партия» и «Движение будущего») создали Координационный комитет, который поддерживал проведение демонстраций и локальных протестов для восстановления прав курдов в Сирии. В 2009 г. был создан Политический совет семи партий, который функционально заменил КДПФ и Координационный комитет. В стороне от объединительных процессов фактически оставались только «Движение будущего» и партия «Демократический союз»⁴. Причина такой позиции обусловлена внешними факторами: «Демократический союз», в отличие от большинства курдских партий в Сирии, ориентируется не на Иракский Курдистан, а на «Рабочую партию Курдистана» и курдские круги в Турции⁵.

Протесты против режима Б. Асада в Сирии заставили курдские партии выбирать союзников. Часть партий была настроена на диалог с официальным правительством, другая – на полную поддержку протестов. В апреле 2011 г. все

⁴ The development of Kurdish parties, 1956–2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.kurdwatch.org/pdf/kurdwatch_parteien_en.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

⁵ Официально РПК и «Демократический союз» отрицают, что между ними существует определённая координация действий.

курдские партии сформировали Национальное движение, чтобы «говорить одним голосом» от имени курдского меньшинства в стране. Поиск компромисса между политическими силами оказался тяжёлым: в обнародованной программе Национального движения выдвигалась цель борьбы с однопартийностью политической системы Сирии, но не с действующим президентом Б. Асадом. Аналогично, разногласия по поводу культурной и политической автономии привели к тезису о равноправии граждан, который не могло удовлетворить большинство партий (вместо групповых прав речь шла только об индивидуальных). Тем не менее, сначала курдские политические силы склонялись к тому, чтобы поддержать оппозицию. По образу и подобию оппозиционного Сирийского национального Совета был создан Курдский национальный Совет (КНС), некоторые представители которого участвовали в формировании оппозиционных структур. В то же время, курдские партии столкнулись с тем, что их секуляризм и умеренный национализм резко диссонировал с панарабистскими и исламистскими настроениями противников режима Б. Асада. Более того, в процессе формирования оппозиционных структур активно участвовала Турция, которая создавала препятствия для полноценного участия курдских представителей в работе политических структур оппозиции [2, с. 51-53; 12]. В итоге, курдские партии разделились на три группы:

- в КНС возобладали политики, которые ориентировались на Иракский Курдистан и требовали поиска тяжёлых, но необходимых компромиссов между курдскими партиями;
- ряд членов КНС и «Движение будущего» стали частью Сирийского национального Совета и заняли резкую позицию в отношении режима Б. Асада;
- партия «Демократический союз» покинула КНС и вернулась к лоялистской риторике по отношению к правительству Сирии (хотя и требовала роспуска спецслужб и демократизации политического устройства в стране).

Нельзя не отметить, что под влиянием лидера Иракского Курдистана М. Барзани КНС неоднократно вступал в контакт с представителями США и пытался с их помощью наладить отношения с сирийской оппозицией. Требования умеренных курдских партий состояли в следующем: сирийская оппозиция должна была признать курдов национальным меньшинством (не арабами и не сирийцами) и обещать отменить все дискриминационные меры в их отношении, а также начать дискуссию о формах будущей политической автономии в составе единой Сирии. Не менее острым был вопрос о квоте курдов в Сирийском национальном совете и о персональном распределении мест, что в итоге привело к разрыву отношений большинства курдских партий и сирийской оппозиции⁶. Также М. Барзани летом 2012 г. попытался примирить «Демократический союз» и КНС: по Эрбильскому соглашению, 12 июля для управления курдскими территориями был создан Верховный совет, ко-

⁶ Hossino O., Tanir I. The Decisive Minority: The Role of Syria's Kurds in the Anti-Assad Revolution. [Электронный ресурс] URL: <http://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2012/03/The-Decisive-Minority.pdf> (дата обращения: 16.04.2017).

торый формально просуществовал до 2015 г., но фактически развалился в ноябре 2013 [1, с. 367-368; 10, с. 77-85].

Продолжающаяся гражданская война в Сирии и угроза «Исламского государства» объективно способствовали усилению политических сил, которые сумели найти общий язык сразу с несколькими внешними игроками и сторонам конфликта. Прежде всего, в выигрыше оказалась партия «Демократический союз» (ДС), которая действовала на основе прагматичных, а не идеологических принципов. Во-первых, ДС не стала полностью разрывать отношения с официальным правительством Сирии и использовала старые связи Дамаска и «Рабочей партии Курдистана» в своих целях. Это позволило открыть школы, больницы на территориях, контролируемых ДС, то есть партия стала де-факто управлять на локальном уровне. Более того, правительство Сирии отвело войска из северной части мухафазы (провинции) Алеппо, что позволило создать самоуправляющуюся территорию курдов со столицей в Африне. Опираясь на этот успех, в 2014-2015 гг. отряды боевого крыла ДС потеснили «Исламское государство» на севере Сирии и создали кантон Кобани на севере трёх мухафаз – Ракка, Алеппо, Эль-Хасеке [5; 8]. Это позволило расширить массовость партии и укрепить низовые организации. Сформировался замкнутый круг, играющий на пользу ДС: решая местные проблемы, партия получает поддержку населения и увеличивается в численности, что позволяет решать более масштабные проблемы и наращивать популярность.

Во-вторых, неучастие «Демократического союза» в КНС упростило процесс принятия решений. Вместо согласования действий с 15-ю партиями и их внешними партнерами (Иракским Курдистаном, Турцией, различными группами сирийской оппозиции), «Демократический союз» действует самостоятельно. Более того, неудавшиеся контакты КНС с оппозиционным СНС активно используются в пропагандистских целях: другие партии характеризуются как неуспешные защитники прав курдов, как сторонники компромисса с исламистами и панарабистами⁷.

Всё же преимущества партии «Демократический союз» носят тактический характер, стратегически необходимо искать точки соприкосновения с остальными курдскими партиями и руководством Иракского Курдистана. Это нужно по следующим причинам. Во-первых, в августе 2016 г. Турция начала на севере Сирии операцию «Щит Евфрата», которая имела целью восстановить роль Анкары в возможных конфигурациях межсирийского урегулирования и, одновременно, подразумевала сокращение территории под контролем сирийских курдов [3, с. 15-16]. То есть, партия «Демократический союз» нуждается в поддержке внешних сил для сдерживания Турции, а это означает, в том числе, использование тесных контактов руководства Иракского Курдистана и США. Во-вторых, «Демократический союз» нуждается в больших материальных средствах

⁷ Kurdish Movements in Syria. [Электронный ресурс] URL: http://www.orsam.org.tr/eski/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar/201286_127%20yeniraporson.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

для восстановления разрушенных войной территорий. Борьба с ИГ в кантоне Кобани (в том числе бомбардировка позиций исламистов американской авиацией) привела к разрушению инфраструктуры и целых населенных пунктов. Именно на ДС ложится ответственность за социальные проблемы в условиях разрухи и скопления населения в крупных городах.

Пример возможности таких компромиссов различных политических сил в сирийском Курдистане – это управление курдским кантоном Джазира (большая часть сирийской мухафазы Аль-Хасеке). Органы управления территорией по квотному принципу поделены между ДС и некоторыми партиями из числа участников Курдского национального совета, но вооружённым формированиям других партий не разрешено находиться в самом кантоне. В законодательные (законосовещательные) органы кантона вошли также представители арабского, армянского и ассирийского народов. При этом в крупных городах расположены также подразделения официального сирийского правительства, они же осуществляют пограничный контроль. Более того, зарплату госслужащим (в том числе учителям и врачам) продолжает выплачивать Дамаск. То есть «Демократическому союзу» удалось управлять полиэтнической территорией, где большинство локальных общин поддерживает связи с внешними игроками. В то же время, качество управления в условиях продолжающейся гражданской войны в Сирии не может быть полностью эффективным [7].

В целом, самоопределение курдов в Сирии происходит на основе политических партий, которые выражают запрос на изменение политического и культурного статуса курдского населения. В период гражданской войны курдские политические партии сумели стать «третьей силой», которая балансирует между режимом Б. Асада и оппозиционными структурами. Главный вопрос – сумеет ли курдское меньшинство перевести свой нынешний политический капитал в конкретный статус в новой послевоенной Сирии?

* * *

Основные внешние игроки сирийского кризиса склоняются к тому, чтобы в той или иной форме восстановить Сирию в её нынешних границах. Хотя курдские кантоны под руководством «Демократического союза» в марте 2016 г. провозгласили себя федеративной частью Сирии и даже приняли собственную конституцию в декабре того же года, форма территориального устройства страны ещё не определена. Один из наиболее обсуждаемых сценариев подразумевает образование конфедерации и слабого центрального правительства, которое рано или поздно сменит правительство Б. Асада. Этот сценарий позволит отчасти удовлетворить запросы сирийской оппозиции и Запада, которые добиваются смены политического режима в стране. Конфедеративное устройство – это не столько желаемый результат, сколько констатация реальности: за шесть лет

²⁰ Colenbrander H.T. Op cit. Deel 5. Hoofdstuk I. 's Gravenhage, 1910. P.176.

гражданской войны многие территории стали де-факто самостоятельны, обладают собственными воинскими подразделениями [1, с. 175-185]. В этом сценарии нет места сильному Курдистану на севере Сирии: курдские зоны будут искусственно разъединены и связаны различными обязательствами, которые должны успокоить Турцию. Это может подразумевать определённые формы турецкого военного присутствия на севере потенциальной конфедерации [9].

Не менее неприятный для Курдистана сценарий – это восстановление режима Б. Асада и его условная либерализация. Вполне вероятно, что ситуативный союз партии ДС и Дамаска закончится, как только придётся делить контроль над богатыми нефтью территориями кантона Джазира. А без этого кантона у сирийских курдов не будет прямого выхода к поставкам вооружений и гуманитарной помощи из-за рубежа, поскольку на севере от кантонов Африн и Кобани находится враждебная Турция. Поэтому сохранение режима Б. Асада для курдов предпочтительно только при условии, что сам режим будет контролировать лишь центр и юг страны, или же при существенном росте значения институтов представительской демократии (что менее вероятно) [6, с. 79-90].

Выйти на усреднённый вариант можно только на основе широкой коалиции курдских политических сил в Сирии, которая не позволит использовать внутрикурдские разногласия и обеспечит широкую международную поддержку для объединённой курдской автономии. Вероятно, для этого необходимо пересмотреть условия сотрудничества различных курдских партий, а также поощрять контакты сирийских курдов с США, Россией и ведущими странами ЕС, вклад которых в урегулирование был и останется значительным.

Список литературы

1. Вертяев К.В. Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 361-374.
2. Иванов С.М. Сирийские курды в борьбе за свои права и свободы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. №9. С. 48-58.
3. Иванов С.М. Сирийский конфликт и роль внешних сил в нем // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 11. С. 11-16.
4. Россия и мир в 2020 году. Контур тревожного будущего / под ред. А.А. Безрукова, А.А. Сушенцова. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
5. Hughes G.A. Syria and the perils of proxy warfare // Small Wars & Insurgencies. 2014. Vol. 25. No. 3. Pp. 522-538.
6. Kaya Z., Whiting M. Sowing Division: Kurds in the Syrian War // Middle East Policy. 2017. Vol. 24. No. 1. Pp. 79-91.
7. Khaddour K. How Regional Security Concerns Uniquely Constrain Governance in Northeastern Syria. URL: <http://carnegie-mec.org/2017/03/23/how-regional-security-concerns-uniquely-constrain-governance-in-northeastern-syria-pub-68380> (дата обращения: 16.04.2017)
8. Khashanah K. The Syrian Crisis: a systemic framework // Contemporary Arab Affairs. 2014. Vol. 7. No. 1. Pp. 1-21.
9. O'Hanlon M.E. How to work with the Kurds—and Turkey—in Syria. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/03/24/how-to-work-with-the-kurds-and-turkey-in-syria/> (дата обращения: 16.04.2017)
10. Paasche T.F. Syrian and Iraqi Kurds: conflict and cooperation // Middle East Policy. 2015. Vol. 22. No. 1. Pp. 77-88.
11. Tejel J. Syria's Kurds: history, politics and society. London: Routledge, 2009. 208 p.
12. Thornton R. Problems with the Kurds as proxies against Islamic State: insights from the siege of Kobane // Small Wars & Insurgencies. 2015. Vol. 26. No. 6. Pp. 865-885.

Об авторе:

Мехмет Икбаль Дюрре – к.и.н., обозреватель издания «Правда.ру». 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д.16, стр.3. E-mail: ikbal@mail.ru.

SELF-DETERMINATION OF THE KURDES IN SYRIA: ORIGINS, FORMS AND INTERNATIONAL PROSPECTS

M.E.I.I. Dyurre

DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-183-193

Pravda.ru news agency

The article addresses the problem of self-determination of the Kurdish ethnos in Syria. Kurds are an indigenous people in this territory and for a long time lived within a single space within the Ottoman Empire. The artificial division of the Middle East into states in the interests of European powers led to ignoring the interests and rights of the Kurdish ethnos.

Self-organization of Kurds in Syria occurred gradually and mainly under the influence of external factors. The first one was the political activity of Kurds in neighboring countries, the second – the assimilation efforts of the Syrian authorities. Although the Kurdish population, basically, retained its identity, half a century of assimilation policy led to the erosion of the Kurdish ethnic enclaves in the north of the country. Moreover, self-organization and political mobilization of Kurds in Syria began to be accompanied by disagreements and splits of the main political forces.

Kurdish political parties sought to act as a “third force” in the course of the civil war in Syria. However, disagreements prevented this, as well as certain pressure from Western countries, which pushed the Syrian Kurds to support the moderate opposition. The power vacuum in the north of Syria was able to fill the center-left party “Democratic Union”. This political force is in contact with the official Syrian authorities and, at the same time, receives US support. Created by the efforts of the “Democratic Union” the Kurdish autonomy in the north of the country provides stability in territories with the Kurdish and mixed populations, and also performs socio-economic functions. This makes the Kurdish autonomy an important element of negotiations about the future political structure of Syria.

Key words: the Kurds, Kurdistan, PUC, Syria, national self-determination.

References

1. Vertiaev K.V. Spetsifika kurdsogo natsional'nogo dvizheniia i ego sovremennaiia aktualizatsiia v Turtsii i Sirii [Specificity of the Kurdish national movement and its actualization in Turkey and Syria]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke* [Islam in the Middle East], 2015, no. 9, pp. 361-374. (In Russian)
2. Ivanov S.M. Siriiskie kurdy v bor'be za svoi prava i svobody [Syrian Kurds in the fight for their rights and freedoms]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World economy and international relations], 2016, vol. 60, no. 9, pp. 48-58. (In Russian)
3. Ivanov S.M. Siriiskii konflikt i rol' vnesh-

- nikh sil v nem [The Syrian conflict and the role of foreign forces in it]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* [Foreign military review], 2016, no. 11, pp. 11-16. (In Russian)
4. Rossiia i mir v 2020 godu. *Kontury trevozhnogo budushchego* [Russia and the world in 2020. Outlines of worrying future]. Ed. by A.A. Bezrukov, A.A. Sushencov. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
 5. Hughes G.A. Syria and the perils of proxy warfare. *Small Wars & Insurgencies*, 2014, vol. 25, no. 3, pp. 522-538.
 6. Kaya Z., Whiting M. Sowing Division: Kurds in the Syrian War. *Middle East Policy*, 2017, vol. 24, no. 1, pp. 79-91.
 7. Khaddour K. *How Regional Security Concerns Uniquely Constrain Governance in Northeastern Syria*. Available at: <http://carnegie-mec.org/2017/03/23/how-regional-security-concerns-uniquely-constrain-governance-in-northeastern-syria-pub-68380> (Accessed: 16.04.2017).
 8. Khashanah K. The Syrian Crisis: a systemic framework. *Contemporary Arab Affairs*, 2014, vol.7, no. 1, pp. 1-21.
 9. O'Hanlon M.E. *How to work with the Kurds—and Turkey—in Syria*. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/03/24/how-to-work-with-the-kurds-and-turkey-in-syria/> (Accessed: 16.04.2017).
 10. Paasche T.F. Syrian and Iraqi Kurds: conflict and cooperation. *Middle East Policy*, 2015, vol. 22, no. 1, pp. 77-88.
 11. Tejel J. *Syria's Kurds: history, politics and society*. London, Routledge Publ., 2009. 208 p.
 12. Thornton R. Problems with the Kurds as proxies against Islamic State: insights from the siege of Kobane. *Small Wars & Insurgencies*, 2015, vol. 26, no. 6, pp. 865-885.

About the author:

Mehmet Ikbal Durre – PhD in History, “Pravda.ru” contributor. 105066, Moscow, Staraya Basmannaya street, 16/3. E-mail: ikbal@mail.ru.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И БАХРЕЙНОМ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аль-Тамими Халед Мохамед Али

Министерство иностранных дел Королевства Бахрейн

В статье рассматриваются текущее состояние и перспективные для сотрудничества отрасли российско-бахрейнских отношений в контексте вопроса формирования системы региональной безопасности. Автор анализирует двустороннюю повестку между Москвой и Манамой в широком контексте наследия СССР в регионе, общего курса Российской Федерации по отношению к Ближнему Востоку в целом и государствам Персидского залива в частности. Также в исследовании учитывается фактор прочего внерегионального присутствия в данной подсистеме, особое внимание в этом контексте уделяется роли США.

В результате проведенного анализа автором была сформулирована собственная характеристика общих тенденций российской политики в отношении стран Персидского залива. Вместе с тем отношения с Бахрейном рассматривались в рамках нескольких «корзин» – максимально актуальной для обоих государств проблематики, чье влияние могло бы быть экстраполировано за пределы двусторонней повестки на вопросы региональной и субрегиональной безопасности. К таким «корзинам» автор относит проблемы арабско-персидских противоречий, терроризма и экстремизма, шиитско-суннитского противостояния, межгосударственных отношений в формате Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). При этом предметом исследования выступила совместимость российской и бахрейнской позиций по данным вопросам в контексте формирования региональной системы безопасности.

Ключевые слова: российско-бахрейнские отношения, региональная безопасность, ССАГПЗ, терроризм, конфликты, арабо-персидское противостояние, внешнеполитические противоречия, сотрудничество, Эр-Рияд, национальные интересы.

УДК 327

Поступила в редакцию 17.05.2017 г.

Принята к публикации 01.08.2017 г.

Внешнеполитический курс России на Аравийском полуострове

О тношения между арабскими государствами Персидского залива и СССР, а затем Россией не отличались высокой плотностью связей, шириной многосторонней повестки, интенсивностью диалога. Выступая стратегическими точками опоры в регионе Ближнего Востока для Великобритании и США фактически с момента обретения независимости, аравийские монархии увеличивали интенсивность контактов по линии кросс-атлантического партнёрства, по умолчанию снижая свою ценность для других центров силы. В экономической теории такая ситуация описывается трудностями нового игрока при выходе на уже поделенный рынок.

Изначальная предрасположенность к антагонистичной доминанте в отношениях с Москвой усиливалась диаметральной противоположностью взглядов на проблематику политических процессов в регионе. Например, принципиальным для арабских стран Залива были и остаются вопросы йеменской государственности, границ и персонализации руководства на данной территории. В этом контексте существование Народно-демократической Республики Йемен с её прокоммунистической ориентацией, поддержкой со стороны Египта и Ливии на ранних этапах рассматривались как угроза в приграничной зоне «мягкого подбрюшья».

С распадом СССР из многоуровневой «дипластии» противоречий исчезла идеологическая плоскость, но решающим фактором, сделавшим возможной дальнейшую перезагрузку в отношениях, выступило сворачивание активности Кремля на пространстве Ближнего Востока [10]. Следующие четверть века региональные акторы существовали в условиях несбалансированной системы кросс-регионального взаимодействия, в которой США политику «offshore balancing» заменили на курс «changing regimes» [9]. На этот период отношения России с государствами-членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива характеризуются общим набором определенных черт:

- двусторонние связи лежат в основе контактов: Москва – Абу-Даби, Москва – Эр-Рияд, и т.д. Взаимодействие по линии региональных международных организаций, например, ССАГПЗ, ЕАЭС, ОДКБ либо не происходит, либо его значимость и масштабы таковы, что для составления теоретической модели, описывающей структуру и характер отношений, ими можно пренебречь;
- доминирующими сферами взаимодействия выступают экономика и энергетика;
- межгосударственные контакты преимущественно сконцентрированы в области встреч на высшем и высоком уровне, что влияет на плотность связей и продуктивность дальнейшего взаимодействия;
- расширению контактов на другие стратегически важные сферы жизнедеятельности государства от политической до военной, аэро-космической, атомной и т.д., предполагающих торговлю/совместное производство наукоём-

кой продукции с высокой добавочной стоимостью, препятствует высокая зависимость данных государств от северо-американских партнёров;

- долгое время отношения России с арабскими странами Персидского залива являлись заложниками политики «пассивного негативизма» России в отношении процессов, происходящих в регионе;
- двусторонние договорённости по большей части носят декларативный характер.

Последний тезис демонстрируется практической стороной бахрейнско-российских отношений до 2015 г., пока основой двустороннего сотрудничества выступало Заявление о дальнейшем развитии дружественных отношений между Российской Федерацией и Королевством Бахрейн от 1 декабря 2008 г. Совпадение или близость подходов двух стран относительно глобальных и региональных вызовов от урегулирования арабо-израильского конфликта и вплоть до противодействия международному терроризму практически за десять лет с момента подписания не имели никакого воплощения на практике.

На фоне возвращения России в качестве одного из осевых игроков на Ближний Восток, к 2017 г. можно наблюдать интенсификацию контактов между Россией и странами-членами ССАГПЗ. Подобные события обусловлены совокупностью факторов, среди которых можно выделить волну политических изменений, прокатившуюся по Ближнему Востоку и получившую название «арабская весна», стремление к большей самостоятельности региональных игроков, концентрацию внимания мировой общественности на ближневосточных процессах. Подвижки в сторону от традиционного партнёра были вызваны помимо прочего представлением о том, что в Вашингтоне в период президентства Б. Обамы был сделан акцент на восстановлении отношений с Ираном. Активная роль США в принятии совместного всеобъемлющего плана действий по обеспечению мирного характера иранской ядерной программы (СВПД) побудила страны Персидского залива расширить область тактического партнёрства на других ведущих международных акторов.

При этом сотрудничество с Москвой скорее находится на стадии зарождения. Одной из системных причин подобной ситуации выступает недостаточная осведомлённость сторон обо всех нюансах позиций друг друга, границах переговорного поля, содержательно-мотивационной составляющей «красных линий». Таким образом, конъюнктурные расхождения относительно категоричности формулировок, касающихся будущего руководства САР или послевоенного устройства страны, выступают ингибитором для процессов выстраивания отношений. По мнению доктора политических наук Е. Мелкумян, существуют и другие факторы, чью негативную инерционную зависимость преодолеть будет сложнее, чем сместить акценты в формулировках для публичного пространства – определение единого списка маргинализированных нелегитимных (террористических, экстремистских) формирований, действующих на сирийской территории,

а также проблема материально-технической поддержки соответствующих сил в рамках так называемой «проху war» (англ. «война по доверенности»)¹.

Однако обе стороны предпринимают необходимые меры для разрешения данной проблемы. Комплекс соглашений о развитии мирной ядерной программы между Россией и Саудовской Аравией², экспансия российских производителей оружия, входящих в концерн «Ростеха», на рынки КСА и Бахрейна³, соглашение между Россией и ОАЭ о намерении закупки российских истребителей Су-35⁴.

По мнению эксперта Атлантического совета Моны Алами, для России выстраивание прагматичной повестки со странами ССАГПЗ, ввиду их высокого влияния на региональные процессы, является частью политики по консервации террористического элемента на территории Сирии и Ирака, то есть недопущению распространения конфликтогенного элемента в регионы Центральной Азии и Большого Кавказа⁵. Кроме того, череда достигнутых соглашений по координации усилий в вопросах объёмов добычи нефти в рамках ОПЕК является не только свидетельством степени урона, который наносит национальным экономикам текущее ценообразование на мировом нефтяном рынке, но также выступает в качестве сигнала о готовности к обсуждению и реализации договорённостей в чувствительных областях.

«Экспорт безопасности» по линии Москва – Манама

Королевство Бахрейн на данном историческом этапе испытывает трудности в области обеспечения внутривластной безопасности [2]. Манама не удаётся добиться прекращения антиправительственных выступлений со стороны шиитской оппозиции, которые, по версии власти, инспирируются и поддерживаются Ираном. Согласно мнению арабского исследователя Абдуллы Хамид аль-Дина, в этой связи династия аль-Халифа может рассматривать отношения с Россией как один из способов обеспечения национальной безопасности⁶.

Ограничение иранского вмешательства во внутренние дела Бахрейна за счёт использования российского фактора может быть достигнуто несколькими путями, которые по набору методов и временному фактору можно условно разделить на два больших подхода. Первый подразумевает упрочение и

¹ Встреча короля Бахрейна с президентом России [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27415> (дата обращения: 26.01.2017)

² Saudi Arabia to Invest up to \$10 Billion in Russia [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-to-invest-up-to-10-billion-in-russia-1436198674?alg=y> (дата обращения: 26.01.2017).

³ Middle East swaps US weapons for Kalashnikovs and Chinese drones [Электронный ресурс] // The Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/middle-east-swaps-us-weapons-for-kalashnikovs-and-chinese-drones-z8lw8bnbh> (дата обращения: 26.01.2017).

⁴ Россия заключила соглашение о поставках Су-35 в ОАЭ [Электронный ресурс] // Ростех. URL: <http://rostec.ru/news/4519916> (дата обращения: 26.01.2017).

⁵ Analysis: Russia comes in from the cold - and towards the Gulf [Электронный ресурс] // Middle East Eye. URL: <http://www.middleeasteye.net/news/analysis-1703993847> (дата обращения: 26.01.2017).

⁶ 2010 الذي حميد عبدالله، العربي الخليج دول في والتحديات الفرص

диверсификацию связей с Москвой до такого уровня, когда расшатывание политической обстановки в Бахрейне будет восприниматься в Кремле, как угроза собственным национальным интересам. Второй предполагает скорее тактические шаги, в рамках которых России делегируются посреднические функции в том объёме, на который хватит суверенной политической воли Манама – от предоставления переговорной площадки до выступления в качестве неформального гаранта соблюдения потенциальных договорённостей. Такой вариант движения в сторону разрешения противоречий в его умеренной версии представляется более вероятным, особенно в свете стремлений Москвы позиционировать себя в качестве глобального «экспортера безопасности».

Заинтересованность Бахрейна в расширении контактов с Россией находит позитивный отклик в Москве, которая пытается расширить список партнёров на Ближнем Востоке в целом и в субрегионе Персидского залива в частности. К чему подталкивает не только логика обеспечения необходимых условий для долгосрочного заморского присутствия, но характер и качество уже существующих связей с региональными акторами. Подорванные отношения с Турцией, статус париев у Ирана и Сирии диктуют необходимость выстраивать каналы взаимодействия с иными региональными игроками. Тот факт, что это государство возглавляется суннитской династией и имеет выгодное геостратегическое положение, а также тесные отношения с одним из архитекторов политических процессов на Ближнем Востоке, развенчивает некоторые деструктивные мифы (например, о том, что Россия воюет на стороне шиитов против суннитов) и выступает дополнительным аргументом в пользу проведения обоюдовыгодного внешнеполитического курса.

Кроме того, в рамках российско-бахрейнских отношений решается проблема информационного вакуума. Во время переговоров 8 февраля 2016 г. Халед бин Ахмед официально уведомил Российский МИД в лице министра иностранных дел Сергея Лаврова о программе реальных действий сформировавшейся по инициативе Саудовской Аравии антитеррористической коалиции исламских государств. Выгодоприобретение подобной политики очевидно и описано в определении переговорной деятельности Г. Уинхема, где под переговорами понимается: процесс снятия информационной неопределённости путём постепенного уяснения партнёрами позиций друг друга.

Обладание реальной информацией об интересах партнёров, помогает экспертам предложить сбалансированную линию поведения, которая, как минимум, приблизит к нулю возможность прямой конфронтации, а, как максимум, приведёт к урегулированию конфликта, на основе концепции «успех порождает успех».

Переговоры 2015 г. в Москве подтвердили понимание необходимости системного российско-бахрейнского сотрудничества в сферах, национальной и региональной безопасности. Так, на встрече между министром иностранных

дел России и главой МИД Королевства Бахрейн в декабре 2015 г.⁷ одним из центральных вопросов повестки дня была борьба с терроризмом. Правительство и СМИ Бахрейна не обошли вниманием произошедший в Санкт-Петербурге теракт. Власти выразили соболезнования России и осудили действия террористов⁸, а журналисты основных газет и порталов подробно осветили произошедшее, причём в статьях они не только ретранслировали сообщения международных агентств, но и формировали собственный материал. Суть одного из журналистских расследований заключалась в освещении истории контртеррористической борьбы, высоко оценивались действия российского руководства по борьбе с террористами как в России, так и в Ираке и Сирии.⁹

Проблема терроризма является актуальной для Королевства Бахрейн, поскольку радикализованные представители шиитского большинства, лишённого целой части спектра гражданских прав, избирают этот метод в качестве выражения несогласия с политикой правящей семьи¹⁰. Бахрейнские силовые структуры, их специальные подразделения проходят подготовку за рубежом¹¹, обучаются иностранными экспертами. Подобный вектор сотрудничества для Москвы и Манама представляется перспективным в связи с наличием большого опыта у российской стороны в выявлении и нейтрализации экстремистов.

На практике данное взаимодействие выразилось в участии (в статусе наблюдателей) в октябре 2008 г. представителей специальных подразделений МВД Бахрейна в международных учениях по антитеррористической проблематике в г. Сочи. Российская делегация во главе с руководителем Аппарата Антитеррористического комитета, заместителем директора ФСБ России В.Г. Кулешовым приняла участие в международном форуме и выставке по вопросам региональной безопасности в Манама 24-25 февраля 2009 г.¹².

Непосредственные шаги по сближению между Россией и Бахрейном в контексте технической стороны обеспечения безопасности были предприняты в сентябре 2016 г. во время визита короля Хамада бен Исы аль-Халифа в Москву. В ходе визита он посетил международный военно-технический форум «Армия-2016», обратив особое внимание на российские зенитно-ракетные комплексы С-300 и С-400. По мнению директора Центра стратегических, международных

⁷ Бахрейн - территория диалога и стабильности [Электронный ресурс] // ArafNews. URL: http://www.russarabbc.ru/rusarab/index.php?ELEMENT_ID=37621 (дата обращения: 26.01.2017)

⁸ الروسي الرئيس إلى ومواساة تعزية ببرقية بيعت الوزراء رئيس [Электронный ресурс] Al-Wasat URL: <http://www.alwasatnews.com/news/1227006.html> (дата обращения: 26.01.2017).

⁹ للإرهاب المفضل الهدف..روسيا في المترو محطات [Электронный ресурс] Al-Watan URL: http://alwatannews.net/article/708182?rss=1&utm_campaign=nabdapp.com&utm_medium=referral&utm_source=nabdapp.com&ocid=Nabd_App (дата обращения: 26.01.2017).

¹⁰ M.S. Doran and S. Shaikh "Bahrain: Island of Troubles" in The Arab Awakening Washington DC: Brookings Institution Press, 2011

¹¹ UK admits training Bahrain police in 'public order' tactics [Электронный ресурс] // Middle East Eye. URL: <http://www.middleeasteye.net/news/uk-government-admits-controversial-bahrain-police-funding-despite-denials-799411514> (дата обращения: 26.01.2017)

¹² Российско-бахрейнские отношения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/bh/-/category/10498#relation-popup> (дата обращения: 26.01.2017)

и энергетических исследований Бахрейна Омара Махмуда, данный интерес особенно актуален в свете планов стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива по реорганизации системы противоракетной обороны¹³, которые регулярно обсуждаются на ежегодных сессиях. Быстрорастущий рынок Персидского залива даёт хорошую возможность проявить себя успешным российским предприятиям, работающим на международных рынках.

Тезис о том, что прочная связь Бахрейна с организацией ССАПЗ, основной целью которой является обеспечение коллективной безопасности арабских государств в районе Залива, подразумевает несомненный приоритет соглашений Бахрейна с монархиями Персидского залива над сотрудничеством с РФ, подчёркивается в работе М. Оттвей «Бахрейн: между США и Саудовской Аравией»¹⁴. Соглашения же с Россией, так или иначе, будут координироваться в плане общей направленности политического курса Совета сотрудничества. Министерству иностранных дел России необходим взвешанный курс, главной целью которого – избежать прямого противоречия реформаторских устремлений Манама и Москвы с курсом Эр-Рияда и Вашингтона. Поскольку объективные факторы географического соседства, экономического оборота¹⁵, расположения военных баз¹⁶, определяющие степень суверенитета бахрейнского руководства в принятии решений, могут помешать реализации нововведений.

Так, Бахрейн в публичном пространстве не может полностью солидаризоваться с позицией, которая будет противоречить политике Эр-Рияда или Вашингтона на сирийском направлении. Для того чтобы российско-бахрейнские отношения перешли на качественно новый уровень, официальным представителям государств необходимо избегать прямых столкновений с риторикой партнёров, используя СМИ и каналы «второго дипломатического трека». Это могут быть конференции на экспертном уровне, переговоры на уровне лиц, приближенных к власти, но официально её не представляющих (например, бывшие госслужащие, дипломаты, военные), прочие площадки для выстраивания взаимодействия (бизнес-форумы и т. д.).

Необходимо помнить о том, что признаки сближения позиций России и Бахрейна появились одновременно с момента первых договорённостей с Саудовской Аравией о стабилизации объёмов добычи нефти в рамках ОПЕК. Несмотря на то, что подобная хронология событий подтверждает тезис об иллю-

¹³ Defence and Security News – Bahrain. [Электронный ресурс] URL: http://www.armyrecognition.com/october_2015_global_defense_security_news_uk/bahrain_shows_interest_to_purchase_russian_pantsir-s1_short-range_air_defense_system_12810154.html (дата обращения: 26.01.2017)

¹⁴ Marina Ottaway Bahrain: Between the US and Saudi Arabia, Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, April 4, 2011, URL: [Электронный ресурс] // <http://www.carnegieendowment.org/2011/04/04/bahrain-between-united-states-and-saudi-arabia/t8> (дата обращения: 26.01.2017).

¹⁵ The World Factbook 2017 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ba.html> (дата обращения: 26.01.2017).

¹⁶ Middle East [Электронный ресурс] // 2017 Index of military strength. URL: <http://index.heritage.org/military/2017/assessments/operating-environment/middle-east/> (дата обращения: 26.01.2017).

зорности полной самостоятельности правящей семьи Аль-Халифа в принятии решений, Кремлю стоит воспользоваться открывающимся коридором возможностей, увеличивая двустороннее взаимодействие по широкому кругу вопросов не столь принципиальных для руководителей Манама: от энергетики и до фармакологии [13].

В данных условиях Москве хотелось бы сближения бахрейнской модели внешнеполитического поведения с позицией Омана. Например, в контексте его участия в ССАГПЗ с самого момента его вхождения в эту организацию султанат обусловил своё положение, непричастности к межарабским и арабо-персидским конфликтам и продолжил сохранять добрососедские отношения с Ираном. В отношении йеменских событий Маскат выразил озабоченность саудовским вмешательством в йеменские дела, не поддержав действия Эр-Рияда¹⁷. И если, в целом, позиция Омана, по формальным признакам может совпадать с позицией Совета содружества, принципиальным и важным вопросам, таким как Иран и отношения с Индией, Маскат традиционно и последовательно имеет свою точку зрения и умело её отстаивает, не поддаваясь на внешние угрозы и шантаж со стороны «старших братьев».

В ближайшей и среднесрочной перспективах внешнеполитические усилия королевства Бахрейн сосредоточатся на усилении своего места и роли в регионе, а также на укреплении собственного суверенитета при сохранении отношений как с глобальными акторами, так и с соседями по региону¹⁸. В бушующем море, в которое превращается на наших глазах регион Персидского залива и весь Ближний Восток, формирование подобного островка спокойствия и стабильности будет дорогого стоить [12].

Говоря о бахрейнском варианте «арабской весны» эксперты употребляют термин «шиитская весна»¹⁹. Несмотря на тот факт, что созданная в Бахрейне независимая комиссия не нашла достаточно весомых для предъявления общестественности доказательств причастности Тегерана к народным волнениям, Эр-Рияд и Манама обвинили аятолл в поддержке нестабильности. Для Бахрейна поддержка со стороны России, которую он рассматривает в качестве одной из ведущих мировых держав, проблемы обеспечения безопасности в регионе Залива представляется принципиально важной. Страна относится к числу тех государств региона, которые очень обеспокоены возможностью возвращения Ирана к экспансивно-агрессивному курсу «экспорта исламской революции» в противоположность современной более миролюбивой политике «экспорта культурной революции». По выражению Халеда бен Ахмеда Аль Халифы,

¹⁷ Stability and Instability in the Gulf Region in 2016 [Электронный ресурс] // Centre for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/stability-and-instability-gulf-region-2016> (дата обращения: 26.01.2017).

¹⁸ Regional Challenges, Threats, And Opportunities: The Middle East [Электронный ресурс]. // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/courses/regional-challenges-threats-and-opportunities-the-middle-east> (дата обращения: 26.01.2017).

¹⁹ Владислав Гулевич. Арабская весна и Саудовская Аравия [Электронный ресурс] // Международная жизнь, май, 2013. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9575>. (дата обращения: 26.01.2017).

«иранцы пытаются войти в эту дверь. Но мы видим всю опасность этого, и не позволяем им заниматься террором. Они должны изменить свою политику, прекратить экспорт революции, они извратили понятие «народная революция», которая победила в Иране в 1979 г. Революция – это не товар для экспорта. Революция имеет национальный характер, и она должна происходить в своей стране» [12].

Национальный консультативный совет в 1957 г. принял особый закон, согласно которому Бахрейн объявлялся 14-ой провинцией Ирана с сохранением за ним двух депутатских мест. Заявления, подобные тем, с которыми выступает советник высшего духовного лидера Ирана аятоллы Хусейн Шариатмадари, о том, что Бахрейн является «иранской провинцией, неотъемлемой частью иранской территории, а бахрейнцы выступают с требованиями вернуть их страну под управление Ирана», также не способствуют нормализации отношений [13].

Позицию о том, что в XXI в. подобная риторика является привилегией маргинализированных государственных и религиозных деятелей, разделяют и в Российской Федерации. Не случайно в совместном российско-бахрейнском коммюнике содержался также призыв поддержать усилия, направленные на борьбу с распространением оружия массового поражения и ядерным разоружением, а также поддержать призыв о превращении региона Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового поражения²⁰.

Умеренные политические силы Ирана высказываются против ухудшения отношений с Бахрейном, поскольку осложнение отношений с соседними арабскими странами идёт вразрез с текущей политикой Тегерана. По оценкам старшего научного сотрудника Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН Е. Дунаевой, упрочение отношений с исламским миром будет оставаться приоритетом международной деятельности Х. Роухани²¹. После победы на выборах «шейх дипломатии» на других направлениях также продолжит курс, проводимый в последние четыре года. Данная концепция особенно актуальна для основного достижения политической карьеры Х. Роухани – СВПД. При этом соглашение находится на стадии выполнения, и пока конечный результат в виде снятия международных санкций не будет достигнут, ситуацию вокруг иранского ядерного досье нельзя будет охарактеризовать как устойчивую, и от перехода к условно «наступательной политике» в отношении стран-партнёров Западных держав будут максимально воздерживаться, чтобы не спровоцировать реформирование «зоны отчуждения» вокруг ИРИ со стороны международного сообщества. В то время как экономическая модель, опирающаяся практически исключительно на внутренний ресурс в отсутствие иностранных инвестиций, будет провоцировать отставание от мировых темпов развития либо рост одно-

²⁰ «Визит короля Бахрейна в Москву» [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/07-12-08.htm> (дата обращения: 26.01.2017)

²¹ Умеренность и прагматизм «шейха дипломатии» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/umerennost-i-pragmatizm-sheykha-diplomatii/> (дата обращения: 26.01.2017).

сторонней зависимости от партнёра, который будет продолжать проводить финансовое и технологическое сотрудничество, например КНР [8].

С другой стороны, в 2015 г. было подписано Соглашение по иранской ядерной программе, которое имело ключевую важность для решения целого ряда региональных проблем в области безопасности, включая продвижение концепции безопасности в регионе Персидского залива. Бахрейн²², Кувейт²³ и ОАЭ²⁴ с осторожностью прокомментировали успешное завершение переговоров по ядерной сделке, заявив о возлагаемых на неё надеждах на стабилизацию ситуации в регионе и укрепление безопасности. Как один из осевых спонсоров «иранской сделки» Москва взяла на себя роль адвоката заключённых договорённостей, вынося данную сделку за скобки «дилеммы безопасности» [1; 3]. Международный контроль иранской ядерной программы должен гарантировать её мирный характер, поэтому обеспокоенным странам Залива не стоит пытаться напрямую (прямой эскалацией в отношениях) или косвенным путём (чрезмерным наращиванием собственного наступательного потенциала) саботировать Соглашение.

На этом фоне сообщение о разрыве дипломатических отношений между Бахрейном и Ираном было названо неконструктивным в сложившейся ситуации. Россия, принципиально выступающая за поддержание контактов и диалог в кризисные моменты межгосударственного общения, может выступить в качестве посредника между двумя антагонистичными полюсами в регионе. Такие специалисты-востоковеды, как В. Сажин и И. Саркисян, отмечают, что Иран в принципе способен отказаться от мессианства и стать конструктивным партнёром, как это уже было при президентах А.А. Хахеми-Рафсанджани и М. Хатами^{25,26}.

В данном контексте одним из вариантов развития дипломатического пути снятия напряжения по линии ирано-бахрейнских отношений может стать привлечение с помощью России иранских представителей на один из региональных многосторонних форумов. Важным моментом переговорного процесса является выбор такой площадки и повода для встречи ЛПР или уполномоченных ими лиц, которые не повредят имиджевому статусу переговорщиков как внутри, так и за пределами этих стран [6].

Вместе с тем фиксация на принципиальных позициях при наличии внушительного актива из «болезненных точек» не способствует стабильному формированию протоядра зарождающейся системы региональной безопасности. Что ка-

²² Bahrain minister on Iranian nuclear deal [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-33316681/bahrain-minister-iran-wants-to-control-the-region> (дата обращения: 26.01.2017).

²³ Iran, P5+1 'near' nuclear deal [Электронный ресурс] // Kuwait Times. URL: <http://news.kuwaittimes.net/iran-p51-near-nuclear-deal/> (дата обращения: 26.01.2017).

²⁴ Iran nuclear deal to spur UAE trade, investment [Электронный ресурс] // Gulf News. URL: <http://gulfnews.com/business/economy/iran-nuclear-deal-to-spur-uae-trade-investment-1.1550400> (дата обращения: 26.01.2017).

²⁵ К вопросу о концепции региональной безопасности ССАГПЗ [Электронный ресурс] // РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7797#top-content (дата обращения: 26.01.2017).

²⁶ ИРИ и арабийские монархии на пути к диалогу [Электронный ресурс]. // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=33867> (дата обращения: 26.01.2017).

сается основных характеристик потенциальной системы, то, по мнению РФ, она должна носить инклюзивный характер, поскольку вынесение за скобки одного из существенных элементов подобной системы уже в момент формирования провоцирует её низкую стабильность. Если принятие решений, влияющих на весь спектр региональных процессов, будет происходить без Ирана, то это лишь усилит противоречия в отношениях. По-видимому об этом шла речь в феврале 2016 г. в Сочи, куда второй раз за календарный год прибыл на встречу с В. Путиным король Шейх Хамад ибн Иса Аль Халифа. Особое место занимало обсуждение конкретных задач по выстраиванию согласованного внешнеполитического курса в отношении «точек напряжённости» на Ближнем Востоке в рамках двустороннего сотрудничества, а также ситуации с безопасностью в регионе²⁷.

На данный момент за Бахрейном уже закреплён неофициальный статус переговорной площадки, что лишь упрощает выполнение вышеозначенных задач. Ежегодный форум «Манамский диалог» является одним из наиболее весомых дискуссионных пространств для свободного обмена мнениями по актуальным проблемам Ближнего Востока. Высокий статус гостей, среди которых президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси в 2015 г., премьер-министр Великобритании Тереза Мэй в 2016 г., придает форуму характер площадки, где публично артикулируют основные контуры ближневосточной политики новоизбранные лидеры и их советники. Важной чертой форума является инклюзивность, позволяющая представить всю широту мнений. В 2014 г. приглашение принять участие в форуме получил Иран. В течение двух дней эксперты, политики и военные со всего мира обсуждали ключевые темы, которые волнуют регион – меры по борьбе с террористическими образованиями, пертурбации в Сирии и Ираке, статус выполнения обязательств по иранскому ядерному досье.

У российско-бахрейнской связки в регионе есть существенный потенциал для реализации обоюдовыгодных инициатив. В таком контексте сфера безопасности может выступить основой, агрегирующей в себе политическую, экономическую и техническую составляющие. Подобное взаимодействие представляется чрезвычайно важным для развития двусторонних отношений, поскольку широкий «фундамент» сможет стать «амортизатором» в случае возникновения сложностей в диалоге.

Даже если при увеличении контактов сторонам удастся избежать объективных проблем во взаимодействии из-за столкновения национальных интересов по одному из насущных вопросов, они будут инспирированы извне теми акторами, которые привыкли рассматривать Бахрейн в качестве собственного «непотопляемого авианосца».

Нельзя забывать о том, что с марта 2002 г. Бахреину предоставлен статус «главного союзника, не являющегося членом НАТО» и на территории остров-

²⁷ الأوسط الشرق في لروسيا مهما شريكا تعتبر البحرين: بوتين [Электронный ресурс] // Sputnik. URL: <https://arabic.sputniknews.com/russia/201602081017391960/> (дата обращения: 26.01.2017).

ного государства расположены генеральный штаб 5-го флота ВМС США, региональный передовой пункт управления Сил спецопераций армии США, база ВВС Шейх Иса, центр управления воздушным движением и т. д. Влияние Саудовской Аравии на политический курс Бахрейна также трудно недооценить. Помимо географического соседства, стремлений к унионизму (образованию единого союзного государства), Эр-Рияд фактически обеспечивает внутреннюю стабильность государства в условиях критически настроенной по отношению к правящей династии аль-Халифа шиитского большинства населения.

Например, в силу географической близости Бахрейна к сирийско-иракскому и йеменскому центрам нестабильности проблемы обеспечения внутренней национальной безопасности относятся к категории стратегической важности. Именно поэтому в интервью газете «Аль-Хайят» министр иностранных дел Бахрейна Х. бин Ахмед отдал должное российской роли в урегулировании сирийского конфликта, отказался от упоминания характерной для союзника Эр-Рияда формулы «Асад должен уйти», заявив, что судьба президента Б. аль-Асада должна решаться сирийским народом²⁸. В качестве решения конфликта Х. бин Ахмед ссылаясь на достижения «женевского» и «астанинского» форматов и резолюции Совета Безопасности ООН, что говорит о том, что позиции Москвы и Манама по поводу сирийской проблематики сегодня как минимум не противоречат друг другу.

Объективная выгода от сотрудничества, вынуждает стороны согласовывать партнёрские стратегии с другими акторами. В этом процессе одним из главных критериев успеха выступает последовательность. Слишком быстро развивающееся сотрудничество спровоцирует негативную реакцию со стороны традиционных партнёров, что вызовет кризис, справиться с которым будет проще при наличии прочного фундамента. Тем более, что в ещё недавно российская сторона показала пример успешного преодоления регионального кризиса на примере событий между Москвой и анкарой.

В краткосрочной перспективе наиболее серьёзные опасения на Ближнем и Среднем Востоке вызывает консолидация политико-идеологических блоков; в более отдалённой перспективе на первый план может выйти проблема разобщённости социальных основ политического порядка в регионе. Чтобы устранить новые угрозы международной безопасности, ведущим державам необходимо понять, как реагировать на оба источника дестабилизации. Для России ключом к данному «понимаю» может выступить сотрудничество с Бахрейном на фоне внутривосточных пертурбаций в Королевстве и из-за тесной связи Манама с Эр-Риядом, одним из наиболее активных последователей доктринального и блокового мышления на современном Ближнем Востоке²⁹.

²⁸ Внутренняя и внешняя политика Бахрейна в изложении бахрейнского министра иностранных дел [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=30092> (дата обращения: 26.01.2017).

²⁹ Rebuilding Security in the Persian Gulf [Электронный ресурс]. // The Middle East Institute. URL: <http://www.mei.edu/events/rebuilding-security-persian-gulf> (дата обращения: 26.01.2017).

Идея нормализации отношений между Ираном и арабскими монархиями, хотя и является весьма перспективной с точки зрения дивидендов в виде формирования ядра инклюзивной системы безопасности в регионе, будет тормозиться отрицательной динамикой в субрегионе Персидского залива. Так, кризис вокруг разрыва дипломатических отношений таких региональных игроков, как ОАЭ и КСА с Катаром имеет комплексную природу, однако одной из основных причин такого шага со стороны Эр-Рияда послужили существующие положительные отношения между Тегераном и Дохой. В этой ситуации руководство Бахрейна не только предложило всем катарским дипломатам покинуть его территорию в течение 48 часов, но также вынесло решение о депортации всех проживающих в Королевстве подданных Катара, предоставив им на сборы две недели³⁰. На что проправительственная иранская газета «Джомхурийе эслами» отреагировала словами: «эта страна – марионетка Саудовской Аравии, поэтому в Манама выполняют всё, о чём говорит или даже делает только намёки Эр-Рияд»³¹. По этой причине возможная посредническая роль Москвы усложняется высокой конфликтностью сложившегося в субрегионе климата.

Контакты в сфере ВПК с Москвой для Манама выполняют сразу две функции: первую можно условно обозначить, как «привязка партнёра», поскольку контракты на поставки подобной высокотехнологичной продукции, как противотанковые комплексы «Корнет-ЭМ», новейший истребитель Т-50 (ПАК ФА)³² подразумевают долгосрочное сотрудничество, поскольку техника будет требовать поставок комплектующих частей и обучения персонала. Вторая заключается собственно в повышении боеспособности бахрейнских армейских подразделений. Подписанный в мае 2015 г. межправительственный договор о военно-техническом сотрудничестве между Россией и Бахрейном свидетельствует о том, что слова принца Сальмана бен Хамад аль-Халифа об «отсутствии долгосрочного планирования» в США в силу «подверженности политики Вашингтона избирательным циклам» [15; 17] послужили сигналом к частичной переориентации Королевства на Москву, поскольку Россия своим участием в сирийском конфликте сразу на нескольких уровнях подтвердила верность союзническим обязательствам. Вопрос о том, удастся ли Москве конвертировать реноме надёжного союзника в какие-либо практические дивиденды, остаётся открытым.

³⁰ Bahrain severs relations with Qatar [Электронный ресурс] // Bahrain News Agency. URL: <http://www.bna.bh/portal/en/news/788935> (дата обращения: 26.01.2017).

³¹ Иранские СМИ о катарском кризисе [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=35465> (дата обращения: 26.01.2017).

³² Экономическое и военно-техническое сотрудничество России и Бахрейна [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/spravka/20160208/1370305032.html> (дата обращения: 26.01.2017).

Список литературы

1. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.
2. Исаев В.А., Фшоник А.О. Королевство Бахрейн: опыт развития в условиях изменения ресурсной организации. М.: Институт Ближнего Востока, 2006. 292 с
3. Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 232 с.
4. Bruck, H. Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics / H. Bruck. B. Sapin. R. Snyder. Princeton: Princeton University Press, 1954. 120 p.
5. Doran M.S. and Shaikh S. Bahrain: Island of Troubles // The Arab Awakening. Washington DC: Brookings Institution Press, 2011. Pp. 188-195.
6. Fisher R., Ury W. Getting to YES. Negotiating Agreement without Giving in. 2d ed. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1991. 110 p.
7. Henderson S. Bahrain Boling: Welcome to the Arab Revolt That Failed // Foreign Policy, 23.09.2011.
8. Mahan A. The Persian Gulf and international relations [Электронный ресурс] // Open Library. URL: https://openlibrary.org/books/OL18595166M/The_Persian_Gulf_and_international_relations (дата обращения: 26.01.2017).
9. Mearsheimer J., Walt St. The Case of Offshore Balancing. A Superior US Grand Strategy // Revue internationale et stratégique. 2017/1. No 105. Pp. 70-84.
10. Melkumyan E. A Political History of Relations between Russian and the Gulf States. Research Paper. Arab Center for Research and Policy Studies, December 2015. 18 p.
11. Ottway M. Bahrain: Between the US and Saudi Arabia. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 04.04.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegieendowment.org/2011/04/04/bahrain-between-united-states-and-saudi-arabia/t8> (дата обращения: 26.01.2017).
12. Rebuilding Security in the Persian Gulf [Электронный ресурс]. // The Middle East Institute. URL: <http://www.mei.edu/events/rebuilding-security-persian-gulf> (дата обращения: 26.01.2017)
13. Regional Challenges, Threats, And Opportunities: The Middle East [Электронный ресурс]. // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/courses/regional-challenges-threats-and-opportunities-the-middle-east/> (дата обращения: 26.01.2017).
14. Rousseau R. Saudi Arabia And Iran: Opposite Poles In The Persian Gulf. New York: NBM Publishing, 2012. 339 p.
15. 'Schizophrenic' US foreign policy pushing Arab states toward Russia, Bahrain warns // The Telegraph [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/10504011/Schizophrenic-US-foreign-policy-pushing-Arab-states-toward-Russia-Bahrain-warns.html> (дата обращения: 26.01.2017).
16. Stability and Instability in the Gulf Region in 2016 [Электронный ресурс]. // Centre for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/stability-and-instability-gulf-region-2016> (дата обращения: 26.01.2017)
17. Wehrey F. The Precarious Ally: Bahrain's Impasse and US Policy. London: Chatham House, February 2013. 38 p.

Об авторе:

Аль-Тамими Халед Мохамед Али – сотрудник Министерства иностранных дел Королевства Бахрейн, P.O. Box 547 Government Road Manama, Kingdom of Bahrain. E-mail: kmt222@yahoo.com.

COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND BAHRAIN IN THE FIELD OF REGIONAL SECURITY

Khaled Mohamed Ali Al-Tamimi
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-194-209

The minister of foreign affairs, Kingdom of Bahrain

The article examines the current state of and prospects for cooperation of the Russian-Bahraini relationship in the context of the formation of a regional security system. The author analyzes the bilateral agenda between Moscow and Manama in the broad context of the legacy of the USSR in the region, the wide-ranging course of the Russian Federation towards the Middle East in general and the states of the Persian Gulf in particular. Also, the study takes into account the factor of other extra-regional presence in this subsystem, special attention in this context is paid to the role of the United States.

As a result of the analysis, the author formulated his own characteristic of the general trends of Russian policy towards the countries of the Persian Gulf. At the same time, relations with Bahrain were considered in the framework of several "baskets" - the most relevant problems for both states, whose influence could be extrapolated from the bilateral agenda to regional and subregional security issues. To such "baskets" the author included problems: Arab-Persian contradictions, terrorism and extremism, Shia-Sunni confrontation, interstate relations in the format of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. The subject of the study was concentrated on the compatibility of Russian and Bahraini positions on these issues in the context of the formation of a regional security system.

Key words: Russian-Bahraini relations, regional security, GCC, terrorism, conflicts, Arab-Persian confrontation, foreign policy contradictions, cooperation, Riyadh, national interests.

References

1. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on the theory and political analysis of international relations]. Moscow, NOFMO Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
2. Isaev V.A., Fshonik A.O. *Korolevstvo Bakhrein: opyt razvitiia v usloviakh izmeneniia resursnoi organizatsii* [Kingdom of Bahrain: experience of development in the conditions of changing the resource organization]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ., 2006. 292 p. (In Russian)
3. Khrustalev M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskoi ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology]. Moscow, NOFMO Publ., 2008. 232 p. (In Russian)
4. Bruck N. *Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics* / H. Bruck. B. Sapin. R. Snyder. Princeton: Princeton University Press, 1954. 120 p.
5. Doran M.S. and Shaikh S. *Bahrain: Island of Troubles // The Arab Awakening*. Washington DC: Brookings Institution Press, 2011. Pp. 188-195.
6. Fisher R., Ury W. *Getting to YES. Negotiating Agreement without Giving in*. 2d ed. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1991. 110 p.
7. Henderson S. *Bahrain Boling: Welcome to the Arab Revolt That Failed // Foreign Policy*, 23.09.2011.
8. Mahan A. *The Persian Gulf and inter-*

- national relations [Elektronnyi resurs] // Open Library. URL: https://openlibrary.org/books/OL18595166M/The_Persian_Gulf_and_international_relations (data obrashcheniia: 26.01.2017).
9. Mearsheimer J., Walt St. The Case of Off-shore Balancing. A Superior US Grand Strategy // *Revue internationale et stratégique*. 2017/1. No 105. Pp. 70-84.
 10. Melkumyan E. A Political History of Relations between Russian and the Gulf States. Research Paper. Arab Center for Research and Policy Studies, December 2015. 18 p.
 11. Ottway M. Bahrain: Between the US and Saudi Arabia. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 04.04.2011. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.carnegieendowment.org/2011/04/04/bahrain-between-united-states-and-saudi-arabia/t8> (data obrashcheniia: 26.01.2017).
 12. Rebuilding Security in the Persian Gulf [Elektronnyi resurs]. // The Middle East Institute. URL: <http://www.mei.edu/events/rebuilding-security-persian-gulf> (data obrashcheniia: 26.01.2017)
 13. Regional Challenges, Threats, And Opportunities: The Middle East [Elektronnyi resurs]. // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/courses/regional-challenges-threats-and-opportunities-the-middle-east/> (data obrashcheniia: 26.01.2017).
 14. Rousseau R. Saudi Arabia And Iran: Opposite Poles In The Persian Gulf. New York: NBM Publishing, 2012. 339 p.
 15. 'Schizophrenic' US foreign policy pushing Arab states toward Russia, Bahrain warns // The Telegraph [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/10504011/Schizophrenic-US-foreign-policy-pushing-Arab-states-toward-Russia-Bahrain-warns.html> (data obrashcheniia: 26.01.2017).
 16. Stability and Instability in the Gulf Region in 2016 [Elektronnyi resurs]. // Centre for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/stability-and-instability-gulf-region-2016> (data obrashcheniia: 26.01.2017)
 17. Wehrey F. The Precarious Ally: Bahrain's Impasse and US Policy. London: Chatham House, February 2013. 38 p.

About the author:

Khaled Mohamed Ali Al-Tamimi – officer of the minister of foreign affairs, Kingdom of Bahrain, P.O. Box 547 Government Road Manama, Kingdom of Bahrain.
E-mail: kmt222@yahoo.com.

«ПЕРЕОТКРЫТИЕ» ЗНАНИЯ О БУДУЩЕМ: ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ ДО 2050 ГОДА

С.А. Кравченко, А.И. Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается динамика знания о будущем, факторы, обуславливающие потребность его «переоткрытия» сегодня, среди которых: переход человечества к доминированию нелинейного развития; возникновение сложных систем, потенциально предрасположенных к производству катастроф; разрушение глобализацией естественных границ локальных человеческих цивилизаций, что при становлении единой социо-техно-природной реальности приводит к непосредственным взаимодействиям и новым конфликтам между ними. Это побудило учёных сформировать новые модели будущего и, соответственно, иные теоретико-методологические инструменты социального прогнозирования, на основе чего предлагаются сценарии среднесрочного (до 2025 г.) и долгосрочного (до 2050 г.) видения международной и военно-политической обстановки. Теоретическим базисом для настоящей статьи стали доктрины риска, разработанные в работах классиков и современных учёных в области социальных наук.

Авторы исходят из того, что валидность предложенных сценариев, доверие к знанию о безопасности обусловлено комплексным учётом основных стабильных и переменных факторов, определяющих и формирующих сценарии развития России в эти периоды. Для долгосрочного прогнозирования обосновывается лонгитудно-сценарный метод, предполагающий создание модели вероятного сценария международной и военно-политической обстановки на основе большого эмпирического массива информации, который анализируется в динамике на нескольких этапах, и с учётом влияния основных объективных групп факторов, что в итоге позволяет выделить и обосновать три стратегических направления обеспечения безопасности России в XXI в. Сделаны выводы, являющиеся основой для будущих сценариев развития России, среди которых показывается весьма значимая роль субъективного фактора, проявляющаяся в качестве и намерениях правящей политической элиты, что существенно влияет на характер и скорость преобразований в стране.

Ключевые слова: будущее, динамика знания, безопасность, лонгитудно-сценарный метод, стратегический прогноз, факторы развития, сценарий развития, гуманистический поворот, правящая элита.

Обществоведы всегда уделяли особое внимание будущему человечества. Как правило, его видение было религиозно и идейно ангажированным, и потому выдвигаемые сценарии в своём подавляющем большинстве были оптимистичными и радужными. Споры в основном велись вокруг конкретных вызовов, мешающих людям жить счастливо в мире и добре; основных факторов и возможных средств, призванных обеспечить становление такого будущего. В древние времена будущее имело сакральное значение: оно зависело от Бога, избавляющего бедствующих от несправедливости и преследований путём таких средств как благодать – незаслуженного дара человеку или наказания грешников, «подавляющих истину неправдою», а в исключительных случаях обретения жизни после смерти. «По Библии, человеку не присуще бессмертие; только целостный человек, его душа и тело, может обрести бессмертие» [22, с. 122]. Мыслители эпохи Просвещения были преисполнены верой в силу разума, исходили из того, что на пути к социальному счастью человечество в принципе может преодолеть все «отсталые» формы знания. Такой подход работал на то, чтобы утвердить десакрализацию представлений о будущем.

Классики социологии предложили более конкретное видение перспектив развития человечества, исходя при этом из обоснованных ими «объективных законов», а также характерных идейных убеждений. Так, Э. Дюркгейм главным фактором будущего мыслил «закон углубления разделения труда», который «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации» [3, с. 46]. К. Маркс исходил из открытых им «законов формационного развития человечества» от «низшей» стадии к «высшей» и потому все социальные коллизии связывал с ущербностью капиталистических экономических отношений, а справедливое будущее видел в «положительном упразднении *частной собственности*, как присвоении *человеческой жизни*» [9, с. 259]. М. Вебер, напротив, полагал, что современный капитализм способен «обуздать» иррациональные стремления людей, соответственно, путь в будущее – «рациональное регламентирование» жизнедеятельности людей [1, с. 48].

На протяжении XX в. эти подходы претерпели существенные изменения, сохранив, однако, общие, «универсальные» основания, главные из которых таковы: 1) будущее человечества едино, обусловлено «объективными законами» и/или принципами рационализма, социальной справедливости; 2) оно – результат эволюционного или революционного развития исключительно самих обществ (факторы динамики природных и ресурсных условий, а также возможных разрывов исторической преемственности, «вдруг-событий», парадоксов, метаморфоз и т.п. во внимание не принимались как в принципе «незначимые»); 3) человек по своей природе рационален и добр, соответственно, облик будущего детерминирован прогрессом науки и техники, искоренением неравенства и несправедливости.

На рубеже XX и XXI вв. стало очевидно, что «универсальные» знания о будущем, весьма распространённые в общественном сознании и на Западе, и на Востоке, не выдержали испытания временем. Отметим главные тому причины: человечество перешло к качественно иному, нелинейному тренду развития; естественные границы цивилизационных образований (моря, океаны, горы) в эпоху глобализации утратили прежний характер непреодолимых барьеров; при этом каждая цивилизация, обладающая культурной и функциональной регидностью, пытается сохранить и распространить своё сакральное наследие как «общезначимое» на весь ставший открытым мир, что порождает невиданные ранее конфликты; относительно независимые общество, природа, техника ныне образуют единую социо-техно-природную реальность, для которой нормой становится совместное турбулентное существование (тенденции его функционирования только начинают изучаться) [8, с. 113–123]. Как считает известный британский социолог Дж. Урри, современные общества суть сложные системы, гибриды «экономического, физического, технологического, политического и социального. Системы не могут быть сведены к одному из этих «элементов». Они социоматериальны» [32, с. 62]. По своей природе (способности проявлять внутреннюю «волю» – причинность) они рискогенны, уязвимы, воспроизводят потенциальные неокатастрофы в виде «нормальных аварий» [28; 29] и перманентного «побочного ущерба» [24], которые по своим последствиям не ограничены конкретными пространственно-временными координатами. Наконец, традиционно общественные науки аккумулировали знание о социальных изменениях – будь то эволюционных или революционных, но предполагавших сохранение базовых определённости, или о культурно-экономических трансформациях (как правило, в виде реформ). Ныне, как считает немецкий рисколог У. Бек, в мир входят метаморфозы, шокирующие учёных, политиков, рядовых обывателей тем, что они подрывают антропологические константы нашего прежнего существования и понимания мира. То, что было немыслимо в XX в., в XXI столетии становится возможностью и реальностью: «Это создаёт совершенно другой способ концептуализации мира и наших шансов на выживание в нём... “В каком мире мы фактически живём?” Мой ответ следующий: в метаморфозе мира» [25, с. 4].

Новейшие подходы к будущему

В силу описанного выше становления сложных реалий приходится не просто уточнять прогностические модели, а «переоткрывать» знание о будущем. Эту миссию во многом взяли на себя социологи, а также социально ориентированные представители естественных наук, принявшие участие в III Форуме Международной социологической ассоциации, состоявшемся в Вене 10–14 июля 2016 г., посвящённом исследованию будущего. По существу, положено начало «переоткрытию» будущего, что потребовало привлечения междисциплинарных знаний представителей всех наук.

Отметим в самых общих чертах семь новаций этого «переоткрытия». 1. Возникли принципиально новые условия жизнедеятельности, становление которых обусловлено ускоряющейся и усложняющейся динамикой не только социума, но и природных реалий. Пожалуй, впервые столь остро поставлен вопрос о том, что будущее человечества зависит от адекватного ответа на природные и ресурсные вызовы: «турбулентность климата», распространение «мёртвой почвы» и «мёртвой воды» [30, с. 81]. 2. Если прежде учёные ранжировали конкретные общества по их «зрелости» для перехода к общему будущему, то ныне реалии столь сложны и диверсифицированы, что это создаёт возможность разного будущего человечества. Форум проходил под девизом: «Будущие (!), которые мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». 3. Движение к будущему предполагает учёт как линейного, так и нелинейного развития, из чего следует допущение как нормы социальных разрывов, культурных травм и метаморфоз. Примечательно, что У. Бек, один из немногих, видит в этом не новый фактор алармизма, а потенциальную возможность «позитивных побочных эффектов плохого», добавляя, что «метаморфизация» отнюдь не представляет собой стихийный и хаотический процесс: будущее человечества зависит от принятия людьми «значимых политических решений» [25, с.4, 20]. В этом контексте, на наш взгляд, «значимые» решения следует понимать как поиск качественно новых – непрагматических – трендов и парадигм. Вся наука нуждается в гуманистическом повороте, а человечество – в гуманистически ориентированной политике [7]. 4. С учётом возникших вызовов и угроз переосмысливаются потенциальные средства достижения желательных будущих, их объективные и субъективные потенциалы и угрозы. Так, в массовом масштабе возник феномен «силы слабости»: террорист-одиночка может нанести сокрушительный удар, сравнимый по масштабам с Чернобылем и Фукусимой [33, с. 277–282]. 5. Дан импульс исследованию изменяющейся природы катастроф. Главными причинами неокатастроф Дж. Урри называет рукотворные трансформации, ведущие к «потенциальному коллапсу человеческих обществ» [32, с. 37]. 6. Знание о будущем дополняется научным незнанием: это не невежество, а более высокое знание, включающее скептицизм, самокритику, гипотезы, предполагающие возможность невозможного. «Мировое общество риска – это общество незнания в самом прямом смысле... оно – продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать. Чем больше угроза, чем больше разрыв в знании, тем больше необходимость и невозможность принятия решения» [26, с. 115, 117]. В этом контексте принятие политически важных решений, воистину, заставляет «семь раз отмерить», прежде чем «резать». 7. По-новому оценена функциональность виртуальной реальности, позволяющая не только стирать грань между прошлым, настоящим и будущим, но и привносить инсценированное будущее в настоящее. Фейковая информация, «спектакли» с реальными и фальсифицированными

взломами серверов ведут к дисперсии между событиями и «не-событиями» [23], реальными и мифическими угрозами. Воображаемые вызовы и инсценированные риски не безобидны: зачастую они побуждают политиков принимать неадекватные решения, негативно влияющие на характер будущего [6, с. 139–143]. Соответственно, в контексте «переоткрытия» знания о будущем необходимо рассматривать перспективы безопасности локальных человеческих цивилизаций, государств, сообществ, самой жизни на Земле.

Инструментарий долгосрочного прогнозирования

На взгляд авторов, анализ и долгосрочный прогноз развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) в мире, в принципе возможен при соблюдении двух условий. Во-первых, необходимо использовать валидные инструменты исследования, включая лонгитудно-сценарный метод, а также междисциплинарные подходы, предполагающие интегральный инструментарий социально-политических, естественных и гуманитарных наук. Во-вторых, требуется адекватно выбирать собственно реалии изучения с учётом контекста их динамики (сжатия социального пространства, скорости и характера изменения). Очевидно, что существуют относительно стабильные и долгосрочные объективные факторы, влияющие на развитие МО-ВПО (международной и военно-политической обстановки) и отдельных государств. Их учёт позволяет прогнозировать развитие экономики нескольких стран на долгосрочную перспективу.

Существуют и субъективные факторы в виде качества политической элиты, её готовности к модернизации собственной страны и международных отношений, восприятия ею инсценированных вызовов и рисков. Подчёркнём, инсценирование не предполагает изначальную фальсификацию: это могут быть представления, ценностные и мировоззренческие установки отдельных социальных групп правящей элиты относительно объективных реалий (например, интересы государства), которые иногда могут «отрываться» от этих реалий, т.е. быть недостаточно адекватными. В этом заключается главная сложность политического анализа и долгосрочного прогноза: трудно с точностью определить, что лежало в основе того или иного решения, какой интерес (потребность) – личный, групповой, национальный или глобальный [16, с. 23–156].

По нашему мнению, для долгосрочного прогнозирования эффективен лонгитудно-сценарный метод, предполагающий создание модели вероятного сценария МО, ВПО или какого-то государства на основе большого эмпирического массива информации, который потом анализируется в динамике на нескольких этапах с учётом влияния основных групп факторов. Такая модель, например, была создана в результате многолетнего исследования сотрудниками Центра военно-политических проблем МГИМО МИД России в 2014–2017 гг. [13, с. 27–91]. В частности, развитие МО и ВПО в мире (применительно

к России до 2025 и до 2040 гг.) допускает возможность ряда сценариев, наиболее вероятными из которых представляются только три. Причём эти три сценария (и их конкретные варианты) распределяются по времени на среднесрочные (до 2025 г.) и долгосрочные (до 2050 г.). Изначально эти сценарии исходят из анализа существующего сценария развития России, предложенного правительством РФ, что, впрочем, не всегда делает их результаты валидными в силу субъективности оценок его работы разными фракциями Государственной думе. Дисперсия оценок также обусловлена степенью влияния известных и новых парадигм будущего: если сценарии и их варианты развития России до 2025 г. в основном инерционны, находятся под влиянием известных парадигм, то сценарии развития на период 2025–2050 гг. составляются под влиянием качественно новых парадигм. При этом для обоих этапов анализа и прогноза (до 2025 и 2050 гг.), а также всех исследуемых сценариев и их конкретных вариантов развития России, характерны некоторые общие тенденции, факторы и черты, относящиеся к собственно российской специфике.

Постоянные внешние факторы, определяющие суть сценария

Среди них – фактор территории и географического положения России. Территория страны, охватывающая значительную часть северо-востока Евразии, составляет 1/7 часть мировой суши. Её территория, с одной стороны, весьма обособлена, даже изолирована пространствами Арктики и малонаселённых районов Центральной Азии. Одновременно Россия граничит со всеми основными центрами силы и локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ). Подобное географическое положение позволяет России сохранить в будущем свою самодостаточность, как оптимальную функциональность сложной социальной системы, проявляющуюся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами [12, с. 792–793] – регионами и странами, используя при этом как преимущества глобализации и международной торговли, так и свои имманентные потенции для саморазвития. Россия – это «ядро» евразийской интеграции, без сотрудничества с которым трудно развивать отношения западных, южных и восточных регионов Евразии. Стратегическое положение делает страну ключом к формированию системы безопасности на всём континенте: ни Индия, ни Китай, ни Европа, ни страны Центральной Азии не могут существовать в безопасности без учёта интересов России, что делает её положение исключительно выгодным с точки зрения любых инициатив по созданию систем безопасности в Евразии.

Вместе с тем это положение России превращает её в приоритетный объект для внешнеполитического и военно-политического давления. Так, например, США и НАТО:

– не могут эффективно влиять на ситуацию в Центральной Азии и на политику целого ряда стран – от Ирана до Афганистана – без учёта позиции России;

- не могут оказывать беспрепятственное давления на КНР с севера, северо-запада и запада, что обеспечивает России сильные позиции в отношениях с КНР;

- лишены рычагов эффективного влияния на страны Ближнего и Среднего Востока, которые (как Сирия) могут получить поддержку России.

Таким образом, в перспективе на развитие России будут оказывать влияние факторы её самодостаточности в Евразии и мире. С точки зрения западной ЛЧЦ и США, это означает только одно: растущую актуальность вовлечения России в свою внешнюю политику, либо её подчинение своей воле.

К постоянным значимым факторам, определяющим облик будущего страны, следует отнести концентрацию значительных природных ресурсов. По мере роста численности населения в мире и расширения его потребностей совершенно по-новому встаёт вопрос о роли природных ресурсов в развитии социума, что получило отражение в обосновании Дж. Урри понятия «ресурсный поворот»: «Я ратую за “ресурсный поворот”, позволяющий анализировать общества посредством паттернов, шкал и характера их ресурсной зависимости, а также последствий использования ресурсов ..., увеличивающуюся значимость приобретает продовольственная и водная безопасность; ... человеческие и физические системы существуют в состоянии динамического напряжения и особенно уязвимы перед динамическими нестабильностями» (сокращение запасов полезных ископаемых, экстремальные природные катаклизмы, опустынивание, возникновение «высокомобильных заболеваний» и т.д.), что в итоге приводит к появлению «инвайронментальных беженцев» [31, с. 16, 44, 45].

Перед лицом этих мировых вызовов положение нашей страны можно оценить как весьма благополучное, поскольку само наличие огромных запасов природных ресурсов, от использования которых зависит благополучие целых регионов, усиливает значение России в мире. Вместе с тем эти же обстоятельства будут способствовать развитию внешних угроз, связанных с получением доступа к этим ресурсам. Западная ЛЧЦ может быть заинтересована в получении льготного доступа к «экологически дружественной почве», чистой воде, соответственно, международному «переделу» этих ресурсов и получению права их пользования.

Возрастает геополитическое значение транспортных коридоров России. Невыгодная в прошлом «вытянутость» России может превратиться в огромное преимущество в связи с перспективами развития товарообмена между КНР и странами Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и европейскими странами – с другой. Часть новых «шёлковых путей» будет проходить через территорию России, обеспечивая нашей стране дивиденды не только от транзитной торговли, но и военно-политические: развитые коммуникации могут быть уникальными или одним из немногих путей оперативной доставки грузов военного назначения. Неизбежно это будет повышать значение России в мире, но, одновременно, и стремление других стран контролировать транспортные коридоры. История

человечества полна примерами тому: конфликты вокруг Суэцкого и Панамского каналов, черноморских проливов и иных стратегических объектов. Заметим, что расширения пропускной способности Суэцкого и Панамского каналов может оказаться недостаточно, а блокировка (пиратство, ставшее частью мирового терроризма) и другие препятствия могут ещё больше поднять значение российского транзита.

Низкая плотность населения, а также низкие темпы воспроизводства демографического и в целом человеческого капитала становятся долговременным фактором, оказывающим влияние на развитие страны. С одной стороны, даже самые решительные меры властей не способны быстро исправить демографическую ситуацию, особенно в восточных регионах России, а с другой стороны, исключительные меры по повышению качества национального человеческого капитала могут резко изменить ситуацию в пользу благоприятных перспектив развития России [18].

Эти и другие внешние факторы объективно влияют на государственную и военную мощь России, предоставляя ей «от Бога» статус великой державы. Ещё классик социологии Г. Зиммель, предложивший для интерпретации обществ методологию социальной геометрии, отмечал, что организации общественной жизни, сходные по политической форме, характеру осуществления управления и т.д., могут существенно различаться ввиду исключительности их пространства и границ. Эти идеи были задействованы и российско-американским социологом П.А. Сорокиным, который подчёркивал, что идентичность населения, «непрерывность социальных форм» детерминирована «постоянством территории, на которой живут члены данного социального коллектива». Однако данная непрерывность не абсолютна, она может нарушаться из-за внешних давлений: «Когда народ изгнан или покорён народом-победителем, мы говорим: государство изменилось, хотя территория осталась той же» [21, с. 363].

Переменные внешние факторы

Ключевое значение среди группы переменных факторов, формирующих политику государств, имеет система национальных ценностей и интересов, которая весьма важна для определения возможных сценариев будущего страны и её безопасности. Академик РАН М.К. Горшков при диагностике нынешнего этапа развития российского социума выделил как базисные, так и ситуативные, или переменные, факторы, определяющие, с одной стороны, уникальную устойчивость ментально-ценностных характеристик россиян, а с другой – вектор и параметры динамики социокультурного развития. Диагностика учитывала конкретные возможности задействования всех ресурсов общества, его экономического, духовного, нравственного, социокультурного и психологического потенциала в моделях ускоренного экономического развития страны до 2030 г. [2, с. 9], что позволяет не только оценивать нынешнее состояние России,

но и прогнозировать её будущее. В качестве примера устойчивости ценностей на базе новых парадигм можно привести практику И.В. Сталина конца 30-х и начала 40-х гг., когда в армию СССР постепенно вернули не только форму, звания и должности, но и ордена, традиции, структуру российских вооружённых сил, а в управление страной – министерства. То же самое фактически произошло в последние десятилетия и в России: возрождены гимн, должности губернаторов, сенаторов, премьеров и пр.

Среди многочисленных переменных, определяющих сценарий развития России, очень большое значение имеет такой субъективный фактор, как качество принимаемых правящей элитой решений. Опыт последних десятилетий СССР и России показывает, что именно субъективный выбор элитой сценария развития, в конечном счете, оказывался решающим фактором успеха, который можно измерить объективными показателями ВВП. Так, в 1928 г. восстановленная «только-только» на уровне 1913 г. экономика России по индустриальному потенциалу составляла 72% от экономики Великобритании 1900 г. (США – 533, Англии – 135, Германии – 158), а ВВП СССР составлял 5,3% мирового (США – 39,3%) [23], а через 10 лет её объём достиг уровня второй экономики мира. И наоборот. Реформы 1990–2017 гг., занявшие 27 лет (!), дали абсолютный прирост ВВП не более 30%. Причём именно в эти годы экономика других стран, прежде всего Китая, Индии, Бразилии, развивалась опережающими темпами. Если, например, в 1990–2013 гг. внешние условия были скорее благоприятны для России (некоторые эксперты и политики даже считали, что «уникально благоприятны»), а национальные ресурсы – достаточно стабильны, то эффективность принимаемых решений была очень низкой, что стало главной причиной катастрофического снижения доли продукции обрабатывающих отраслей экономики и качества национального человеческого капитала [14].

Развитие России, выбор ею сценария и его реализация зависят не столько от внешних условий, которые будут меняться относительно медленно, или объёма национальных ресурсов, сколько от эффективности решений, принимаемых правящей элитой. Иначе говоря, роль субъективного фактора в выборе сценария развития, в особенности его конкретного варианта, очень велика, что делает стратегический прогноз развития России до 2050 г. в значительной степени зависимым от социальных переменных величин: внутривнутриполитической стабильности, эффективности государственного управления, качества правящей элиты. Учёт этих факторов позволяет выделить три наиболее важных стратегических направления обеспечения безопасности России, которые пока игнорируются в прогнозах.

Три стратегических направления обеспечения безопасности России в XXI в.

В среднесрочной перспективе наиболее важным с точки зрения обеспечения безопасности России представляется европейское стратегическое направление,

на котором развивается конфликт на Украине, остаётся неразрешённой ситуация в Приднестровье, а также формируется блок антироссийских государств из числа бывших советских республик и стран Восточной Европы. Близость к центральным районам России, мощные ресурсы Украины придают этому направлению исключительно важное стратегическое значение в реализации стратегии военно-силового противоборства с Россией [15]. На этом направлении расположены также «новые» европейские государства, составляющие сегодня периферию «старой» Европы, которые могут быть использованы против России без риска для США и НАТО. Ресурсы этих государств, военные расходы, численность населения, ВВП и демографические показатели, вполне сопоставимы с российскими. Антироссийский фронт, созданный западной ЛЧЦ, – фактор универсальный и долгосрочный.

Другое важное стратегическое направление – среднеазиатское. Оно обладает огромным конфликтным потенциалом из-за внутривнутриполитической нестабильности и – особенно важно – претензий западной и китайской ЛЧЦ на продвижение здесь своих интересов и ценностей. Это стратегическое направление, как представляется, недооценено с точки зрения его военно-политической угрозы.

Наконец, третье направление – вероятная угроза с востока (АТР и Дальний Восток России), где в XXI в. сконцентрируются основные противоречия между будущими мощными центрами силы. Здесь позиции России не могут быть быстро усилены. Противоречия между разными центрами силы могут вылиться в разного рода угрозы безопасности России и требуют не только их учёта, но и соответствующих корректив в планах развития страны. Новые центры силы – КНР, страны Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, Япония, США, Россия – видят в этом регионе целый спектр жизненно важных для себя интересов, столкновение которых представляется весьма вероятным.

Рост числа и интенсивности конфликтов и спецопераций

Количество и интенсивность войн и конфликтов в новом веке не сократится, а, вероятнее всего, увеличится, что надлежит учесть в стратегическом прогнозе и планировании России на период до 2050 г. Актуальность этой проблемы резко возрастает в связи с тем, что противники России активно используют самые различные способы и средства не только возбуждения существующих противоречий, но и создания качественно новых дестабилизирующих ситуаций. Из этого следует следующий вывод: для всех сценариев и вариантов развития России до 2025 г. будет характерен рост численности, масштабов и интенсивности военных конфликтов. Они потенциально концентрируются:

– в области национальных отношений, причём не только на окраинах страны, но и в центральных городах России. Это требует отнести к межнациональному согласию как важнейшему ресурсу консолидации российского общества [10];

- в области религиозных отношений [4];
- в области социальных отношений [19].

Одним из важнейших долгосрочных дестабилизирующих факторов будет быстрый рост населения развивающихся стран, принадлежащих к «среднему классу», что, в свою очередь, потребует необходимых ресурсов, то есть вырастет спрос на продукты питания, воду, сырьё, увеличится давление человека на окружающую среду. Кроме того, по оценкам известного испанского социолога М. Кастельса, под влиянием неконтролируемой многомиллионной миграции в развитых странах мира сформировались два новых типа работников: занятые «самопрограммируемым трудом» и занятые «непатентованным трудом», те, кто «готовы принять любые условия, чтобы получить работу»; при этом «число нелегальных рабочих продолжает увеличиваться» [27]. Эти тенденции неизбежно изменят как социальную, так и этническую структуру российского общества и, как следствие, – состояние внутривнутриполитической стабильности в некоторых регионах России.

В целом проблемы, связанные с качеством человеческого капитала, станут ключевыми при любых сценариях развития России до 2025 г. Государственная и цивилизационная мощь определяются, прежде всего, качеством человеческого капитала нации, способностью её представителей к творческому мышлению, что определяется эффективностью институтов развития человеческого капитала. Особое внимание следует уделить латентным и отложенным рискам человеческого капитала как производным от научной и инновационной деятельности людей, проявляющимся в процессах медиализации, градостроительства, манипуляциях с модами и диетами [8, с. 207–212].

Неравномерность распределения человеческого капитала

Принципиально важно увеличить численность населения отдельных регионов России, что потребует специальных мер. Во многом именно эта геополитическая обстановка формирует и ВПО вокруг России.

На протяжении последних трёх столетий наша страна была главным динамическим ядром Евразии и гуманистическим центром притяжения своих соседей. Именно Россия одной из первых принесла плоды европейской культуры на Кавказ, в Центральную Азию и на Дальний Восток. Однако в XXI в. на евразийском пространстве Россия будет вынуждена конкурировать с Китаем, ЕС, США, Турцией и Ираном. Главным вызовом в этой борьбе для России станет её демографическая ситуация, которая в последние годы характеризуется низкой рождаемостью [18; 20]. Даже успехи в развитии экономики и технологий будут тщетными, если страна продолжит терять человеческий капитал в количественном и качественном отношениях. Именно поэтому система оценки эффективности деятельности глав российских регионов в качестве одного из главных включает демографический критерий.

Таким образом, анализ современных реалий позволяет в качестве основы будущих сценариев развития России сделать следующие предварительные выводы:

1. Как экономический центр силы Россия и возглавляемая ею ЛЧЦ слабы и даже теряют своё относительное значение. С разной степенью успеха Россия спорадически усиливает влияние в мире, но за счёт внеэкономических областей, что требует от неё дополнительных усилий и ведёт к торможению темпов социально-экономического развития. При этом относительные резервы наращивания военной мощи западной ЛЧЦ существуют, а у российской практически исчерпаны, если не переходить на уровень милитаризации. В настоящее время военные расходы в России составляют порядка 4% ВВП, а в странах Запада (исключая Саудовскую Аравию и Израиль) – от 1,2% в Германии до 3,5% в США. Это означает, что Запад относительно безболезненно может значительно увеличить свои военные расходы (до 2–2,5%, или на 250–350 млрд долл.), что для России нереально.

2. Уникальность российской ЛЧЦ, природные ресурсы, положение, территория, границы, превращают её в самодостаточное «ядро» всей Евразии и предоставляют ей серьёзные геополитические преимущества, включая возможность сохранения национальной идентичности и суверенитета даже в условиях относительного отставания в экономической области. Однако такое положение не может продолжаться бесконечно долго. У России есть существенные геополитические, природные и промышленные ресурсы для опережающего развития, о чём свидетельствует высокое место, которое она занимает в мире по отдельным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства [17, с. 536]. В короткие сроки их нужно максимально эффективно задействовать в интересах безопасности страны.

3. Неравномерность развития мировых центров силы, ЛЧЦ и ведущих стран ставит под угрозу не только будущие позиции России в мире, но и саму возможность сохранения ею самодостаточности, государственного суверенитета и идентичности. До определённого времени отставание может не угрожать государственному суверенитету, но превращаясь в очевидный материализуемый вызов, оно представляет реальную угрозу политическому суверенитету, государственности, национальной идентичности и цивилизационным основам существования страны.

Любой прогноз не должен быть простой экстраполяцией существующих реалий и тенденций. Мир неизбежно сталкивается со сменой парадигм своего развития, а в переходные периоды (в котором мы со всей очевидностью находимся сегодня) эта смена происходит особенно быстро и радикально. Это означает, что в прогнозах на долгосрочную перспективу следует принять во внимание неизбежность нелинейных перемен. Вот почему состояние и перспективы развития России целесообразно рассматривать в рамках двух периодов – среднесрочного, до 2025 г., и долгосрочного, до 2050 г., имея в виду неизбежные качественные

изменения в системах знания, смену основных парадигм развития страны, которые должны произойти за это время не только в России, но и в мире.

Наконец, выбор сценария развития и его варианта зависит от ряда субъективных факторов. Для России это, прежде всего, качество и намерения правящей политической элиты, которая (как неоднократно показывала история) способна радикально в короткие сроки повлиять на вектор развития страны и общества. Вот почему в прогнозе всегда присутствуют несколько конкретных вариантов реализации того или иного сценария. Это не просто желательно, но и необходимо для того, чтобы сценарий в условиях выбора того или иного вектора модернизации страны оставался многовариантным, опирался на междисциплинарное знание [5]. При этом любой сценарий развития России в 2017–2050 гг. будет формироваться под сильным влиянием внешних факторов, которые в этот период могут оказаться не просто сильными, но и решающими.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 тт. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. Каргина И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М.: МГИМО–Университет, 2014. 278 с.
5. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие расколы социологии ради более равноправного мира // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 29–38.
6. Кравченко С.А. Будущее: по материалам Форума Международной социологической ассоциации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 139–143.
7. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12–23.
8. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 431 с.
9. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Социология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 432 с.
10. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.
11. Никонов В.А. Молотов: наше дело правое. М.: Молодая гвардия. Кн. 1, 2016. 248 с.
12. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
13. Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО–Университет, 2015. 325 с.
14. Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т.1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013. 362 с. 362 с. 101 с.
15. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО–Университет, 2015. 169 с.
16. Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. М.: МГИМО–Университет, 2015. 464 с.
17. Российский статистический ежегодник 2016. Статистический сборник: Россия в цифрах: Росстат, 2016. 536 с.
18. Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
19. Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М.: Альфа-М, 2009. 160 с.
20. Рыбаковский Л.Л. Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 23–30.
21. Сорокин П.А. Система социологии. Т.1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. 447 с.
22. Элвелл У. Теологический энциклопедический словарь. М.: Ассоциация «Духовное возрождение».

- дение», 2003. 1488 с.
23. Baudrillard J. The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995. 87 p.
 24. Bauman Z. Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age. Cambridge: Polity Press, 2011. 244 p.
 25. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 p.
 26. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.
 27. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. 2d ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p.
 28. Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1999. 464 p.
 29. Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011. 388 p.
 30. Sassen S. Relocalizing the National and Horizontalizing the Global // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10–14.07.2016, Vienna, Austria. 392 p.
 31. Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011. 217 p.
 32. Urry J. What is Future? Cambridge: Polity Press, 2016. 200 p.
 33. Yanitsky O.N. Terrorist Infrastructure and Urban Milieu // Science and Education: Materials of the X International Research and Practice Conference, 2015. Vol. 2. Valdkraiburg, Munich: Vela Ferlag. Pp. 277–282.

Об авторах:

Сергей Александрович Кравченко – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России, 119454, г.Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-18-10411.

“REDISCOVERY” OF KNOWLEDGE ABOUT THE FUTURE: PERSPECTIVES OF RUSSIA’S SECURITY UP TO 2050

S.A. Kravchenko, A.I. Podberezkin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-210-226

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article deals with the dynamics of knowledge about the future, factors that determine the need for its »rediscovery« today, among which: the transition of mankind to the dominance of non-linear development; the destruction by globalization of the natural boundaries of civilizational formations, which led to direct interaction of local human civilizations and new conflicts between them; the formation of a unified socio-techno-natural reality; the emergence of complex systems potentially predisposed to the production of catastrophes disasters. This forced scientists to form new models of the future and, accordingly, to develop other theoretical and methodological tools of social forecasting on the basis of which

scenarios of the medium-term (up to 2025) and long-term (up to 2050) visions of the international and military political situation are proposed.

The authors proceed from the assumption that the validity of these scenarios and the confidence in the knowledge of security should emerge from a comprehensive account of the main stable and variable factors that determine and form the scenarios of Russia's development in these periods. The most suitable method for long-term forecasting is the longitudinal-scenario method which is based on the creation of a model of a probable scenario of the international and military political situation. In order to accomplish this goal, the model needs a large empirical array of information that is analyzed in several stages by taking into account the influence of the main objective groups of factors that ultimately makes it possible to single out and justify three strategic directions of ensuring Russia's security in the twenty-first century. The article comes to conclusion that future scenarios of Russia's development depend on subjective factors such as the quality and intentions of the ruling political elite.

Key words: future, dynamics of knowledge, security, longitudinal-scenario method, strategic prognosis, factors of development, scenario of development, humanistic turn, ruling elite.

References

1. Veber M. Protestantskaia etika i dukh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. In: M. Veber. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian)
2. Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is (an attempt of sociological diagnosis)]. In 2 Vol. Vol. 1. 2nd ed. Moscow, Novyi khronograf, 2016. 416 p. (In Russian)
3. Diurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On separation of social labor]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p. (In Russian)
4. Kargina I.G. *Sotsiologicheskie refleksii sovremennogo religioznogo pliuralizma* [Sociological reflection of modern religious pluralism]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 278 p. (In Russian)
5. Kravchenko S.A. Mosty, soediniavushchie raskoly sotsiologii radi bolee rovnopravnogo mira [Bridging the gaps in Social Science for more equal world]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* - Social studies, 2015, no. 2, pp. 29–38. (In Russian)
6. Kravchenko S. A. Budushchee: po materialam Foruma Mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi assotsiatsii [The future: based on International Social Science Association Forum]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* - Social studies, 2016, no. 12, pp. 139–143. (In Russian)
7. Kravchenko S.A. Vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii [The demand for humanitarian turn in social science]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* - Social science and social practice, 2013, no. 1, pp. 12–23. (In Russian)
8. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya riska i bezopasnosti* [Social science of science research and security]. Moscow, Iurait Publ., 2016. 431 p. (In Russian)
9. Marks K. *Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic philosophical transcripts of 1844]. *Sotsiologiya. Sbornik* [Social science. Collected works]. Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2000. 432 p. (In Russian)
10. *Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiiskogo obshchestva* [Intra-national accord as resource of Russian society consolidation]. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2016. 400 p. (In Russian)
11. Nikonov V.A. *Molotov: nashe delo pravoe* [Molotov: our enterprise is righteous]. Book 1. Moscow, Molodaia gvardiia, 2016. 248 p. (In Russian)
12. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On social systems]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 832 p. (In Russian)

13. Podberezkin A.I. *Veroiatnyi stsenarii razvitiia mezhdunarodnoi obstanovki posle 2021 goda* [Probable scenarios of international situation development after 2021]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 325 p. (In Russian)
14. Podberezkin A.I. *Natsional'nyi che-lovecheskii kapital* [National human capital]. Vol. 1–3. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2011–2013. 362 p. 362 p. 101 p. (In Russian)
15. Podberezkin A.I. *Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu* [The Third World War against Russia: introduction and approaches]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 169 p. (In Russian)
16. Podberezkin A.I., Sokolenko V.G., Tsyrendorzhiev S.R. *Sovremennaia mezhdunarodnaia obstanovka: tsivilizatsii, ideologii, elity* [The current international situation: civilizations, ideologies, elites]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 464 p. (In Russian)
17. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik 2016. Statisticheskii sbornik: Rossiia v tsifrakh* [Russian statistical yearbook 2016. Russia in numbers]. Moscow, Rosstat Publ., 2016. 536 p. (In Russian)
18. *Rossiia i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushchego* [Russia and the world in 2020. The contours of worrying future]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
19. *Rossiia na novom perelome: strakhii i trevo-gi* [Russia on new edge: fears and alarms]. Moscow, Al'fa-M Publ., 2009. 160 p. (In Russian)
20. Rybakovskii L.L. Rezul'tativnost' kak osnovnoi pokazatel' otsenki sostoianiia i tendentsii rozhdaiemosti [Outcome as the main parameter of birth trends evaluation]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* - Social studies, 2016, no. 4, pp. 23–30. (In Russian)
21. Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii* [The System of Social science]. Vol. 1. *Sotsial'naia analitika: Uchenie o stroenii prosteishego (rodovogo) sotsial'nogo iavleniia* [Social analytics: doctrine of the simplest social phenomenon]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 447 p. (In Russian)
22. Elvell U. *Teologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Theoretical encyclopedical dictionary]. Moscow, Assotsiatsiia Dukhovnoe vozrozhdenie Publ., 2003. 1488 p. (In Russian)
23. Baudrillard J. *The Gulf War Did Not Take Place*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1995. 87 p.
24. Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge, PolityPress Publ., 2011. 244 p.
25. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge, Polity Press Publ., 2016. 223 p.
26. Beck U. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press Publ., 2010. 269 p.
27. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society*. 2d ed. Oxford, Wiley-Blackwell Publ., 2010. 597 p.
28. Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press Publ., 1999. 464 p.
29. Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press Publ., 2011. 388 p.
30. Sassen S. Relocalizing the National and Harizontalizing the Global. *3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10–14.07.2016, Vienna, Austria. 392 p.
31. Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge, Polity Press Publ., 2011. 217 p.
32. Urry J. *What is Future?* Cambridge, Polity Press Publ., 2016. 200 p.
33. Yanitsky O.N. Terrorist Infrastructure and Urban Milieu. *Science and Education: Materials of the X International Research and Practice Conference*. Vol. 2. Valdkraiburg, Munich, Vela Ferlag, 2015. Pp. 277–282.

About the authors:

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Philosophy, professor, head of sociological chair of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Alexei I. Podberezkin – Doctor of Historical Sciences, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

This article was prepared with financial support from the RSF grant № 16-18-10411.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Л.А. Дымова

Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова

Последние несколько десятилетий система международных отношений продолжает меняться. Одной из ключевых составляющих формирующегося международного порядка является европейский региональный порядок, который проходит в настоящий момент этап глубокой трансформации, связанной как с переменами международной системы в целом, так и структурной перестройкой европейских сообществ. Формирование европейского регионального комплекса является сложным международно-политическим процессом, в основе которого лежит целый комплекс политических, социальных, экономических, культурно-исторических и иных факторов. Начиная со второй половины XX столетия политической и институциональной основой отношений как между государствами-участниками европейского регионального комплекса, так и их связей с остальным миром являлся Европейский союз. Однако сегодня ЕС находится в состоянии системного кризиса, о чём свидетельствует не отступающий финансово-экономический спад, а также порождённый им кризис социально-политических структур и моделей управления, создавший угрозу существования самого Союза. Институциональные проблемы усугубляются на фоне кризисных явлений в таких чувствительных зонах как экономика и безопасность, а также неопределённости внешней среды. Все эти факторы подрывают способность ЕС играть определяющую роль в построении европейского регионального порядка, всё больше смещая акценты в сторону отдельных стран, обладающих наибольшим потенциалом в формировании международной повестки дня и способных давать эффективный ответ современным вызовам и угрозам. Построение стабильной архитектуры европейской системы безопасности является одним из столпов европейского регионального порядка, однако в настоящий момент различные подходы сторон подтверждают сохранение политических и идейных барьеров по линии Восток – Запад. В контексте роста угроз безопасности не теряет актуальности трансатлантическое партнёрство, хотя жёсткий курс США и их стремление закрепить своё лидерство в Европе зачастую встречает крайнее неодобрение со стороны европейских партнёров. Важную роль также неизбежно играет российский фактор, поскольку Россия культурно-исторически, экономически и институционально неразрывно связана с Европой и является неотъемлемой частью европейского регионального комплекса.

Ключевые слова: европейский региональный порядок, Европейский союз, европейская интеграция, Brexit, Россия, трансатлантическое партнёрство, безопасность.

УДК 327

Поступила в редакцию 14.07.2017 г.

Принята к публикации 17.08.2017 г.

Система международных отношений проходит этап глубокой структурной трансформации. Происходит постоянное расширение состава участников международных отношений и их конфигураций, также меняется характер вызовов и проблем, с которыми сталкивается международное сообщество. Кроме того, современной международной системе свойственны разнонаправленные тенденции развития, оказывающие взаимное влияние друг на друга. С одной стороны, растут масштабы и глубина процесса глобализации, экономической и политической взаимозависимости субъектов международных отношений, что сопровождается ростом неустойчивости мировой конъюнктуры. А с другой – увеличивается значимость национально-государственного и регионального уровня международных отношений. В результате внутри сложившихся глобальных и региональных политических структур всё большие масштабы приобретает межгосударственный подход. Это обуславливает поиск новых форматов и концептуальных рамок взаимодействия на мировой арене.

Одной из ключевых составляющих формирующегося международного порядка является европейский региональный порядок. На протяжении последних нескольких столетий Европа являлась центром мирового притяжения, поскольку до середины XX в. именно интересы европейских держав фактически были движущими силами всей глобальной политики [33]. Однако после окончания Второй мировой войны не только мировой, но и европейский порядок уже формировался во многом за пределами европейского континента, и если в первой половине XX столетия главенствующую роль в международной системе играли такие сверхдержавы как Великобритания, Франция и Германия, многократно превосходящие остальные государства по экономическим и военным показателям, то в результате войны Германия была побеждена и разделена, а Франция и Великобритания, хоть и оставались формально великими державами, в bipolarной системе играли уже намного меньшую роль. Теперь практически вся логика послевоенных международных отношений, в том числе в Европе, формировалась в зависимости от отношений двух сверхдержав – США и СССР. В результате, европейский региональный порядок перестал определяться сугубо европейскими договорённостями и превратился фактически в элемент стратегии внешних сил и сдерживания СССР и США. Как отмечает Г. Киссинджер, послевоенный международный порядок определялся двумя системами сдержек и противовесов – это ядерное сдерживание между США и СССР и внутренний баланс сил между государствами-участниками НАТО, когда руководящая роль США признавалась странами Европы в обмен на предоставление американского «ядерного зонтика» [20]. В данной ситуации даже появление ядерного арсенала у Франции и Великобритании не столько вносило изменения в общий баланс сил, сколько просто повышало их «авторитет» в глазах союзников.

Существование Советского Союза и ядерная угроза холодной войны способствовали поддержанию единства в рядах НАТО, однако с его распадом изменилась конфигурация международной системы, и произошло смещение дипло-

матических акцентов [22]. Несмотря на сохраняющуюся близость по многим позициям и общность политических и культурных ценностей, растущее благосостояние и политическое влияние стран европейского региона стало фактором формирования собственной, отличной от трансатлантической, идентичности. Несмотря на то, что путь объединения неоднократно предлагался в качестве разрешения многочисленных конфликтов на европейском континенте, создание подлинно европейского сообщества стало возможным лишь после окончания Второй мировой войны, в результате которой Европа фактически потеряла свое экономическое и военное превосходство и оказалась разделённой между двумя сверхдержавами.

Создание новой архитектуры европейского порядка опиралось, в первую очередь, на ускоренное формирование качественно новой модели европейского регионального порядка, основанной уже не на балансе сил и государственном суверенитете, а на открытости границ и передаче части суверенных полномочий наднациональным структурам. Такой подход был обусловлен тем, что после двух мировых войн концепция прежнего международного порядка исчерпала себя, и стало очевидно, что ни одна страна не в состоянии формировать своё будущее самостоятельно.

Основным движущим мотивом интеграционного строительства в Европе было создание условий для послевоенного экономического восстановления и обеспечения стабильного мира и безопасности. Страх повторения войны, германского реваншизма, а также коммунистической экспансии стал также важным фактором ускоренного движения к объединению. Таким образом, исходными импульсами европейской интеграции были не столько экономические, сколько политико-психологические, хотя впоследствии углубление хозяйственных связей и взаимопроникновение экономических систем вывели экономику на первый план [1].

Становление и развитие Европейского союза на протяжении всей его истории шло противоречиво, сталкиваясь то и дело с объективными и субъективными препятствиями. Несмотря на, в целом, поступательное развитие и углубление европейской интеграции, в её истории трудно найти периоды, которые не подвергались бы острой критике и не вызывали бы ожесточенную полемику как внутри ЕС, так и за его пределами. Как отмечал ещё Жан Монне, «Европа будет строиться на кризисах и, в конечном счёте, станет результатом их решения» [15, р. 167]. И сегодня нет единого мнения относительно дальнейшей судьбы Европейского союза. Перспективы жизнеспособности политического проекта, нивелирующего государственные границы, в мире, где по сей день основными игроками являются государства-нации, остаются предметом острых дискуссий в политических и академических кругах. Подогревает споры тот факт, что развитие процесса европейской интеграции характеризуется объективно сменяющимися друг друга периодами интенсивного развития и, напротив, откатов назад, вследствие чего одни учёные предвещают Европейскому

союзу неминуемый крах, а другие видят перспективы превращения его в супер-государство, которое рано или поздно придёт на смену традиционным суверенным государствам-нациям [22]. При этом нельзя не отметить нарастание роли европейской тематики не только в оценках перспектив европейского регионального комплекса, но и в глобальном контексте, поскольку в условиях такой неопределённости формирующаяся новая архитектура европейского континента приобретает сегодня особую важность.

Не вызывает сомнений тот факт, что в контексте финансово-экономического и социально-политического кризисов перспективы единого европейского пространства, действительно, стали довольно призрачными. В настоящий момент Европейский союз проходит один из наиболее сложных периодов за всю свою более чем полувековую историю. Существующие кризисные явления носят системный характер, т.е. относятся к уровню самой интеграционной конструкции и вряд ли могут быть преодолены в кратко- или даже среднесрочной перспективе [2]. В частности, к таким проблемам относится чересчур гетерогенный состав группировки, что обуславливает чрезмерное многообразие мнений и значительно осложняет процесс принятия решений и выработку долгосрочной стратегии развития. Более полувека назад европейский проект представлял из себя фактически западноевропейскую интеграцию, это была относительно однородная группа государств с общими ценностями и общей исторической судьбой. С того момента численность населения ЕС возросла почти в пять раз, причём в большинстве своём за счёт государств, значительно отстающих в своём экономическом, политическом и социальном развитии, а также значительно отличающихся историческим и культурно-бытовым контекстом своего развития. Такая неоднородность особенно ярко проявилась в ходе череды институциональных и экономических кризисов с начала 2000-х гг., продемонстрировавших слабость внутригрупповой солидарности и изменение внутренней логики интеграции.

К числу системных дефектов можно отнести и хорошо описанные в литературе институциональные изъяны – отсутствие эффективной системы комплексного макрорегионального управления, во многом обусловленное недостаточной легитимностью евросоюзской бюрократии. Образ «всевластной» брюссельской бюрократии негативно сказывается на легитимности Брюсселя, который всё чаще выступает в роли виновного, несмотря на иногда очевидную ответственность национальных правительств.

Продолжающийся миграционный кризис, кризис европейской идентичности, а также террористические атаки подтверждают несостоятельность проводимой ЕС политики мультикультурализма. Попытки Европейского союза решить ситуацию с мигрантами пока безуспешны, соглашение с Турцией не принесло разрешения проблемы, а лишь предоставило возможность Эрдогану периодически шантажировать ЕС¹, требуя отмены визового режима. Напряженная си-

¹ Турция по-прежнему не выполнила условия для отмены виз с ЕС, заявили в ЕК // РИА Новости. 25.07.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170725/1499146007.html> (дата обращения: 22.08.2017).

туация с беженцами заставила некоторые страны ввести самостоятельный пограничный контроль.

Прямым следствием проблем в миграционной политике является рост террористической активности на территории европейского континента. В неконтролируемом потоке беженцев в Европу смогли проникнуть представители радикальных, прежде всего, исламистских группировок. В результате в центре Европы создаётся питательная среда для создания и деятельности террористических структур. За последние несколько лет террористические акты были совершены во многих европейских городах, в том числе в Брюсселе, Ницце, Берлине. Критика миграционной политики Брюсселя набирает обороты и способствует росту антимиграционных настроений, что неизбежно ведёт к укреплению позиций правых сил, которые стали стремительно набирать популярность в большинстве европейских стран – «Национальный фронт» во Франции, движение «Пегида» и «Альтернатива для Германии» в Германии, «Австрийская партия Свободы», «Лига Севера» в Италии, «Золотая заря» в Греции и т.д. Повестка всех этих партий единообразна, все они выступают за укрепление суверенитета страны и, следовательно, серьёзное ограничение европейской интеграции, а также за более жёсткую миграционную политику. И хотя в большинстве государств крайне правые партии не смогли получить большинства голосов и прийти к власти, их риторика в значительной степени повлияла на массовое сознание и настроения населения и определила логику дальнейшего внутриполитического развития, заставив правящие силы учитывать этот фактор при принятии решений. Таким образом, рост националистической активности связан с ослаблением национального государства и ориентирован на защиту идентичности, которую процесс наднациональной интеграции ставит под сомнение.

На фоне перечисленных проблем неизбежно происходит рост межправительственного подхода в решении европейских проблем и, как следствие, доминирование наиболее влиятельных участников интеграционного строительства. Так, в условиях снижения эффективности общегрупповых инициатив и выхода Великобритании вновь набирает обороты германо-французский тандем, выступающий локомотивом европейского развития и уже неоднократно подтвердивший свою эффективность в разрешении кризисных ситуаций.

Угроза существования самого ЕС, связанная с ростом популярности правых сил и подъёмом евроскептицизма и национализма во всех формах, стала, пожалуй, главным вызовом европейского проекта [2]. Усиление центробежных сил внутри Европейского союза снижает шансы на дальнейшую консолидацию государств внутри интеграционной группировки и порождают мощные системные колебания. Наиболее ярким выражением этого кризиса стали результаты референдума о выходе Великобритании из Европейского союза. Brexit, безусловно, нанёс серьёзный удар не только по имиджу ЕС, но и по его легитимности, поскольку Великобритания являлась одним из наиболее экономически и политически успешных участников интеграционного проекта [2]. Выход Соединён-

ного Королевства, кроме того, меняет структуру европейской политики, кардинально изменяя внутренний баланс сил и содержание европейской политики на среднесрочную перспективу, сдвигая её в сторону поиска нового регионального равновесия.

Надо признать, что Великобритания всегда была «особым» членом ЕС, и, несмотря на её присоединение к процессу европейской интеграции в 1973 г., в Лондоне никогда не наблюдалось чрезмерного энтузиазма по поводу евроориентации страны [6]. Однако с окончанием холодной войны евроскепсис, всегда представленный в британской политической риторике, начал расти и в последние годы достиг небывалых масштабов. Новое поколение политической элиты, «отдалившееся – ментально и генерационно – от реалий холодной войны, стало вновь подвергать сомнению целесообразность членства страны в ЕС» [2]. Дебаты о целесообразности присутствия страны в ЕС подогревали также кризис еврозоны и относительный на его фоне успех британской экономики.

Выход Великобритании из ЕС представляет собой чрезвычайно сложный и с формально-организационной, и с политико-идеологической точки зрения процесс. Но главное – он не имеет прецедентов. Впервые был подвергнут сомнению тезис о постоянном неуклонном развитии интеграции. Оказалось, что поступательное развитие в сторону всё большего сотрудничества далеко не единственный путь, и «в Европейском союзе есть дверь для выхода» [5]. Европейский союз в результате оказался перед необходимостью обосновывать свою нужность для стран-участников. В переменившемся общественно-политическом дискурсе европейская интеграция «предстает уже не абсолютным благом, к которому *a priori* должны стремиться все государства, а всего лишь одной из международных региональных организаций, полезность которой оценивается прагматически, в каждом конкретном случае и исходя из национальных интересов» [2]. В контексте небывалого падения популярности «европейской мечты» власти Евросоюза прикладывают все усилия для недопущения распространения «вируса» Brexit в ЕС, стараясь сделать условия выхода из союза максимально невыгодными². По мнению еврочиновников, необходимость заплатить высокую цену за то, чтобы покинуть ЕС, может сыграть своего рода роль барьера на пути выхода из организации³.

Таким образом, британский референдум имеет колоссальные последствия для всего европейского политического пространства и повлечёт за собой институциональную и политическую адаптацию конструкции ЕС [2]. И хотя сущность политической системы как таковой не меняется, Brexit меняет структуру

² From Brussels with love. The multi-billion-euro exit charge that could sink Brexit talks // The Economist. 11.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/news/britain/21716629-bitter-argument-over-money-looms-multi-billion-euro-exit-charge-could-sink-brexit?cid1=cust/ddnew/n/n/n/2017029n/owned/n/n/nwl/n/n/n/email> (дата обращения: 22.08.2017).

³ Grant C. Why Europe wants a hard Brexit to hurt // The Guardian. 07.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/oct/07/europe-hard-brexit-hurt-british-trade-deal> (дата обращения: 22.08.2017).

«по Уолтцу», перераспределяя материальные и властные ресурсы между различными центрами силы, тем самым нарушая сложившееся между ключевыми игроками силовое равновесие [32]. Такая ситуация обуславливает необходимость поиска качественно нового концептуального, институционального и политического оформления европейской региональной структуры. Отмеченная адаптация может иметь две возможных траектории [9, с. 28]. С одной стороны, может иметь место частичная деконструкция тех политик Европейского союза, которые входят в противостояние с национальным законодательством (это касается, например, миграционных практик). В данном случае неизбежно будет происходить постепенное сужение поля интеграционного строительства, что в наиболее радикальном варианте может привести к возвращению к формату единого рынка. Но в этом случае есть ряд противоречий – в частности, деградация масштабов интеграционного взаимодействия и снижение уровня консолидации государств внутри ЕС лишь ослабят группировку перед лицом текущих вызовов в области экономики, миграции и безопасности, поскольку именно с этими типологически новыми угрозами отдельным государствам будет справиться сложнее [4].

Второй вариант более приемлем: он заключается в переходе к формату концептуально проработанной в научной литературе «гибкой интеграции». Такой подход подразумевает осуществление сотрудничества не на условиях всеобщего участия, а в более тесных группах заинтересованных государств без каких-либо поправок для тех, кто в состав данного «ядра» не входит [8]. Такой механизм всё чаще де-факто применяется в ЕС, хотя нельзя не отметить, что это ещё больше углубляет разрыв между «ядром» и «периферией» и всё больше отдаляет наиболее успешных участников интеграционного проекта от экономически и политически более слабых государств [1].

Ряд экспертов отмечают, что вариант «гибкой интеграции», которая ранее воспринималась как однозначный откат назад и деградация интеграции, сегодня является наиболее приемлемым для Европейского союза [30]. Создание временных «коалиций желающих», который могут меняться в зависимости от обстоятельств, упрощает процесс переговоров и ускоряет достижение поставленных целей.

Важным этапом дискуссии относительно будущего европейской интеграции является Белая книга ЕС, представленная общественности 1 марта 2017 г. В ней детально рассматриваются все возможные варианты формата организации в будущем европейских сообществ, в частности, приводится пять возможных сценариев развития событий: 1. Продолжение движения. 2. Сохранение только единого рынка. 3. «Кто хочет больше – делает больше». 4. «Меньше, но эффективнее». 5. «Вместе делать намного лучше»⁴. Анализ данного документа позво-

⁴ White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios on the EU27 by 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (дата обращения: 22.08.2017).

ляет с большой долей уверенности предположить, что наибольшими шансами на реализацию обладает сценарий «гибкой интеграции». Надо отметить, что впервые на высшем уровне принят документ, отражающий уже существующую тенденцию на «избранность» в интеграции, и содержащий доводы в пользу развития такого сценария (несмотря на отсутствие в формулировках терминов «ядра» и «периферии», по-видимому, во избежание появления чересчур явных разделительных линий в рамках интеграционной группировки). Однако независимо от того, каким именно путем пойдёт развитие европейской интеграции, очевидно, что для преодоления существующих сегодня кризисных явлений системного характера необходима будет глубокая трансформация всего политико-институционального устройства Европейского союза и его реформирование в соответствии с реалиями современного европейского регионального порядка.

Системные сбои и противоречия интеграционной конструкции европейского континента являются важнейшим, но не единственным вызовом при построении стабильного регионального порядка. Проблема построения стабильной европейской архитектуры безопасности выходит далеко за рамки ЕС, поскольку неизбежно вовлекает в свою орбиту таких игроков как США и Россия. Конфликт вокруг Украины ярко продемонстрировал кардинальные различия в подходах России и стран Запада к организации международного пространства в европейском регионе и, главное, обеспечению его безопасности. Данный конфликт и последовавшее за ним присоединение Крымского полуострова к России не просто продемонстрировали фундаментальное расхождение стратегического видения и интересов западного и восточного европейских пространств, но в очередной раз доказали наличие серьёзных сбоев в конструкции европейского регионального порядка в целом. Сложившаяся ситуация подтверждает тот факт, что политические и идейные барьеры по линии Восток – Запад сохраняются, а глубокие противоречия в сфере построения системы безопасности не разрешены. С сожалением приходится отмечать, что по сей день в международных отношениях сохраняется «блоковое мышление», а многочисленные инициативы по созданию общеевропейского пространства безопасности так и остались на уровне дипломатического обсуждения и не перешли в область практического применения [7]. Однако очевидно, что без решения всех этих проблем, в частности, «восточного вопроса», невозможно дальнейшее построение стабильной архитектуры европейского порядка и европейской системы безопасности. Налицо если не конфронтация и возвращение холодной войны, то – как минимум – острое столкновение интересов и целей, а также крайний дефицит доверия между сторонами, что значительно осложняет поиск взаимоприемлемых путей разрешения кризиса.

Такая ситуация создаёт целый ряд неопределённостей как для международной системы, так и для России, которая культурно-исторически, политически, экономически и институционально является неотъемлемой частью европейского региона. По этой причине Россия не может и не должна отгораживаться

от всего происходящего на европейском континенте. Таким же образом идея «Европы без России» не выгодна и для европейских государств, которые в этом случае теряют вес на международной арене, нежели в варианте зрелого и взвешенного сотрудничества с Россией.

Неспособность России принимать полноправное участие в формировании постбиполярного мирового и европейского порядка после распада СССР была воспринята как согласие с ним. Однако сегодня Россия все меньше готова мириться со сложившимся международно-политическим порядком в европейском регионе. Длительный процесс накопления конфликтного потенциала между Западом и Востоком в лице России в итоге реализовался в острый кризис на территории Украины. Сегодня стратегическая конкуренция по линии Запад – Восток является ключевым элементом современного европейского порядка. Однако помимо украинского вопроса и конкуренции с Россией Европа сталкивается с рядом других вызовов, таких как миграционный кризис и угрозы международного терроризма, угрожающих стабильности европейского порядка. При этом в условиях системного кризиса возможности и ресурсы борьбы с этими угрозами сокращаются.

В этих условиях Европа стремится к более тесному сотрудничеству с США, однако евроатлантическое сотрудничество не всегда даёт ожидаемый результат. Вопрос разделения бремени и ответственности в отношениях между трансатлантическими партнёрами всегда был источником трений и разногласий [21], но существующие сегодня проблемы в отношениях между Европой и Америкой носят в большинстве своём стратегический, а не конъюнктурный характер и могут определить тенденции их развития на долгосрочную перспективу. Стремление США укрепить своё лидерство в евроатлантике всегда встречало неодобрение со стороны многих европейских государств, поскольку, с одной стороны, не гарантировало эффективных инструментов борьбы с возникающими вызовами европейской безопасности, а с другой – вело к снижению самостоятельности и росту зависимости Европы от США не только в международно-политической повестке дня, но и во внутренних европейских делах [7]. В то же время недавние заявления Д. Трампа об устаревании НАТО и необходимости увеличения роста военных расходов европейских стран вызвали опасения относительно сохранения трансатлантического единства и гарантий со стороны США в области безопасности. Кроме того, существуют очевидные противоречия в области экономики военного сотрудничества. Требование американского президента о соблюдении договорённостей и повышении военных расходов до 2% от ВВП предполагает фактически удвоение военного бюджета Германии – вместо сегодняшних 37 млрд евро к 2024 г. она вынуждена будет тратить на оборону и безопасность более 70 млрд⁵, в результате чего станет наиболее милитаризованным государством континента, что вряд ли обрадует её соседей и партнёров по

⁵ Werkhäuser N. German military spending gets political // Deutsche Welle Top stories. 08.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/en/german-military-spending-gets-political/a-40016299> (дата обращения: 22.08.2017).

ЕС, на протяжении полувека отстаивавших идеи европейской интеграции во многом именно для предотвращения появления «нового рейха».

Новая американская администрация не раз заставляла европейских политиков усомниться в солидарности со Старым Светом и своей приверженности стратегическому альянсу. С выходом Великобритании из ЕС вновь остро встал вопрос европейского лидерства, в том числе в отношениях с США, поскольку до этого именно Соединённое Королевство обеспечивало интересы европейских государств в трансатлантическом измерении.

Наконец, жёсткий курс Соединённых Штатов в отношении России ещё больше лишает европейских союзников способности вернуть отношения с Россией в нормальное русло и использовать возможности стратегического партнёрства с ней для решения «восточного вопроса» и других задач европейской и глобальной безопасности. Необходимо выстраивание конструктивного равноправного диалога на основе чётко проработанной институциональной базы между Россией и странами европейского континента. Кроме того, необходим поиск общего знаменателя для системы безопасности в Европе, которая в условиях глобализации уже не может быть чисто европейской, а является составной частью мировой системы, наряду с евроатлантическим и евроазиатским пространствами. В этих целях необходимо урегулирование конфликта интересов как между вышеперечисленными составляющими мировой системы безопасности, так и внутри них. Одним из важнейших шагов на этом пути является становление взаимного признания и равноправного диалога НАТО и ОДКБ. Североатлантический альянс по сей день воспринимает ОДКБ как неэффективную организацию и стремится налаживать двустороннее сотрудничество с каждой из стран участниц организации [10]. Кроме того, следует начать совместную работу по повышению роли обновленной ОБСЕ в качестве одной из опор общеевропейской архитектуры. Конфликт на Украине позволил ОБСЕ вновь заявить о себе и выступить в конструктивной роли посредника. С момента подписания Хельсинкского акта ОБСЕ переживала уже ряд кризисов, но всё же на сегодняшний день потенциал этой по-своему уникальной организации остаётся ереализованным – в первую очередь, в силу отсутствия политической воли стран-участниц. Повышение значимости ОБСЕ до уровня главной опоры общеевропейской архитектуры безопасности и работа по развитию её институционализации могли бы стать эффективным инструментом в деле создания новой концепции европейской безопасности.

Сказанное подтверждает тезис о кризисном характере трансформации европейского регионального порядка. Перспективы самого процесса регионализации в Западно-Центральной Европе («европейской интеграции»), ещё недавно рассматривавшейся в качестве субстантивно безальтернативной основы – институциональной и политической – общеевропейской макросистемы международных отношений, уже не очевидны. Повсеместно нарастают евроскептические настроения, не ослабевают страхи перед неуправляемым раскру-

чиванием центробежных сил. Выход Великобритании, ставший подлинным апофеозом данной тенденции, болезненно оголил все сложности и противоречия, вызревавшие внутри европейского региона. Проект «единой Европы» проходит проверку на прочность, и пока не очень успешно – роль Европейского союза в решении вопросов международной и европейской повестки дня, требующих консолидации стран-участниц, снижается. И если ещё десять-двадцать лет назад европейский региональный порядок чётко ассоциировался и фактически приравнялся к Европейскому союзу, то сегодня налицо обратная тенденция – «Европа» всё больше отдаляется от ЕС, порождая запрос на новые политико-институциональные инструменты решения возникающих задач в области обеспечения устойчивого экономического роста и поддержания взаимоприемлемого уровня безопасности. Наиболее вероятным в этой связи представляются два сценария: (1) частичной деконструкции, а точнее – денационализации Европейского союза, при сопутствующем демонтаже некоторых общесоюзных политик, конкурирующих с национальными юрисдикциями государств-членов; либо (2) форсированного перехода к формату «гибкой интеграции», в рамках которого сотрудничество будет осуществляться в более тесных группах заинтересованных государств [9]. Впрочем, оба эти варианта могут материализоваться и в tandemе, мешая исходной теоретической элегантности хрестоматийного конструкта «европейской интеграции».

На протяжении последних десятилетий на европейском пространстве сформировался новый, постмодернистский международный порядок, который был основан на интеграции, открытости границ и ведущей роли международных институтов. Такая модель оказалась не готова ответить на вызовы «реального» мира, в котором государственный суверенитет и национальная безопасность, судя по всему, продолжают оставаться доминантой. Это подтвердил конфликт вокруг Украины и, в наибольшей степени, присоединение Крыма Россией, которое заставило европейцев осознать, что, несмотря на все достижения европейской политической модели, весь остальной мир живет ещё в эпохе Модерна, где возможно применение силы в качестве инструментов решения конфликтов, изменение границ государств и даже создание новых. Универсальность и альтернативность такой модели была подвергнута сомнению, и теперь, чтобы выстраивать конструктивный диалог с партнёрами, Европе необходимо признать существование альтернативных моделей международного порядка, учитывающих иные, отличные от европейских, политические культуры и системы представлений.

Современное состояние трансатлантических отношений характеризуется рядом противоречий, препятствующих выработке общей стратегии в преодолении вызовов и проблем, стоящих перед Западом. Различия в стратегическом видении будущего евроатлантической системы безопасности сегодня являются главным камнем преткновения в отношениях Европы и Америки. Выход из состава ЕС Великобритании, всегда игравшей роль «моста» в отношениях между

двумя континентами, не способствует нахождению общего знаменателя между Старым и Новым Светом.

Важнейшей составляющей трансформирующегося европейского порядка остается фактор России. Несмотря на все попытки евроатлантического сообщества изолировать Россию от участия в решении вопросов европейской и трансатлантической политики, она продолжает играть определяющую роль при формировании этой политики. Россия – неотъемлемая часть европейского регионального комплекса и европейской системы безопасности, и исключение её из этой системы и монополизация евроатлантическим сообществом бренда «Европы» едва ли реалистично. Важен поиск общего знаменателя, приемлемого для всех участников европейской архитектуры безопасности.

Перспективы европейского регионального порядка зависят от способности всех его сторон вести диалог. Только совместными усилиями можно создать новую модель отношений, которая отвечала бы интересам каждого.

Список литературы

1. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Восточной Азии. М.: НОФМО-Аспект Пресс, 2012. 256 с.
2. Байков А.А., Дымова Л.А. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры // Современная Европа. №3. 2017. С. 37-46.
3. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект-Пресс, 2017. 480 с.
4. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаплеиной. 2-ое изд. М.: Аспект Пресс, 2016. 287 с.
5. Вег-Проссер Б. Международные последствия референдума о выходе Британии из ЕС // Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. 2016. 10 с.
6. Громыко Ал.А. Новая реальность и европейская безопасность // Современная Европа. №5. 2016. С. 5-10. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520160620>
7. Данилов Д.А. Отношения России с Европейским союзом в условиях фундаментального кризиса европейского порядка // Европейский путь для России: за и против / Д.С. Алексеев и др.; отв. ред. А.В. Акулишина. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 61-72.
8. Кавешников Н.Ю. "Тибкая интеграция" в Европейском Союзе" // Международные процессы. 2011. Т. 9. №2 (26). С. 58-69.
9. Кавешников Н.Ю. Некоторые последствия Brexit для развития Европейского Союза // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №6 (51). С. 24-30.
10. Никитина Ю.А. ОДКБ и НАТО: проблемы взаимодействия // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6 (21). С. 26-27.
11. Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия. Ч. I. / под ред. Ананьевой Е.В., Бударгина А.В. М.: Институт Европы РАН, 2016. 74 с.
12. Ситуационные анализы. Вып. 3: Формирование режимов в отношении новых глобальных вызовов и угроз / отв. ред. Т.А.Шаплеина. М.: Издательство МГИМО, 2013. 260 с.
13. Троицкий М.А. Европейский Союз в мировой политике // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2. С. 43-58.
14. Agnew J. How many Europes? The European Union Eastward Enlargement and Uneven Development // European Urban and Regional Studies. 2001. Vol. 8. No. 1. Pp. 29-38.
15. Brown W.S. Jean Monnet: Unconventional Statesman. Lynne Rienner Publ., 2011. 279 p.
16. Bulmer S., Joseph J. European Integration in Crisis? Of supranational integration, hegemonic projects and domestic politics // European Journal of International Relations. 2016. Vol. 22 (4). Pp. 725-748.
17. Glencross A. The politics of European Integration: Political Union or a House Divided? Chichester: John Wiley & Sons, 2014. 322 p.
18. Eyal J. The real problems with NATO // Foreign Affairs. 02.03.2017.

19. Kelemen R.D. A Dark Age For European Democracy? // *Foreign Affairs*. 07.12.2016.
20. Kissinger H. *World Order*. New York: Penguin Books, 2014. 432 p.
21. Lindstorm G. EU-US Burdensharing: Who Does What? // *Chaillot Paper*. September 2005. No 82. 122 p.
22. McCormick J., Olsen J. *The European Union. Politics and Policies*. 5th ed. Westview Press, 2015. 402 p.
23. Mandelbaum M. Pay up, Europe. What Trump gets right about NATO // *Foreign Affairs*. 2017. September/October Issue.
24. Moisi Dominique Reinventing the West // *Foreign Affairs*. 2003. Vol. 82. No 6. November/December.
25. Moravcsik A., Schimmelfennig F. *Liberal Intergovernmentalism // European Integration Theory / ed. by Wiener A., Diez T. Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 67-87.*
26. Moravcsik A. Striking a New Transatlantic Bargain // *Foreign Affairs*. 2003. Vol. 82. №4. July/August.
27. Norman L. Defending the European Political Order // *European Journal of Social Theory*. 22.11.2016. DOI: 10.1177/1368431016679670
28. Pabst A. The Concept of New Democratic Legitimacy and the Future of the European Union // *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017. No. 10 (1). Pp. 13-32.
29. Rohrschneider R., Whitefield S. Responding to Growing European Union-scepticism? The stances of political parties toward European integration in Western and eastern Europe following the financial crisis // *European Union Politics*. 26.10.2015. Vol. 17. No. 1. Pp. 138-161. DOI: 10.1177/1465116515610641
30. Wahl P. Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU // *Globalizations*. 2017. Vol. 14. No. 1. Pp. 157-163. DOI: 10.1080/14747731.2016.1228787
31. Webber D. How likely is it that the European Union will disintegrate? A critical analysis of competing theoretical perspectives // *European Journal of International Relations*. 04.01.2013. Vol. 20. No. 2. Pp. 341-365.
32. Waltz K. *Theory of International Politics*. McGraw Hill. New York. 1979. 256 p.
33. *Key controversies in European integration / ed. by Zimmerman H., Dur A. New York: Palgrave Macmillan, 2016. 280 p.*

Об авторе:

Ляна Ахмедовна Дымова – сотрудник Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.
Адрес: Россия, Москва, Яковлевопостольский переулок, 10, стр. 1; E-mail: lyana.dymova@gmail.com.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE EUROPEAN REGIONAL ORDER

L.A. Dymova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-227-241

The Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund

For the last few decades, the system of international relations continues to change. One of the key components of the emerging international order is the European regional order, which currently goes through deep transformations associated with changes of the international system and structural reconstruction of the European communities. The formation of the European regional system is a complex international political process, which is based on various political, social, economic, cultural, historical and other factors. Since the end of the World war II the European Union constitutes a political and institutional basis of relations both between member states and with the rest of the world. However, today the European Union runs through a systemic crisis embodied by ongoing economic and financial downturn as well as a crisis of socio-political structures and models of governance that

now threaten the existence of the Union itself. Institutional problems are aggravated against the background of crises in highly sensitive areas such as economy and security, as well as uncertainties in the external international environment. All these factors undermine the ability of the EU to play a decisive role in building a European regional order. The emphasis is shifting towards particular countries, with the greater potential in shaping the international agenda and giving an effective response to modern challenges and threats. Building a stable architecture of the European security system is one of the essential conditions of the European regional order, however contradicting approaches of the parties acknowledge that political and ideological barriers between the East and the West continue to exist. In the context of increasing security threats transatlantic partnership does not lose the relevance though the tough course of the US and its desire to reinforce its leadership in Europe often meets the extreme disapproval on the part of the Europeans. Russian factor also plays inevitably important role, since Russia culturally and historically, economically and institutionally, is inextricably linked with Europe and is an integral part of the European regional complex.

Key words: European regional order, European Union, European integration, Brexit, Russia, transatlantic cooperation, security.

References

1. Baykov A.A. *Sravnitel'naiia integratsiia. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoi Evrope i Vostochnoi Azii* [Comparative integration. Practice and models of integration in foreign Europe and East Asia]. Moscow, NOFMO-Aspekt Press Publ., 2012. 256 p. (In Russian)
2. Baykov A.A., Dymova L.A. Vыход Velikobritanii iz ES i ustoiichivost' evropeiskoi regional'noi struktury [UK Exit from the EU and the Stability of the European Regional Structure]. *Sovremennaiia Evropa*, 2017, no. 3, pp. 37-46. (In Russian)
3. Bogaturov A.D. *Mezhdunarodnye otnosheniia i vneshniaia politika Rossii* [International relations and foreign policy of Russia]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2017. 480 p. (In Russian)
4. *Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii* [Introduction to applied analysis of international situations]. Ed. by T.A. Shackleina. 2d ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2016. 287 p. (In Russian)
5. Veg-Prosser B. *Mezhdunarodnye posledstviia referendum o vykhode Britanii iz ES*. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba Valdai [international consequences of the referendum on the withdrawal of Britain from the EU // Report of the international discussion club Valdai]. 2016. 10 p. (In Russian)
6. Gromyko A.I. *Novaia real'nost' i evropeiskaia bezopasnost'* [New reality and European security]. *Sovremennaiia Evropa*, 2016, no. 5, pp. 5-10. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520160620> (In Russian)
7. Danilov D.A. Otnosheniia Rossii s Evropeiskim soiuзом v usloviakh fundamental'nogo krizisa evropeiskogo poriadka [Russia's relations with the European Union in the conditions of the fundamental crisis of the European order]. *Evropeiskii put' dlia Rossii: za i protiv* [The European way for Russia: for and against]. Ed. by A.V. Akul'shina. Voronezh, Izdatel'skii dom VGU Publ., 2017. Pp. 61-72. (In Russian)
8. Kavesnikov N.Iu. "Gibkaia integratsiia" v Evropeiskom Soiuze ['Flexible integration' in the European Union]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*, 2011, vol. 9, no. 2 (26), pp. 58-69. (In Russian)
9. Kavesnikov N.Iu. Nekotorye posledstviia Brexit dlia razvitiia Evropeiskogo Soiuza [Some consequences of Brexit for the development of the European Union]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 6 (51), pp. 24-30. (In Russian)
10. Nikitina Iu.A. ODKB i NATO: problemy vzaimodeistviia [CSTO and NATO: problems of interaction]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2011, no. 6 (21), pp. 26-27. (In Russian)
11. *Referendum o chlenstve Britanii v Evrosoiuze: khod, itogi i posledstviia* [Ref-

- erendum on the membership of Britain in the European Union: the course, results and consequences]. Part 1. Ed. by Anan'eva E.V., Budargin A.V. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., 2016. 74 p. (In Russian)
12. *Situatsionnye analizy* [Situational analysis]. Iss. 3. Formirovanie rezhimov v otnoshenii novykh global'nykh vyzovov i ugroz [Formation of regimes for new global challenges and threats and responses]. Ed. by T.A.Shakleina. Moscow, Izdatel'stvo MGIMO Publ., 2013. 260 p. (In Russian)
13. Troitskii M.A. Evropeiskii Soiuz v mirovoi politike [European Union in world politics]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*, 2004, vol. 2, no. 2, pp. 43-58. (In Russian)
14. Agnew J. How many Europes? The European Union Eastward Enlargement and Uneven Development. *European Urban and Regional Studies*, 2001, vol. 8, no. 1, pp. 29-38.
15. Brown W.S. *Jean Monnet: Unconventional Statesman*. Lynne Rienner Publ., 2011. 279 p.
16. Bulmer S., Joseph J. European Integration in Crisis? Of supranational integration, hegemonic projects and domestic politics. *European Journal of International Relations*, 2016, vol. 22 (4), pp. 725-748.
17. Glencross A. *The politics of European Integration: Political Union or a House Divided?* Chichester: John Wiley & Sons, 2014. 322 p.
18. Eyal J. The real problems with NATO. *Foreign Affairs*, 02.03.2017.
19. Kelemen R.D. A Dark Age For European Democracy? *Foreign Affairs*, 07.12.2016.
20. Kissinger H. *World Order*. New York, Penguin Books Publ., 2014. 432 p.
21. Lindstorm G. EU-US Burdensharing: Who Does What? *Chaillot Paper*, 2005, no. 82. September. 122 p.
22. McCormick J., Olsen J. *The European Union. Politics and Policies*. 5th ed. Westview Press, 2015. 402 p.
23. Mandelbaum M. Pay up, Europe. What Trump gets right about NATO. *Foreign Affairs*, 2017, September/October Issue.
24. Moisi Dominique Reinventing the West // *Foreign Affairs*, 2003, vol. 82, no 6, November/December.
25. Moravcsik A., Schimmelfennig F. Liberal Intergovernmentalism. *European Integration Theory*. Ed. by Wiener A., Diez T. Oxford, Oxford University Press, 2009. Pp. 67-87.
26. Moravcsik A. Striking a New Transatlantic Bargain. *Foreign Affairs*, 2003, vol. 82, no. 4, July/August.
27. Norman L. Defending the European Political Order. *European Journal of Social Theory*, 22.11.2016. DOI: 10.1177/1368431016679670
28. Pabst A. The Concept of New Democratic Legitimacy and the Future of the European Union. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2017, no. 10 (1), pp. 13-32.
29. Rohrschneider R., Whitefield S. Responding to Growing European Union-scepticism? The stances of political parties toward European integration in Western and Eastern Europe following the financial crisis. *European Union Politics*, 26.10.2015, vol. 17, no. 1, pp. 138-161. DOI: 10.1177/1465116515610641
30. Wahl P. Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU. *Globalizations*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 157-163. DOI: 10.1080/14747731.2016.1228787
31. Webber D. How likely is it that the European Union will disintegrate? A critical analysis of competing theoretical perspectives. *European Journal of International Relations*, 04.01.2013, vol. 20, no. 2, pp. 341-365.
32. Waltz K. *Theory of International Politics*. New York, McGraw Hill, 1979. 256 p.
33. *Key controversies in European integration*. Ed. by Zimmerman H., Dur A. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2016. 280 p.

About the author:

Lyana A. Dymova – Project manager The Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund. Yakovoapostolskiy per., 10-1, Moscow.

МИРОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СМИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Т.И. Тюкаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Проблематика деятельности глобальных СМИ и возможностей их влияния на политические процессы нередко становится объектом научных исследований. СМИ принято рассматривать как один из инструментов реализации внешней политики государства. Акторный подход позволяет рассматривать глобальные СМИ как относительно самостоятельных игроков, взаимодействующих с другими – государственными и негосударственными – акторами мировой политики, а также способными оказывать влияние на мировые политические процессы. Однако представляется, что ни тот, ни другой подход не позволяют в полной мере ответить на вопрос о том, в чём заключается особенность деятельности всего разнообразия современных СМИ – в ходе их взаимодействия между собой, с другими негосударственными акторами, а также государствами – и в чём заключается потенциал влияния СМИ с учётом этой их «особой природы». В ответе на этот вопрос состоит цель написания данной статьи.

Автор анализирует основные теоретические подходы к изучению деятельности и потенциала влияния СМИ на мировую политику, выявляет особенности функционирования современного глобального информационного пространства, рассматривает основные аспекты взаимодействия СМИ с государствами и негосударственными акторами и выявляет принципиальные способы влияния глобальных СМИ на мировую политику.

В основе теоретико-методологической базы лежит конструктивистская парадигма. Автор делает вывод о двойственной природе современных СМИ, которые выступают одновременно в качестве средств конструирования государствами и различными негосударственными акторами реальности мировой политики, а также в качестве акторов этой реальности. Глобальные СМИ являются главными акторами глобального информационного пространства, активно участвуя в его формировании и развитии его динамики, и при этом действуют под большим влиянием развивающихся в нём процессов. Кроме того, отмечается, что современные условия развития информационных технологий позволяют говорить о становлении глобального информационного пространства как единого «организма», который функционирует в соответствии со своей собственной внутренней логикой. В основе его функционирования лежит взаимодействие и взаимовлияние совокупности разнообразных разноуровневых и разноформатных СМИ, транслирующих и об-

УДК 327, 316.77

Поступила в редакцию 30.03.2017 г.

Принята к публикации 05.08.2017 г.

менивающихся конкурирующими социо-культурными установками и видениями – «социальными конструктами». В результате этого динамичного взаимодействия формируется особая – медийная – реальность, которая является одним из важнейших измерений современных мировых политических процессов.

Ключевые слова: политическое влияние СМИ, глобальное информационное пространство, глобальные СМИ, конструктивизм

Совершенно очевидно, что деятельность СМИ различных видов (пресса, радио, телевидение, а также «новые» интернет-СМИ) и различных уровней (от локального и национального до трансрегионального и глобального) в современном мире является одним из важнейших элементов мировых политических процессов. Большое число научных и публицистических работ, а также политических документов посвящены теме (или затрагивают её в той или иной мере) важности использования СМИ в политике государств (и негосударственных акторов) и их влиянию на общественное мнение и военно-политические события, не говоря уже о проблематике использования СМИ в целях информационных манипуляций и «информационных войн».

Однако преимущественно СМИ рассматриваются как инструменты политики государств (и негосударственных акторов), что не позволяет дать наиболее полный ответ на вопрос о потенциале и способах влияния СМИ на современные мировые политические процессы. Существует ряд исследований, анализирующих деятельность СМИ в рамках акторного подхода и делающих вывод о потенциале оказания СМИ относительно самостоятельного влияния на политику государств и негосударственных акторов. Между тем, представляется более логичным говорить об оказании влияния не одним отдельным СМИ, а о воздействии совокупности разноуровневых и разноформатных СМИ в их взаимодействии – как на государства и негосударственных акторов мировой политики, так и на другие СМИ и их взаимодействия между собой. В этом контексте следует также отдельно подчеркнуть особое качество сформировавшегося сегодня глобального информационного пространства, действующего как единый «организм» в рамках собственной логики и являющегося сегодня одним из важнейших измерений мировой политики. СМИ являются главными акторами этого измерения, определяя динамику процессов, происходящих в нём, и при этом сами действуют под влиянием этой динамики. В этой связи представляется принципиальным рассмотреть деятельность СМИ с точки зрения конструктивистской парадигмы, тем более что эта проблематика крайне редко исследуется под таким углом.

Целью данной статьи является ответ на вопрос о «двойственной природе» современных СМИ, действующих в глобальном информационном простран-

стве, и о потенциале оказания ими влияния на мировые политические процессы с учётом этой особой природы. Для этого сначала рассматриваются основные теоретические подходы к изучению деятельности СМИ, затем анализируются особенности функционирования современного глобального информационного пространства, в том числе определяющего и особую природу современных СМИ. Затем изучаются способы воздействия СМИ на мировые политические процессы и основных их традиционных и нетрадиционных игроков, а также выявляются особенности взаимодействия и взаимовлияния мировых политических процессов (и их основных акторов) и процессов глобального информационного пространства (главными игроками которого являются СМИ). Делается вывод о принципиально новых качествах глобальных СМИ и новых способах оказания ими воздействия на мировую политику ввиду новой особой природы современного глобального информационного пространства.

Теоретические подходы к изучению СМИ

Проблематика влияния деятельности СМИ на политические, в том числе мирополитические, процессы является темой большого числа научных исследований. Традиционно СМИ рассматриваются как один из эффективных инструментов государственной информационной политики. Так, американский исследователь Л.Эдвардс сформулировал понятие «mediapolitik», характеризующее потенциал использования государственными структурами информационного пространства в достижении собственных целей, отмечая роль СМИ как важнейших составляющих национальной мощи наряду с традиционными компонентами – ресурсами, экономикой, военной силой и политической волей, эффективность которых значительно зависит от медиаакторов [27]. Считается, что «mediapolitik» сводится в основном к воздействию на политические элиты – в отличие от «общественной дипломатии» как одного из элементов «мягкой силы» [5; 9; 14; 29; 34], объектом которой выступает общественность, – и является современной формой осуществления пропаганды. В целом изучению информационных манипуляций, информационных войн и психологического воздействия различных средств массовой информации и коммуникации на сознание людей, используемых в политике государств, посвящено огромное количество научных работ и публицистики [2; 4; 8; 11; 18; 22].

В противовес реалистскому подходу к анализу влияния СМИ в мировой политике существует также акторный подход, подразумевающий наличие у СМИ собственного потенциала влияния на международные процессы и принятие политических решений государств. Особое место в этом контексте принадлежит крупнейшим телеканалам – CNN, BBC, Euronews, AlJazeera, RussiaToday и др., – осуществляющим круглосуточное вещание на глобальную аудиторию. Мощнейшее влияние, которое могут оказывать международные каналы на мировую общественность, а также руководства иностранных и своих государств

и на мировые политические процессы в целом получило название «эффекта CNN» [30; 33; 38].

М.М. Лебедева отмечает [13;15], что процесс транснационализации, характеризующийся увеличением количества негосударственных акторов вместе с ростом их роли в мировых политических отношениях, является одной из главных характеристик современного состояния мировой политической системы. При этом параллельно с процессом транснационализации происходит процесс «гибридизации акторов, а также переплетения их функций». На фоне этого происходит изменение роли государств, которые, оставаясь ключевыми игроками мировой политики, не могут полностью сохранять монополию на принятие политических решений и вынуждены делить эту монополию с другими негосударственными игроками.

Дж.Най и Р.Кохейн [32] определяют «транснациональные взаимодействия как движение материальных и нематериальных потоков через государственные границы, при которых по крайней мере один из участников не является представителем правительства или межправительственной организации», выделяя одним из основных четырёх типов таких взаимодействий «коммуникации, движение информации, в том числе трансляцию представлений, идей и доктрин». Они также указывают на сложность современных транснациональных взаимодействий, в которых практически невозможно установить границу, когда тот или иной актор перестает действовать как представитель государства и начинает действовать от собственного лица. Это положение представляется принципиальным при анализе деятельности глобальных СМИ, которые, с одной стороны, имея страну базирования, которая задает их идентичность и определенный набор ценностных установок, с другой стороны – зачастую могут действовать на глобальной арене самостоятельно от государства «своей национальностью».

Одним из их главных выводов является положение о том, что деятельность негосударственных – транснациональных – акторов «повышает чувствительность обществ друг к другу, таким образом изменяя отношения между правительствами соответствующих государств» [32]. Они также отмечают, что деятельность транснациональных акторов может стимулировать и провоцировать изменение представлений о конкретных явлениях, что может приводить к изменениям политики государств.

Между тем, влияние государств и негосударственных акторов, которые стоят за теми или иными СМИ, в частности – действующими в глобальном масштабе, является принципиальным фактором. При этом это влияние наиболее значимым образом проявляется в том наборе стереотипных установок и контекстуальных рамок, которые используют СМИ – намеренно, а часто и подсознательно – при освещении тех или иных событий или явлений. В этом контексте представляется более логичным говорить о двойственной природе СМИ, которые могут служить инструментами политики тех групп интересов, которые за ними стоят (государств или негосударственных акторов), и одно-

временно являются относительно самостоятельными акторами, способными оказывать влияние на другие государства или негосударственные акторы. Причём деятельность СМИ в глобальном масштабе сегодня в значительной степени определяется не только мировыми политическими процессами, главными участниками которых остаются государства, но и процессами, происходящими в глобальном информационном пространстве, где главными акторами выступают именно СМИ. Взаимодействие и взаимовлияние всех разноуровневых и разнокалиберных СМИ, действующих в общемировом масштабе, сегодня образует единый «организм», функционирующий в собственной логике и по собственным правилам. Таким образом, СМИ одновременно выступают в качестве основных акторов глобального информационного пространства, задавая динамику его развития, и при этом испытывают влияние – как со стороны мировых политических процессов и их ключевых игроков, так и со стороны процессов в рамках глобального информационного пространства.

Рассмотреть деятельность СМИ и потенциал их влияния на мировую политику с этой точки зрения наиболее полно позволяет конструктивистская парадигма.

Ключевым понятием в рамках конструктивизма служит понятие «социального конструкта», а также идея о том, что взаимодействие субъектов, в частности в международных отношениях и между различными участниками в мировой политике, происходит на основе смыслов, которые для них имеют те или иные объекты, и в условиях «социальной реальности», которую они сами создают. Таким образом, «международная система – продукт сотворения людьми совокупности идей и системы норм, созданных в конкретное время и в определённом месте» [1].

При этом немаловажно положение о том, что создаваемый отдельными игроками «социальный конструкт», оказывает влияние как на объект воздействия, так и на сам субъект. Французский социолог Э.Дюркгейм в своих трудах развивал понятие «социального факта», определяя его как «всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; распространённый на всём протяжении данного общества, имеющий в то же время своё собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [6].

Средства массовой информации играют важнейшую роль в формировании, развитии, укреплении и распространении различных идей, трактовок, понятий, паттернов – «социальных конструктов», одновременно в своей деятельности находясь под их влиянием. Пресса, радио и телевидение традиционно являлись инструментами игроков мировой политики и международных отношений, как государств, так и негосударственных акторов, для распространения и утверждения определённых идей и видений на отдельные социальные, политические, военные и экономические события и явления в соответствии с их интересами – с целью получения и сохранения своего влияния. Однако только с началом

формирования в действительности *глобального* информационного пространства, являющегося сегодня неотъемлемой составляющей среды мировой политики, стало возможным говорить о масштабности влияния всей совокупности «социальных конструкторов», которыми оперируют разноуровневые и разнокалиберные мировые СМИ, а также о взаимодействии и взаимовлиянии всего разнообразия этих «конструкторов» в рамках единого глобального «организма», функционирующего в соответствии со своей собственной динамикой и способного оказывать влияние на мирополитические процессы – как в соответствии с интересами определённых акторов, так и вопреки им.

Принципиальным в этой связи является вывод А.Вендта о взаимовлиянии и взаимообусловленности «агентов» и «структур» в процессе их функционирования: «Агент неотделим от структуры, а его действия возможны только в рамках этой структуры; в то же время, сами структуры не имеют значения, если только они не являются продуктом деятельности агентов» [41]. Вендт также акцентирует внимание на том, что структуру имеет смысл рассматривать не как нечто неизменно данное и безусловно определяющее действия акторов-агентов, действующих на мировой арене в условиях анархии, но как процесс [40].

Таким образом, деятельность СМИ можно рассматривать с двух точек зрения: как средства, с помощью которых агенты конструируют структуру, и как агентов, которые сами конструируют структуру. С одной стороны, СМИ служат одним из инструментов государств и различных негосударственных акторов мировой политики, посредством которого последние формируют мирополитическую среду, оказывающую в свою очередь влияние на их действия и принятие ими решений. С другой – СМИ являются компонентами и действующими единицами функционирования глобального информационного пространства, одновременно определяя процессы, происходящие в нём, и попадая под влияние этих процессов и общей логики его функционирования.

При этом большую значимость имеет тот факт, что каждое СМИ традиционно является носителем и транслятором определённого набора стереотипных и ценностных установок. Т.Риссе, отмечает, что «устоявшиеся в обществе идеи и представления – будь то нормы или принятое понимание причинно-следственных связей – не только определяют поведение акторов, но и конструируют их идентичность» [35]. С учётом этого деятельность СМИ имеет смысл рассматривать одновременно в контексте устоявшихся в обществе норм и правил, формирующих идентичность, и в то же время как направленную на их распространение, закрепление, а также развитие и трансформацию. Глобальные СМИ, выводя эти устоявшиеся представления на уровень глобального информационного пространства, становятся участниками глобального дискурса, в рамках которого, таким образом, взаимодействуют различные идентичности, оказывая влияние – в зависимости от процесса этого взаимодействия – на мировые политические процессы.

Особенности функционирования современного глобального информационного пространства

Международная повестка дня в освещении национальными СМИ и даже транснациональное вещание не являются достижением эпохи глобализации. Однако до 1990-х гг. речь могла идти только о трансграничной деятельности медиакорпораций, имеющих сеть представительств и штабов репортёров в разных частях света и представляющих информацию отдельным сегментам мировой аудитории на нескольких языках. Глобальной сферы как таковой не существовало: на международной арене единственно важными игроками являлись государства (фактически – только «великие державы»), которые реализовывали информационное обеспечение своей политики посредством нескольких крупных информационных агентств, международных телеканалов и радио. Именно им принадлежала монополия на управление информацией о международной ситуации и её интерпретацией.

В период холодной войны в подкрепление и сохранение этой монополии США сформулировали доктрину «свободного потока информации», в основе которой лежала идея о свободном мировом информационном рынке, обуславливая право любого государства вмешиваться в информационные пространства других государств¹.

Впоследствии эта доктрина заложила основу для появления и развития глобальных СМИ, закрепив при этом прерогативу за западными новостными агентствами и каналами. С начала 1990-х гг. бурное развитие получили коммуникационные и информационные технологии, стимулировавшие беспрецедентный рост связей между государствами во всех сферах и усилившие их взаимопроникновение в мировом масштабе. В свою очередь глобализационные процессы способствовали появлению новых тенденций в области международного информационного обмена: сохранявшие своё доминирование западные СМИ начали трансформироваться в глобальные, расширяя сеть своих представительств в различных регионах и странах и всё больше охватывая событийную повестку во всём мире. От формулы «монополисты информации (под которыми следует понимать ограниченное число западных информационных агентств) – об определённых фактах – международной аудитории» в мировой информационной сфере наметился переход к формуле «монополисты информации – о многих фактах – глобальной аудитории». При этом глобальная аудитория не только шире по охвату, чем аудитория международная: она также подразумевает появление «обратной связи» между ней и СМИ. Таким образом, объектом одностороннего воздействия международных СМИ были многие страны и даже регионы мира, тогда

¹ См., например, Free Flow of Information // International Communication. 2008. January 21. URL: <http://internationalcmst.blogspot.ru/2008/01/free-flow-of-information.html>; Boyd-Barrett O. Free Flow Doctrine / Encyclopedia of Communication Theory // Stephen W. Littlejohn & Karen A. Foss (ed.). SAGE Publications, Inc, 2009. URL: <http://knowledge.sagepub.com/view/communicationtheory/n153.xml>

как глобализирующиеся СМИ начали транслировать свои потоки информации практически во все уголки планеты, а также получали реакцию на свою деятельность и, в свою очередь, реагировали на получаемый ответ (см. схему на рис. 1).

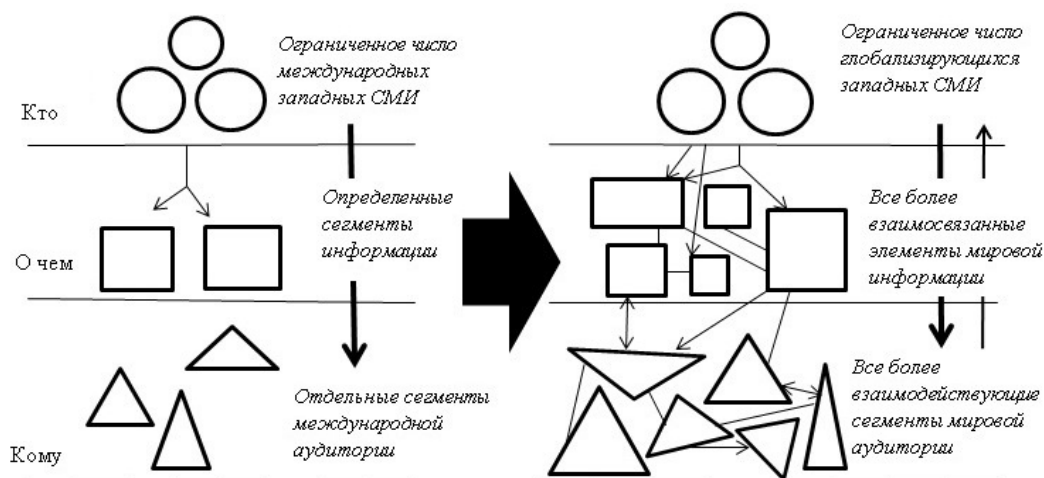

Рис. 1. Трансформация формулы движения международных информационных процессов в 1990-е гг.

Pic. 1. Transformation of international information movements in 1990 g.

Ускорение глобализационных процессов неизбежно влечёт снижение роли международных границ, вследствие чего государство постепенно утрачивает полный контроль над различными сферами жизни своей страны – в том числе и в области информации. Таким образом, к началу 2000-х гг. сложились предпосылки для формирования действительно глобального информационного пространства. Нарушенная глобализацией и развитием информационных и коммуникационных технологий, а также спутниковым телевидением монополия незначительного числа западных СМИ, заметно трансформировавшихся к этому моменту, начала ещё больше ограничиваться за счёт появления новых глобальных каналов и информационных агентств. Альтернативой традиционным CNN International и BBC World на мировой арене стали катарская AlJazeera, европейский Euronews, французский France 24, южно-американский TeleSUR, китайский CCTV и турецкий TRT, принявшие новый глобальный формат, российская Russia Today, иранские AlAlam и PressTV и другие. Несущие на себе заметный отпечаток традиций западной журналистики и собственные страновые и региональные особенности новые СМИ формируют действительно *глобальную* сферу информации, обеспечивая её максимальный охват в мировом масштабе, пестроту мнений и различные углы рассмотрения происходящих событий.

Все эти западные и незападные глобальные СМИ активно взаимодействуют между собой – на региональном и общемировом уровне, – создавая динамичный информационный контент в масштабах всего мира и кардинально меняя парадигму односторонне направленных информационных потоков. Это

взаимодействие усиливается за счёт трансграничного интернет-пространства: каждое из глобальных СМИ имеет сайт в сети в нескольких языковых версиях, обеспечивая практически универсальный доступ к своей информации, а также возможность взаимодействия со своей аудиторией посредством организации чатов или онлайн-конференций [17].

Кроме того, взаимодействие различных групп внутри самой глобальной аудитории через глобальные социальные сети становится объектом наблюдений СМИ и зачастую является основой информационных сообщений. Любая национальная газета, журнал, радио или телеканал, имеющие интернет-версию, любая политическая или социальная группа и даже человек, опубликовавший в социальной сети громкое заявление, призыв или неизвестную информацию – фактически становятся участниками глобального информационного пространства, в котором различные негосударственные акторы имеют возможность оказывать влияние на общественное мнение.

Информационная глобализация создала ощущение формирования глобальной общественной сферы, где происходит взаимодействие различных групп интересов и обмен мнениями, потенциально оказывающий влияние на мировую политику [28; 31]. Однако едва ли стоит преувеличивать потенциал этого общественного интернет-взаимодействия, пусть даже и в общемировом масштабе: резонанс оно может создать только в случае направленного действия наиболее влиятельных глобальных СМИ, за каждым из которых стоит то или иное государство (или группа интересов в лице того или иного влиятельного негосударственного актора), которое, хотя не имеет полного контроля над информационными потоками, формируемыми даже своими действующими в мировом масштабе изданиями и каналами, тем не менее, сохраняет определенные рычаги влияния на них и остается основным актором мировой политики.

Кроме того, государства сами активно используют возможности интернета для оказания воздействия на общественное мнение посредством создания сайтов своих ведомств и аккаунтов в социальных сетях в целях информирования и получения канала «обратной связи». При этом интернет является лишь одной из сфер глобального информационного пространства, главными игроками которого выступают мировые СМИ, способные активизировать влияние государств, осуществляющих самостоятельную деятельность в этом пространстве, или нейтрализовать его. Аналогично глобальные информационные агентства и спутниковые каналы могут усилить влияние менее значимых по сравнению с традиционными негосударственных акторов и менее весомых локальных игроков медиарынка в мировом масштабе.

Глобальное информационное пространство представляет собой «совокупность региональных и локальных «рынков», объединённых сетью транснациональных коммуникаций, по которым непрерывно перемещаются огромные потоки информации» [17]. Современные глобальные СМИ посредством своего взаимодействия с государствами, общественностью, а также между собой, форми-

руют особую сферу, которая является одним из важнейших измерений современных мирополитических процессов. На современном этапе мировое пространство информации характеризуется глобальностью и массовостью [16], под которыми следует понимать смешение качественно различающихся и разнонаправленных информационных потоков, действующих по формуле «всё – обо всём – всем».

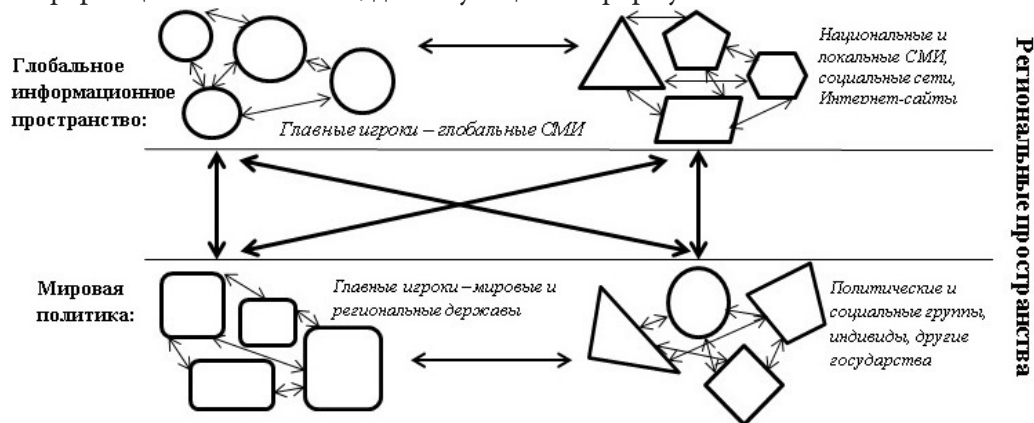

Рис. 2. Глобальное информационное пространство как измерение современной мировой политики.

Pic. 2. Global information as a sphere of world politics.

Глобальные СМИ действуют в глобальном масштабе, то есть имеют доступ практически во все части планеты, при этом не только воздействуют, но и получают обратную реакцию на свою деятельность со стороны глобальной аудитории и других разноуровневых и разноформатных СМИ, действующих в глобальном информационном пространстве. Глобальные СМИ имеют потенциал оказания решающего влияния в мировом информационном пространстве – в отличие от других его акторов (государств, пытающихся действовать самостоятельно в глобальной информационной сфере, политических и социальных групп или даже индивидов) – и поэтому являются ключевыми его игроками. Их отличительной чертой можно считать двойственную природу: с одной стороны, они образуют одно из измерений среды, в которой действуют различные акторы, с другой – они сами могут выступать в качестве акторов. Они взаимодействуют с государствами и негосударственными участниками мировой политики разного уровня и между собой и способны, таким образом, воздействовать на мирополитические процессы.

В рамках глобального информационного пространства функционирует большое количество разноуровневых и качественно различающихся, в том числе и по степени влиятельности, игроков, ключевыми среди которых являются ряд глобальных информационных агентств и спутниковых каналов. Однако вне зависимости от значимости каждого из разнокалиберных акторов их постоянное взаимодействие и взаимовлияние образует единую сферу, своего рода организм, который развивается в соответствии с собственной логикой.

Любое событие, попав в глобальное информационное пространство, может послужить спусковым крючком для ускорения или изменения направления информационных потоков, новость локального значения через социальные сети или местную прессу может проникнуть на региональный или даже глобальный уровень, подхваченная несколькими разноразмерными СМИ. Попав на региональный или мировой уровень и став объектом рассмотрения несколькими основными крупными акторами, новость приобретает собственную динамику развития и потенциально может оказывать влияние на общественное мнение и политику государств. Ключевым качеством глобального информационного пространства, обуславливающего его потенциал воздействовать на мирополитические процессы, является эффект суммирования усилий всех существующих его участников [7] – разноразмерных, разноразмерных и разноразмерных.

Такое взаимодействие, обеспечивающее переход события из категории местного или регионального в категорию глобального и обуславливающее «эластичность разноразмерных повесток дня» [7], становится возможным, в первую очередь, за счёт механизма «кросс-мониторинга» разноразмерных акторов мирового информационного пространства деятельности друг друга.

Саморегулирование системы мирового информационного пространства на основе рыночного механизма спроса и предложения во многом является следствием достаточно длительного монопольного положения западных сначала международных, а затем и глобальных СМИ, основывавшейся на доктрине «свободного потока информации». Новые – преимущественно незападные – региональные и глобальные акторы мировой информационной сферы, встраиваясь в эту систему, вынуждены соблюдать сложившиеся «правила игры», что и выражается в их стремлении создания уникального и конкурентоспособного контента в целях удовлетворения растущего спроса на мировом рынке информации и его дальнейшего стимулирования. Это способствует сохранению собственной динамики развития глобального информационного пространства, его функционированию как единого организма – «коллективного института» [26], потенциал которого больше просто суммы всех потенциалов каждого их участников. За счёт их постоянного взаимодействия и взаимовлияния этот «институт» получает возможность оказывать влияние на мировые политические и социо-экономические процессы.

Способы влияния современных глобальных СМИ на мировую политику

Основой деятельности различных СМИ является создание новостей посредством выделения отдельных событий из политической, экономической или культурной жизни общества, интерпретации их по своему усмотрению в соответствии с определёнными интересами, тем самым формируя представление о том или ином акторе и его деятельности.

По мнению американского исследователя Г.Лассуэлла, основными функциями СМИ являются: наблюдение за миром, «редактирование», то есть отбор отдельных событий и их комментирование, формирование общественного мнения и распространение культуры [12]. Характерно, что его исследования касались национальной прессы, радио и телевидения, так как на начало XX в. СМИ действовали в рамках отдельных государств, однако сегодня, когда правомерно говорить о формирующемся общемировом информационном пространстве, данные функции сохраняют свою актуальность, оставаясь основными, однако приобретают новое измерение ввиду глобального характера деятельности газет, радио- и телеканалов.

Российский политолог И.Н.Панарин отдельно также выделяет информационную, мобилизационную и пропагандистскую функции, функцию социализации, а также критики и контроля [18]. Главное назначение СМИ – освещать жизнедеятельность общества и его отдельных сфер с целью его оснащения достоверной информацией и принятия на её основе решений, касающихся жизни личности, группы, общества [16]. В этом заключается информационная функция СМИ. Однако, как отмечает Р.Харрис, сам процесс освещения новостей зачастую сам по себе становится «большей новостью», чем события, о которых сообщается [22]. Двумя ключевыми моментами при этом представляются а) создание новости из произошедшего события и б) формирование определённого образа-интерпретации, то есть оказание воздействия на общественное мнение.

В этом свете особую важность приобретает функция СМИ как инструмента социализации, то есть процесса усвоения обществом и отдельными индивидами определённых образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей. В долгосрочной перспективе именно то, какие установки, нормы и ценности формулируются и последовательно отображаются СМИ, играет решающую роль в формировании общественного мнения, то есть общего представления широкой аудитории о тех или иных событиях, явлениях, процессах и проблемах [3]. Впоследствии в опоре на утверждённые в обществе понятия СМИ осуществляют информирование о происходящих событиях таким образом, чтобы оно укладывалось в рамки ставшей общепринятой логики, а также создают и вводят в массовое сознание новые установки, в соответствии с которыми происходит интерпретирование различных событий.

Цель информирования – закрепить в общественном сознании определённое видение ситуации. При этом информатор упоминает только те аспекты, которые соответствуют идее его сообщения, а также старается поместить их в рамки некоего знакомого в обществе «социокультурного сценария», задающего конкретную «схему социально приемлемого или ожидаемого поведения» [20].

Изображаемая СМИ действительность существенно отличается от того, что происходит в реальном мире. Эта действительность фактически формируется за счёт работы режиссёров, операторов и редакторов, которые принимают

решение о том, какие события и каким образом освещать [22]. При этом очевидно, что журналисты сами находятся под постоянным влиянием доминирующих в массовом сознании установок и стереотипов и, соответственно, неосознанно, но неизбежно, делают определённые выводы из происходящего, рассматривая события через призму общественного мнения.

Таким образом, более целесообразно говорить о СМИ не как об источниках информации, которая изначально не является объективной, а как о создателях особой реальности, через призму которой всё происходящее воспринимается обществом и на основании которой люди в результате принимают определённые решения. Деятельность СМИ формирует тематический контекст, с учётом которого осуществляется информирование общества о происходящем, за счёт чего происходит влияние – намеренно или непреднамеренно – на широкие массы и общественное мнение. В случае намеренной – направленной деятельности СМИ на создание определённого набора стереотипов и установок, влияющих на восприятие событий обществом, можно говорить об информационных манипуляциях, которые лежат в основе пропагандистской функции, подразумевающей распространение некоторых идей, которые задают конкретное отношение массового сознания к конкретным процессам, явлениям, событиям.

В процессе информационных манипуляций СМИ используют различные, в том числе языковые [4], методы подсознательного воздействия [3], которые зачастую дополняются и усиливаются средствами других семиотических систем, например, иллюстрациями или видеорядом: зрительный образ может не только усилить проводимое сообщение, но и изменить его эмоционально-оценочное восприятие до противоположного [4].

Формируемая СМИ реальность отражает картину мира лишь с определённой стороны и под определённым углом, а роль журналистов и репортёров заключается не только в создании конкретного видения ситуаций, но и в выборе тем для освещения. Одним из важнейших факторов при определении тех событий, о которых должно быть сообщено, является возможность просто и за короткий отрывок времени о нём рассказать [3], что объясняется особыми условиями функционирования глобального медиарынка. Особое значение в этой связи приобретает последовательный и длительный процесс создания СМИ тематического контекста. В целях улучшения восприятия информации публикой освещение событий упрощается и стереотипизируется и затем вводится в рамки уже существующей в массовом сознании парадигмы, а информация, не вписывающаяся в заданный тематический контекст, может игнорироваться. Ярким примером этого является информационная кампания западных СМИ во время войны в бывшей Югославии. CNN и BBC активно развивали образ «серб-головореза» и албанцев-жертв этнической дискриминации. Однако когда миротворческие силы ООН в водосточной трубе нашли группу сербов, которых в качестве пленников там содержали албанцы, западные журналисты проигнорировали данный факт [17].

Немаловажную роль при этом играет так называемый «коммуникативный резонанс» – явление массового сознания, когда эффект от информационного воздействия значительно превышает первоначально затраченные усилия, и возникающий при соответствии содержания информационного воздействия ожиданиям масс [10]. Сформированный СМИ и устоявшийся в общественном сознании тематический контекст упрощает задачу оказания на общество влияния с целью вызвать определённую реакцию на события. Особое значение при этом имеет телевидение, обладающее «парасоциальным» качеством и создающее эффект реального присутствия зрителя на месте событий, что делает этот вид СМИ наиболее достоверным источником информации в восприятии людей [18] и наиболее эффективным с точки зрения создания устойчивых образов и стереотипов [17]. Однако при этом освещение происходящего подаётся в искажённой форме, хотя и воспринимается людьми как объективная реальность.

Выбор тематического контекста, в рамках которого рассматривается то или иное явление, крайне важен. Так, датский карикатурный скандал 2005-2006 гг. подавался западными СМИ с акцентом на реакцию мусульман в логике тезиса о «столкновении цивилизаций» [7], а СМИ исламского мира – в рамках традиционной для них риторики о враждебном «неоимпериализме» Запада. Характерно, что вспыхнувший летом-осенью 2012 г. скандал в связи с появлением фильма «Невинность мусульман», был вписан в тематический контекст как продолжение карикатурного скандала, а развитие логики противостояния западному «неоимпериализму» в СМИ мусульманских стран вылилось в изображение нападений на дипломатические миссии США и убийства американского посла в Ливии в годовщину терактов 11 сентября как нормальной реакции общества на «враждебность Запада». Кроме того, определённый набор понятий, используемый для освещения каких-либо событий, оказывает порой решающее влияние на общественное мнение, а через него – и на мировую политику [17].

Однако не только угол освещения событий может оказывать влияние, но и сама подборка тем новостей СМИ имеет принципиальное значение. В этом контексте следует говорить о функции формирования повестки дня посредством выделения отдельных событий как наиболее значимых среди остальных. При этом необязательно, чтобы СМИ диктовали определённое отношение к этим событиям: сам выбор одних сюжетов как ключевых и заслуживающих внимание при намеренном замалчивании других, возможно, по факту более значимых, но, например, не вписывающихся в существующий тематический контекст, задаёт динамику информационным потокам в информационном локальном, региональном и глобальном масштабах [22]. Управление повесткой дня определяется способностью создавать из реальных фактов новостной продукт, который посредством механизма «кросс-мониторинга» включается в процесс распространения и развития другими акторами. Именно по поводу этих тем происходит основное взаимодействие между множеством разнородных СМИ внутри информационного пространства, которое перетекает в политику

ческое и общественное измерение политики. В международном масштабе повестку дня формируют основные глобальные СМИ, оказывая влияние на мировое общественное мнение и политические элиты государств [17] и, тем самым, переводят эту повестку дня из глобального информационного пространства – в мирополитическое.

При этом, с одной стороны, СМИ действуют в соответствии с установками общественного сознания, отражая различные процессы жизнедеятельности общества и реакцию на них, а с другой – сообщают о событиях политической жизни государств и деятельности их лидеров. Таким образом, мировые СМИ в своей совокупности являются своего рода посредником между разными группами интересов, между обществом и государством. Реализуя свою информационную функцию, СМИ формируют особую сферу, выступают своего рода площадкой для обмена различными мнениями, на которой государства могут выражать свою позицию в отношении событий, а политические и социальные группы получают возможность высказаться – как по поводу этих событий, так и касательно позиций государств – и выдвинуть свои инициативы. При этом увеличение количества разнородных акторов информационной сферы, особенно за счёт развития интернет-коммуникационных сетей практически делает невозможным скрывание определённой, неудобной для отдельных субъектов, информации: если одни СМИ не отразят какие-либо факты в силу давления со стороны одной группы интересов, то их отразят другие, представляющие оппозиционные или просто альтернативные мнения. Все участники политического процесса используют формируемую разнородными и разноуровневыми СМИ сферу в своих целях и пытаются убеждать публику в правильности своих подходов, а также призывать к определённым действиям [31]. В этом проявляется функция СМИ как инструмента критики и контроля, а также мобилизационная функция.

Для того чтобы новость выглядела значимой и заинтересовала аудиторию, её представление должно включать как минимум три из пяти «обязательных» качеств. Таковыми К.Джемисон и К.Кэмпбелл называют наличие главного персонажа, драматизма, динамичности, нестандартности, а также корреляции с другими развивающимися параллельно другими СМИ темами. В каждой новости должен быть герой, самоидентифицируясь с которым зритель или читатель имеет возможность более полно разобраться в потребляемой информации. Необходимость наличия драматического оттенка в презентации новостей, обусловлена тем, что наличие какого-либо конфликта обеспечивает зрелищность и заинтересовывает аудиторию [22].

В условиях функционирования медиарынка, требующих от его основных игроков создания конкурентоспособного продукта, своей главной задачей СМИ видят не информирование общественности о происходящем, а удержание аудитории различными средствами. Создание из освещения фактов шоу обеспечивает интерес публики к новостям, но заметно снижает их информативный аспект

за счёт акцентирования одних событий и умалчивания других, что заметно искажает реальность, но при этом увеличивает потенциал влияния СМИ на общественное мнение. У глобальных СМИ этот потенциал значительно больше ввиду того, что объектом влияния выступает мировая общественность, в том числе политики и другие люди (научное сообщество, элиты, чиновники разного уровня), прямо или опосредованно влияющие на принятие государственных решений.

Взаимовлияние глобальных СМИ и мировых политических процессов

При этом глобальные СМИ не действуют в полной независимости от государств своей «национальности». С одной стороны, информационно-новостное производство поддерживается правительствами и не выходит за рамки сформулированной официальными лицами. Более того, практически все основные игроки современного глобального информационного пространства были созданы и финансируются – частично или полностью – государственными структурами и их деятельность контролируется государствами. И несмотря на то, что утверждение о полном контроле СМИ со стороны правительств является явным преувеличением в силу того, что они вынуждены действовать в условиях глобального информационного рынка, государство имеет серьёзные рычаги влияния на медиаакторов.

Харрис выделяет ряд механизмов, ограничивающих деятельность СМИ государствами. В первую очередь, это цензура, которая осуществляется посредством предварительного предоставления информационных материалов правительственным или военным цензорам, или же государство само является владельцем СМИ, что даёт ему право контроля над распространяемыми новостями [22]. Цензура, кроме того, может быть и косвенной: например, в некоторых государствах транслирование или публикация материала, противоречащего государственным интересам, является преступлением. Косвенная цензура может выражаться также в затягивании процесса выдачи СМИ государственной лицензии. Ещё одним способом ограничения освещения журналистами является блокирование доступа к местам событий.

С другой стороны, иногда СМИ сами могут ограничивать себя посредством самоцензуры и, располагая определённой информацией, предпочитают не раскрывать её. Ограничителями зачастую выступает менталитет журналистов, которые являются частью общества с исторически сформировавшимися культурными нормами, выступающими на подсознательном уровне в качестве «красных линий». Журналисты сами устанавливают свои «красные линии» и пользуются гораздо меньшей свободой слова, чем им по сути предоставлено [39].

Каждое глобальное СМИ в более или менее явной форме несёт отпечаток своей «национальности» и не только выражает официальную точку зрения государства, но и распространяет определённый набор социокультурных установок, понятий и стереотипов, за счёт которых и реализует своё влияние.

Глобальные СМИ, таким образом, зачастую неосознанно являются проводниками идеологии государств своей «национальности», рассматривая международные события через призму определённого набора ценностных установок и представлений и трактуя их в рамках характерного их обществу тематического контекста. Любые СМИ, действующие интернационально, имеют свою «национальность» и так или иначе ассоциируются с определённым государством, насколько глобально бы они не действовали, и с определённым углом подачи информации, отражающим традиционные ценности той или иной страны. Так, CNN в своих репортажах в преобладающем большинстве случаев рассматривают события через призму традиционной американской культуры демократических ценностей и либерализма, BBC часто уделяют внимание правовым аспектам того или иного вопроса, AlJazeera редко обходится без того, чтобы так или иначе обвинить в региональных проблемах Иран или Израиль.

Возрастающий потенциал глобального информационного пространства оказывать воздействие на мировое общественное мнение и мирополитические процессы заставляет государства развивать свой инструментарий информационной политики для оказания влияния на него. Многие исследователи отмечают, что влиятельное присутствие на глобальном информационном пространстве является «таким же неотъемлемым атрибутом великой державы, как и обладание ядерным оружием» [24] в силу того, что «национальные» СМИ, действующие в мировом масштабе, могут воздействовать не только на общественные массы, но и на политическую элиту разных стран. Международный имидж непосредственно связан с позицией государства на мировой арене и имеет особую важность для успешной реализации внешнеполитической деятельности.

Помимо этого, закрепление в глобальном общественном сознании положительной репутации посредством использования таких методов СМИ в реализации своих функций, как формирование социокультурных сценариев и тематического контекста, различных стереотипов и установок, является эффективным средством нейтрализации критических сообщений в адрес государства. Достижение устойчивого позитивного имиджа – результат долгосрочной и последовательной политики, так как формирование общепринятых и неподвергающихся сомнению стереотипов занимает длительное время, но потом изменить их крайне сложно. Таким образом, глобальные СМИ играют значимую роль в формировании своего рода «бренда» страны в мире, сглаживании или разжигании внешнеполитических противоречий государства, а также решении или усугублении отдельных проблем международной повестки дня [21].

В современных условиях представляется логичным говорить о конкуренции различных акторов мировой политики в глобальном информационном пространстве, ставшем важным измерением их соперничества в мировой политике. Фактически происходит столкновение интерпретаций, имиджей, идей и культурно-психологических установок, обусловленное столкновением интересов стоящих за ними отдельных субъектов. Успех реализации тех или иных

внешнеполитических амбиций всё больше зависит от их популярности и, соответственно, влияния в глобальной медиасфере, что, в свою очередь, обусловлено способностью СМИ взаимодействовать с как можно большим числом акторов [36].

Вместе с тем, очевидно, что СМИ не только являются инструментами государств в реализации внешнеполитических целей, но и могут выступать как самостоятельные акторы при взаимодействии как с традиционными, так и не традиционными участниками мировой политики. Очевидно, что глобальные СМИ и государство в определённых ситуациях взаимоограничивают друг друга, а в других – сотрудничают, расширяя тем самым свои возможности для реализации каждый своих, зачастую пересекающихся интересов. Так, в отсутствии монополии на информацию и её распространение государства вынуждены вести более аккуратную политику, подстраиваясь под особенности функционирования глобального информационного пространства, чтобы не дать повод СМИ для компрометирующего себя материала. СМИ могут служить в качестве своего рода ограничителя – особенно на внутривнутриполитическом уровне, не позволяющего в определённых случаях руководству действовать в отрыве от общественного мнения. В качестве иллюстрации последнего можно привести пример деятельности в 2003 г. глобальных, в том числе британских (в частности ВВС), медиа-корпораций, выступивших с жёсткой критикой политики правительства Тони Блэра по участию в иракской кампании: мнение ВВС имело большое значение в формировании мнения общественного, что в результате привело к снижению рейтингов популярности британского премьер-министра.

В свою очередь, СМИ сами заинтересованы в сотрудничестве с государством в собственных интересах удовлетворения спроса как можно более широкой аудитории, так как взаимосвязь с правительственными органами открывает доступ к важной информации, на основе которой медиа реализуют уникальный и высоко конкурентоспособный на информационном рынке продукт.

Для достижения успеха в своей информационной политике государство вынуждено учитывать особенности глобального медиарынка. Оно заинтересовано в повышении влияния своих СМИ в мировом информационном пространстве, так как от этого напрямую зависит его потенциал в мировой политике. Возможности государств быть услышанными в мире напрямую зависят от степени востребованности их национальных СМИ на внешних рынках: «информационный импульс можно считать безрезультатным, если он не передан по цепочке «ретранслирующих» СМИ, принадлежащих к разным национальным и региональным сегментам новостного рынка» [7].

Более того, отдельные направленные акции информационной политики государств могут привести к непредсказуемым последствиям: изначальный информационный импульс, попав в условия слабоконтролируемых глобальных информационных потоков, может трансформироваться и принять неудобный характер для государства, создавшего этот импульс. Глобальное пространство

информации является сложной многосоставной и многоуровневой саморегулирующейся системой, в которой государство – лишь один из участников.

Создаваемый СМИ новостной продукт оказывает непосредственное влияние на формирование политики, отражая и определяя международную конфигурацию политической власти [17]. Главным качеством глобальных СМИ, определяющим их значительный потенциал в оказании воздействия на мировую политику, является их способность создавать яркие образы, что играет огромную роль в формировании политических и идеологических воззрений у большей части общества. Принципиальным моментом представляется при этом оказание влияния не только на общественные массы, но и на лица, принимающие политические решения – более или менее опосредованно. Нельзя исключать психологический фактор влияния медиа на политических лидеров: создаваемые устойчивые образы и стереотипы могут в долгосрочной перспективе иметь подсознательное действие.

Глобальные СМИ могут создавать условия, в соответствии с которыми инициируются или корректируются внешнеполитические решения государств. Аммон выделяет ряд факторов, от которых зависит возможность влияния мировых медиа на действия политиков: (1) масштаб события (чем масштабнее, тем больше международный резонанс и необходимость принятия срочных мер), (2) скорость разворачивания, особенно в ситуации отсутствия чёткого курса у политиков, (3) доступ репортёров к месту событий, (4) способность привлечь большую аудиторию [25]. Способность глобальных СМИ создать резонанс в мировом масштабе и мобилизовать участников мирополитических процессов на действия определяет их потенциал в формировании мировой повестки дня. По мнению С.Ливингстона, три основных направления влияния СМИ на политику государств заключаются в способности устанавливать политическую повестку в мировом масштабе, ускорять принятие решения и ограничивать определённую политическую деятельность [33].

В соответствии со своими функциями СМИ наблюдают за миром, отбирают информацию для создания из неё новостного продукта и сообщают о событиях в определённой последовательности и под определённым углом освещения, задавая тон, какие из тем являются наиболее важными, а какие менее значимы, оказывая непосредственное влияние на формирование политической повестки дня. Создавая международный резонанс, глобальные СМИ могут обращать внимание государств и международных организаций на кризисные ситуации и побудить их вмешаться. Так, во время освещения геноцида в Руанде после того, как СМИ начали квалифицировать происходящее там как «геноцид», а не просто «столкновения» или «резня», появилась возможность применения Конвенции ООН по предотвращению геноцида и создались условия для внешнего вмешательства [17].

В кризисных ситуациях, создающих международный резонанс, внимание глобальных СМИ практически круглосуточно приковано к конкретным ново-

стям, в то время как остальные события практически остаются вне поля зрения. За счёт этого у мировой аудитории создаётся впечатление повышенной важности события, усиливая влияние медиа на всё глобальное сообщество. При этом 24-часовое вещание передаёт динамику быстро развивающихся событий в условиях кризиса и требует немедленной реакции на постоянно обновляющуюся информацию со стороны политического руководства, представители которого нередко в условиях цейтнота теряют контроль над ситуацией, или принятия поспешных решений, что может привести к усугублению кризиса и провалу попытки переговоров. Форсируя события, СМИ лишают политиков времени на принятие продуманных мер [17; 38]. У. Стробел в этой связи отмечал, что возможность оказать влияние на политику медиа получают только в ситуации, когда осуществляемые меры реализуются недостаточно эффективно или если не пользуются поддержкой в обществе [38]. Е.Гилбоа, в свою очередь, говорил о том, что если у руководства нет чёткого политического курса по важной проблеме, то СМИ могут принять на себя часть этих задач [30].

Значение глобальных СМИ как определённых ограничителей государств обуславливается необходимостью соответствовать правилам мирового медиа-рынка, а также тем фактом, что акторы информационного пространства, помимо государств, взаимодействуют ещё и с общественной сферой. Так, Г.Уолсфелд отмечает, что СМИ, как правило действуют в логике доминирующей позиции, но в некоторых случаях могут занимать сторону меньшинства или слабой стороны в конфликте [42]. При этом участники конфликта в борьбе за политический контроль конкурируют за внимание СМИ и стремятся через них добиться победы своего видения ситуации. Медиаакторы, как говорилось выше, обладают прерогативой определения угла интерпретации событий и создают определённые «рамки», в которые политические акторы стремятся вписаться. В некоторых случаях, когда видение-интерпретация ситуации недоминирующих групп интересов, по мнению СМИ, будет способствовать созданию более конкурентоспособного новостного продукта на глобальном уровне, они могут отражать их подход, что может создавать определённые ограничения деятельности государств в достижении своих политических целей.

Т.Риссе рассматривает пример того, как взаимодействие внешних и внутренних для государства групп интересов (в лице как иностранных государств и международных организаций, так и внутригосударственных институтов и гражданских организаций) может повлиять на изменение политики государства посредством вынужденного его участия в формируемом дискурсе в сфере защиты прав человека [35]. Под давлением развивающегося интернационализированного дискурса о состоянии своей страны в правовой сфере, который происходит при огромной доли участия различных разноуровневых СМИ, государство вынуждено «оправдываться» за свои действия уже не только на внутриполитическом уровне, но и в мировом масштабе, а также идти на определённые уступки и изменять свою внутреннюю политику «с целью повысить свою

международную легитимность или получить иностранную помощь» [35]. Этот механизм в действии также иллюстрирует деятельность МВФ по предоставлению кредитов государствам-членам, находящимся в кризисном положении. Условия, выдвигаемые фондом, создают определённое давление на политику государств, стимулируемое формирующимся дискурсом с участием внутренних и внешних государственных и негосударственных игроков в рамках глобального информационного пространства. В результате государство вынуждено предпринимать зачастую нежелательные им шаги в экономической, а также социальной и политической сферах с целью удовлетворить предъявляемые МВФ требования и получить финансовую помощь.

Отдельные маргинальные группы, как и государства, могут пользоваться потенциалом СМИ влиять на мировую политику. Одним из наиболее ярких примеров был взлом твиттера агентства Associated Press в 2013 г. хакерами «Сирийской электронной армии», сражающейся на стороне президента Асада. На странице авторитетного информационного агентства было размещено сообщение о двух взрывах в Белом доме, в результате которых был травмирован американский президент Обама. Несмотря на оперативную реакцию администрации США, посредством опять же глобальных СМИ, опровергнувших информацию, акция, создав резонанс и начавшая ретранслироваться некоторыми мировыми медиа, успела оказать влияние на финансовые рынки: котировки американских компаний резко пошли вниз. Кроме того, «Электронная армия» смогла заявить о себе как о влиятельном игроке.

В этом контексте следует также остановиться на мирополитическом влиянии такого явления, как международный терроризм. Так, теракты 11 сентября 2001 г. массово освещались всеми глобальными СМИ, за чем наблюдало всё мировое сообщество в прямом эфире. Масштабный психологический эффект, который являлся главной целью террористов, был значительно усилен деятельностью множества мировых медиа, создавших ощущение хаоса и незащищённости во всём международном сообществе. С одной стороны, такие важные события не могут остаться без внимания медиа, но с другой – концентрирование внимания мировой общественности на проявлениях терроризма даёт ему «бесплатную рекламу», дестабилизируя общество и подрывая безопасность государств [17]. Вместе с тем нельзя не заметить, что руководство США умело воспользовалось созданной посредством СМИ ситуации в мире в своих внешнеполитических целях, создав всеобщий антитеррористический фронт.

Ввиду того, что информационная сфера является площадкой для обмена мнениями при участии различных государств и негосударственных акторов мировой политики, выполняя посредническую функцию, глобальные СМИ могут сыграть важную роль в урегулировании международных кризисов посредством передачи информации от одного «переговорщика» к другому или проведения интервью. Так, в 1991 г. CNN также выступил площадкой для неофициальных переговоров президента Буша-старшего и иракского лидера

С.Хусейна, которые в эфире глобального канала обменивались официальными заявлениями.

По факту многие государства, пользуясь эффектами, производимыми СМИ на широкую аудиторию, зачастую пользуются ими в своих целях для легитимации своей политики, создавая видимость того, что то или иное решение было принято под влиянием требований общества [30], настроения которого выражают медиа, хотя на самом деле оно было заранее спланировано. По замечанию Стробела, СМИ в определённых условиях действительно могут оказывать влияние на политический процесс, и эти условия практически всегда создаются самими государствами. Медиаакторы также действуют как ускорители принятия решений, но делают это в обозначенных государством рамках [37]. Так, в октябре 1993 г. распространение видео и фотографий о пытках американского солдата послужило поводом для срочного вывода сил США из Сомали. Между тем, планы Клинтона выводить свои войска из страны возникли ещё в сентябре. Аналогичным образом в 1994 г. обстрел рыночной площади в Сараево вызвал международный общественный резонанс и «заставил» американское руководство проводить более активную политику в конфликте, планы которой существовали у Вашингтона ещё до трагедии [38].

Таким образом, СМИ могут служить средством легитимации политики, которая может потенциально вызвать неудобные для государства недовольства в обществе, и позволяют политическим лидерам объяснить широкой публике действия, которые они хотят предпринять. Воздействие информационных акторов действительно может создавать более сложные условия для государств в реализации своей политики, однако, по замечанию Стробела, именно последние имеют больше потенциала для того, чтобы предпринять реальные политические действия [38].

Нельзя однозначно утверждать, что СМИ не оказывают принципиального значения на главных акторов мировой политики, являясь инструментами реализации их внешнеполитических устремлений, – так же, как и говорить, что именно медиа играют ключевую роль в определении направлений деятельности государств. Взаимовлияние и взаимодействие множества участников глобального информационного пространства между собой, а также с различными игроками мирополитической, общественной и экономической сфер, не позволяет определить, когда политические лидеры действуют под воздействием СМИ, а когда СМИ служат исключительно инструментом реализации внешнеполитических целей правительств.

В этой связи часто можно говорить о таком явлении, как «эффект пропагандистского бумеранга», то есть влияние собственной пропаганды на процесс принятия политических решений [23]. Запускаемый государством в медиапространство информационный импульс, несущий в себе определённые внешнеполитические функции, трансформируется в процессе взаимодействия множества информационных потоков и разнообразных акторов и может начать воспри-

ниматься как данность – даже самим государством, запустившим изначальный импульс.

Вместе с тем следует отметить роль деятельности СМИ как важного фактора в процессе формирования политической культуры. При этом СМИ являются одновременно носителями сложившейся в определённом обществе и под воздействием множества факторов культуры, а также активно участвуют в её развитии и трансформации – преднамеренно и непреднамеренно. Деятельность СМИ отражает воспринимаемую журналистами политическую культуру и транслирует её в широкую аудиторию и вместе с тем активно участвует в формировании этой культуры, поскольку является не «механическим», а «преобразующим отражением реальности» – под влиянием «субъективного отбора, анализа и осмысления информации» [19].

Действуя на глобальном уровне и отражая реальность мировых политических процессов, различные глобальные СМИ одновременно вносят свой вклад в развитие глобального политического дискурса и могут оказывать влияние на его направление посредством трансляции определённых образов, рамок-интерпретаций и стереотипных установок, которые являются основными инструментами в деятельности СМИ по продвижению своего «конкурентного товара» – информации, поданной в определённом виде.

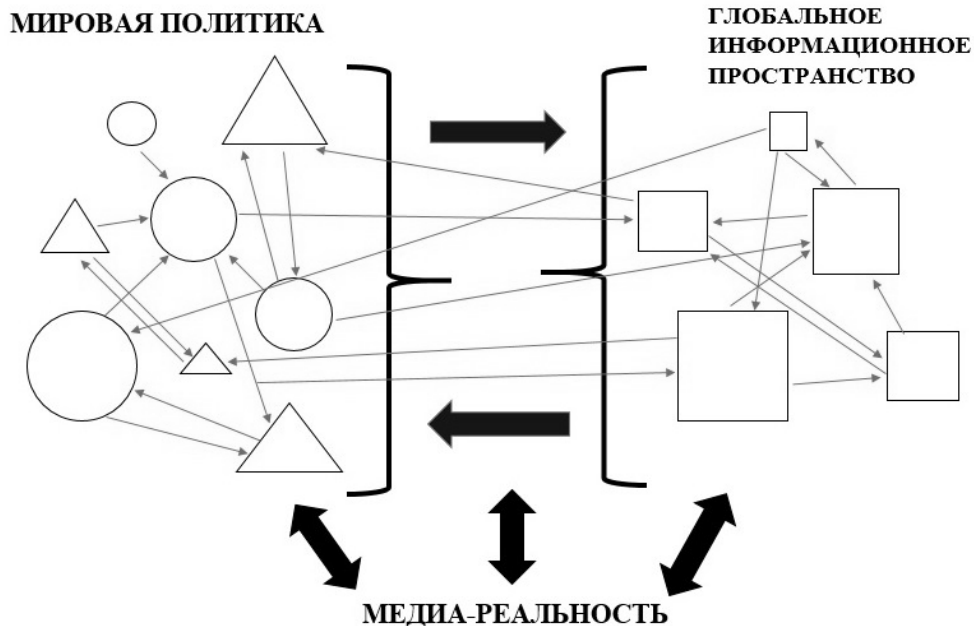

Рисунок 3. Взаимодействие глобального информационного пространства и мировых политических процессов.

Pic. Interaction of global information sphere and world politics.

Деятельность разнородных разноразноуровневых СМИ а) происходит под прямым или косвенным влиянием государств и негосударственных акторов и их

взаимодействий между собой и б) оказывает влияние на них – как по отдельности, так и в совокупности, являясь важным измерением мировых политических процессов (см. рис. 3). При этом глобальное информационное пространство, как и мировая политика, образует саморегулирующуюся систему, функционирующую, хотя и при внешнем воздействии, в соответствии с собственной логикой. Деятельность СМИ (как результат функционирования глобального информационного пространства и/или их взаимодействия с мировой политикой и отдельными ее участниками) формирует определённую медиареальность, которая отражает происходящие события и процессы мировой политики в преобразованном виде и которая, в свою очередь, может оказывать влияние как на мировые политические процессы, так и на функционирование глобального информационного пространства.

* * *

С начала 2000-х гг. стало возможным говорить о формировании глобального информационного пространства, главными игроками которого выступают разноформатные и разноуровневые СМИ. Средства массовой информации неизбежно действуют под влиянием непосредственно государств и негосударственных акторов, чьи интересы они призваны представлять, посредством конструирования и трансляции определённых интерпретаций, видений и образов происходящих событий и явлений. Кроме того, они испытывают на себе влияние различных культурных и социальных особенностей в соответствии со своей страновой и идеологической принадлежностью. Деятельность различных глобальных СМИ в совокупности задаёт динамику функционирования глобального информационного пространства, формируя единый «организм», который действует в соответствии с собственной логикой и также оказывает влияние на деятельность отдельных СМИ. Глобальное информационное пространство оказывает принципиальное влияние на процессы современной мировой политики.

Возрастающий потенциал глобального информационного пространства оказывать воздействие на мировое общественное мнение и мирополитические процессы заставляет государства развивать свой инструментарий информационной политики для оказания влияния на него. СМИ играют значимую роль в формировании «бренда» страны в мире, сглаживании или разжигании внешнеполитических противоречий государства, также решении или усугублении отдельных проблем международной повестки дня. Использование СМИ для достижения определённых внешнеполитических целей посредством создания привлекательного образа государства является одним из компонентов его «мягкой силы». Ключевая роль на современном глобальном информационном рынке принадлежит крупным медиакомпаниям, деятельность которых, в свою очередь, в значительной степени регулируется государством посредством политических, экономических, правовых и культурных инструментов.

Однако современные глобализационные процессы, особенно заметные в сфере информации, практически исключают полный контроль государства над своим национальным информационным пространством. Вместе с тем, очевидно, что СМИ не только являются инструментами государств в реализации внешнеполитических целей, но и могут выступать как самостоятельные акторы при взаимодействии как с традиционными, так и нетрадиционными участниками мировой политики. Очевидно, что глобальные СМИ и государство в определённых ситуациях взаимоограничивают друг друга, а в других – сотрудничают, расширяя тем самым свои возможности для реализации каждый своих, зачастую пересекающихся интересов.

Таким образом, современные СМИ с точки зрения их воздействия на мировые политические процессы, следует рассматривать как а) инструмент государств (и негосударственных акторов) в реализации своих интересов, б) как акторов глобального и/или региональных информационных пространств, формирующих особую среду мировых политических процессов и оказывающих таким образом на неё определённое воздействие. При этом СМИ действуют под влиянием существующей в информационном пространстве системы интерпретаций и представлений и одновременно развивают и трансформируют её. В свою очередь, информационное пространство (как единый «организм», чьё функционирование обеспечивается взаимодействием разноуровневых и разноформатных СМИ) одновременно отражает – в искажённом виде – реальные мирополитические события и процессы и в то же время участвует в их развитии.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2015. 623 с.
2. Бедрицкий А.В. Информационная война: концепции и их реализация в США / под ред. д.и.н. Е.М. Кожокина. М.: РИСИ, 2008. 187 с.
3. Гафнер В.В. Информационная безопасность. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 324 с.
4. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 3-е изд. М.: «Добросвет», «Издательство КДУ», 2014. 232 с.
5. Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1(25). С. 63-73.
6. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
7. Зегонов О.В. Государства и СМИ в контексте мирополитического взаимодействия // Космополис. 2008. № 1(20). С. 51-65.
8. Карякин В.В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна: монография. М.: Граница, 2013. 432 с.
9. Концевая Н.А. Медиарилейшнз в системе мировой публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 27-38.
10. Кочетков В.В. Социально-психологическая составляющая информационной войны // Информационные войны. URL: <http://www.infwar.ru/article.php?num=22> (дата обращения: 25.08.2017).
11. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический Проект, 2007. 382 с.
12. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.-Л.: отдел военной литературы, 1929. 212 с.
13. Лебедева М. Акторы в международных отношениях и мировой политике // Российский совет по международным делам. 16.06.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/>

- inner/?id_4=7780#top-content (дата обращения: 25.08.2017).
14. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3 (54). С. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
 15. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.07
 16. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве интернета. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. URL: http://www.journ.msu.ru/study/handouts/texts/smi_internet.pdf (дата обращения: 25.08.2017).
 17. Орлова В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. Серия «Практическая журналистика». М.: РИП-холдинг, 2003. 104 с.
 18. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 336 с.
 19. Политическая журналистика / под ред. С.Г. Корконосенко. М.: Издательство Юрайт, 2016. 319 с.
 20. Пономарев Н.Ф. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета, 2007. 185 с.
 21. Фокина В.В. Роль СМИ как субъекта мировой политики // Негосударственные участники мировой политики / под ред. Лебедевой М.М., Харкевича М.В. М.: Аспект-Пресс, 2013. С. 129–140.
 22. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. 4-е международное издание. СПб.: «Прайм-еврознак», «Издательский дом НЕВА». М.: «Олма-Пресс», 2002. 448 с.
 23. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 232 с.
 24. Шишкин Г. Растущая сила телевидения в современном мире // Телевидение и радиовещание за рубежом. 1993. Вып. 3.
 25. Ammon R. Global Television and the Shaping of World Politics. Jefferson: McFarland & Company, Inc., 2001. 197 p.
 26. Cook T.E. Governing With the News: the news media as a political institution // The Journal of Politics. 1999. No. 61 (1). Pp. 227-230. DOI: 10.2307/2585858
 27. Edwards L. Mediapolitik: How the Mass Media Have Transformed World Politics / L. Edwards. Catholic University of America Press, 2001. 364 p.
 28. Entman R. Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy / Entman R. London: University of Chicago Press, 2004. 240 p.
 29. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. Pp. 55-77. DOI: 10.1177/0002716207312142
 30. Gilboa E. The CNN Effect: The Search for a Communication Theory of International Relations // Political Communication. 2005. No. 22 (1). Pp. 27-44. DOI: 10.1080/10584600590908429
 31. Hafez K. The Role of Media in the Arab World's Transformation Process // Symposium Proceedings Deutsche Welle Media Dialogue. 2012. May. Pp. 321-339. URL: http://www.uni-erfurt.de/fileadmin/user-docs/phillak/kommunikationswissenschaft/files_publicationen/hafez/inhalt899_bound_hafez.pdf (дата обращения: 25.08.2017).
 32. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics // International Organization. 1971. Vol. 25. No. 3. Pp. 329-349.
 33. Livingston S. Clarifying the CNN Effect: An Examination of Media Effects According to Type of Military // Harvard University, John F. Kennedy School of Government. Research Paper R-18. 1997. URL: <http://www.genocide-watch.org/images/1997ClarifyingtheCNNEffect-Livingston.pdf> (дата обращения: 25.08.2017).
 34. Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. Pp. 94-109. DOI: 10.1177/0002716207311699
 35. Risse T. «Let's Argue!»: Communicative Action in World Politics // International Organization. 2000, Winter. Vol. 54. No. 1. Pp. 1-39.
 36. Risse T. Transnational actors and world politics / Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. // Handbook of international relations. London: Sage, 2006. Pp. 251-286.
 37. Strobel W. Late-Breaking Foreign Policy: The News Media's Influence on Peace Operations. Institute of Peace Press, 1997. 304 p.
 38. Strobel W. The CNN Effect // The American Journalism Review. May, 1996. URL: www.ajr.org/Article.asp?id=3572 (дата обращения: 25.08.2017).
 39. The Rise and Influence of Arab Media. A radio documentary from the Stanley Foundation in association with KQED Public Radio // Stanley Foundation. 2006. URL: http://www.stanleyfoundation.org/radiopdf/24_7.pdf (дата обращения: 25.08.2017).
 40. Wendt A.E. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics //

- International Organization. Spring, 1992. Vol. 46. No. 2. Pp. 391-425.
41. Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. Summer, 1987. Vol. 41. No. 3. Pp. 335-370.
42. Wolfsfeld G. The Media and Political Conflict: News from the Middle East. Cambridge University Press, 1997. 255 p.

Об авторе:

Татьяна Иршатовна Тюкаева – аспирантка кафедры мировых политических процессов, преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru.

GLOBAL MEDIA INFLUENCE ON MODERN WORLD POLITICAL PROCESSES: A CONSTRUCTIVIST APPROACH

T.I. Tyukaeva

DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-242-271

Moscow State Institute of International Relations (University)

Global media, its functioning and its influence on world politics is a popular topic of research. Media is traditionally seen among instruments a state uses in its foreign and domestic policies. Liberal pluralists identify global media outlets as relatively independent actors that interact with other states and non-state actors and have the potential to influence global political processes. However, neither of these two main approaches seems to fully answer the question about what shapes the specific nature of modern media in its media-media interaction as well as interaction with other non-state actors and states? And their specific nature taken into consideration, how can modern media impact world politics? This article aims to answer both of these questions.

The article analyzes the existing theoretic approaches to studying media and its influence on world politics, identifies the key features of functioning of the modern global information space, observes the main aspects of interaction between the media, on the one hand, and states and non-state actors, on the other, and studies global media's means of influencing world politics.

The constructivist paradigm shapes the theoretical and methodological framework of the study. The author makes a conclusion about 'dual nature' of modern media, which may be among means (used by states and non-state actors) of constructing the 'reality of world politics' and act as a relatively independent participant of this 'reality'. Global media outlets are the main actors in global information space, they shape it and define the dynamics of its development, and at the same time they are influenced by the processes unfolding within it. Moreover, the author stresses that the current state of IT development makes the global information space as an integral organism functioning in accordance with its own internal logic. This functioning is based on interaction and interinfluence of various media outlets (of all shapes and levels) that broadcast and exchange competing visions and cultural stereotypes, i.e. 'social constructs'. The result of this dynamic interaction is a specific – media – reality, which has become one of the key dimensions of modern world political processes.

Key words: Mediapolitical influence, global information space, global Media, constructivism.

References

1. Alekseeva T.A. *Sovremennaiia politicheskaia mysl' (XX-XXI vv.): Politicheskaia teoriia i mezhdunarodnye otnosheniia* [Modern political thought (XX-XXI centuries.). Political theory and international relations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015. 623 p. (In Russian)
2. Bedritskii A.V. *Informatsionnaia voina: kontseptsii i ikh realizatsiia v SShA* [Information war: concepts and their realization in the US]. Ed. by E.M. Kozhokin. Moscow, Russian Institute for Strategic Studies (RISI) Publ., 2008. 187 p. (In Russian)
3. Gafner V.V. *Informatsionnaia bezopasnost'* [Information security]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010. 324 p. (In Russian)
4. Danilova A.A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii* [Manipulating with words in media]. 3d ed. Moscow, Dobrosvet, KDU Publ., 2014. 232 p. (In Russian)
5. Dolinskii A. Diskurs o publichnoi diplomatii [A discourse on public diplomacy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, vol. 9, no. 1 (25), pp. 63-73. (In Russian)
6. Durkheim E. *Sotsiologiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method and purpose]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p. (In Russian)
7. Zegonov O.V. Gosudarstvai SMI v kontekste miropoliticheskogo vzaimodeistviia [States and Media in world political interaction]. *Kosmopolis*, 2008, no. 1(20), pp. 51-65. (In Russian)
8. Kariakin V.V. *Geopolitika tret'ei volny: transformatsiia mira v epokhu Postmoderna* [The Third wave geopolitics: world transformation in the Post-Modern period]. Moscow, Granitsa Publ., 2013. 432 p. (In Russian)
9. Kontsevaia N.A. Mediarileishnz v sisteme mirovoi publichnoi diplomatii [Media-relations in the world system of public diplomacy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 10. Journalism*, 2013, no. 2, pp. 27-38. (In Russian)
10. Kochetkov V.V. *Sotsial'no-psikhologicheskaia sostavliaiushchaia informatsionnoi voyny* [Social and psychological components of information wars]. *Informatsionnye voyny*. Available at: <http://www.infwar.ru/article.php?num=22> Accessed 05.08.2017. (In Russian)
11. Bukharin S.N., Tsyganov V.V. *Metody i tekhnologii informatsionnykh voyn* [Methods and technologies of information wars]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2007. 382 p. (In Russian)
12. Lasswell, H.D. *Propaganda technique in the World War*. New York, P. Smith, 1938. 233 p. (Russ. ed.: Lasswell G. *Tekhnika propagandy v mirovoi voine* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow, Otdel voennoi literatury Publ., 1929. 212 p.)
13. Lebedeva M. Aktory v mezhdunarodnykh otnosheniakh i mirovoi politike [Actors in international relations and world politics]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*. 16.06.2016. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7780#top-content (Accessed: 25.08.2017). (In Russian)
14. Lebedeva M.M. «Miagkaiasila»: poniatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 3 (54), pp. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (In Russian)
15. Lebedeva M.M. Resursy vliianiia v mirovoi politike [Resources of influence in world politics]. *Polis*, 2014, no. 1, pp. 99-108. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.07 (In Russian)
16. Lukina M.M., Fomicheva I.D. *SMI v prostranstve internet* [Media in the Internet space]. Lomonosov's Moscow state university, 2005. URL: http://www.journ.msu.ru/study/handouts/texts/smi_internet.pdf (Accessed: 25.08.2017). (In Russian)
17. Orlova V.V. *Global'nye teleteseti novostei na informatsionnom rynke* [Global news networks in the information market]. 'Practical journalism' Seria. Moscow, RIP-holding Publ., 2003. 104 p. (In Russian)
18. Panarin I.N. *SMI, propaganda i informatsionnye voyny* [Media, propaganda and

- information wars]. Moscow, Pokolenie Publ., 2012. 336 p. (In Russian)
19. *Politicheskaya zhurnalistika* [Political journalism]. Ed. by S.G. Korkonosenko. Moscow, Iurait Publ., 2016. 319 p. (In Russian)
20. Ponomarev N.F. *Informatsionnaya politika organa vlasti: propaganda, antipropaganda, kontrpropaganda* [Information policy of an institution of authority: propaganda, anti-propaganda and counter-propaganda]. Perm: Perm state university of technology Publ., 2007. 185 p. (In Russian)
21. Fokina V.V. Rol' SMI kak sub'ekta mirovoi politiki [Role of Media as an actor of world politics]. In: *Negosudarstvennye uchastniki mirovoi politiki* [Non-state actors of world politics] Ed. by Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. Moscow, Aspekt Press Publ., 2013. Pp. 129-140. (In Russian)
22. Harris R. *Psikhologiya massovykh kommunikatsii* [Psychology of mass communications]. 4th international ed. St. Petersburg, Praim-Evroznak, Neva Publ. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 448 p. (In Russian)
23. Khrustalev M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [International analysis and political expertise: theory and methodology]. Moscow, Nofmo Publ., 2008. 232 p. (In Russian)
24. Shishkin G. Rastushchaia sila televideniia v sovremennom mire [The growing power of television in the modern world]. *Televidenie i radioveshchanie za rubezhom*. 1993. Iss. 3. (In Russian)
25. Ammon R. *Global Television and the Shaping of World Politics*. Jefferson, McFarland&Company, Inc., 2001. 197 p.
26. Cook T.E. Governing with the News: the news media as a political institution. *The Journal of Politics*, 1999, no. 61 (1), pp. 227-230. DOI: 10.2307/2585858
27. Edwards L. *Mediapolitik: How the Mass Media Have Transformed World Politics*. Catholic University of America Press, 2001. 364 p.
28. Entman R. *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy*/ Entman R. London: University of Chicago Press, 2004. 240 p.
29. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, no. 1, p. 55-77. DOI: 10.1177/0002716207312142
30. Gilboa E. The CNN Effect: The Search for a Communication Theory of International Relations. *Political Communication*, 2005, no. 22 (1), pp. 27-44. DOI: 10.1080/10584600590908429
31. Hafez K. The Role of Media in the Arab World's Transformation Process. *Symposium Proceedings Deutsche Welle Media Dialogue*. 2012. May. Pp. 321-339. Available at: http://www.uni-erfurt.de/fileadmin/user-docs/philfak/kommunikation-swissenschaft/files_publicationen/hafez/inhalt899_bound_hafez.pdf (Accessed: 25.08.2017).
32. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics. *International Organization*, 1971, vol. 25, no. 3, pp. 329-349.
33. Livingston S. *Clarifying the CNN Effect: An Examination of Media Effects According to Type of Military*. Harvard University, John F. Kennedy School of Government. Research Paper R-18. 1997. Available at: <http://www.genocide-watch.org/images/1997ClarifyingtheCNNEffect-Livingston.pdf> (Accessed: 25.08.2017).
34. Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, no. 1, pp. 94-109. DOI: 10.1177/0002716207311699
35. Risse T. "Let's Argue!": Communicative Action in World Politics. *International Organization*, 2000, vol. 54, no. 1, pp. 1-39.
36. Risse T. Transnational actors and world politics. *Handbook of international relations*. Ed. by Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. London, Sage, 2006. Pp. 251-286.
37. Strobel W. *Late-Breaking Foreign Policy: The News Media's Influence on Peace Operations*. Institute of Peace Press, 1997. 304 p.
38. Strobel W. The CNN Effect. *AJR*. May, 1996. Available at: <http://ajrchive.org/article.asp?id=3572> (Accessed: 25.08.2017).

39. The Rise and Influence of Arab Media. A radio documentary from the Stanley Foundation in association with KQED Public Radio. *Stanley Foundation*. 2006. Available at: http://www.stanleyfoundation.org/radiopdf/24_7.pdf (Accessed: 25.08.2017).
40. Wendt A.E. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 391-425.
41. Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*, 1987, vol. 41, no. 3, pp. 335-370.
42. Wolfsfeld G. *The Media and Political Conflict: News from the Middle East*. Cambridge University Press, 1997. 255 p.

About the author:

Tatyana I. Tyukaeva – PhD student at the World Politics Department, lecturer at Department of Middle East Languages of MGIMO-University. Russia, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, E-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru.

РЕВЕРС ГАЗА НА УКРАИНУ: СУТЬ ПРОБЛЕМЫ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Роман Мургаш

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматриваются важнейшие аспекты проблемы реверса газа на Украину, её значение и последствия для дальнейшего развития современных международных отношений в сфере энергетики между Российской Федерацией (экспортёром газа), Украиной (транзитной страной) и Европейским союзом (импортёром). С учётом всех элементов, имеющих значение для анализируемой проблематики, даётся ответ на вопрос: «Как реверс газа повлиял на энергетическую безопасность России, Украины и Европейского союза и отношения между ними», причём использован экспликативный метод контент-анализа и анализ нескольких пресс-конференций. Для понимания всех нюансов взаимоотношений в данном треугольнике предлагается подробное описание термина «реверс газа», а также объяснение отличий «физического» (или реального) от «виртуального» реверса, которые играют ключевую роль в исследовании данной проблематики.

Суть конфликта заключается в том, что у сторон-участников существуют разные точки зрения на легитимность так называемого «виртуального» реверса газа. В отличие от физического реверса, т.е. реального потока газа через газопровод, в случае виртуального, или бумажного, реверса происходит одностороннее течение газа, часть общего объёма которого покупает и оставляет на своей территории транзитное государство. ЕС и Украина считают, что виртуальный реверс между ними возможен по положениям Третьего энергетического пакета и ему соответствующих норм, исходя из того факта, что страны ЕС и Украина входят в состав т.н. Энергетического сообщества.

Другую точку зрения в отношении виртуального реверса имеет Россия, которая изначально выступала против виртуального реверса на том основании, что сырьё представляет собой собственность государственной компании ОАО «Газпром» до тех пор, пока не пересечёт западную границу Украины. В статье подробным образом рассматриваются юридические документы, на которые опираются вышеназванные страны, а также официальные высказывания сторон. На основе проведённого анализа делается вывод, что реверсные поставки газа на Украину представляют собой временную и далёкую от совершенства схему, кардинально не решающую проблему разногласий между ЕС, Украиной и Россией в сфере энергетики, а именно транзита газа. Тем не менее, наблюдаемое увеличение объёмов

УДК 327, 620.9, JEL Q48

Поступила в редакцию 13.05.2017 г.

Принята к публикации 05.08.2017 г.

поставок российского природного газа в ЕС в 2016 г. и в начале 2017 г. и прогноз дальнейшего увеличения в ЕС спроса на газ из России в будущем свидетельствует о том, что обеспечение транзита газа через территорию стран Вишеградской группы, стран-членов ЕС из Юго-Восточной Европы и поиски новых путей поставок, а также сохранение некоторых нынешних, занимают ведущие позиции в политической повестке дня стран ЕС и России и Украины, так как касаются их энергетической безопасности.

Ключевые слова: виртуальный и физический реверс газа, Третий энергетический пакет, транзит газа, оператор газотранспортных систем.

В статье раскрываются последствия реверса газа на Украину для дальнейшего развития современных международных отношений в сфере энергетики между Российской Федерацией (экспортёром), Украиной (транзитной страной) и Европейским союзом (импортёром). Автор представляет термины «реверс газа» и двух его вариантов – «физического» и «виртуального», а также «интерконнектор»; даёт толкование положений, регулирующих транзит и реверс газа на Украину.

Россия – это ведущая мировая держава в сфере энергетики, важный экспортёр природного газа в страны Европейского союза. В связи с этим фактом проблема реверса газа на Украину, её значение и последствия для дальнейшего развития современных международных отношений в сфере энергетики между экспортёром газа – Российской Федерацией, транзитной страной – Украиной и импортёром сырья – Европейским союзом является в нынешнее время достаточно актуальной и сложной. Поэтому для максимального раскрытия темы и поиска ответа на вопрос «как повлиял реверс газа на трёхсторонние международные отношения в треугольнике Россия – Украина – ЕС, в том числе на их энергетическую безопасность», автор использует следующий экспликативный метод исследования:

Контент-анализ касающихся реверса газа законов Украины «О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа № 3074» и «О рынке природного газа», нормативных актов, а также судебных решений – дела Европейской Комиссии против Республики Болгария «Case C-198/12». Кроме того, автор рассматривает некоторые положения Третьего энергетического пакета, Регламента о доступе к газовым сетям № 715/2009, анализирует роль Энергетического сообщества и рамочной энергетической стратегии ЕС «Европейского энергетического союза» на отношения в сфере энергетики между Россией, Украиной и Европейским союзом. Автор предлагает ознакомиться с мнением экспертов по данной проблематике.

В статье также анализируются две *пресс-конференции* по проблематике реверса газа и их результатов, а именно пресс-конференция премьер-министра

Словакии Роберта Фицо и совместная пресс-конференция министра энергетики РФ Александра Новака и главы ОАО «Газпром» Алексея Миллера, а также ряд других по проблематике газа и его транзита.

Поскольку реверс затрагивает также вопросы транзита газа, автор рассмотрел роль транзита в том виде, как она представлена в новой энергетической стратегии ЕС.

Термин «реверс газа» (*physical backhaul*) (далее «реверс») определяется, во-первых, как услуга по транспортировке газа от пункта приёма-передачи (или «балансового пункта», *a point of receipt*) до пункта поставки газа (*a point of delivery*) таким образом, что договорное направление движения газа по трубопроводу осуществляется в направлении, противоположном направлению потока газа. В законодательстве Украины реверс определяется как операция или сделка, которая приводит к движению газа в направлении, противоположном обычному направлению потока в трубопроводе¹.

В связи с двумя вышеприведёнными интерпретациями уместно разъяснить значение терминов «пункты приёма-передачи и поставки газа».

Пункт приёма-передачи газа представляет собой газоизмерительную или газораспределительную станцию, где осуществляется приём-передача газа, и пункты измерения расхода газа, на которых установлены газоизмерительные приборы. Как правило, на магистральных трубопроводах имеется всего лишь несколько таких пунктов и (не обязательно) боковых веток газопровода². Пункт поставки (конечная точка поставки) – это место, куда осуществляется поставка газа по условиям договора [1, с. 217, 469].

Важно понимать различие между физическим и виртуальным реверсом.

Физический реверс – это реальный поток газа через газопровод.

В случае виртуального, или бумажного, реверса (*non-physical backhaul/counter flow*) происходит одностороннее течение газа, часть общего объёма которого покупает и оставляет на своей территории транзитное государство. При виртуальном реверсе газа важны два фактора: 1) расположение точки приёма-передачи газа; 2) определение владельца газа на территории транзитного государства. Очевидно, что объёмы виртуальных сделок в реверсном направлении не могут превышать объёмы поставок газа по основному направлению.

ЕС и Украина считают, что виртуальный реверс между ними возможен по положениям Третьего энергетического пакета и ему соответствующих норм, исходя из того факта, что страны ЕС и Украина входят в состав Энергетического сообщества³. Россия придерживается другой точки зрения в отношении вир-

¹ Закон Украины «О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа», № 3074 от 11.09.2015 // Официальный веб-портал Верховная рада Украины [Электронный ресурс]. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56442 (дата обращения 15.07.2017).

² U.S. Energy Information Administration Glossary [Электронный ресурс]. URL: http://www.eia.gov/pub/oil_gas/natural_gas/analysis_publications/deliverability/pdf/glossary.pdf (дата обращения 15.07.2017).

³ A map which displays the different Parties to the Treaty establishing Energy Community [Электронный ресурс]. URL: https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/MEMBERS (дата обращения 15.07.2017).

туального реверса газа. Сначала РФ выступала против виртуального реверса в целом на том основании, что сырьё представляет собой собственность государственной компании ОАО «Газпром» до тех пор, пока не пересечёт западную границу Украины⁴. Здесь необходимо сделать следующие уточнения: директор East European Gas Analysis Михаил Корчемкин считает, что «Газпром» в некоторых случаях всё же делает исключения и соглашается на вид виртуального реверса газа, например, для стран-покупателей сырья из ЕС. Газ при этом покупается в одном государстве-члене ЕС, а физически приобретается в другом, также входящем в состав ЕС. Газета РБК в марте 2017 г. опубликовала беседу с источником близким к «Газпром экспорт», который по этому поводу сказал следующее: *«Речь идёт не о виртуальном реверсе, а о своеобразной форме своповых поставок газа, применимых только к контракту с покупателями из Евросоюза. После изменения Европейским союзом методов учёта транзитного газа достаточно сообщения европейского транспортного оператора о поступлении газа в его систему, а не отслежки физического прихода молекул газа, что дало возможность получать газ в разных точках Евросоюза по условиям, которые будут обсуждены в ходе переговоров. ... Что касается виртуального реверса в отношении Украины, то он по-прежнему незаконен, так как 1) контракт предусматривает физический учёт поступающего сырья и 2) контракт заключен не с ОГС Украины – «Укртрансгазом», а с «Нефтегазом Украины» и виртуальный реверс в нём запрещён»*.⁵

31 мая 2017 г. суд при Арбитражном институте Торговой палаты Стокгольма «Стокгольмский арбитраж» вынес промежуточное решение по делу НАК «Нафтогаз Украины» против ОАО «Газпром» по контракту на поставку газа в Украину с 2009 г. Текст объёмом в 790 страниц на 30 июня не обнародован. Украинская сторона считает решение своей победой, указывая на отмену условия «бери или плати», отмену запрета на реэкспорт, и постановления пересмотреть формулу цены начиная с 2014 г. «Газпром» опровергает отмену условия «бери или плати», и в соответствии с предварительным решением суда должен получить от НАК «Нафтогаз» больше 1,7 млрд долл. Об этом сообщил заместитель председателя правления «Газпрома» Александр Медведев в конце июня 2017 г. Из-за недостаточной аргументации арбитров, по мнению экспертов «Газпрома», «Газпром» решил обжаловать вердикт Стокгольмского арбитража в апелляционном суде Швеции и, по словам Алексея Миллера на пресс-конференции⁶ после завершения годового собрания акционеров компании «Газпром», конечное решение Стокгольмского арбитража должно появиться до конца 2017 г.⁷. Здесь

⁴ На Украине зоны таможенного контроля определяются Центральной энергетической таможней на территории следующих специальных объектов: 1) газоизмерительных станций, 2) газораспределительных станций, 3) подземных хранилищ газа и 4) магистральных трубопроводов [4, с. 217].

⁵ Онлайн-версия газеты РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/business/13/03/2017/58c685899a7947c9e0693c75> (дата обращения 14.07.2017).

⁶ Сайт «Вести Экономика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/videos/34792> (дата обращения 17.07.2017).

⁷ Официальный сайт РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: РИА «Новости» <https://ria.ru/economy/20170630/1497616646.html> (дата обращения 19.07.2017).

необходимо отметить, что существует и второй спор между двумя выше названными компаниями по поводу транзитного контракта на газ, в котором «Нафтогаз» требует от «Газпрома» 1) разрешения проблемы «виртуального реверса» (значит, виртуальный реверс по-прежнему контрактом запрещён), 2) гарантий объёмов транзита и 3) компенсации за снижение объёмов транзита, но сроки вынесения вердикта не были названы на 20 июля 2017 г.

В связи с тем, что мнения Украины и России по поводу законности виртуального реверса разнятся («Газпром» ссылается на свой контракт с «Нафтогазом», который запрещает виртуальный реверс – отбор Украиной российского транзитного газа – до его получения покупателями на западной границе Украины), Украина предлагает в своём проекте новой энергостратегии до 2035 (июнь 2017 г.) Евросоюзу и России перенести точку приёма-передачи газа на российско-украинскую границу. Однако уже в 2014 г. министр энергетики России Александр Новак заявил, что *«до истечения контракта не может быть речи о переносе точки продажи российского газа европейским потребителям на российско-украинскую границу»*⁸. ЕС на 20 июля 2017 г. пока не высказался на предмет украинского предложения, а Москва данное предложение не поддерживает до истечения срока контракта с «Нафтогазом» (2019 г.). Сопредседатель Фонда энергетических стратегий Дмитрий Марунич в интервью газете Eurasia Daily 3 июня 2017 г. сказал, что *«...без согласия “Газпрома” это произойти не может...»*⁹.

Ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, специалист по экономике и внешним связям Украины Л.С. Косикова уже в 2013 г. высказала мнение, что в газовых вопросах Украина будет помимо решений, устраивающих её собственные энергетические интересы, предлагать варианты решений внутри треугольника ЕС – Украина – Россия, сказав, что взаимозависимость между этими странами растёт, и связи в треугольнике всё больше похожи на «сообщающиеся сосуды в экономическом пространстве» [5, с. 164–177]. Правильность прогноза эксперта о том, что *Украина будет предлагать варианты решений внутри треугольника ЕС – Украина – Россия*, подкрепляется и тем фактом, что в представленном в начале июня 2017 г. проекте новой энергетической стратегии Украины до 2035 г. Украина, помимо прочих положений, намерена в ближайшем будущем провести трёхсторонние переговоры с Россией и Европейским союзом о переносе точки приёма-передачи российского газа с западной границы Украины на восточную¹⁰.

Морена Скаламера, эксперт Гарвардского университета по геополитике и энергетике, в своём исследовании трёхсторонних энергетических отношений с

⁸ Никитин А. Украина захотела перенести точку приёма транзитного газа на российскую границу [Электронный ресурс]. // Газета «Взгляд», 01.06.2017. URL: <https://www.vz.ru/news/2017/6/1/872778.html> (дата обращения 19.07.2017).

⁹ На Украине решили отказаться от российского газа до 2035 г. [Электронный ресурс]. // Газета Eurasia Daily, 03.06.2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/06/03/na-ukraine-reshili-otkazatsya-ot-rossiyskogo-gaza-do-2035-goda> (дата обращения 20.07.2017).

¹⁰ Киев хочет провести переговоры с ЕС и Россией о переносе точки приёма газа [Электронный ресурс]. // РИА Новости, 01.06.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170601/1495552888.html> (дата обращения 14.07.2017).

Украиной, делает упор на высокую взаимосвязанность Российской Федерации, которая *«при всей своей стратегии Go East всё ещё сильно зависит от прибыльности европейского газового рынка»*, и ЕС, зависящего в значительной степени от российского газа, *«несмотря на попытки диверсификации, а также из-за сокращения добычи природного газа в регионах ЕС»*. Эксперт отмечает, что если обе вышеупомянутые стороны не хотят оказаться в проигрыше, то должны найти общий язык [16, с. 2].

Во время пресс-конференции (16 июня 2014 г.) с министром энергетики Российской Федерации А. Новаком председатель правления, заместитель председателя совета директоров ПАО «Газпром» Алексей Миллер отметил: *«В случае так называемого “кольцевого реверса”, или “полуаферистического реверса”, трубы на границе закольцовываются, и российский газ гоняется по кругу, вследствие чего один счётчик фиксирует, что газ уходит на территорию ЕС, а другой счётчик показывает, что этот же газ поставляется на территорию Украины ... Украина распоряжается российским газом в своей трубе как своим, причём прав таких она не имеет, потому что собственность российский газ в украинской трубе не меняет, и пункты сдачи российского газа находятся за пределами территории Украины (на западной границе Украины) ... имеет ли Украина право распоряжаться российским газом на своей территории как своим собственным?»*¹¹. В 2015 г. позиция «Газпрома» относительно вопроса виртуального реверса не изменилась. *«Узаконить виртуальный реверс без участия “Газпром экспорта” невозможно, это всё равно будет нелегитимная форма работы на фоне того, что происходит в Европе. Более того, никакого приглашения обсуждать эти темы мы никогда ни от кого не получали...»*¹², – сказал заместитель председателя правления «Газпрома» Александр Медведев 9 июня 2015 г.

Во время пресс-конференции на Петербургском международном экономическом форуме 16 июня 2016 г. (ПМЭФ – 2016) Алексей Миллер, перечислив несколько причин выгоды «Северного потока – 2», задался вопросом: *«Как на Украине будет организован виртуальный реверс газа, если транзита не будет?»*, добавив, что А. Коболев (глава НАК «Нафтогаз Украины») *«начал об этом печалиться давно»*. Таким образом, господин Миллер косвенно в очередной раз подтвердил негативное отношение компании «Газпром» к виртуальному реверсу газа на Украину.¹³

На панельной сессии «Мировые рынки газа: энергополитика и энергобезопасность» в рамках ПМЭФ – 2017 1 июня 2017 г. Миллер отметил, что 1) основным рынком для «Газпрома» является рынок Европы, 2) потребление газа на

¹¹ Видеозапись пресс-конференции министра энергетики РФ Александра Новака и Алексея Миллера [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2014/june/article193523/> (дата обращения 17.07.2017).

¹² Медведев: узаконить виртуальный реверс газа на Украину без нас нельзя // РИА Новости, 09.06.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20150609/1069001287.html> (дата обращения 15.07.2017).

¹³ На ПМЭФ – 2016 А. Миллер назвал семь причин выгоды МГП «Северный поток» и одну причину неэффективности сохранения транзита газа через Украину в страны ЕС // Нефтегаз.РУ, 16.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/150106-Na-PMEF-2016-A.-Miller-nazval-7-prichin-vygodnosti-MGP-Severnoy-potok-i-1-prichinu-neeftivnosti-sohraneniya-tranzita-gaza-cherez-Ukrainu-v-strany-ES> (дата обращения 17.07.2017).

данном рынке в 2016 г. существенно возросло, причём темпы добычи газа в европейских странах снижаются, так же как и объёмы поставок газа из Норвегии, Нидерландов и Катар, и 3) «2016 г. стал для компании рекордным по абсолютным объёмам экспорта – компания поставила на европейский рынок 179,3 млрд куб. м газа, что на 12,5% больше, чем в 2015 г., и растущая тенденция продолжалась и в начале 2017 г.». Миллер также отметил, что компания введёт в эксплуатацию газопровод «Северный поток – 2» в конце 2019 г. Хотя он не упомянул виртуальный реверс, господин Миллер затронул вопрос транзита газа. По его словам, северный коридор станет основным для поставок газа в Европу, так как он экономически эффективнее, чем центральный. По поводу Украины он уточнил, что «к началу 2020 г. мощности, которые будут оптимальны для «Газпрома» на границе с Украиной по объёмам транзита, будут составлять где-то 10–15 млрд куб. м газа в год.» Следует упомянуть и его высказывание, относящееся к спотовой торговле газом в ЕС. По его словам, спотовая торговля на европейских газовых хабах не является надёжным, стабильным источником ценообразования, и цены на спотовых площадках были существенно выше цен долгосрочных контрактов «Газпрома». «...В условиях пиковых спросов (авт.: на примере прошедшей зимы) спотовые площадки показали свою неликвидность. Нет объёмов газа на спотовых площадках, которые доступны потребителям в условиях пикового спроса, ... что сразу отражается в повышательной ценовой тенденции»¹⁴.

Для пояснения общей точки зрения ЕС и Украины на законность реверсных поставок газа на Украину на виртуальной основе следует обратить внимание на Третий энергетический пакет, прежде всего на Регламент о доступе к газовым сетям № 715/2009 (далее – Регламент № 715/2009)¹⁵. В деле Европейской комиссии (далее – ЕК) против Республики Болгария (Case C-198/12) отмечается, что в случае, если физический двусторонний транспорт газа в сети технически невозможен, оператор газотранспортных систем (далее ОГС, Transmission System Operator – TSO), может обеспечивать необходимые поставки, используя реверсный поток на виртуальной основе¹⁶. В этом случае поток газа, необходимого для транспортировки в обратном направлении, вычитается из газа, протекающего в основном направлении. Это называется «взаимозачёт» (*netting*).

В данном случае эксперты ссылались на ст. 14 и 16 Регламента № 715/2009:

Ст. 14 «Услуги доступа третьих лиц в отношении операторов газотранспортных систем» в п. 1 устанавливает, что ОГС обязаны: (а) предоставлять услуги

¹⁴ Выступление Алексея Миллера на панельной сессии «Мировые рынки газа: энергополитика и энергобезопасность» Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт ПАО «Газпром», 01.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/miller-journal/119314/> (дата обращения 16.07.2017).

¹⁵ Регламент ЕС «Об условиях доступа к сетям транспортировки природного газа и отменяющий Регламент ЕС No 1775/2005», 13.07.2009. No 715/2009 // EUR-Lex.europa.eu [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/SK/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009R0715&from=en> (дата обращения 17.07.2017).

¹⁶ Reports of Cases «Opinion of Advocate General Jaaskinen», 14.11.2013. Case C-198/12 European Commission v Republic of Bulgaria [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62012CC0198&from=EN> (дата обращения 17.07.2017).

на недискриминационной основе всем пользователям сети; (б) предоставлять услуги доступа третьим лицам, как к гарантированной нагрузке, так и к прерываемой; (в) предоставлять пользователям сети как долгосрочные, так и краткосрочные услуги.

Виртуального реверса касается также ст. 16 Регламента «Принципы механизмов распределения мощностей и процедуры управления перегрузками в отношении операторов газотранспортных систем». Пункт 1 гласит, что участники рынка должны иметь доступ к максимальной мощности на всех соответствующих точках системы, упоминаемых в п. 3 ст. 18¹⁷. Важен и п. (2)(б) той же статьи¹⁸, который также относится к виртуальному реверсу газа.

Вновь сошлёмся на мнение ЕК в деле Европейской комиссии против Республики Болгария. ЕК считает, что все вышеприведённые пункты Регламента № 715/2009 относятся к реверсным поставкам газа, причём большее значение имеет п. 1 ст. 16.

Из этого следует, что государство ЕС должно использовать реверсные, в т.ч. виртуальные, поставки газа в случае, если оно не может обеспечить двустороннюю физическую ёмкость газа для потока газа в обоих направлениях.

Украинские власти приняли законодательные акты, соответствующие требованиям Третьего энергетического пакета. Важнейшим из них является Закон Украины «О рынке природного газа»¹⁹. Как и в Регламенте № 715/2009, в данном Законе Украины не упоминается реверс газа, однако в п. 1 ст. 2 «Правовая основа рынка природного газа» говорится, что Украина должна соблюдать требования Договора об учреждении «Энергетического сообщества» и «Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом». Далее этот Закон имплементирует следующие акты законодательства «Энергетического сообщества» в сфере энергетики: Директиву 2009/73/ЕС об общих правилах внутреннего рынка природного газа и об отмене Директивы 2003/55/ЕС; Регламент № 715/2009 и Директиву 2004/67/ЕС о мерах по обеспечению безопасности снабжения природным газом. Подобно перечисленным выше нормативным актам, данный закон включает положения о региональном сотрудничестве / солидарности со странами Энергетического сообщества при сбоях поставок газа в одно из государств-членов или на Украину (ст. 10 п. 1); о свободном доступе третьих

¹⁷ П. 3 ст. 18 Регламента № 715/2009 гласит: «В отношении предоставляемых услуг каждый оператор газотранспортных систем должен публиковать информацию о технических, законтрактованных и доступных мощностях на основе количественных показателей по всем соответствующим точкам сети, включая точки входа и точки выхода, на регулярной и постоянной основе в удобном для пользователя виде и в стандартизированной форме». См. Регламент ЕС «Об условиях доступа к сетям транспортировки природного газа и отменяющий Регламент ЕС № 1775/2005», 13.07.2009. № 715/2009 // EUR-Lex.europa.eu [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/SK/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009R0715&from=en> (дата обращения 17.07.2017).

¹⁸ Ст. 16 (2)(б) Регламента № 715/2009: «Оператор газотранспортной системы должен применять и публиковать недискриминационные и прозрачные механизмы распределения мощностей, которые должны быть совместимыми с рыночными механизмами, включающими спот-рынки и центры торговли, оставаясь гибкими и легко адаптирующимися к меняющимся обстоятельствам рынка». См. там же.

¹⁹ Закон Украины «О рынке природного газа», ОН № 329-VIII от 09.04.2015. // Юрист-онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://yurist-online.org/laws/zakon/zu_o_rynke_gaza.pdf (дата обращения 17.07.2017).

лиц к газотранспортной системе (ст. 9 п. 1); о независимости ОГС²⁰ (ст. 23 п. 1); об «*unbundling*»²¹ – юридической и организационной независимости ОГС от добычи или снабжения (ст. 39, пп. 1, 2)²².

Сверх этого, виртуальный реверс газа возможен согласно Закону Украины «О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа № 3074» (так называемый Закон о «виртуальном реверсе газа»), вступившему в силу 3 марта 2016 г.²³ Закон определяет «виртуальный реверс газа» как операцию по приёму-передаче природного газа без его физического перемещения через таможенную границу Украины путём документального оформления встречных виртуальных потоков. Таким образом, легализовано замещение природного газа (*бэкхол*), Украина вправе замещать газ без получения его на конкретных трансграничных пунктах на основе коммерческих контрактов на поставку газа (*commercial supply contracts*) и соглашений операторов газотранспортных систем о подключении (*interconnection agreements of TSOs*)²⁴.

Реализация реверсных поставок, обеспечение надёжного транзита, заключение соглашений об ассоциации со странами вне ЕС, создание единого энергетического рынка (в том числе единой газотранспортной системы посредством строительства интерконнекторов, соединяющих национальные сети), обеспечение новых путей поставок энергоресурсов и, таким образом, большей энергетической безопасности, входят в состав общей энергетической политики ЕС.

Ключевую задачу представляет собой обеспечение надёжности поставок газа в связи с прогнозом о возможном увеличении к 2030 г. импорта и внутреннего потребления до 70% с 50% в конце 2013 г. [3, с. 290–291]. Последние статистические данные (10 апреля 2017 г.) на официальном сайте Евростата показывают на медленное, но постепенное увеличение объёмов импортируемого в ЕС

²⁰ Независимость ОГС означает, что «...оператор газотранспортной системы является юридическим лицом, которое не является составной вертикально интегрированной организации (не является частью холдинга) и осуществляет свою хозяйственную деятельность независимо от деятельности из добычи, распределения, снабжение природного газа, деятельности оптовых продавцов...и не может производить деятельность из добычи, распределения или снабжение природного газа». Закон Украины «О рынке природного газа» [Электронный ресурс]. URL: https://yurist-online.org/laws/zakon/zu_o_rynke_gaza.pdf (дата обращения 15.07.2017).

²¹ Под термином «*unbundling*» с юридической точки зрения подразумевается отделение видов деятельности связанных с управлением собственной транспортной инфраструктурой собственником сетей (управление хранилищами или транспортировкой) от производства (добычи) или продажи ресурсов. П.2: «Оператор газораспределительной системы должен быть юридически и организационно независимым от других видов деятельности на рынке природного газа, не связанных с распределением естественного газа.» Закон Украины «О рынке природного газа» [Электронный ресурс]. URL: https://yurist-online.org/laws/zakon/zu_o_rynke_gaza.pdf (дата обращения 15.07.2017).

²² Ukrainian Cabinet of Ministers approves Naftogaz unbundling plan // Energy-community.org, 01.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/AREAS_OF_WORK/Implementation/Ukraine/Gas (дата обращения 16.07.2017).

²³ Закон Украины «О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа» № 3074 от 11.09.2015 // Верховная рада Украины [Электронный ресурс]. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56442 (дата обращения 17.07.2017).

²⁴ Ukraine's Gas Sector Reform: A Future Win-Win for Ukraine and Europe. Dixi Group Analytics on Duty, p. 5 // dixigroup.org. 10.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://dixigroup.org/storage/files/2016-05_10/polbrief_dixi_gas_market_reform.pdf (дата обращения 17.07.2017).

газа с 200 млн тонн в 2014 г. до 250 млн тонн в 2016 г. В течение того же периода, однако, наблюдается острый спад цены на газ²⁵. Начальник Управления долгосрочных программ развития ПАО «Газпром» Кирилл Полоус на конференции «Мировой энергетический рынок. Новые векторы и перспективы развития» в октябре 2016 г. высказал мнение, что доля импортируемого газа в ЕС будет расти, причём в 2020 г. достигнет 70 млрд куб. м., и в 2030 г. больше чем удвоится и достигнет 150 млрд куб. м. Более того, по словам начальника Управления структурирования контрактов и ценообразования ООО «Газпром экспорт» Сергея Комлева, «Газпром» останется лидирующим поставщиком природного газа в ЕС из-за снижения добычи в Норвегии в 20-х гг., неконкурентоспособности СПГ из Северной Америки и увеличению потребности ЕС в импорте природного газа в 2025 г.²⁶

Более того, обеспечение транзита газа через территорию стран Вишеградской группы или стран-членов ЕС из Юго-Восточной Европы или поиски новых путей поставок занимают первые места в политической повестке дня стран ЕС.

Диверсификация поставщиков, маршрутов и источников поставок, создание надёжной инфраструктуры и обеспечение физической безопасности цепочки энергоснабжения представляют собой важнейшие инструменты обеспечения энергетической безопасности Европейского союза [2, с. 115]. Вместе с тем нельзя не согласиться с тезисом Ю.К. Шафраника, что Россия и Европейский союз «традиционно выступали и выступают взаимозависимыми партнёрами в области экономики и энергетики» [7, с. 11].

Проблема реверсных поставок газа на Украину затрагивает вопросы транзита российского газа через её территорию и связанный с этим поиск Россией новых путей поставок газа в Европу, таких как «Северный поток – 2», «Голубой поток – 2», «Южный поток» или «Турецкий поток», а также воплощение в жизнь новой рамочной стратегии ЕС в сфере энергетики «Европейский энергетический союз».

Напомним, что несмотря на потребность в модернизации, украинская ГТС – вторая по величине на старом континенте. Её протяжённость составляет 250 тыс. км (из них 40 тыс. км магистральных газопроводов), она включает 13 подземных хранилищ и несколько газоизмерительных и компрессорных станций [3, с. 159].

Для полной ясности стоит дать объяснение термину «интерконнектор». Изначально так назывался газопровод между Великобританией (Бактон) и континентальной Европой (Зебрюгге в Бельгии). В настоящее время, особенно после

²⁵ Extra-EU imports of natural gas (liquefied and gaseous state), 2010-2016 // Eurostat, 10.04.2017. [Электронный ресурс]. URL: [http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Extra-EU_imports_of_natural_gas_\(liquefied_and_gaseous_state\),_2010-2016.png](http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Extra-EU_imports_of_natural_gas_(liquefied_and_gaseous_state),_2010-2016.png) (дата обращения 13.07.2017).

²⁶ Доля импортного газа в Европе будет расти // Exproforum, 04.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exproforum.ru/presscentre/eventsnews/2016/10/1793> (дата обращения 13.07.2017).

принятия рамочной стратегии ЕС «Европейский энергетический союз»²⁷, интерконнекторами называют любые газопроводы, соединяющие два крупных газопровода или две ГТС. Интерконнекторы объединяют сети разных государств и повышают энергетическую безопасность путём диверсификации источников поставок газа. Обращает на себя внимание замечание российского эксперта В.П. Мотяшова о том, что строительство интерконнекторов между странами ЕС дополнительно обесценивает транзит через территорию Украины [6, с. 152].

Важную роль в осуществлении реверсных поставок играют операторы газотранспортных систем (далее оператор, ОГС). Украинский оператор «Укртрансгаз», работающий по правилам Третьего энергопакета, на 16 июля 2017 г. имел соглашения о подключении ГТС для реверсной транспортировки (*an interconnection agreement*) с операторами Földgázszállító Zrt (FGSZ) (Венгрия), SNTGN Transgaz SA (Румыния) и Bulgartransgaz (Болгария). Более того, «Нафтогаз», «Укртрансгаз», «Снам» (итальянский ОГС) и Eustream (словацкий ОГС) подписали 10 апреля 2017 г. в Риме Меморандум о взаимопонимании, нацеленный на возможности сотрудничества в газотранспортной сети Украины; 30 июня 2017 г. «Укртрансгаз» и SNTGN Transgaz SA объявили общественные консультации по соглашению о подключении ГТС для реверсной транспортировки в точке соединения Medieșu Aurit / Tekovo²⁸.

В связи с подписанием 5 июня 2015 г. соглашения «Укртрансгаза» с венгерским оператором FGSZ Европейская комиссия заявила, что соглашения такого рода позволяют Украине как участнику Энергетического сообщества включить-ся во внутренний энергетический рынок ЕС, диверсифицировать источники импорта энергоносителей и, таким образом, повысить свою энергетическую безопасность.

Другой важный для реверсных поставок газа на Украину договор был подписан 19 июля 2016 г. между «Укртрансгазом» и румынским оператором SNTGN Transgaz SA²⁹. Соглашение вступило в силу 1 октября 2016 г. и (после подписания схожего соглашения между операторами Болгарии Bulgartransgaz и Греции DEPA SA в июне 2016 г. и вступившего в силу 1 июля 2016 г.) призвано способствовать открытию так называемой Трансбалканской газопроводной системы, которая должна соединить ГТС Греции и Украины и, тем самым, диверсифици-

²⁷ Новая рамочная стратегия Европейского союза «Европейский энергетический союз» (European Energy Union, ниже ЕЭС), представленная Европейской комиссией 25 февраля 2015 г., устанавливает пять задач, решение которых позволит проводить общую европейскую энергетическую политику. Первая цель заключается в создании единой европейской энергетической инфраструктуры путём соединения национальных сетей, предполагает соблюдение единого законодательства и усиление конкуренции, что должно снизить энергозатраты потребителей, стимулируя экономический рост. См.: A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy, 25.02.2015. COM(2015) 80 final. EUR-lex.europa.eu [Электронный ресурс]. URL: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe101aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF (дата обращения 17.07.2017).

²⁸ Официальный сайт «Укртрансгаз» [Электронный ресурс]. URL: <http://utg.ua/en/> (дата обращения 16.07.2017).

²⁹ Bulgaria-Romania and Romania-Ukraine sign gas agreements // Ec.europa.eu, 19.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/news/bulgaria-romania-and-romania-ukraine-sign-gas-agreements> (дата обращения 17.07.2017).

ровать источники импорта и повысить энергетическую безопасность Украины. Однако ранее, 24 февраля 2016 г. DEPA SA, ПАО «Газпром» и Edison SpA (Италия) подписали так называемый *Меморандум о взаимопонимании в отношении поставок природного газа из России по дну Чёрного моря через третьи страны в Грецию и из Греции в Италию*. Его цель – организация поставок газа из России в Европу по южному маршруту. Во время встречи Алексея Миллера и генерального секретаря по международным делам и экономике Министерства иностранных дел Греции Георгиоса Ципраса в рамках Экономического форума в Санкт-Петербурге партнёры отметили, что в мае 2017 г. Греция импортировала российского газа на 49% больше, чем в мае 2016 г., они также обсудили вопросы дальнейших поставок российского газа на территорию Греции.³⁰

Уже в начале 2016 г. Украина собиралась подписать аналогичные соглашения со Словакией и Польшей, причём правительство Украины было нацелено выполнить своё намерение до 1 октября 2016 г.³¹. Здесь следует отметить, что точка соединения Будинце газового интерконнектора между Украиной и Словакией начала работу в двунаправленном режиме 1 апреля 2016 г.³², а 12 июля 2017 г. «Укртрансгаз» и GAZ-SYSTEM S.A. (польский ОГС) увеличили пропускную способность в направлении Польша – Украина³³.

Словакия³⁴ не поставляет Украине газ на виртуальной основе в связи с соглашениями с «Газпромом»³⁵, а осуществляет так называемый «малый реверс» между городами Вояны и Ужгород. Речь идёт о физических поставках газа в ежегодном объёме 14,5 млрд кубометров³⁶.

Итак, подводя итоги, важно отметить следующее: во-первых, реверсные поставки газа на Украину представляют собой временную и далёкую от совершенства схему, кардинально не решающую проблему разногласий между ЕС, Украиной и Россией в сфере энергетики, а именно транзита газа.

А) Физические реверсные потоки газа на Украину с территории государств-членов ЕС проблем не вызывают (Словакия осуществляет малый реверс).

³⁰ Алексей Миллер и Георгис Ципрас отметили положительную динамику поставок российского газа в Грецию // ПАО «Газпром», 01.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2017/june/article334886/> (дата обращения 14.07.2017).

³¹ Украина и Румыния собрались соединить газотранспортные сети // *interfax.ru*, 20.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/519526> (дата обращения 17.07.2017).

³² Украина и Словакия запустили газовый интерконнектор // *ЗИК Новости*, 05.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://zik.ua/ru/news/2016/04/05/ukrayna_y_slovakiya_zapustily_gazoviy_ynterkonnektor_687557 (дата обращения 16.07.2017).

³³ Naftogaz, Ukrtransgaz, Snam and Eustream sign a Memorandum of Understanding aimed at cooperation opportunities in Ukraine's gas transmission network // Официальный сайт «Укртрансгаз», 10.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://utg.ua/en/utg/media/news/2017/04/naftogaz-ukrtransgaz-snam-eustream-memorandum.html> (дата обращения 16.07.2017).

³⁴ Словацкий оператор ГТС Eustream a.s.

³⁵ Соединение ГТС двух стран должно быть согласовано операторами газотранспортных систем стран-участников контракта, если оператор не имеет соглашений с поставщиком ресурса, которое не предусматривает / запрещает такого рода соединение.

³⁶ Видеозапись пресс-конференции премьер-министра Словакии Р. Фицо // *vlada.gov.sk*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vlada.gov.sk/vdaka-reverznemu-toku-plynu-zo-slovenska-prezila-ukrajina-uplynulu-zimu/> (дата обращения: 17.07.2017).

Б) Есть две точки зрения на реверс природного газа. 1) Россия не выступает против поставок голубого сырья на физической основе в случае, если оно пересекло западную границу Украины и, таким образом, уже не находится в собственности РФ. С. Пирани и К. Яфимава пришли к выводу, что если бы российский газ продавался на восточной границе Украины (при переносе пункта приёма-передачи газа с западной границы на восточную), Россия не только получала бы выгоду от продажи газа разным покупателям, но и лучше справлялась бы с транзитными рисками. Однако на основе проведённого исследования можно сказать, что перенос точки поддерживает лишь Украина, причём Россия против, а и ЕС по этому предложению пока не озвучил свою точку зрения.

2) Объединённая точка зрения ЕС и Украины заключается в том, что виртуальный реверс возможен по нормам Третьего энергетического пакета (ст. 14 и 16 Регламента № 715/2009), соответствует Законам Украины «О рынке природного газа» и «О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа №. 3074», а также соглашениям о подключении ГТС в порядке укрепления регионального сотрудничества / солидарности друг с другом стран Энергетического сообщества, и положениям новой рамочной стратегии «Европейское энергетическое сообщество». Решение проблемы на сегодняшний день отсутствует, так как Россия считает виртуальный реверс транзитного российского газа незаконным на основе запрета виртуального реверса в контракте между НАК «Нафтогаз» и ПАО «Газпром», срок которого истекает в 2019 г.

Во-вторых, преждевременно делать выводы о будущем статуса Украины как транзитной страны. Это связано с множеством факторов, в том числе износом ГТС, конфликтом на юго-востоке Украины, намерением Украины диверсифицировать источники импорта энергоресурсов и обрести энергетическую независимость от России³⁷.

Все вышеперечисленные обстоятельства могут значительно уменьшить поток российского газа на Украину, и, в крайнем случае, лишить её статуса важного транзитёра российского голубого топлива в европейские страны.

Россия как нетто-экспортёр газа должна обеспечивать свою энергетическую безопасность за счёт 1) диверсификации направлений экспорта энергоносителей, 2) гарантии незыблемости суверенных прав на национальные ресурсы (про-

³⁷ По данным правительства Украины, в 2015 г. доля импортируемого из России газа упала с 92% (2013 г.) до 37% (2015 г.), причём объём импорта газа из Евросоюза в течение того же периода вырос с 8% до 64%. Ukraine's Gas Sector Reform: A Future Win-Win for Ukraine and Europe. Dixi Group Analytics on Duty [Электронный ресурс]. URL: http://dixigroup.org/storage/files/2016-05-10/polbrief_dixi_gas_market_reform.pdf (дата обращения 14.07.2017).

2 июня 2017 г. властями Украины был представлен проект новой энергетической стратегии до 2035 г. Помимо положений о переносе пункта приёма-передачи российского газа предназначенного для транзита на восточную границу Украины, маловероятном сохранении транзита российского газа, через территорию Украины после 2019 г., Украина заявляет о намерении полностью прекратить зависимость от поставок природного газа из России. Текст проекта новой энергетической стратегии Украины до 2035 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mpe.kmu.gov.ua/minugol/doccatalog/document?id=245213112> (дата обращения 14.07.2017).

блема собственности газа в связи с виртуальными потоками газа на Украину), 3) совершенствования знаний о новейших тенденциях в мировой энергетике, 4) обеспечения физической безопасности цепочки энергоснабжения, и прежде всего, путём 5) создания развитой энергетической инфраструктуры. Применительно к европейскому направлению экспорта речь идёт о проектах «Северный поток – 2», «Голубой поток – 2», возобновлённый 7 сентября 2016 г. проект «Турецкий поток»³⁸ [2, с. 115].

На сегодняшний день рано говорить о том, сбудется ли описанный сценарий. Если все вышеперечисленные проекты будут реализованы, можно предполагать, что Украина утратит статус важного транзитёра российского газа в Европу и шансы на реконструкцию своей ГТС. Данный сценарий негативно отразился бы на положении ряда стран Восточной Европы, прежде всего Словакии, для которой транзит энергоресурсов очень важен³⁹. Одновременно у Турции возникает шанс превратиться в крупнейшего транзитёра российских энергоресурсов в ЕС, а Болгария могла бы обрести статус газового хаба стран Восточной Европы.

В завершение хотелось бы напомнить, что 17 мая 2013 г. на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи была принята без голосования Резолюция № A/RES/67/263 «Надёжный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», которая гласит: «Стабильная, эффективная и надёжная транспортировка энергоносителей в качестве ключевого фактора устойчивого развития отвечает интересам всего международного сообщества, а приветствуются усилия, принимаемые на национальном, двустороннем, субрегиональном, региональном и международном уровнях в строительстве энергетических транспортных систем и содействии торговле энергоресурсами для поощрения устойчивого развития»⁴⁰.

Список литературы

1. Агафонова М.Ю., Азрилиан А.Н., Азрилиан О.М. Большой экономический словарь: 19000 терминов. М.: Институт новой экономики, 1997. 864 с.
2. Боровский В. Энергетическая безопасность как понятие и проблема: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. 128 с.
3. Жизнин С. Энергетическая дипломатия России. М.: Ист Брук, 2005. 638 с.
4. Каленский М.М. Таможенный контроль и

³⁸ 7 мая 2017 г. началось строительство подводной части «Турецкого потока», причём стыковка мелководной и глубоководной части трубопровода была осуществлена 23 июня 2017 г. // Официальный сайт «Газпром экспорт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazpromexport.ru/presscenter/news/2010/> (дата обращения 17.07.2017).

³⁹ Премьер-министр Словакии Р. Фицо информировал, что в случае прокладки газопровода «Северный поток – 2» Словакия будет лишена около 800 млн евро ежегодного дохода от транзита. См.: Словакию беспокоят возможные последствия от реализации Северного потока – 2 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20160826/1475386502.html> (дата обращения 16.07.2017).

⁴⁰ ГА ООН – Резолюции 67-й сессии (2012–2013 гг.) [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/67/263&referer=http://www.un.org/en/ga/67/resolutions.shtml&Lang=R (дата обращения 17.05.2017).

- таможенное оформление / под ред. Каленский М.М., Пашка П.В. Киев: Знания, 2002. 224 с.
5. Косикова Л.С. Экономические отношения России с Украиной и фактор ЕС // Россия и современный мир. 2013. №2. С. 164–177.
 6. Мотяшов В.П. Газ и геополитика: шанс России. М.: ЛЕНАНД, 2014. 352 с.
 7. Шафраник Ю.К. Глобальные энергетические изменения и Россия. Новая карта мирового энергетического пространства // Энергетическая политика. 2016. №3. С. 3–13.
 8. Bahadori A., Nwahoa Ch., Clark W. Dictionary of Oil, Gas, and Petrochemical Processing. Boca Raton: CRC Press, 2014. 478 p.
 9. Bahgat G. Energy Security An Interdisciplinary Approach. West Sussex (UK): John Wiley and Sons Ltd., 2011. 254 p.
 10. Grigas A. The New Geopolitics of Natural Gas. Cambridge MA (USA): Harvard University Press, 2017. 416 p.
 11. Loskot-Strachota A., Zachmann G. Rebalancing The EU-Russia-Ukraine Gas Relationship. Bruegel Policy Contribution, 2014. 13 p.
 12. Lough J. The EU's Tough Gas Game With Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/14874> (дата обращения 17.07.2017).
 13. Mankoff J. Eurasian Energy Security. Council on Foreign Relations Special Report Nr. 43. Washington D.C. (USA): Brookings Institution Press, 2009. 50 p.
 14. Pigliucci M. Russo-Ukrainian Gas War: The Lack of a Common Strategy Jeopardizes European Unity. Advances in Economics and Business 4(3), 2016. Pp. 124–131.
 15. Pirani S., Yafimava K. Russian Gas Transit Across Ukraine Post-2019: pipeline scenarios, gas flow consequences, and regulatory constraints // The Oxford Institute for Energy Studies. 2016. 75 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/02/Russian-Gas-Transit-Across-Ukraine-Post-2019-NG-105.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).
 16. Skalamera M. Energy Security in the Wake of the Ukraine Crisis: Getting the Real Threats Right. Global Policy Essay, 2015. 6 p.
 17. The Petroleum Economist. LNG A glossary of terms. London: The Petroleum Economist Ltd., 2006. 93 p.

Об авторе:

Мургаш Роман – аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: murgas.roman@gmail.com.

REVERSE GAS TO UKRAINE: THE ESSENCE OF THE PROBLEM AND ITS IMPACT ON INTERNATIONAL RELATIONS IN THE ENERGY SECTOR

R. Murgas
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-272-288

MGIMO University, Prospekt Vernadskogo, 76, Moscow, 119454.

The article examines the most important aspects of the problem of the reverse of gas to Ukraine, its significance and consequences for the further development of contemporary international relations in the energy sector between the Russian Federation (gas exporter),

Ukraine (transit country) and the European Union (importer). Considering all the elements that are important for the analyzed problem, the answer to the question “how the reverse gas flow influenced the energy security of Russia, Ukraine and the European Union, and the relationship between them” is given, using the explicative method of content analysis and the analysis of several press conferences. To understand all the nuances of relationships in this triangle, a detailed description of the term “reverse gas flow” is offered, as well as an explanation of the differences between “physical” (or real) and “virtual” reverse, which play a key role in the study of this problem. The essence of the conflict lies in the fact that the parties have different points of view on the legitimacy of the so-called “virtual” backhaul. In contrast to the physical reverse, i.e. to the real gas flow through the pipeline, in case of a virtual or a paper reverse, a one-way gas flow takes place, part of the total volume of which the transit state buys and leaves on its territory. The EU and Ukraine believe that a virtual backhaul between them is possible according to the provisions of the Third Energy Package and its relevant norms, based on the fact that the EU countries and Ukraine are part of the so-called. Energy Community. Another point of view regarding virtual backhaul is Russian, which initially opposed virtual reverse on the grounds that the raw material is the property of the state-owned company OAO Gazprom until it crosses the western border of Ukraine. The article details the legal documents on which the above-mentioned countries rely, as well as the official statements of the parties. Based on the analysis conducted, it is concluded that reverse gas supplies to Ukraine represent a temporary and far from perfect scheme, which does not fundamentally solve the problem of disagreements between the EU, Ukraine and Russia in the energy sector, namely, the gas transit. Nevertheless, the observed increase in the volume of Russian natural gas supplies to the EU in 2016 and early 2017 and the forecast for a further demand increase for gas from Russia in the EU in the future indicates that the provision of gas transit through the territory of the Visegrad Group countries, Members of the EU from Southeastern Europe and the search for new ways of supply, as well as the preservation of some of the current ones, occupy the leading positions on the political agenda of the EU countries, Russia and Ukraine, as they relate to their energy security.

Key words: physical backhaul, non-physical backhaul, Third Energy Package, gas transit, transmission system operator.

References

1. Agafonova M.Iu., Azriliian A.N., Azriliian O.M. *Bol'shoi ekonomicheskii slovar': 19000 terminov* [Great Dictionary of Economics: 19000 terms]. Moscow, Institut novoi ekonomiki Publ., 1997. 864 p. (In Russian)
2. Borovskii V. *Energeticheskaja bezopasnost' kak poniatie i problema* [Energy security as a concept and the problem: tutorial]. Moscow, MGIMO University Publ., 2016. 128 p. (In Russian)
3. Zhiznin S. *Energeticheskaja diplomatiia Rossii* [Russian Energy Diplomacy]. Moscow, Ist Bruk Publ., 2005. 638 p. (In Russian)
4. Kalens'kii M.M. *Tamozhennyi kontrol' i tamozhennoe oformlenie* [The customs control and customs clearance]. Ed. by Kalens'kii M.M., Pashka P.V. Kiev, Znaniia Publ., 2002. 224 p. (In Russian)
5. Kosikova L.S. *Ekonomicheskie otnosheniia Rossii s Ukrainoi i faktor ES* [Economic relations between Russia and Ukraine and the EU Factor]. *Rossija i sovremennij mir – Russia and the Modern World*, no. 13, 2013, pp. 164–177. (In Russian)
6. Motiashov V.P. *Gaz i geopolitika: shans Rossii* [Gas and Geopolitics: Russia's chance]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 352 p. (In Russian)
7. Shafranik J.K. *Global'nye energeticheskie izmeneniia i Rossiia. Novaia karta mirovogo energeticheskogo prostranstva* [Global energy changes and Russia. A

- new map of the world energy space]. *Energeticheskaya politika*, 2016, no. 3, 2016, pp. 3-13. (In Russian)
8. Bahadori A., Nwahia Ch., Clark W. *Dictionary of Oil, Gas, and Petrochemical Processing*. Boca Raton, CRC Press Publ., 2014. 478 p.
 9. Bahgat G. *Energy Security An Interdisciplinary Approach*. West Sussex, UK, John Wiley and Sons, Ltd. Publ., 2011. 254 p.
 10. Grigas A. *The New Geopolitics of Natural Gas*. Cambridge MA, USA, Harvard University Press Publ., 2017. 416 p.
 11. Loskot-Strachota A., Zachmann G. *Rebalancing The EU-Russia-Ukraine Gas Relationship*. Bruegel Policy Contribution Publ., 2014. 13 p.
 12. Lough J. The EU's Tough Gas Game With Russia. *Chatham House*, 12.06.2014. Available at: <https://www.chatham-house.org/expert/comment/14874> (accessed 17.07.2017).
 13. Mankoff J. Eurasian Energy Security. *Council on Foreign Relations Special Report*, no. 43. Washington D.C., USA, Brookings Institution Press Publ., 2009. 50 p.
 14. Pigliucci M. Russo-Ukrainian Gas War: The Lack of a Common Strategy Jeopardizes European Unity. *Advances in Economics and Business*, 2016, no.4(3), pp. 124-131.
 15. Pirani S., Yafimava K. Russian Gas Transit Across Ukraine Post-2019: pipeline scenarios, gas flow consequences, and regulatory constraints. *The Oxford Institute for Energy Studies*, 2016. 75 p. Available at: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/02/Russian-Gas-Transit-Across-Ukraine-Post-2019-NG-105.pdf> (accessed: 17.07.2017).
 16. Skalamera M. *Energy Security in the Wake of the Ukraine Crisis: Getting the Real Threats Right*. Global Policy Essay, 2015. 6 p.
 17. *The Petroleum Economist*. LNG A glossary of terms. London, The Petroleum Economist Ltd., 2006. 93 p.

About the author:

Murgas Roman – Postgraduate Researcher, Department of Applied Analysis of International Issues of MGIMO-University. Russia, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454.
E-mail: murgas.roman@gmail.com.

«ПРИВАТИЗАЦИЯ» ПОЛИТИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Т.Дж. Бирстекер

Женевский институт международных отношений

Томас Бирстекер получил степень бакалавра в Университете штата Чикаго и степень магистра в Массачусетском технологическом институте, защитил PhD в МТИ. Затем профессор Бирстекер работал в Йельском университете (1976-1985), Университете штата Южная Каролина (1985-1992) и Университете Браун (1992-2006). Он принадлежит к конструктивистской парадигме в теории международных отношений, а сфера его научных интересов охватывает вопросы глобального управления, международных организаций и транснациональных политических сетей, восприятия суверенитета и режима персональных санкций. Профессор Бирстекер любезно согласился дать интервью «Вестнику МГИМО-Университета» в ходе семинара, проведённого в рамках исследовательского проекта «Российские, швейцарские и канадские исследования и образование в области международных отношений: сравнительный анализ» (грант РФФИ № 16-23-41004). В семинаре также приняли участие М.М. Лебедева, Ю.А. Никитина, А.И. Никитин, И.А. Истомин.

Ключевые слова: управление, сети, авторитет, глобальная гражданственность, международное сообщество.

УДК 327

Поступила в редакцию 30.12.2016 г.

Принята к публикации 01.08.2017 г.

- Мой первый вопрос носит общий характер: как вы думаете, какие теоретические вопросы в современных международных отношениях для вас являются самыми интересными и многообещающими?

Позвольте мне начать с вопросов управления. Я с коллегами написал в своё время книгу «Возникновение частного авторитета в глобальном управлении». Она стала реакцией на рост количества литературы о негосударственных акторах, играющих авторитетные (политические) роли в международной политической экономике. Мне было интересно, что будет, если распространить идеи международной политической экономики на другие аспекты современного управления (governance). Это был такой мыслительный эксперимент. Исследовательский вопрос сводился к следующему: существует ли частный авторитет за пределами международной политико-экономической сферы?

Начали с типологии различных форм авторитета – авторитет рынка, моральный авторитет и преступный авторитет (illicit authority). Типология основывается на работах таких пионеров этой области, как Клэр Катлер, Вирджиния Хофлер и Тони Портер [7]. Затем попытались посмотреть, участвуют ли негосударственные акторы в формировании управления и управляющих институтов на глобальном уровне в этих других сферах, за пределами международной политической экономики. Начали с изучения морального авторитета и авторитета экспертного знания. Позднее мы продолжили анализировать проблематику, интересную мне непосредственно – вопрос авторитета негосударственных акторов или даже авторитета, которым в некоторых сферах управления обладаем мы, учёные.

Обсуждая феномен преступного авторитета, в каком-то смысле мы находились на шаг впереди других исследователей, поскольку тогда вопрос наличия у негосударственных акторов власти или авторитета особенно в сфере безопасности считался нонсенсом. Мы описывали феномен наёмников (теперь их называют частными военными компаниями), это явление тогда только зарождалось. ЧВК являются сейчас очень важными внутренним и региональным игроками в сфере безопасности. Также хочу упомянуть Фила Уильямса, изучающего в сравнительном ключе транснациональные преступные организации на протяжении многих лет [8]. Сначала он не соглашался с тем, что эти организации обладают авторитетом, но наша книга его убедила, и он стал изучать виды локального авторитета, конституирующие преступные элементы на национальном уровне. Криминальные структуры могут и не сотрудничать на международном уровне, но у этих организаций есть возможность распределять властные ресурсы там, где действуют. Это обстоятельство и делает их авторитетными игроками.

Цель нашей книги состояла в первую очередь в том, чтобы попытаться расширить рамки международной политической экономики, показать, что различные формы авторитета существуют в других предметных областях, важных с точки зрения изучения мировой политики.

Эту книгу часто цитируют, но мало кто дочитывает её до последней главы, в которой содержится очень важная, с мой точки зрения, мысль. Мы отмечаем там, что расширение частного авторитета в глобальном управлении – это то, что мы наблюдали при написании книги (конец 1990-х – начало 2000-х гг.). Однако этот процесс вовсе не однонаправленный, он может развернуться вспять. И в последней главе мы постарались описать условия, при которых такой разворот может произойти. Я бы хотел, чтобы на эту мысль обращали большее внимание. Нас часто цитируют, утверждая, что возникновение частного авторитета – это линейное движение. Но на самом деле мы пишем, что это не так, это обратимое явление.

Теперь я хотел бы перейти к разговору о моих недавних публикациях. У меня есть несколько работ, в которых я пытаюсь определить «управление», потому что о нём говорят часто, но точного определения пока нет. Понятие «управление» допускает много интерпретаций, оно довольно аморфно и многозначно. Я пытаюсь разработать определение *управления как формы интерсубъективного понимания порядка, основанного на целенаправленном упорядочении правил (формальных и неформальных), который существует в различных предметных областях и признаётся легитимным*. Это всё ещё очень широкое определение, но я, по крайней мере, постарался его сформулировать.

В английском языке слово «*governance*» совпадает с аналогичным термином во французском – «*gouvernance*». Оно множественного числа и означает «*структуры управления*». Необходимо признать, что сегодня никакого единого глобального управления не существует. В разных предметных областях существуют разные *структуры управления*. Конечно, нельзя говорить, что вообще нет *управления*. Мы имеем множество *систем управления*, которые сосуществуют, взаимопроникают друг в друга, а иногда и противоречат друг другу. Думая об *управлении*, я также понимаю, что оно не обязательно должно быть глобальным. Кроме того, с нормативной точки зрения *управление* амбивалентно, оно может быть очень плохим, всё зависит от моральных координат.

Теперь постараюсь ответить на ваш вопрос об исследовательских интересах. Мне кажется, что сегодня недооценивается не сам факт наличия глобального управления, а вопрос о том, какое управление является желательным на глобальном уровне с нормативной точки зрения. Я пытался и до сих пор пытаюсь сформулировать критерии оценки норм и качества управления. Этим же я занимаюсь со своими студентами на факультетах международных отношений в двух лучших университетах Женевы. Я задавал вопрос: «Какие критерии вы считаете важными для надлежащего управления на глобальном уровне»? Студенты были со всего мира – не только европейцы и североамериканцы. Называли разные критерии: инклюзивность, представительность, эффективность, ответственность, адаптивность, продуктивность, справедливость. Мне хотелось бы организовать действительно глобальное обсуждение этих вопросов, чтобы люди выходили за рамки их национального мышления, чтобы возникало осо-

знание того, что мы сталкиваемся с общими проблемами на глобальном уровне. Я пытаюсь привнести политическую теорию в обсуждение проблем управления, поскольку полагаю, что у нас существует значительный разрыв между теорией и практикой управления. В Женевском институте международных отношений я создал программу по управлению, где делаю акцент на политической теории, на изучении нормативных аспектов современного феномена *управления*.

Если говорить более подробно об аспектах *управления*, то я все больше интересуюсь его неофициальными сторонами. Мы слишком часто сосредотачиваемся на формальных институтах, но всегда есть неофициальные структуры. Часто они представляют собой сетевые взаимодействия. Это не правила, это не процедуры, это не рутинные практики, это – *сети*. Вы пьёте чай с кем-то, играете в теннис и, таким образом, создаёте неформальные сетевые структуры, которые позволяют вам решать проблемы, которые было бы невозможно решить в официальном режиме.

У меня есть авторский курс под названием «Транснациональная политика и сети в глобальном управлении». В нём я рассказываю студентам, что в мире существуют транснациональные политические сети, дифференцируемые зачастую только по предметной области и по используемой исследователем терминологии. Для их описания я даже ввёл в научный оборот новое понятие TPN (transnational policy networks) – транснациональные политические сети [3]. Расскажу личную историю. Как-то меня пригласили выступить на конференции, посвящённой неформальным формам управления, и организатор попросил меня рассказать в докладе, как так получилось, что я стал заниматься санкциями ООН. А я, действительно, очень много опубликовал к тому времени статей на эту тему. Организатору не нужна была теория с типологией и подтверждающими их эмпирическими исследованиями, от меня требовалось только личное повествование. Во время работы над докладом я понял, что, изучая санкции ООН как исследователь на различных площадках, я оказывался участником различных форм глобального управления, о которых так много говорится в теоретических работах. Я обнаружил себя и в трансправительственных сетях, и в международных сетях адвокатирувания, и в транснациональных политических сетях. Всё это новые формы управления, о которых мы раньше не думали, как об управлении.

Думаю, что-то особенное возникает сейчас в сфере управления безопасностью. Мы можем наблюдать, как сетевая модель работает в частных военных компаниях. С какого-то момента я вижу, как возрастает роль академических кругов. Эти тенденции проявляют себя и в вопросах управления интернетом. Если суммировать, можно сказать, что я интересуюсь поиском истоков управления в новых предметных областях.

- Я бы хотел задать вам вопрос, связанный с названием вашей книги «Возникновение частного авторитета». В российском научно-политическом

дискурсе слово «авторитет» используется довольно редко, оно часто заменяется смежными понятиями, такими как «власть», «влияние», «сила». Мне интересно, почему вы использовали в своей книге именно понятие «авторитет» (authority), а не «власть» (power)?

У нас действительно есть понятие «авторитет» (в тексте книги), и мы действительно отличаем его от термина «власть». В контексте нашей темы – глобальное управление, надо отметить, что в международной системе существует власть, но она имеет разные виды или формы. Мне достаточно адекватной кажется типология Роба Дюваля и Майкла Барнетта, которую они разработали и отразили в своей статье и книге о различных типах и формах власти [6]. К этому я вернусь попозже. Название нашей книги отражает общую идею о том, что механизмы глобального управления не подразумевают формальных институтов или традиционных концепций применения власти и силы. Вот почему, оглядываясь на основополагающую работу Джеймса Розенау, написанную в начале 1990-х о *правлении без правительства* (governance without governments) [4], мы хотели «открыть» понятие *управление* для новых интерпретаций. Идея состояла в том, чтобы объяснить, как те или иные паттерны осознанного поведения создают порядок в различных предметных областях и признаются легитимными. Для этих целей понятие «авторитет» подходило лучше, чем «власть». Позвольте обратить внимание на один аспект авторитета, о котором я написал параграф в книге («*Авторитет и социальные отношения*»). Всегда есть люди, которые авторитетно о чём-то заявляют, однако авторитет не может существовать без общественного признания. Авторитет возникает только в рамках общественных отношений и основан на общественном признании и согласии. Авторитет рождается в общественных отношениях между тем, кто претендует на авторитет, и тем, кто его признаёт.

- Видите ли вы формирование глобального управления в области высшего образования и науки?

Через год на этот вопрос у меня будет гораздо лучший ответ, потому что при поддержке швейцарского Министерства иностранных дел и швейцарской Миссии в ООН в Женеве меня попросили организовать глобальный саммит мозговых центров и исследователей, которые занимаются образованием. В фокусе внимания будут особенности возникающих глобальных моделей управления в сфере высшего и специального образования.

Мы собирали вместе группу учёных, занимающихся вопросами образования. Среди них Сьюзан Робертсон из Бристольского университета, Эван Цалкос из Копенгагенской школы бизнеса и другие. Провели ряд круглых столов по глобальным трендам в сфере образования. Так как я не специалист по вопросам образования, для меня многое было новым и интересным. В этих обсуждениях

ях для меня стало очевидно, что высшее образование превратилось в глобальный рынок. Если мы посмотрим на международные рейтинги университетов, международные стандарты качества, наличие глобального рынка высшего образования станет очевидным. Кто всё это создаёт, и для каких целей? Как на это влияют рыночные факторы? Мы постоянно соревнуемся, например, наш университет в Женеве соревнуется с другими европейскими вузами за привлечение студентов, потому что мы позиционируем себя не только на швейцарском образовательном рынке, но и на региональном и глобальном рынке, где борьба разворачивается за лучшие кадры, студентов и исследовательские гранты. Эти тенденции оказывают давление на все вузы.

В рамках наших круглых столов приглашённые специалисты отмечали возрастающую значимость новых моделей партнёрства между разными институтами, между государственными и частными образовательными структурами. Они приводили примеры международных регуляторных стандартов, использовали для описания того, что происходит в высшем образовании, термины, которые я привык использовать в своих теоретических исследованиях по вопросам глобального управления. Много было сказано о влиянии рынка и о тенденциях приватизации в сфере образования. Некоторые цифры меня поразили, например, 60% начального школьного образования в Гане предоставляется частной компанией «Пиерсон» (*Pearson*). Она заключает контракты с правительством и предоставляет образовательные услуги. Это пример того, как классическое понимание роли государства в образовательной сфере претерпевает изменения.

Могу привести пример беседы, которая состоялась у меня с моим бывшим студентом в Кейптауне. Он сейчас разрабатывает программу по международным отношениям для одного Бразильского университета, ориентируясь на международные стандарты и нормы. Это своего рода бенчмаркинг. Важным аспектом управления является создание кода, который определяет – кодирует – поведение акторов. Для реализации этого кода не нужен управляющий агент, вместо этого возникает самоуправление. Бенчмаркинг является примером организации такого самоуправления. Когда вы стремитесь к некоторому установленному показателю, это и есть кодированное самоуправление. Такие нормы и критерии на глобальном уровне начинают обеспечивать глобальное самоуправление. Давайте вспомним английские корни понятия «управление». В большинстве работ указывается на наличие управленца, агента, который управляет или направляет (*to steer*). Именно такое понимание преобладает сегодня в литературе по управлению. Однако если обратиться к Оксфордскому английскому словарю, мы находим два значения слова «управление»: одно из них – «управляющий механизм», а второе – «саморегулирующийся механизм». Как термометр на двигателе, который бережёт его от перегрева, рыночные механизмы выполняют аналогичную функцию для экономики. Поэтому правительства, к примеру, передают часть своих функций рынку, чтобы потом можно было сказать: «Мы ничего не можем сделать, это – глобальный рынок». Я думаю, что у управления

есть как значение *управляющего начала*, так и характеристики самоподдерживающегося состояния.

- Ваш ответ на вопрос о высшем образовании и глобальном управлении навёл меня на размышление о глобальном гражданском обществе. Приводит ли глобальное управление к созданию глобального гражданского общества через институты высшего образования? Я вспомнил в связи с этим изданную Брукингским институтом книгу Хакана Алтыная под названием «Всемирная гражданственность: ответственность и права во взаимозависимом мире» [1]. По утверждению автора, только в университетах и колледжах можно научить людей быть глобальными гражданами и развивать глобальную гражданственность? Является ли создание глобального гражданского общества предварительным условием для формирования глобального управления или же наоборот, глобальное управление формирует глобальное гражданское общество или глобальное «политическое общество», выражаясь языком Грамши? И какую роль играют институты высшего образования в формировании глобального гражданского общества?

Хочу высказать пару замечаний о *глобальном гражданском обществе*. Здесь я настроен несколько скептически. Это понятие мы часто слышим в Женеве, скорее даже чаще говорят о *международном сообществе*. Я часто спрашиваю своих коллег: «Кто составляет международное сообщество?». Как правило, подразумевается, что оно является конкретным сегментом глобального сообщества и организации гражданского общества с конкретной ориентацией. Я прошу быть осторожным относительно таких решительных обобщений о глобальном гражданском обществе. Высказываются мнения, что глобальное гражданское общество нужно рассматривать как форму или идеал, находящийся на стадии становления. Я уделяю этому внимание в своей статье [2], в которой пишу о глобальном дискурсивном пространстве, где глобальное гражданское общество было бы возможно. В любой аудитории можно найти представителей множества традиций, перспектив, цивилизаций, культур и т.д. Глобальное гражданское общество – это просто дискурсивное пространство, в котором представители различных культур и традиций могут достичь консенсуса по отдельным вопросам. Мы сейчас находимся далеко от формирования такого пространства, но при надлежащем глобальном управлении это может стать реальностью.

Отвечая на вопрос о том, является ли глобальное гражданское общество предпосылкой для формирования глобального управления, я сказал бы «нет», оно необходимо для поддержания системы управления. Необходим институт легитимации глобального управления. Этим институтом как раз и может стать глобальное гражданское общество, обеспечивая самовоспроизведение глобального управления и его устойчивость.

- Последний вопрос об эпистемических сообществах. Мне кажется, что вы о них упоминали, но не назвали их эпистемическими.

Верно. Об этом я упоминаю в работе о транснациональных политических сетях. Меня часто спрашивают, не является ли *transnational policy networks* просто вариантом концепции эпистемического сообщества. Я обсуждал этот вопрос с П. Хаасом и нашёл три различия между моей концепцией и его, при этом нужно сказать, что концепции эти очень похожи. Главное отличие состоит в том, что эпистемическое сообщество понимается как нейтральное с точки зрения властных интересов, а процесс влияния на лиц, принимающих решения, имеет одностороннюю направленность, снизу вверх. Понятие «транснациональных политических сетей» предполагает гораздо более высокую степень политизации, а также, что самое главное, подразумевает взаимное, не одностороннее, влияние между сетями и правительствами. Мы, как учёные, участвуя в работе таких сетей, тоже учимся.

- Благодарю вас за интересную беседу!

Список литературы

1. Altinay H. Global Civics: Responsibilities and Rights in an Interdependent World. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2011. 145 pp.
2. Biersteker T.J. Création d'un espace discursif mondial: Les défis de l'interdisciplinarité, de l'esprit de clocher et de l'intégration des savoirs pratiques dans l'enseignement des Relations internationales // Etudes Internationales. 2015. Vol. 46, № 4. pp. 381-404.
3. Biersteker T.J. Participating in Transnational Policy Networks: Targeted Sanctions // Narrowing the Gap: Scholars, Policymakers and International Affairs: Finding Common Cause. Ed. by M.E. Bertucci, A.F. Lowenthal. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2014. pp. 137-154.
4. Governance without government: Order and change in world politics. Ed. by J. N. Rosenau, E.O. Czempiel. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 311 p.
5. Mills W.C. The Power Elite. Oxford: Oxford University Press, 1956. 448 pp.
6. Power in global governance. Ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 392 p.
7. Private authority and international affairs / Ed. by A. Claire Cutler, V. Haufler, T. Porter. Albany: State University of New York Press, 1999. 389p.
8. Williams P. Transnational Criminal Organizations and International Security // Survival. 1994. Vol. 36, № 1. pp. 96-113.

Об авторе:

Томас Бирстекер – профессор Института изучения международных отношений и развития (Женева). Maison de la Paix, Chemin Eugène-Rigot 2, 1202 Genève.
E-mail: thomas.biersteker@graduateinstitute.ch.

«PRIVATIZATION» OF GLOBAL GOVERNANCE

T.J. Biersteker

DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-289-297

Graduate Institute of International and Development Studies (IHEID), Switzerland

Thomas Biersteker graduated from Chicago University (BF in Political Science) and MIT (MA in Political Science) and got PhD in Political Science in MIT as well. Later professor Biersteker lectured in Yale University (1976-1985), South Carolina University (1985-1992) and Brown University (1992-2006). He could be described as a constructivist focusing his research on global governance, international organizations and transnational policy networks, construction of sovereignty and regimes of targeted sanctions. Professor Biersteker kindly agreed to give an interview to the "MGIMO Review of International Relations" during a seminar within the research project - Grant of RFBR No. 16-23-41004. The seminar was also attended by M.M. Lebedeva, Yu.A. Nikitin, A.I. Nikitin, I.A. Istomin.

Key words: governance, networks, authority, global civic society, international society.

References

1. Altinay H. *Global Civics: Responsibilities and Rights in an Interdependent World*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2011. 145 pp.
2. Biersteker T.J. Création d'un espace discursif mondial: Les défis de l'interdisciplinarité, de l'esprit de clocher et de l'intégration des savoirs pratiques dans l'enseignement des Relations internationales [Creating a global discursive space: the challenges of inter-disciplinarity, parochialisms, and integration of practical knowledge in the teaching of International Relations]. *Etudes Internationales*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 381-404. (In French)
3. Biersteker T.J. Participating in Transnational Policy Networks: Targeted Sanctions. *Narrowing the Gap: Scholars, Policymakers and International Affairs: Finding Common Cause*. Ed. by M.E. Bertucci, A.F. Lowenthal. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2014. pp. 137-154.
4. *Governance without government: Order and change in world politics*. Ed. by J. N. Rosenau, E.O. Czempiel. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 311 p.
5. Mills W.C. *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press, 1956. 448 pp.
6. *Power in global governance*. Ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 392 p.
7. *Private authority and international affairs*. Ed. by A. Claire Cutler, V. Haufler, T. Porter. Albany : State University of New York Press, 1999. 389p.
8. Williams P. Transnational Criminal Organisations and International Security. *Survival*. 1994, vol. 36, no 1, pp. 96-113.

About the author:

Thomas J. Biersteker – Professor of the Graduate Institute of International and Development Studies, Maison de la Paix, Chemin Eugène-Rigot 2, 1202 Genève, Switzerland.
E-mail: thomas.biersteker@graduateinstitute.ch.